3 руб.
(по подписке — 1 р. 25 к.)

Индекс 70544

Этюд художника В. Хапугина «ХОЛОДНАЯ ЗИМА».

Очерк о художнике «Пейзажи монументалиста» напечатан в «Товарище».

1991 12 * МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ МГ

1991
12
ISSN 0131—2251

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

К 225-летию со дня рождения
Николая Михайловича КАРАМЗИНА

Портрет Н. М. Карамзина работы художника С. Трофимова

МГ 1991 12

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

Москва, Акционерное общество «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

● НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

● ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

● ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

● ИСКУССТВО

● РОССИЙСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

«Молодая гвардия», 1991, № 12, 1—288

НАШ АДРЕС:

125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: для справок — 285-88-58, 285-56-90, отдел прозы — 285-80-15, отдел поэзии — 285-88-40, отдел очерка и публицистики — 285-80-26, отдел критики — 285-80-14, отдел «Товарищ» — 285-89-66.

Валерий ХАТЮШИН

РОССИЯ, ОГЛЯНИСЬ...

УРОК

В своем величье гордом и убогом
угас народ под бременем оков.
Так было суждено России Богом —
распятье на звезде большевиков.

Вы, шедшие штыками брат на брата,
буденовки надвинув до бровей,
вы не страшились, что придет расплата
за подлость вам подброшенных идей?

Да, вам хотелось равенства и братства:
мол, коммунизм рассеет жизни мрак...
А вместо братства — черное богатство:
«кулак», барак, архипелаг ГУЛАГ...

Ну что ж, под красным светом большевизма
не зря в окопах вы кормили вшей,
вы получили вдоволь коммунизма
и равенства — на нарах лагерей.

Но как ни горько, все ж поверить можно —
есть справедливость высшая во всем.
Пусть видит мир, насколько безнадежно
идти российским гибельным путем.

НЕПОЛНЫЙ СПИСОК

Россия, оглянись!
Грибоедов — убит.
Пушкин — убит.
Лермонтов — убит.
Блок — доведен до гибели.
Есенин — убит.
Корнилов — убит.
Клычков — убит.
Приблудный — убит.
Ганин — убит.
Хлебников — доведен до гибели.
Маяковский — убит.
Павел Васильев — убит.
Цветаева — загнана в петлю.
Кедрин — убит.
Рубцов — убит.
Прасолов — загнан в петлю.
Передреев — доведен до гибели.
А кто процветал
последние тридцать лет?
Известная четверка.
Аксиома самоиска...
Список не окончен.

ЖЕСТОКОСТЬ

Живых надежд растоптано без счета,
затравлено без счета душ людских...
У русских есть любимая работа:
уничтожение своих.

Проникло в плоть и кровь нам дело это,
и слаще нам, пожалуй, дела нет.
Особый счет у русского поэта:
покуда не погублен — не поэт.

Оболганы, оплеваны друг другом,
но вот друзей находим во врагах...
В глаза друг другу мы глядим с испугом,
предательство таящие в глазах.

Нет ничего больнее козней брата,
ведь он тебе от Бога — кровный брат.
Забыли мы: за все грядет расплата,
любой наш грех, содеянный когда-то,
как бумеранг, воротится назад.

Да, гениальны мы и терпеливы,
добры к евреям, немцам и другим...
Но как бездарно, подло и трусливо
жестоки и безжалостны к своим!

* * *

Перестройка — это война.
Не разведка и не пристрелка.
Переломанная страна.
Разобщенных людей разделка.

Перестройка — разлом, раскол.
Страх и боль — в материнском слове.
И костей и мозгов перемол,
и река человечьей крови.

Мы попали в густой замес,
ни к кому не придет пощада.
Весел злобный и хитрый бес,
в пропасть гонящий наше стадо.

У шакалов глаза мутны —
их кровавая ждет попойка —
в наше время гражданской войны
под названием «перестройка»...

* * *

Так выходит: когда провожаем
в путь последний друзей и родных,
незаметно и мы умираем
с каждой смертью людей дорогих.

Пусть закрыты их темные вежды,
не забудут они никого.
И уносят частицу надежды,
словно долю тебя самого.

Но однажды в порыве безгласном
над усопшим склонишься, скорбя,
и в лице успокоенно-ясном
ты внезапно увидишь себя...

* * *

Я был угрюмым одиночкой,
в удачу верил без помех,
моя тоска полночной строчкой
слезилась втайне ото всех.

Что из того, что жить без риска
я не умел и не любил?
Что за московскую прописку
пять лет на стройке отрубил.

Себе другой удел я прочил
и каждый день спешил за ним.
Я чуждым был среди рабочих,
среди поэтов был чужим.

О, как хотелось мне дороги!
Большой дороги, столбовой.
А где меня носили ноги?
Не той дорогою, не той.

Куда я шел, пути не зная?
И вдруг забилась боль в груди...
А голова — смотрю — седая.
Полжизни — вижу — позади.

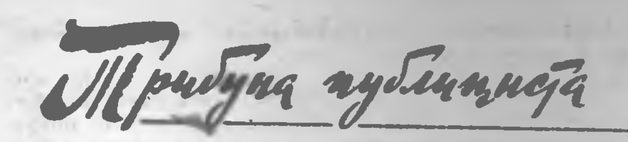
И трезвость подступила к горлу,
в душе мальчишеской затмив
и легкомысленную гордость,
и романтический наив.

Но если я чему учился —
учился собственным умом,
и если я чего добился —
лишь только собственным горбом.

ЗАТОПЛЕНИЕ

Здесь прежде колосилась рожь,
цвели гречиха, лен и клевер
Теперь — и шагу не пройдешь:
залит водою русский Север.
Кругом — куда ни глянь окрест —
грязь по колено и болота.
Сгонять людей с исконных мест —
вполне привычно для кого-то...
А землю и жилье — топить,
чтоб не осталось и помина...
Русь велика, тут есть где жить,
она не то что Палестина...
...Уходим под эстрадный вой
в могилы, что себе отрыли...
На мирной третьей мировой
нас, усыпленных, покорили.
О Русь, надолго ль, навсегда ль?
Кто вновь за нас на битву выйдет?
Душа с тоскою смотрит вдаль
и там земли родной не видит...
Но из искусственных морей
торчат и остовы лесные,
и колоколенки церквей —
живые символы России...

Москва

Юрий МУХИН,
заместитель директора завода ферросплавов

НЕТ — РЕВОЛЮЦИИ МАКАКАВОК, ДА — РЕВОЛЮЦИИ НАРОДА!

В очень многих делах люди могут обойтись без государства — защитить сами себя, но есть дела, которые один человек или разобщвнная группа исполнить не в состоянии. Это те виды защиты, которые предоставляют своим гражданам все государства, обычно в виде конституционных гарантий — защиты от внешнего врага, от уголовника, от бедственного положения при болезни и в старости и т. п., вплоть до защиты от безработицы, которую предоставлял только Советский Союз.

Осуществляют все виды этой защиты тоже сами граждане, но организуют их для этого государственные чиновники, например, в армии ими являются офицеры.

Сами по себе эти чиновники полезны обществу, и труд их почетен. Но специфика их труда вырабатывает особое мировоззрение. Если человек вне государственной сферы зависит от потребителя своего труда — тот своими деньгами им командует, а он ему служит, то чиновником командует начальник (бюро), которому он, чиновник, и служит.

Продуктом труда управленца являются его решения, поэтому чиновники-бюрократы стремятся никогда за них не отвечать, с другой стороны — дать этих решений как можно больше. Это стахановцы, но в своем роде.

Чтобы дать много решений и не ошибиться, чиновники набирают аппарат — людей, которые считаются специалистами по узким областям деятельности и которые готовят для чиновников проекты решений либо контролируют их исполнение. А аппарат, в свою очередь, для снятия с себя ответственности берет себе в консультанты науку.

Стремление показать свою полезность заставляет бюрократический аппарат влезать во все сферы деятельности человека, и многие в этих сферах охотно на это идут и сами становятся бюрократами. Куда выгодиее получать деньги и почести от еппаратв, которому нужны только хорошо подготовленные отчеты, нежелк от капризного истинкого потребителя своего труда. Поэтому, например, так прочно сидит на шее у народа заботливо

подкармливаемая аппаратом наше импотентная наука, бесталанное искусство и прочие, прочие...

А те, кто не может присосаться к госбюджетной титьке, кто дает народу сталь и хлеб и за это получает деньги от потребителя, оказываются между молотом и наковальней — они обязаны исполнить и требования покупателя, и противоречащие им всеобщие рекомендации, установленные и устанавливаемые аппаратом. Кроме этого, они еще и кормят всю эту орду. Рабочему, создающему своим трудом новую стоимость, например, на 10 рублей, платится всего 3, а 7 рублей государство забирает якобы на его защиту, но львиную долю из них пускает на прокорм армии людей, от которых страна имеет только убытки.

Аппарат саморазмножается — чем больше он хочет регламентировать, тем больше бюрократов требуется в министерствах, тем больше институтов для их консультации и тем больше денег у промышленности и сельского хозяйства надо отнять на их содержание.

ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИИ

Первая предпосылка. Саморазмножаясь, аппарат готовил себе кадры. Стремясь отчитаться о своей блестящей работе в области высшего образования, он бездумно создавал институты и университеты, в которых обучал себе смену. Высшее образование, как таковое, стало формальностью, пять лет отсидки в аудитории давали возможность не только уклониться от работы и службы в армии, подобрать мужа с «перспективой», но и получить бумажку, свидетельствующую о праве не работать руками.

Одновременно плодились кандидаты и доктора наук. Это дело тоже на потоке, и в нем ширина полей в диссертации стала более важным вопросом, чем ее содержание. Все знают, как диссертацию делать, все знают, что в конце ее надо написать: «При условии внедрения результатов работы в промышленности будет получен эффект 5 млн. рублей», хотя абсолютно всем ясно, что во всей промышленности не найдется идиота, который бы взялся внедрять предлагаемую будущим кандидатом или доктором галиматью.

По профилю нашего завода, например, готовят кадры несколько институтов, среди них и один московский. Интересно, что за 25-летнюю историю завода на нем никогда не работал не то что москвич, а просто выпускник московского вуза. И это везде по стране, при том что в Москве ежегодно получают «верхнее» образование десятки тысяч человек.

Еще круче дело в республиках. Ведь их вузы дают преимущество своему, «коренному» абитуриенту, а кроме того, такие же преимущества при поступлении «коренным» абитуриентам дают и союзные вузы.

Количество людей, желающих иметь теплое место за счет налогов на рабочих и крестьян, достигло таких величин, что просто обязано было перейти в качество.

Вторая предпосылка. Структура любого государственного аппарата имеет пакостные для аппаратного бюрократа свойства. В нем настоящие привилегии имеет очень мало людей. Например, если в промышленном министерстве 3000 человек, то дачу имеет только министр (да и то не всегда); человек 10 имеют

право на машину, ездят за границу; еще человек 50 получат персональную пенсию. Все остальные получают зачастую мизерную зарплату. И, что главное, окончивший вуз, оставшийся в Москве и поступивший клерком в министерство чиновник никогда не получит этих желанных должностей. Чтобы стать министром или начальником главка, надо выехать на работу в Сибирь, стать директором завода, да еще желательно отсталого, вывести его в передовые задолго до своей пенсии, и только тогда, возможно, на тебя обратят внимание.

Таким образом, у миллионов людей с амбициями и с шишом в кармане перед глазами маячат люди с непомерными, по их мнению, но так желаемыми привилегиями. Ведь недаром все кандидаты в депутаты голову готовы были сложить за нашу культуру, а потом оказалось, что в Совете Национальностей РСФСР, по словам его председателя, в комиссию по культуре записалось 7 человек, а в комиссию по внешнеэкономическим связям — более 200. На культуре не заработаешь, а на поездке за границу — можно!

В стране сложилось положение, когда верхи не желали отказаться от своего права всеобщей регламентации и, соответственно, от аппарата, не желали жить по-новому, а разросшаяся бюрократия, озверев от алчности и неудовлетворенных желаний — не желала жить по-старому. Сложилась классическая революционная ситуация.

Подожгли фитиль руководители страны. Еще никогда у нас не было правительства, которое бы ставило перед народом такую бесполезную и абсолютно непонятную ему цель. В многочисленных кампаниях до этого она присутствовала и могла быть понята всеми. Например, «пятилетка качества» со всеми извращениями тем не менее по полезности и по цели всем ясна. Продовольственная программа тоже. А после прихода к власти нового ЦК даже в 1989 году любознательные ученые все еще пытались путем опроса общественного мнения узнать, что такое «перестройка», да и ныне этот термин толкует каждый по-своему.

Команда «перестроиться», например, привычна для армии, но и там ее никто не выполнит без уточнения «как надо» — в колонну по четыре или в шеренгу по два. А тут всей стране скомандовали перестроиться «вообще». Естественно, что такую команду ни один человек дела исполнить не сможет — в самой команде нет дела.

Но такая команда — это манна небесная для бюрократа. Если раньше служба народу по приказу свыше не давала ему возможности расходовать все силы на карьеристскую борьбу, то теперь он от этой службы освободился и ринулся в бой за жирное место. Ведь если развалить могучую страну на княжества — то это перестройка, и пусть бросит в меня камень тот, кто докажет, что это не так. Если русского назвать не братом, а пьяной свиньей, грабящей бедного литовца, — то чем это не «новое мышление»?

ПАРТИИ, ПАРТИИ, ПАРТИИ...

Любая партия неспособна ничего сделать без народных масс, а для этого она должна поставить перед собой цель, которой эти массы можно прельстить. Трудности бюрократов в этом деле

очевидны: сказать массам, что они собираются (содрав с населения налоги) удобно устроиться на народной шее — нельзя. Не поймут. Поэтому любое бюрократическое движение объявляет себя борцами за счастье народное — «демократами».

Кроме этого, жирных государственных кусков, как их ни рвать с работников экономики, все равно меньше, чем желающих их заглотить. Поэтому внутри революционного бюрократического движения нет единства не только союзного, но и внутри республик и официальных партий. Единственное, что сближает отдельные группы, — это желание уничтожить более сильного конкурента.

Рассматривать революционные партии ни по лозунгам, ни по их официальным целям нельзя — это ничего не даст. Рассматривать их можно только по способу воздействия на народные массы и по этому признаку объединить.

Первое объединение революционеров-бюрократов — фашисты. Это люди, которые для прорыва к государственным кормушкам используют примитивный и этим очень действенный прием. Сторонник фашистов прельщается получением каких-либо новых благ без затрат собственного труда или иначе — по праву самого факта рождения. Действительно, если льготы определить образованным — то требуется труд на образование; если сильным — то труд на тренировках; если работящим — то труд, труд и труд. А если льготы определить только латышам, то от них уже ничего не требуется — ни образования, ни тренировок, ни умения и желания работать.

Но даже не это страшно. Если на глазах толпы азербайджанцев из окна высотного дома выбрасывают армянина, то пусть толпа и не участвовала в этом, но ведь она и не предотвратила! Армянский боевик, вооружаясь на разбой в азербайджанское село, делает это на глазах соплеменников. Они сами в разбое не участвуют, но и не препятствуют! И те, и те — обыватели и зеваки — понимают, что их неучастие преступно, но человек так устроен, что признаться в собственном преступлении ему трудно и в случаях, когда оправдаться по человеческому закону нельзя, он оправдывается по закону звериному — он чернит других, стараясь на черном фоне свою серость представить белым пятном. Соучастие в преступлении толкает обывателя в объятия нацистов, и это еще вопрос — что сплотило немцев вокруг Гитлера больше: его идеи или неосуждение еврейских погромов и геноцида к другим нациям.

Примитивность нацистских способов определяет и состав функционеров этой партии. Это, как правило, люди, не способные выдвинуть конструктивную идею в силу своей профессиональной неподготовленности к этому. Как правило, это люди индустрии развлечений — поэты, писатели, артисты, музыканты и прочие юристы-журналисты. Выдвинуться в своей области хотя бы не союзный уровень у них не хватает талантов, занять первые места у государственного корыта обычным путем не дает профессия. А лавры художника Шикльгрубера не дают покоя.

Второй группе партий революционеров-бюрократов трудно дать название. Их можно назвать макаронниками. Поскольку их лидеры греют руки у государственной казны столько, сколько публика разрешает вешать лапшу себе не уши. Потом они уходят в тень.

Можно назвать их и партией макакавки. То, что никто не знает, что это такое, — неважно. Сами сторонники макакавки тоже не знают, что это такое. Главное — это убедить обывателя в том, что если он будет иметь настоящую макакавку, то станет богатым и счастливым, ничего не делая. Нужно уверить обывателя, что именно этих людей требуется пустить к корыту, так как именно они имеют самую лучшую макакавку в мире.

Чтобы было понятно, о чем речь.

В апреле 1990 года в центральной печати появились перепечатки из газеты «Демократическая Россия» с сообщением, что Демократическая партия России обратилась в Верховный Совет СССР и, угрожая всеобщей забастовкой, потребовала ограбить КПСС, отставить правительство и «принять программу Горбачева — Ельцина по экономическому преобразованию страны». Вот эта «программа Горбачева — Ельцина» — это типичная макакавка.

Дело в том, что при разборе программы, которой предполагалось дать это название, амбиции необюрократии России оказались несовместимы с проблемами, стоящими перед правительством СССР. Роды программы «Горбачева — Ельцина» затянулись, и тогда разработчики ее пошли на аборт. Жертву аборта назвали программой «Шаталина — Явлинского» — тоже типичная макакавка. Парламент России в пику Верховному Совету СССР срочно благословил многосотстраничное дитя, что, впрочем, дитяти не помогло — оно тут же сдохло. Абортмеханики (от греха подальше) исчезли со сцены, не дожидаясь, пока зрители поснимают лапшу с ушей.

Это очень показательный пример — когда парламентарии России скоропостижно принимали программу Шаталина — Явлинского, то они, если не держали ее в руках, то по крайней мере твердо знали, что она где-то есть, а бюрократы из ДПР готовы были призвать к всеобщей забастовке обывателя во имя макакавки, которой и в природе-то не было.

Перестройка тоже может служить примером. Ведь если бы вместо нее шесть лет назад была объявлена макакавка, то ничего бы не изменилось в нашей последующей истории. Точно так же Лигачев создал бы комиссию для анализа причин развала дел в московской парторганизации, а прораб макакавки написал бы письмо Горбачеву с требованием распустить эту комиссию под угрозой публично обвинить его в плохом служении макакавке. И был бы пленум, и была бы конференция, где прораб макакавки доказал бы обывателю, что нет лучшего борца за макакавку, чем он, а Лигачев бы его упрекал: «Борис, ты не прав!»

Такой же макакавкой, но в экономике, являются «рыночные отношения», а до них спасение видели в макакавке «кооперация», а еще раньше — в макакавке «оптовая торговля» и т. д. и т. п.

Успех макакавки объясняется свойством бюрократа не думать и понимать, а верить. Вера дает ему возможность безбедно существовать на любых постах, не неся ответственности за свои действия. Представим, что начальник дает бюрократу приказ, губительный для народа. Здесь существует три варианта. Первый — доказать начальнику губительность либо отказаться от исполнения. Но в этом случае можно лишиться своего места, которое

бюрократ любит больше всего, и поэтому этот вариант ему не подходит.

Можно, понимая, что ты вредишь народу, исполнить приказ. Но тогда ты преступник и тебе нет оправдания даже в собственных глазах.

А можно исполнить приказ, веря, что начальник — непогрешим. Что взять с человека не думающего, а верящего? Он и место сохраняет, и душевное спокойствие, и может уверенно пучить глазки, удивляясь тому, что его обвиняют в нанесении ущерба стране: «Как?! Ведь я верил начальнику!»

С другой стороны. Начальник дает команду подготовить ему решение (приказ, программу и т. д.). Бюрократ работу по подготовке решения перебрасывает науке, даже если знает, что те ученые, которые его консультируют, тупы, как сибирский валенок. «Как, — удивится он, — как я могу не поверить академику (профессору, кандидату и т. д.)?»

Функционерами партий макакавки всегда являются авторитеты либо официально признанные (ученые со званиями), либо раздутые прессой. Причем лидерам этим в среде бюрократов полное интеллектуальное раздолье — можно говорить и призывать к любой глупости и идиотизму — члены партии макакавки с благоговением будут повторять этот идиотизм.

Вот, например, на Первом Съезде народных депутатов СССР народный депутат провозглашает: «На территории союзной республики Законы СССР приобретают юридическую силу после утверждения высшим законодательным органом союзной республики».

А это, в частности, означает следующее. Народ СССР избрал народных депутатов, чтобы они, возглавив государство, защитили его всеми видами защиты, предоставляемыми гражданам СССР Конституцией СССР. Но если республики могут либо утвердить, либо не утвердить принятый депутатами Закон СССР, то, следовательно, он не Закон, а рекомендация. С таким же правом законодательные органы республик могут утвердить и другие рекомендации, например, законы бывшего гитлеровского рейха или Парагвая. Фактически Конституция СССР прекращает действие, Советский Союз ликвидируется, граждане СССР остаются без защиты своих конституционных гарантий, но по-прежнему платят деньги на содержание своих «депутатов», Съезд которых превращается в сборище болтунов на шее народов СССР.

Остается только сказать, что цитата взята из «Декрета о власти» депутата Сахарова, человека, причисленного «демократической» бюрократией к сонму своих святых.

ВОЖДИ РЕВОЛЮЦИИ

С вождями у бюрократии неразрешимые проблемы. Бюрократа без начальника (бюро) не бывает. Если у человека нет такого бюро, то он бюрократом физически стать не может. Он будет подчиняться делу, которому служит, он будет ДЕЛОКРАТОМ.

Вождь, начальник нужен для жизнедеятельности бюрократа, для

того, чтобы сложить на него ответственность за свои, часто преступные, дела.

Смотрите, как тяжело бы было Хрущеву, если бы не было Сталина. По советским законам команду «убить человека» может дать только суд. Суду приказать никто ничего не может. Хрущев по должности десятки лет был членом суда («чрезвычайной тройки») и, естественно, весь был в крови, и нет сомнений, что и невинной. Не будь Сталина, о чем бы читал доклад Хрущев на XX съезде? А так все просто — Сталин все знал, Сталин нам приказал, а мы — невинные овечки — ему свято верили! Кто захотел — тот в это тоже поверил. Более того, Хрущев даже героем стал — не побоялся, дескать, обвинить в убийствах Сталина. Покойного. Когда начальник безвреден, храбрость бюрократов обычно достигает героических размеров.

Вот и возникает проблема — с одной стороны, вождь нужен, но, желательно, карманный. Такой, чтобы служил бюрократам и принял бы на себя вину за их глупость и преступления. (Вождь, который служит народу, хотя и не обходится без аппарата, но для бюрократа слишком страшен.)

И даже если бюрократ и попадает на должность лидера или близкую к ней, то он старается уйти с нее задолго до того, как настанет момент ответственности.

Шеварднадзе ушел с поста, по его словам, в знак протеста против диктатуры. Но для порядочного человека бороться с диктатурой, которая нанесет вред народу, — обязанность. И, с точки зрения эффективности этой борьбы, нет лучше мест, чем место министра. Ну представьте, что наши генералы заявили, что по их разведданным на страну скоро нападет враг и поэтому они все срочно уходят в отставку. В знак протеста! Можно понять их и Шеварднадзе? Наверное, нет.

Ну а если вспомнить, что задача министра иностранных дел заключается в снятии дипломатическими путями угрозы для всей страны, для чего надо ослабить враждебные блоки и укрепить себя союзниками; обеспечить уважение и доверие к своей стране. И, вспомнив это, что — Шеварднадзе этого достиг?

США: танками и авиацией давили негритянские выступления — им никто ничего; выхватили из суверенной Панамы президента, уничтожив сотни его сторонников, — никто ничего. А СССР восстанавливает действие своей Конституции в Литве, и сразу Общий рынок в знак протеста грозит отказать в кредитах. Обращается с СССР как с простой банановой республикой. А почему нет?

И ведь это только цветочки! Так нужно ли удивляться, что Эдуард Амвросиевич скоропостижно оставил ягодки собирать другим?

Для бюрократа идеальное положение — это оппозиция. Один сажает и выращивает картошку, другой из-за забора кричит: «Дурак, да кто так сажает?!» и т. д. Картошка выросла плохой: «Я говорил, что он дурак и сажает неправильно!» Выросла хорошая: «А если бы меня слушал, то была бы еще лучше!» Беспроигрышное положение. Ведь недаром лидеры «Солидарности» говорили, что самое большое поражение «Солидарности» — это ее победа на выборах. Вечная оппозиция — это голубая мечта бюрократа.

Вот лидер московских депутатов в своей работе «Перспективы и реалии» учит: «При демократическом варианте парламенты

страны и республик, не отвечающие за выбор президента, свободны в контроле за ним, они — его реальные оппоненты.

При аппаратном варианте, когда парламент выбирает президента, этот парламент начинает отвечать за свой выбор и склонен стать не оппонентом президенте, а продолжением президентской власти».

Президент — исполнитель, он глава исполнительной власти, он исполняет волю парламента, парламент обязан быть над ним и отвечать за него, но, как видите, бюрократу надо обязательно быть в стороне. Но на виду.

Самые лучшие должности для бюрократа — это учить других работать и контролировать, как работают другие. К этим должностям никак не пристегнешь ответственность за результат работы — она ляжет на того, кто работал. И с этой точки зрения идеальная должность — депутат. Твори что угодно, хоть всю страну заставь голодать или кровью залей, а через 5 лет вернешься на ту же должность и тот же оклад. Только и всего. Законодательно освященная безответственность!

Поэтому настоящих вождей, которые бы не прятались за чьи-то спины, у бюрократов нет. У них есть много макакавок для народа, и у каждой макакавки есть лидеры. Лидеры есть, а вождей нет.

СТРАТЕГИЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ И ЦЕЛИ РЕВОЛЮЦИИ

Обычно, когда употребляется слово «стратегия», на ум приходят штабы, политбюро и тому подобные органы, разрабатывающие эту стратегию. Ничего подобного у бюрократии нет.

Когда крестьяне поднимали бунт, то, где бы они ни жили, их стратегия была одинакова — избавиться от гнета помещика. Стратегию определяла цель — жить лучше материально, а гнет помещиков не давал это сделать. Штабы в этом случае для выработки стратегии не были нужны.

Не нужны они по этой причине и бюрократии. Ее цель — иметь высокодоходное место на шее у народа — определяет и ее стратегию: расплодить таких мест как можно больше и направить на их содержание как можно больше денег, отобранных государством у рабочих и крестьян.

Поэтому, как бы ни были на первый взгляд разобщены различные группы бюрократии, скажем, фашисты и макакавочники, стратегия у них одинакова, а это определяет их единство и совпадение массы тактических приемов.

Могут сказать, что стратегической целью любой революционной партии должен быть захват власти. Это верно для других партий, но требует пояснений для партии бюрократов. Официальная власть в стране — это ответственность, а уклонение от ответственности — это видовой признак бюрократа. Им нужно то, что сопутствует власти, — возможность получать большие деньги и льготы, возможность красоваться на газетных полосах и экранах телевизоров, но так, чтобы ответственность за реальную жизнь и безопасность народа не нести. За это должна нести ответственность официальная власть.

Фактическая власть почти полностью уже находилась в руках бюрократов, и это можно понять, если рассмотреть, как осуществлялось руководство страной последние десятилетия.

Лидеры страны или группа людей, действующих совместно, как

один лидер, считали своей обязанностью все больше и больше вмешиваться во все аспекты жизни страны и везде дать свое ценное указание. Но для этого нужно было знать, что происходит в стране. Сведения об этом лидерам поставлял аппарат (чиновники, ученые, пресса), которые так их препарировали, чтобы у лидеров создалось нужное аппарату мнение. Затем лидерам нужно было решение, и его тоже готовил аппарат (чиновники, ученые), и тоже в выгодном для себя ракурсе.

Лидеры, считая, что исполняют свой долг, на самом деле становились марионетками в руках бюрократии, которая сама создавала проблемы, для их решения набирала чиновников и ученых, которые создавали новые вопросы и новые проблемы, для решения которых снова набирали бюрократов... Все было хорошо, но одно было плохо. Даже будучи марионетками в руках бюрократии, лидеры страны все-таки были ни от кого не зависимы, а независимый лидер народа, лучше ли, хуже ли, но служит народу. (На этом, кстати, основана ностальгия по монарху.)

Он представляет собой для бюрократии большие неудобства, так как, защищая права народа, ущемляет ее желания.

Например, долгие годы средний рабочий получал от государства больше, чем средний бюрократ, и это не могло, кстати, не возбуждать озлобленности. «Как, — возмущался бюрократ, — я пять лет учился, а получаю меньше Ваньки?» При этом, разумеется, тот факт, что Ванька деньги делает, а бюрократ их только проживает, во внимание не принимается.

Поэтому стратегической целью и окончательной точкой революции бюрократов была не власть как таковая, а замена независимого ни от кого лидера (каким было Политбюро ЦК КПСС) на полностью зависимое от себя руководство.

В связи с тем, что в стране намечен и полным ходом идет возврат к допотопному капитализму, лидерам бюрократии приписывают капиталистический статус, а тех из них, кто перебежал из КПСС, называют ренегатами, по-русски — предателями. Это неправильно.

Окраска бюрократии не имеет никаких других оттенков, кроме желтого. Бюрократия существует и при капитализме, существовала и при рабовладельческом строе. Она вся вне строя. Правда, при социализме для нее особенно хорошие условия. Она, разумеется, развалит социализм, но не потому, что понимает и убеждена в его неэффективности — ей сейчас удобно верить в это, — это для нее просто очередная макакавка. Новоявленным капиталистам не стоит сильно радоваться — будет другая макакавка, и бюрократия национализирует всю собственность всех капиталистов.

Поэтому те, кто перебежал из КПСС в другие группировки, — не ренегаты, они своей главной жизненной цели не изменили. Они и в коммунисты записались, чтобы урвать из государственной казны кусок побольше, и выписались потому, что вне КПСС появилась возможность в эту казну запустить руку поглубже.

ТАКТИКА БОРЬБЫ В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Тактическим приемом предреволюционной борьбы бюрократии являлись, разумеется, любые действия, ведущие к достижению стратегических целей — увеличению бюрократических мест в государстве и увеличению их доходности.

В этот период были и особенности — это начало борьбы с КПСС, борьбы, которая является приемом, дающим целый комплекс очевидных преимуществ.

Во-первых. КПСС определяла людей в бюрократический аппарат страны, и хотя на первом месте стояла политическая благонадежность, но и деловые качества были не на последнем месте. Устранение КПСС дает место тем миллионам, кто не имел ни первого, ни второго.

Во-вторых. КПСС, обюрокраченная снизу доверху, тем не менее сохраняла функции защиты рабочего класса и трудового колхозного крестьянства, не давая другим прослойкам преимуществ. И здесь устранение ее дает существенные выгоды бюрократии.

В-третьих. Придя к власти, КПСС вместо руководства идейной направленностью общества начала руководить государством и расплодила огромный и уникальный по тупости аппарат. Это ведь он превращал неглупые идеи в абсурд. Ведь это он заставлял сажать кукурузу в тундре, пахать целину до пыльных бурь... Этот аппарат — идеальная мишень для того, чтобы с помощью его критики пролезть к власти на выборах, чтобы завоевать популярность.

Кроме этого. Ее Политбюро никому не подчинялось и, следовательно, так или иначе служило всему народу. Устранение его от власти дает возможность бюрократии получить полностью зависящего от себя руководителя.

И, наконец, для революционера-бюрократа КПСС — это база контрреволюции, и поэтому в ней подлежит уничтожению не ее аппарат (который можно заменить или совершенствовать), а вся она полностью. В своей борьбе с КПСС абсолютно едины и нацисты, и мвкакавочники...

Представьте, что некий леспромхоз поставляет древесину на экспорт, где она стоит 100 долларов за куб. Предположим, он продавал через государственную внешнеторговую организацию 1000 м³. На эти деньги чиновники покупали 500 видеомагнитофонов и продавали их в магазинах за 1 500 000 рублей. На эту сумму кому-нибудь в стране поднималась зарплата.

Организовывается, например, кооператив программистов с правом торговли за рубежом и комплектуется более находчивой бюрократией. Та берет в банке 50 000 рублей, идет к директору леспромхоза и говорит: «Зачем тебе этот экспорт! Продай мне эти 1000 м³ леса, а я леспромхозу продам 100 компьютеров, всего по 100 000 рублей за штуку. А тебе лично за труды по трудовому соглашению 1000 рублей». Экспорт директору ничего не дает, кроме головной боли, а тут 100 компьютеров да еще кое-чего! Он продает 1000 кубов программистам-коммерсантам. Те идут в ту же государственную организацию, которая торговала этим же лесом за рубежом, и говорят: «У нас есть лес, продай его за границу, а мы тебе 1000 рублей по трудовому соглашению». А у того, во-первых, план, а во-вторых, и ему 1000 рублей не лишние. Тогда коммерсанты идут к тому внешторговцу, который покупает за рубежом компьютеры: «Купи нам 100 компьютеров за наши доллары, а мы тебе 1000 рублей по отдельному соглашению». Он покупает, и наши программисты-коммерсанты продают их в леспромхоз и кладут в карман 10 000 000 рублей, выплачивая в партком несколько сот тысяч в виде членских взносов.

Но смотрите, те люди, которым раньше выплачивалось 1 500 000 рублей зарплаты, по-прежнему ее получают, но видео-

магнитофоны-то не закуплены! Более того, в этих же магазинах появились ушлые кооператоры с 10 000 000 рублей в кармане. Государство ограблено на 11 500 000 рублей, но абсолютно законно. Поскольку ограблено по законам, созданным бюрократией для себя.

Рабочий и крестьянин идут в магазин, а там уже побывали кооператоры, и, естественно, там ничего нет, а им со всех сторон вещают: «Проклятый социализм, развалили страну — в магазинах ничего нет, надо нам переходить на рыночную экономику, чтобы было у нас, как в Польше!»

Не теряли времени и фашисты. Объявив, что народ ни о чем так не мечтает, как о том, чтобы разговаривать исключительно на языке предков, а не на том, на котором его понимают, они стали плодить места переводчиков, учителей, энергично начали выталкивать со своих мест союзную бюрократию.

Но ведь это были мелочи и для макакавочников, и для фашистов, так как в стране действовала Советская власть, народ был приучен к мысли, что его государство даже в забюрокраченном виде — это государство трудящихся, оно должно и обязано защищать именно его — трудящегося — интересы. Государство было главным препятствием для бюрократов, и участь его была предрешена, в ходе революции оно первое пало под ударами революционных бюрократов.

ТАКТИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Для того чтобы понять, как уничтожить государство, необходимо прежде всего понять, как оно устроено.

Есть территория, на ней в данный момент живут люди. Вот они и будущие поколения — это народ. Командовать народ не в состоянии, но народу можно подчиняться. В этом случае народ имеет власть именно потому, что именно ему подчиняются, и возникает то, что называется «демократия».

Кто обязан подчиниться народу? Все: в первую очередь живущее население; государственный аппарат, организующий население на службу народу и в ряде случаев заставляющий отдельных людей служить народу даже тогда, когда они этого не хотят; высшая власть, которой подчинен аппарат. Максимальным и, как оказалось, недоступным многим странам всплеском демократии в СССР была Великая Отечественная война, когда население СССР во имя свободы народа пошло не невиданные до тех пор жертвы и лишения. Самые выдающиеся демократы страны остались лежать на полях тех сражений.

Итак, мы имеем народ и его живущих ныне представителей — избирателей, они формируют высшую власть (законодательную). Ее задача — защитить народ как можно большими видами социальных защит. Защищает народ население страны, команды свои (законы) высшая власть дает именно населению. Технические вопросы защиты — организация населения — решают специалисты. Они организовываются в государственный аппарат, подчиненный также высшей власти и являющийся исполнительной властью. Высшая власть забирает у населения часть его дохода для его защиты, на эти же деньги содержится и аппарат. Все вместе называется государством.

Хотя вышеописанное и нудно звучит, но знать это необходимо,

чтобы понять смысл, пусть и бессознательных, но единых и эффективных тактических приемов бюрократии по разрушению государства.

Революционная часть бюрократии находится между высшей властью и населением, платящим налоги, — или в аппарате, или связана с ним. **Смысл революции — заставить высшую власть служить не народу, а бюрократии исполнительной власти. Для этого высшая власть обязана давать законы и заставлять ими население действовать не в интересах народа, а в интересах этой части государственного аппарата.**

Достичь этого чрезвычайно просто, для этого не требуется с криками «ура!» бежать на штурм Зимнего, для этого есть два простых способа.

Первый — прямой. Любой приказ высшей власти — закон — содержит задачу по защите народа, которую обязан выполнять каждый гражданин, и перечень того (как правило), чего ему делать нельзя. Возьмем, например, Уголовный кодекс. Задача — общественная безопасность. Запрещено: убивать, воровать, предавать и т. д.

При первом способе высшая власть дает закон, который нужен только бюрократии, заставляет население служить не народу, а ей. Приметы такого закона — в нем нет полезной народу задачи, ее либо невозможно сформулировать, либо если дать в законе, то тогда статьи закона и задача его будут резко не соответствовать друг другу. Примерами могут служить закон «О предпринимательстве в РСФСР» либо закон «О налогах с предприятий» СССР.

Второй способ — косвенный. В нем полезная народу задача может быть, но текст закона должен быть написан таким тупым, канцелярским языком и до того заумно, чтобы нормальный гражданин не смог в нем разобраться, то есть не понял, чего от него хочет высшая власть, и шел за разъяснением к власти исполнительной, а уж та ему объяснит! Объяснит так, как надо бюрократии.

Например. «Закон о предприятиях в СССР», ст. 21 пункт 2: «Предприятие самостоятельно определяет направления использования чистой прибыли» — и тут же: «Государственное воздействие на выбор направлений использования чистой прибыли осуществляется через налоги, налоговые льготы, а также экономические санкции». У нормального человека сразу возникнет вопрос — так кто же все-таки определяет «направления использования чистой прибыли» — предприятие или чиновники бюрократического аппарата страны?

Вот это для бюрократии идеальный случай — если высшая власть дает такие законы, то тогда бюрократ как сыр в масле катается — и жить ему хорошо, и вина за беззащитный народ лежит на высшей власти.

Но никакой человек осознанно на роль высшей власти в таких условиях не пойдет, никакой человек не захочет стать отвечающей за все марионеткой в руках бюрократии. Поэтому высшая власть не должна осознавать, что она действительно творит, и, кроме этого, не должна бояться ответственности за свои дела.

Такой идеальной высшей властью стал Верховный Совет СССР и Съезд народных депутатов, созванный впервые в апреле 1989 года. Поэтому апрель 1989 года и следует считать датой Великой Апрельской Бюрократической революции.

И дело даже не в том, что Съезд в подавляющем числе укомплектован крикливыми, штатными бюрократами, привыкшими кормиться за счет налогов. Дело в том, что человек тщательно обдумывает свои поступки и действует осознанно, когда боится, что наступит ответственность за его действия, в депутаты ни вместе, ни отдельно ни за что не отвечают. У них стимула действовать осознанно нет.

Могут сказать, что у нас и раньше депутаты ни за что не отвечали. Да, это правильно. Но раньше им не доверяли руководить страной. Руководило Политбюро ЦК КПСС. А потом Политбюро руководство страной им добровольно передало.

С первых минут съезда ясно, что он народу СССР служить не собирается. Один за одним на трибуну залезали депутаты, доказывая друг другу, что у них разные интересы. Один утверждал, что в его интересах закрыть полигон в Семипалатинске, другой — перекрыть нефтепровод, третьему надо было во что бы то ни стало остановить электростанцию.

Но народ СССР един, у него один интерес, и у его депутатов должен был бы быть тот же один интерес. Пути достижения его могли быть разными, но интерес-то один! И если у депутатов разные интересы, то это уже не Съезд народных депутатов СССР, а симпозиум местных хозяйчиков, претендующих на звание народных радетелей.

Страна лишилась верховной власти, через которую осуществлялась власть народа СССР в стране. С демократическим государством было покончено. Интересы народа стало некому защищать. Наступила эра бюрократии.

С этих пор Верховный Совет стал принимать только те законы, которые нужны бюрократии, или в такой форме, которая ей необходима. Наступил период бюрократического строительства.

ТЕХНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БЮРОКРАТИИ В ПЕРИОД РАЗВЕРНУТОГО СТРОИТЕЛЬСТВА БЮРОКРАТИЗМА

Первый тактический прием прямо следует из стратегического замысла — наплодить как можно больше мест для бюрократии. Этот прием — развал единой страны с одним аппаратом и создание множества государств с множеством аппаратов.

Эта цель едина и для нацистов, и для макакавочников уездного масштаба. Скажем, Ландсбергис — литовец и уверяет всех, что за 2 миллиона литовцев голову сложит. Ельцин, положим, — русский и тоже уверяет русских в своей преданности им. И многим непонятно, как Ельцин мог бросить без защиты 60 миллионов русских, живущих вне России, и броситься на помощь Ландсбергису, когда русские в Литве подняли возмущение литовскими законами. Ни Ландсбергису, ни Ельцину защищать свои народы и в голову не приходит, им главное защитить свои места и места преданной себе бюрократии. Угроза бюрократам Ландсбергиса — это автоматическая угроза бюрократам Ельцина. **В этой революции девиз: «Бюрократы всех стран, объединяйтесь!» — действует без сбоев, когда речь идет о борьбе с Советским государством и общесоюзной бюрократией.**

Второй тактический прием — уничтожение сил, объединяющих страну. Формально их оставалось две — КПСС и государственный

аппарат СССР. Верховный Совет, как мы уже говорили, — это идеальный начальник, который уже не защищает народ и разрешает бюрократам все. Поэтому так неистово шельмовался глава исполнительной власти Рыжков, хотя он покорно исполнял все, что указывала бюрократия. Поэтому так неистово шельмуются коммунисты, хотя всем известно, что многие из них поклялись не жалея сил служить народу. Ну какой же хозяин (а бюрократы утверждают, что они демократы, то есть люди, которые сделают народ хозяином страны), какой же хозяин станет шельмовать наиболее преданных себе работников? В аппарате страны есть чиновники, готовые за народ сложить головы, — это офицеры. Обратите внимание, как неистово шельмуется армия СССР!

Третий прием, который также определяется стратегией, — это собрать для себя, в свое распоряжение как можно больше денег. Этим достигается две цели — собственный прокорм и обозначение собственной полезности. Ведь у подавляющего числа бюрократов работа заключается в воздействии на распределение денег, собранных у населения. Тут есть два способа.

Первый — налоги, причем они должны быть как можно многочисленнее и запутаннее. В этом случае для их сбора и толкования нужна уйма чиновников и ученых. Второй — ограничение потребления, ограничение доходов работников промышленности и сельского хозяйства.

В осуществление первого способа бюрократы провернули через Верховный Совет законы о налогах и сопутствующие им постановления Совмина. Достаточно сказать, что в 1991 году налоги от балансовой прибыли предприятий (без налога с оборота) в среднем достигли 65,5 процента.

Второй способ осуществляется двумя путями. Прямой путь хорошо представлен в законе «О налогах с предприятий... СССР» (ст. 27). Согласно этому закону, предприятие, которое в этом году увеличит себе оплату на 10 процентов (это в преддверии ожидаемой как минимум 30-процентной инфляции), должно будет уплатить 2 рубля налога за каждый рубль этих 10 процентов. То есть, если у вас в 1990 году была зарплата по заводу 100 рублей, а вы выплатите в 1991 году рабочим 110 рублей, то одновременно бюрократам отдаете 20 рублей налога. Но в 1992 году вы не сумеете заплатить рабочим даже того, что было в 1990 году. Так как будете обязаны из 110 рублей зарплаты 1992 года вычесть добавочную зарплату 1991 года (10 рублей) и налог 1991 года — 20 рублей. Следовательно, вы сможете заплатить только 80 рублей.

Спросите себя — народная власть могла такое придумать!

Еще один путь — заставить рабочих и крестьян снова заплатить за то, что им и так принадлежит, — за землю и заводы. Для этого бюрократия стала интенсивно убеждать, что все, что в стране создано руками рабочих и крестьян, принадлежит государству, подразумевая под государством себя саму. А раз так, то бюрократия имеет право свою собственность продать тому же народу или людям с деньгами.

И дело о том, как бюрократы РСФСР попытались продать в Англию по смехотворному курсу 140 миллиардов рублей (деньги, на которые можно содержать два года всю Советскую Армию), — это первая ласточка.

Вот такими, в общем, не очень хитрыми приемами бюрократия страны начала энергично строить свое общество.

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЕ СИЛЫ

Силы бюрократической революции — это стихийная масса людей, желающих как можно удобнее расположиться на шее у народа, фактически ограбить его. Их стратегия и тактика инстинктивны, их истинные цели не могут быть обнародованы, их сторонники в народе — просто обманутые. Эти силы не имеют ни общественно полезных идей, ни несущего их центра. Это тифозная вошь на теле, старательно доказывающая, что это тело без вшей существовать не может.

Силы контрреволюции — это те, кого обычно называют народом, — работники промышленности, сельского хозяйства и те, кто народ действительно защищает: практикующие врачи и учителя; военнослужащие армии и милиции; несущие ответственность за конечный результат государственные чиновники. Последнее может вызвать удивление — как это, чиновники, общепризнанные бюрократы — и вдруг занесены в число контрреволюционных сил? Но речь идет только о несущих ответственность, рискующих быть наказанными чиновниках, а не об аппарате. Скажем, если цех или завод не дает продукции, то, как бы красиво ни отчитывались начальник цеха или директор, их все равно накажут — снимут с должности. Аппарат цеха и завода же будет спокойно существовать дальше.

Сейчас эти силы также стихийны. У них нет не только идей, но даже нет такой инстинктивной стратегии и тактики, которая есть у бюрократов. **У большинства народа нет даже чувства, что его грабят.** К тому же органы формирования общественного мнения революционных бюрократических сил искусно сеют в народе семена алчности, разжигая его индивидуализм, злобу и зависть друг к другу, к чиновникам, действительно защищающим народ, всячески делая бюрократию героями дня.

Возглавить контрреволюцию против бюрократии обязана была бы КПСС — это ее святая обязанность, как, положим, партии народа. Но КПСС давно была парализована. Ее бюрократический аппарат, за многие годы намертво усвоивший только привычку потакать начальству, оказался неспособным самостоятельно думать и служить народу. Сами до мозга костей бюрократы, члены аппарата КПСС инстинктивно душили антибюрократическое движение в самой партии еще до того, как на эти силы могли бы наброситься нацисты или макакавочники.

Там, где должны были находиться органы управления партией, находился огромный, уцепившийся за свои места бюрократический аппарат. Это разъединяло партию, не давало ей возглавить народ в борьбе с бюрократией страны. Сам же аппарат, не веря в то, что он устоит перед нацистской и макакавочной бюрократией, срочно готовил себе места, создавая различные коммерческие организации на деньги партии и тех предприятий, где он еще имел влияние, и занимает в этих организациях высокооплачиваемые должности. Либо члены его перебегают во вновь создаваемые аппараты, нахально объясняя свое предательство прежних убеждений необходимостью опять «служить народу», либо, по обычаю макакавочников, чем-нибудь заумным, типа: «Хотя склонность русского народа... к эсхатологическому мышлению, вере в хилиазм заставляет меня задуматься: а может быть, и будет коммунизм через тысячу лет... Может быть, к этому времени кто-то решит проблему теодицеи». И, задумавшись, академик Шаталин, чьему перу принадлежит эта цитата (в глубокой уверенности, что умственная теодицея читающих его опус уже перешла границы старческого хилиазма), все-таки приходит к выводу, что «демократический социализм» — это «трюизм». А это ведь очень высокооплачиваемый экономический идеолог партии, так чего же ждать народу от партии, у которой аппарат укомплектовался такими идеологами, как Шаталин, и такими «преданными борцами», как Ельцин?

Есть еще одна сила контрреволюции, которая безусловно готова стать на защиту народа, — это армия. Люди в армии ценою своей жизни готовы исполнить свой долг перед народом, и Афганистан показал, что и нынешнее поколение офицеров мало в чем уступает офицерам 1941—1945 годов. Но армия — и в этом ее ценность для народа — это сила уничтожения. К сожалению — и только. Она может уничтожить часть бюрократов, но, вероятнее всего, только наиболее выступающую или наиболее глупую ее часть. А хитрая и ушлая перебежит в аппарат армии и будет готовить для нее программу «500 дней» по ускоренному уничтожению бюрократизма и станет там в числе выдающихся прорабов уничтожения.

ЦЕЛИ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Целью контрреволюции не может быть уничтожение (физическое или административное) бюрократии. Это не цель, это, в лучшем случае, способ.

Стратегической целью тех, кто захочет стать на борьбу с бюрократизмом, должно стать демократическое государство — государство, которое подчинено и служит интересам народа, а не интересам бюрократии. (Написал и вспомнил, что абсолютно все бюрократы провозглашают официально именно эту цель.)

Борьба с бюрократией должна вестись попутно, более того, ее вообще можно не вести, если поставить бюрократию в условия, когда она сама исчезнет. Для этого контрреволюционные силы должны применять стратегию и тактику, прямо противоположную той, что применяет бюрократия.

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ СИЛ

Ни стратегии, ни тактики у контрреволюционных сил бюрократической революции еще нет, но они должны быть.

Стратегической целью революционной бюрократии является начальник безответственный, который бездумно подписывает приказы, нужные бюрократии. Таким начальником стали Советы.

Следовательно, стратегической целью контрреволюции должен стать Совет, который был бы ответственным перед народом и под угрозой наступления момента этой ответственности служил бы только народу. Народ должен иметь реальную возможность наказать избранный орган власти (не отдельных депутатов, а весь орган сразу, так как он действует как одно лицо).

Поскольку народ — это и дети, и еще не родившиеся поколения, то физически наказание от всего народа невозможно. Но технически возможно наказание от избирателей.

Сделать это можно так. Поскольку служат депутаты бюрократии, а не народу вряд ли осознанно, то виновны они будут в преступной халатности. Вину их в этом преступлении или невиновность должны определять от имени народа избиратели.

Поскольку от высшего органа власти требуется защита всего народа, то избиратели, руководствуясь тем, как осуществляется их защита, вынесут Советам приговор. **Например. Если в стране вспыхнула национальная рознь, появились беженцы и жертвы, то избиратели могут сказать, что их конституционные гарантии на жизнь, неприкосновенность жилищ, на равные права Парламент не обеспечивает, он граждан не защищает и, следовательно, виновен. Если стоимость зарплаты и пенсий падает, в стране разруха, безработица, то избиратели скажут, что их конституционные права на справедливое вознаграждение за труд, на обеспеченную старость, их права просто на труд не действуют. Парламент их не защищает и, следовательно, виновен.**

Когда избиратели пойдут на выборы депутатов нового созыва, то они опустят в урны вместе с бюллетенем на нового депутата вердикт старому Съезду — «виновен» или «невиновен». И если большинство Союза скажет «виновен», то всему Съезду, независимо от того, кто и где избирался, специально собранный суд определит меру наказания и весь Совет сядет на нары на тот срок, что определит суд. Смешно? Необычно? Вряд ли смешно, хотя для профанов это предложение может показаться смешным и необычным.

Вспомните руководителей Чернобыльской АЭС. Они что — хотели взрыва? Нет, не хотели, но сидят. Такая ответственность необычна только для профессорско-академических болтунов, партийных аппаратчиков, а, например, для руководителей промышленности, сельского хозяйства, строевых офицеров армии и милиции — это обычное состояние. Они постоянно живут с такой ответственностью, и поэтому их действия и решения действительно ответственны.

При этом, конечно, из Советов выметет всех бюрократических цицеронов, но они там и не нужны, а те, кто останется, — те будут знать, кто они и зачем нужны народу.

У революционной бюрократии стратегия — расплодить как можно больше бюрократических мест. Значит, контрреволюция должна их ликвидировать.

Тактический прием бюрократии для этой цели — развалить страну на суверенные княжества. **Тактический прием контрреволюции — заменить право народов СССР на самоопределение, которое является правом национальной бюрократии лочавкать из своего собственного республиканского корыта, на право нации на вечное существование и национальное культурное развитие.** Для этого республики не нужны. Это право обеспечит единый Союз, и чем он будет больше, тем легче ему это будет сделать.

В обеспечение своей стратегической цели революционная бюрократия стремится подгрести под себя все деньги, даже в большем размере, чем это делала партийная бюрократия. Это дает две выгоды — личные доходы бюрократии и бюрократические места для централизованного распределения денег.

Ведь как у нас сейчас? Работают рабочие и колхозники в каком-то отдаленном районе страны. Платят налоги они сами и их предприятия. Рядом с ними работают и защищающие их конституционные права милиционеры, учителя, врачи (которым зарплата выплачивается из налогов, взятых у тех же рабочих и крестьян), рядом с ними живут на эти налоги пенсионеры и студенты, инвалиды и сироты. Казалось бы — вот налогоплательщики и здесь же потребители налогов, прямо через дорогу. Передайте деньги, и все. Так нет. Москва определяет налоги во всех точках страны с помощью тупых, не знающих обстановки чиновников, забирает все деньги в Москву, а потом с помощью таких же бюрократов назначает оклады, пенсии, стипендии людям, о работе которых ничего не знает, кроме названия профессии. Зачем это?

Парламент Союза гарантирует всем гражданам СССР защиту всех их прав. Но зачем ему лично каждое право обеспечивать? Ведь у него еще есть Советы республик, областей, городов.

Пусть Союз делает непосредственно сам только то, что именно он и может сделать: защиту от внешнего врага, дипломатическую защиту, уголовную на своем уровне, содержание кое-каких наук, имеющих очень узкий интерес, например, астрономию.

Тогда ему нужны только деньги на армию, МИД, КГБ, Центральный уголовный розыск, тюрьмы и внутренние войска, деньги на небольшую (не хозрасчетную) часть науки и деньги общесоюзного резерва. Все.

Эти деньги он возьмет у республик, те у областей (оставив себе на ту защиту, что могут оказать гражданам только они — тут и не придумаешь на что), а области — с городов и районов. А вот Советы городов и районов сами, по своему усмотрению назначат налоги и плату всем, кто защищает их граждан. Налогоплательщики сами фактически обложат себя налогами и сами их распределят. В этих условиях бюрократия просто не найдет себе места на шее народа, все науки и высшее образование станут хозрасчетными — им будет платить не бюрократический аппарат, а те, кому они нужны.

Это уже будет что-то похожее на демократию.

Бюрократия использует еще тактический прием — она подсовывает нашему одновременно и многомудрому, и тупому Парламенту проекты законов в такой запутанной и заумной форме, что ни Парламент, ни те, кому предназначены законы, без бюрократии разобраться в них не могут. **Контрприем контрреволюции — законы и все постановления, даваемые Советами, должны быть абсолютно ясными и понятными любому гражданину без каких-либо дополнительных толкований.** Если что-то требует толкований — то это не закон, а решение исполнительных органов, и пусть они их принимают, причем они должны принимать любые, даже узкоспециальные решения в строгом соответствии с законом.

Есть еще масса узких вопросов — как быть с судом, с экономикой и т. д. Но эти вопросы, вполне решаемые, которые были важными до 1985 года, сейчас отошли на десятый план. Сейчас не до них.

Сейчас требуется вернуть власть народу.

Это главное.

Нет — революции макакавок!

Да — революции народа!

г. Ермак
Павлодарской области

Ирина ВОЛЬНОВА

ЛЕСТНИЦА, ПАХНУЩАЯ ВКУСНЫМИ СУПАМИ

БЕСТСЕЛЛЕР ВЕКА

Сегодня я наконец поняла, что меня гнетет последнее время.

Дело в том, что я — толстая.

Безобразно толстая.

Я привыкла быть стройной.

Я привыкла, что у меня шахматная фигурка, которая шастает тут и там, вызывая естественное раздражение у толстых теток, я привыкла ходить в бархатных брючках...

И вот эти брючки пришлось выбросить.

Короче, их пришлось разрезать.

А потом — выбросить.

Потрясенная этой процедурой, разгоряченная борьбой с брючками, я подошла к зеркалу.

Зеркало прошипело мне что-то правдивое, чем огорчило.

Я села на постель и пригорюнилась.

Я мысленно перебрала всех своих подруг. Худых я сразу отбросила, как недостойных внимания. Остальных повертела в памяти так и сяк, но никто не шел в сравнение с Таней Киссель, она всегда была толстая, с двойным подбородком, и всего остального у нее в огромных количествах, так что если кто мне и поможет снова стать худой, то это Таня Киссель.

И никто другой.

Я поспешно набрала номер Тани Киссель.

«Таня!» — сказала я и замолчала.

«Ну, что еще у тебя стряслось?» — спросила добрая, как все толстые, Таня.

«Таня, я — толстая!» — сказала я и опять замолчала.

Я хотела сказать Тане, что не понимаю, каким образом это стряслось, ведь еще вчера... или позавчера...

Но Тане и не надо было говорить.

Она сама знала все.

«Экстрасенс, — твердо ответила Таня, — экстрасенс и никто иной».

«А тебе — помогло?» — спросила я опасливо, на что Таня ответила, что у нее нет пяти рублей, а то бы ей обязательно помогло, и мне поможет. Если, конечно, у меня есть пять рублей.

Пять рублей у меня были. И вообще я привыкла швырять деньги на ветер. Вот и этому экстрасенсу тоже... Пять рублей... Хотя... Если он сделает меня молодой и красивой... Можно ему дать пять рублей... Можно...

Я спросила Таню, во сколько он придет ко мне.
«Кто?» — не поняла Таня.
«Ну как же — кто?! Экстрасенс, конечно!» — сказала я нетерпеливо.
И Таня стала кричать мне, что этот экстрасенс — знаменитость, что к нему записываются в шесть утра, что все толстые Москвы и области толпятся возле его дома, не пуская туда войти других толстых, незаписанных, а экстрасенс принимает по двенадцать часов в сутки, и за это время через него проходит несметное количество толстых...

«И уходят оттуда стройными?» — спросила я с надеждой. Ради этого я была готова записываться в шесть утра.
«Ну... не сразу... — сказала Таня раздумчиво, — вряд ли оно сразу... за пять-то рублей... Наверно — через неделю... Или — через две...» — и Таня надолго задумалась.

Я тоже задумалась. Ждать две недели? Нет, нет и нет. Мне надо стать стройной завтра. В шесть вечера. И ни минутой позже.

Я спросила Таню, а нет ли у нее другого экстрасенса. Который сразу. И без очереди. Вряд ли я смогу все это выдержать. Чтобы и шесть утра и две недели.

Таня подумала и сказала, что есть. Но он, кажется, не только по толстым, но и по чему-то еще. Но — сразу. И — не в шесть утра.

Я спросила про пять рублей. Или он берет дороже? За скорость. На что Таня, порывшись в своей записной книжке, ответила, что тоже пять. А скорость он предоставляет бесплатно.
Я взяла у Тани адрес экстрасенса. Я горячо поблагодарила Таню за адрес.

Завтра я встала, как всегда, поздно, попила кофе, вышла на стоянку, села в ожидавшее там такси и надолго замолчала, предоставив респектабельному водителю рассказывать случаи из жизни. Когда мы приехали в тот переулок, где жил экстрасенс, и остановились у дома 34,

я сказала водителю, что поднимусь в квартиру 22 на некоторое время, а потом мы поедем назад.

Увидев дверь с надписью 22, я расположилась напротив глазка, сделала приветливое лицо и позвонила. Экстрасенс открыл сразу, он был респектабелен, как и водитель, ничего общего с этими отшельниками-изобретателями, которых описывают в фантастике и которым я не очень-то доверила бы свои пять рублей. Этому я смело протянула купюру и прошла за ним в его кабинет. Он посадил меня в удобное кресло за ширмой, и я слышала, как он что-то делал, но не видела, что именно, слышала его шаги и какие-то звуки. Потом раза два погас и зажегся свет, потом звуки надолго исчезли, и я уже стала скучать, и я спросила экстрасенса, а когда будет результат, сразу или не сразу, и он ответил, что, в общем-то, сразу, ну где-то к вечеру, а потом он спросил, а на что я, собственно, жалуюсь. После ответа смущенно хмыкнул и сказал, что с этого надо было начинать. Опять шваркало и шипело. Наконец он зашел ко мне за ширму и сказал, что к вечеру подействует, а вообще-то я могла бы к нему и не ездить, а просто там, где я живу, пользоваться не лифтом, а лестницей, — глядишь, через недельку само и рассосалось бы.
Такси ехало по уже темнеющим улицам, я откинулась и молча наблюдала мельканье... как вдруг водитель заговорил.

Это была какая-то скороговорка обо всем на свете, как-то: о таксопарке и демократах вместе взятых, и я даже как будто увидела и этот таксопарк, и этих демократов, так он все обрисовал выпукло и рельефно, а еще я удивилась, что за короткий срок моего отсутствия отношение водителя как к таксопарку, так и к демократам резко переменилось, не то чтобы он ругал их, вовсе нет, но атмосфера похолодала, тон его похолодал явно, а слова вроде те же, да не те... И я немного даже удивилась, немного даже испугалась, немного даже засуетилась, но потом услышала родные, ласкающие слух слова: «...банные демократы»... В общем, это меня как-то успокоило, как будто водителя этого знала сто лет.
Но потом, взглянув на таксиста, я впала в шок. Таксист говорил, я отчетливо слышала его слова, но... рот

его был намертво закрыт, губы плотно сжаты, как заклепаны.

«Да что же это происходит? Как же это?!» — подумала я и внутренне заметалась.

К тому же от водителя стало исходить непонятное фиолетовое сияние, а ведь когда мы ехали туда, он розовым был, ну — телесного цвета, по крайней мере, а теперь засиял, да еще и фиолетовым матом. Скорей бы уж довез, что ли...

Когда наконец приехали, водитель все не умолкал, я пугливо расплатилась, он газанул, но тут около меня появилась старушка с пуделем и все по дороге не только рассказала о пуделе — рта, конечно, не раскрывая, — но и показала в розовых тонах, какой он милый, Антошка. А соседка у нее — кошелка и сволочь. Наплодила ублюдков. Кошелка в застиранном халате. (Расцветка халата — розовые и фиолетовые ромбы по белому фону. Когда-то белому.)

И долго я еще слушала и про соседку, и про козла, который ходит к этой соседке (даром что в застиранном халате!), и про то, как козел и соседка у себя за стеной начинают шкафами, что ли, кидаться, и такой грохот стоит, что хоть святых выноси, что хоть с Антошкой на край света гулять беги.

В общем, стала я видеть и слышать то, что люди про себя думают. Но не навек же! Это пройдет! А не пройдет — опять поеду к экстрасенсу, он пошваркает, и все как рукой снимет.

А вот и мой подъезд, пойду-ка по его совету пешком, долой грохочущий лифт, ножками, ножками...

В нос мне ударил знакомый, родной запах. В нос мне ударил запах вкусных супов.

...Каждая лестница имеет свой, только ей одной присущий запах. Лестница экстрасенса, например, встретила меня запахом окурков и каких-то неведомых зверей. Иные лестницы пахнут забвением. Некоторые несчастные лестницы, расположенные вблизи винного магазина, пахнут вообще уж черт-те чем...

Нашей же лестнице повезло.

Наша лестница пахнет вкусными супами.

Из каждой двери, очевидно, доносится свой, индивидуальный дразнящий запах.

Но мне некогда нюхать каждую дверь.

Я вдохнула то, что получилось, когда запахи уже слились в мощную симфонию.

Я вдохнула запах коллективного супа.

Я вдохнула запах коллективного супа, я проигнорировала лифт, я прилежно начала бороться за похудание, поднимаясь пешком...

Но тут начались дерматиновые двери.

Я уже знала, что обречена, что каждая встреча теперь для меня — кавардак, чужой, ненужный мне кавардак. Я еще не знала, что дерматин пропускает этот кавардак, а поднималась я быстро, и двери только мелькали, кавардак только попискивал, но где-то на третьем этаже я остановилась отдохнуть, и тут началось — ведь на каждой площадке четыре квартиры. Я стою и неровно дышу, и вот четыре чужих кавардака пищат, и видения наслаиваются... А каково мне будет в толпе, в несмолкаемом писке? Как бы научиться фокусироваться? Что, если смотреть на одну из дверей ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ?..

...Кавардак сфокусировался.

Посторонние писки умолкли.

Я стояла перед дверью поэта с одухотворенным лицом.

Я часто видела поэта и раньше, и он вызывал мое глубокое уважение. Я приникла к его дерматину, чтобы приобщиться, чтобы воочию увидеть...

Поэт мелькал где-то в глубине, в недрах своей квартиры, на плите его радостно кипел суп с клецками, вливая свой запах в нашу общую суповую симфонию, поэт ухитрялся его помешивать и творить одновременно, его одухотворенное лицо переливалось голубым и зеленым, а борода, как ни странно, даже светилась, хотя в обычной жизни, когда он мелькал туда-сюда, борода его скромно чернела. Сейчас же она светилась и была окружена ореолом прыгающих светящихся строк, написанных не по-нашему, из чего я заключила, что он — переводчик, а светящиеся строчки — это Шекспир в подлиннике, и вот Шекспир уже трансформировался в некий под-

строчник... Короче — я стала свидетельницей творческого процесса.

Но тут вклинилось в поэзию что-то прозаическое, связанное с почтальоном, который только что нас покинул, внеся медовую лепту почти во все почтовые ящики нашего подъезда, и вот он улетел, слезно жужжа об Анюте, а переводчик услышал, как за почтальоном грохнула дверь, переводчик уже учуял медовый запах наших «Литературок» и «Вечерок» — и прервал свой творческий процесс. Он уже не светился голубым и зеленым Шекспиром, борода его буднично чернела над множеством ключиков, давно подобранных к нашим всеобщим сотам — к нашим почтовым ящикам, — и двигался он к двери кошачьими шагами, вот сейчас откроет дверь — и...

И он открыл дверь, и увидел меня, и отпрянул в свои поэтические недра, гремя множеством ключиков, — сильно напугался, однако! — я спугнула его ключики, я спугнула его Музу, я спугнула себя с третьего этажа и пулей взлетела на пятый, я вломилась к себе, а у квартиры поэта с одухотворенным лицом я больше фокусироваться не буду, действительно — зачем мне знать, что это именно он, такой одухотворенный, что это именно он... постоянно тягает к себе наши газетки. И постоянно забывает положить их на место, когда уже прочитал.

Я вломилась в свой дерматин. Мне нет дела ни до чьих чужих дерматинов.

Я проворно подошла к зеркалу.

Зеркало ответило мне: «нет». Никакого похудания. Ни на йоту. Скорее наоборот. От гнева на поэта я приобрела второй подбородок.

Я печально сняла пальто и постаралась утешиться. В конце концов если он — поэт... то ему и нужно много читать! Гораздо больше, чем нам...

Я опять взглянула в зеркало. Подбородок уменьшился. Я села и крепко задумалась. А ведь экстрасенс — молодец. Немного не так пошваркал — и на тебе!

Я с ужасом почувствовала, что чужие дерматины превращаются в магниты. Магниты будоражили. Впереди ночь, и никто не помешает мне. Фокусируйся на каждом сколько угодно. Завтра я буду знать ВСЕ.

Я пила чай и возбужденно ждала глубокой ночи.

Я ела сосиски и думала о том, что пора бы уж им всем улечься. Я хотела фокусироваться в ночи. Без свидетелей. Однако лифт все хлопал и хлопал. Они ездили туда-сюда.

Наконец, часы показали три.

Это был мой звездный час. Это был мой шанс. Я чувствовала себя воровкой. Я чувствовала себя счастливой. Меня просто распирало от счастья. Я вспомнила экстрасенса и мысленно поцеловала его в темя.

Я надела мягкие тапочки, чтобы меня не застукали. Я приоткрыла узенькую щелку, за которой — волшебство и праздник. Букет жгучих тайн и радуг...

Но я предвидела и некоторые неувязки.

Вот как с поэтом.

Я вертела эти предполагаемые неувязки так и сяк.

Что-то будет?

Что будет, если не все тайны мне понравятся?

Я ведь — строга...

Я — боевита...

Ведь я — стрелец...

...Мое созвездие —
Стрелец.
Он целит прямо в неизвестность,
мишень минуя. Он стервец.
Непопадание извечно,
но он, минуя гордо цель,
мишень минуя, бросив гавань,
порвавши мимоходом цепь,
не зная почестей и славы,
глядит туда, где все — вопрос,
где все — туман и недомолвки,
где со стрельца — стократный спрос,
где люди — нелюди и волки,
где крови вкус и крика вой
сливаются в ночи нещадно.
Стрелец стреляет, сам не свой,
но слышит вопли о пощаде,
и слышит стон.
и слышит хрип,
и дрогнула стрела,
и мимо...

СТРЕЛА ЛЕТИТ, МИНУЯ КРИК.
Ах, мой стрелец неповторимый!

...Итак, я боевита, но отходчива.
Вперед!

Я смело переступила свой порог. На лестнице, как всегда, пахло вкусными супами. Это немного отрезвило меня. Романтизм поколебался. Я напрасно пудрилась. Могла бы и без пудры.

Когда внизу что-то грохнуло и заурчал лифт, я не двинулась с места. Стою — и стою. Имею право. Хоть и ночь. Может, я ночью люблю прогуляться. Около двери.

Лифт проурчал и грохнул над моей головой. Вернулся домой сосед сверху. Он всегда приходит в три часа ночи. Наверно, с работы. Он всегда уходит в десять вечера. Наверно, на работу. Он — инженер. У него ночные дежурства. Я всегда слышу, как он моется, когда придет. А потом начинает укладываться. И его престарелая матушка встает и дает ему ужин. Я всегда слышу ее тяжелые шаги. Банально.

Все же я прилежно поднялась наверх и сфокусировалась на их двери. Я не ждала от них ничего. Приличные, интеллигентные люди. Но надо же с кого-то начинать...

Но что это?! Все — в серых тонах. Цвет ни разу даже не проглянул. Цвет обходит инженера. Цвет обходит инженера, как чуму. Я увидела инженера в спецуре. Он брел по длинному заводскому коридору. В коридоре было дымно. В коридоре было, как в бане. Инженер не вписывался в инженера. Инженер вписывался в разнорабочего. Коридор не вписывался в завод. Коридор вписывался в прачечную. Инженер толкал впереди себя тачку. Тачка была завалена простынями. Сетки надежно схватывали их в тугие узлы. Одна простыня была плохо схвачена сеткой. Она болталась. Ей не следовало болтаться. Она скакнула в портфель инженера. В его интеллигентный объемистый портфель. Я всегда думала, что там книги. Я всегда ошибалась. Инженер поправил очки. Инженер затрусил дальше.

Я сморгнула. Фокусировка скакнула влево. Слева было темно. Слева было десять вечера. Слева был подземный переход. Через Ленинградское шоссе. В переходе стоял

инженер. А они шли и шли. Они шли, вихляя тугими задиками. Они шли, тряся избытками форм. Они шли, огорчая своим видом. Они шли явно не туда. Инженер заигрывал. Инженер растекался густым сиропом. Инженер прыскал сладким соком на уходящие плечики. Иногда инженера осеняло. И тогда он застил собой проход. Он усыплял бдительность незначащими вопросами. Например, как пройти в прачечную. Ему объясняли, как пройти в прачечную. И тогда он мягко говорил, что он — инженер. И живет с мамой в двухкомнатной квартире *. А в прачечную он сдает белье. Он просил не уходить. Он просил подождать. Он предлагал культурную программу. Он предлагал театр. Завтра. А сегодня он предлагал погулять. Погулять по аллее. Где кусты. Потому что уже поздно. Театр уже закрыт. И ему не хочется уходить домой. Ему хочется вот так прогуливаться, рассказывая о самом сокровенном. О самом-самом.

Я резко отключила серую фокусировку. Я выдохнула запах их невкусного овощного супа навсегда. И это — все?! Это и есть — жгучие тайны? Жгучие подземно-переходовские тайны, ради которых минуту назад я так горячилась? Ради которых я пудрилась?..

Но дело есть дело. Надо довести его до конца. Впереди вся ночь, впереди не только инженеры...

Я перевела взгляд на соседнюю дверь и сфокусировалась. И здесь я не ждала никаких тайн. Какие тайны? За этой обшарпанной дверью — Люлю, Люлю — вся как на ладони, сейчас она сопит, как суслик, а рядом — подобие детской кроватки, в которой сопит Попосик, убогий Попосик с навсегда остановившимся взглядом, он растет в длину, но ноги остаются мягкими, а потому Люлю до сих пор возит его в детской колясочке, и мозги его тоже остаются мягкими, и нет надежд...

...Я каждый раз вижу Люлю, когда выхожу из дома.
Я каждый раз вижу Люлю, когда вхожу в дом.
Она всегда сидит на лавочке, а рядом стоит коляска с Попосиком.
На коляску я стараюсь не смотреть.
Дело в том, что Попосик не выздоровеет никогда.

---

* В однокомнатной, не верьте!

Я жалею Люлю.
Иногда я подсаживаюсь к Люлю и говорю с ней о политике.
Другие соседи тоже жалеют Люлю.
Они тоже подсаживаются к ней и говорят с ней о политике.
Некоторые соседи дарят Люлю свои старые пальто.
Люлю делает из них новые.
Для себя и для Попосика.

...Короче, эта дверь не обещала тайн и радуг. Так уж, на секунду, для проформы, включаюсь — и столбенею.
Ай да Люлю!
Где ожидаемая серость? Ее убожество вспыхивает всеми цветами радуги и горит синим огнем, ее убожество призрачно и обманчиво, ее щи наваристы и прекрасны, они играют далеко не последнюю роль в нашем всеобщем аромате вкусных супов, эти щи никак не вяжутся с задрипанностью Люлю... К тому же Люлю далеко не так одинока, как кажется (Попосик — не в счет!) — из ее двери просто шквал портретов и голосов вырывается, и знакомые все лица, это именно они скрываются за дерматиновыми дверями, каждый — за своей, и так — с первого этажа по восьмой, а где-то в районе пятого этажа я и себя увидела — и ТАК себя увидела, настолько разнообразно и разномасштабно, — вплоть до своих политических убеждений, — что и помыслить боюсь, я ли это, ведь я всегда себя считала лояльной, ну, тихонькой, что ли, а у Люлю в отчете — ну прямо кобра демократическая, вольнолюбивая донельзя, эсерка-террористка какая-то, кинжалами под одеждой ощетинившаяся, еженощно на дело ходящая, да и соседи мои все, вплоть до старушечек — все в отчетах Люлю сияют разноцветьем политических убеждений, и все замешаны в кровавых заговорах, и все каменья российские шлют дяде Сэму прямо из Грановитой палаты, — как же их всех земля носит, и почему до сих пор на свободе они шастают, и я почему на свободе шастаю, ведь тут черным по белому все прописано. У Люлю в отчете (и все идет, куда следует!), так почему же томят нас, почему нас на мушке держат, давно пора покончить с этим рассадником, а на освободившуюся площадь расселить новых, чистых, как родник, но и за ними глаз да глаз будет нужен, так что Люлю и тогда тридцатник будет обеспечен, потому что у Попосика аппетит плохой, он любит один шоколад, да и Люлю надо питаться не только хлебом, а сырку б к чайку или ливерной, тут полтинник, там рубль. А ГДЕ Ж ИХ ВЗЯТЬ?..

...Я почувствовала сильный удар. Справа.
Я открыла глаза.
Я увидела керамические плитки.
Лестничная клетка у нас устлана керамическими плитками.
Плитки были близко от глаз.
Плитки были слишком близко от глаз.
Я лежала на полу.
Я упала на пол и от удара об пол пришла в себя.
Все плыло.
Я хотела домой.
Это был не мой этаж.
Я смутно увидела номер квартиры.
Это был номер квартиры Люлю.
Дерматин разразился многоголосой радугой.
В этой радуге была и я.
Эсерка-террористка.

Я поняла все: я упала в обморок от многоголосой радуги Люлю.
Теперь я встала.
И потащилась вниз.
К себе.
Я приняла горячего чая с двойным сахаром.
Я потихоньку отходила.
Я потихоньку отходила от своей любознательности.
Я приобщилась все-таки к жгучей тайне.
Приобщилась.

...Да, сверхпечально получилось с Люлю. Дело в том, что она располагала. Располагала к доверию. Располагала к откровенности. К ней хотелось подсесть и рассказать ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ. А потом идти дальше.

И тут я вспомнила взгляд Люлю.
Ее холодный, наблюдательный взгляд.
Который прятался за приветливым щебетом...

...А взгляды — холодны.
Угодливости ждут.

Клубит дорога. Что ни шаг — опасность.
Табличка: «МИНЫ!»
(Честность — это частность.
Но и за то спасибо, что идут
чуть впереди и ставят те таблички.
Без них — беда! Взлетим наверх, как птички!)
А то, что ставят мины —
не беда.
Мы их не замечаем иногда.
В брезгливости своей проходим мимо,
и чахнет незамеченная мина.
Чуть впереди
предатели
идут.
А взгляды — холодны.
Угодливости ждут.

...Окно было открыто.
Звезды лохматые и успокаивающие.
Они говорили, что ничего.
Что еще не вечер.

...Я чувствовала себя, как побитая собака.
Я приняла решение не приближаться к дерматиновым дверям людей, которых я знаю.
Которых я знаю с хорошей стороны.
Мне просто не с кем будет здороваться...
И я буду ходить грозная и разочарованная.
Лучше я буду ходить игривая и расположенная.
А фокусироваться я буду у незнакомых дверей.
Или — почти незнакомых.

Перво-наперво я сфокусируюсь на дерматине незнакомой безумицы.
Безумицы со зверским лицом.
Произошло ЭТО с ней при застое.
...Но даже и теперь мы держимся... Мы не сдаемся...

...Сдаваться и поздно, и рано.
Молчаньем зализывать раны.
Довольно, сдирая бинты,
свирепо и хрипло ругаться.
Когда-то умели смеяться

и были с травою на «ты».
С травою на «ты» — это сложно.
С травою на «ты» — это словно
не ранен ты, даже не болен.
Свирепое, хриплое эхо
еще впереди, и от смеха
звенят колокольчики в поле.

Вдруг что-то случилось с травою.
Случилось с ней что-то такое...
ЧТО шепчет — уже не понять.
Свирепо и хрипло проходим.
Теряем, а если находим,
то ленимся даже поднять.

Когда-то весь мир был зеленым,
теперь
прижигаем
зеленкой
любое предчувствие раны.
Молчанье свирепо и хрипло.
Но все же сквозь стоны и хрипы
сдаваться и поздно, и рано.

...Тогда я спала, открыв окно и балконную дверь, получалось — как бы на улице, и долго пожирала взором и листву шелестящую, и звезды лохматые, и никогда не могла заснуть раньше трех часов ночи. Но именно в три часа раздавался жуткий крик в ночи: «А-а-а!» Я всегда вскакивала и подбегала к окну. Режут кого-то... Женщину... Там... Среди листвы... Но после паузы крики всегда возобновлялись. «Долой! Тоталитарный! Режим!» — кричал женский голос. И я наблюдала, как в соседних домах зажигались трусливые огоньки, но сначала я не знала, что эти огоньки — трусливые, ведь я не знала, что такое — «тоталитарный», а потом, на работе, я спросила у нашего главного редактора, и он был очень удивлен. С сожалением посмотрел на меня и сказал, что ничего, эти крики скоро прекратятся, но так и не объяснил мне, что такое «тоталитарный», зато художник, который во время нашего разговора с главным редактором топтался рядом с расстроенным лицом, увлек меня в конец коридора и там прошипел мне в ухо, что я зря задаю шефу такие вопросы. Я испугалась, и он тут же объяснил мне,

что такое «тоталитарный», и у меня волосы встали дыбом. И все последующие ночи ровно в три часа, когда начинались крики, волосы вставали дыбом, а потом крики прекратились (тут наш шеф был полностью прав!), и одновременно с криками из нашего дома надолго исчезала соседка со зверским лицом. А потом соседка вернулась, а крики не вернулись. И тогда все поняли, что это именно она кричала так душераздирающе, потому что сошла с ума, а потом ее вылечили, и она замолчала.

Но и вылеченная, она ни с кем не здоровалась, и лицо ее было по-прежнему зверским, и все продолжали бояться ее.

Но теперь, когда застой кончился и всем все стало ясно, прояснилось и то, кем была соседка со зверским лицом — да ведь она была ПЕРВОЙ ЛАСТОЧКОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ! И теперь никто не боится ее! Хотя лицо по-прежнему зверское.

Около ее двери я и планировала сфокусироваться. Я хотела знать, кто ее накачал. Кто ее спровоцировал на такие душераздирающие крики. Ведь когда это было? Когда нельзя!!! Значит, лучшие люди ее спровоцировали. Значит, она вращалась среди самых светлых умов Отчизны, которые и тогда еще... Ну разве они виноваты, что в ее перекошенном сознании это приняло такие уродливые формы? Они думали... Они хотели, как лучше. И я хотела приобщиться к ним. К тем, которые еще тогда. А к тем, которые тогда так, а сейчас эдак, я всегда успею приобщиться.

Для этого не надо отираться у зверского дерматина.

И так, размечтавшись, я лежала, вглядываясь в распахнутое окно и мечтая о лучших людях Отчизны. И эти мечты выливались в спящие строфы, я едва успевала записывать...

...Окно в ночи и бабочка в ночи.
Увеличенье бабочки до жути.
И снова в мозг отчаянно стучит
виденье Музы и всезенье сути.

Что — белый цвет? Невинность, нежность, снег
или — распад? Причастность к преступленью,
прыжок к пределу в предрассветном сне,
привет, приют — иль светопреставленье?

Но что бы ни было, ты — в белом. Белый лик
подчеркивает черноту провала.
Печально пламенеет черный блик
там, где глаза. Над нежностью овала.

И ты — молчишь. Молчанью несть числа.
И ты — молчишь! Молчанью нет причала.
Чернеет ночь. Сквозь призрачность чела
звенит звезда призваньем и причастьем.

Заговори! И вспыхнувшим окном
прорежу ночь. Сгустит свеченье сумрак.
Внизу сирень стоит, объята сном,
и пахнет оголтело и безумно.

Она зовет (а днем — не позовет!)
бежать, ломать, вдохнуть и захлебнуться.
Не побегу. Пускай другой сорвет.
Мне до нее уже не дотянуться.

...Я с восторгом перечла строфы, навеянные смутным предчувствием приобщения к лучшим людям. Я мягко пожурила мою своенравную Музу за две последние торопливые строчки. Почему это, собственно, не дотянуться?! А если расти? Если работать над собой?

Муза в ответ пробурчала что-то неразборчивое и довольно дерзкое. Я отшвырнула листок с опусом в пику Музе. Я взглянула на часы. Стояла глухая ночь.

Я ликовала.
От ликования я забыла надеть мягкие тапочки.
Я прогрохотала прямо к двери безумицы.
Я доверчиво прижалась к дерматину, долженствующему свести меня с декабристами и народовольцами.
Дерматин что-то хрюкнул и чвакнул в ответ.
Что-то просипело по ту сторону двери.
Я была глуха к посторонним звукам.
Только — народовольцы!
Я еще пуще налегла на дерматин.
Дерматин внезапно подался.
Я не ожидала от народовольцев такого предательства.
Я не планировала влететь в прихожую этой зверской.
В ее неуютную прихожую.

Я не собиралась вытирать ее несвежие полы своим зеленым поролоновым халатиком.

И я никак не думала, что по мне пройдутся палкой!

Занозистой лыжной палкой.

Еле слышно я просипела, что я не грабительница, а соседка.

И что мне внезапно стало плохо у ее двери.

Я понуро спускалась с лестницы, вбирая в поролоновую спину крики, что нет на меня Иосифа Виссарионовича.

Шляюсь тут.

Ночью.

Я печально спустилась к себе.

Я устало присела на стул, пытаясь разгадать тайну превращения этой зверской из первой ласточки перестройки, более того — из БУРЕВЕСТНИКА ПЕРЕСТРОЙКИ — в такую сталинистку.

В такую замшелую сталинистку.

Я похоронила свои мечты познакомиться с народовольцами.

И с декабристами.

От огорчения я не могла заснуть.

Я спустилась на грохочущем лифте на улицу.

На нашей лавочке, как всегда по ночам, сидела группа задумчивых подростков.

Они печально смотрели прямо впереди себя и изредка роняли междометия.

Междометие долго цокало об асфальт наподобие металлического шарика.

Потом все успокаивалось.

И снова воцарялась тишина.

Я сфокусировалась на подростках.

На всех сразу.

Они не стоили дифференциации.

Я увидела ряд печальных междометий.

С неподвижными глазами.

И ничего более.

Их богатый внутренний мир был закрыт для меня.

Кажется, мои новые способности начинают оставлять меня...

Черные дела растяпы-экстрасенса оказались недолговечными.

Может, рассосется?

...Я побрела по лестнице вверх.

Заодно и похудею.

Где-то в районе третьего этажа я убедилась, что внизу, на лавочке, дело было не в моих новых способностях.

Дело было в подростках.

Ничего не рассосалось! Ничего!

Мои новые способности и не думали оставлять меня.

Мои новые способности следовали за мною, как верный пес.

Потому что где-то в районе третьего этажа я увидела... себя.

И услышала.

И нисколько не удивилась.

После всего, что было...

Та я, которую я увидела и услышала, сидела и со смаком говорила по телефону.

Часами.

Она (та я) молотила клювом обо всем на свете.

Особенно — о поэзии.

О поэзии она молотила, как о своей вотчине.

Иногда она напыживалась и загробным голосом читала свои стихи.

Те, которые считала печальными.

А иногда она читала другие свои стихи.

Те, которые считала остроумными.

И тогда она сама громко и радостно смеялась.

Да, но почему вторая я — здесь?

И чей это дерматин я так страстно обнимаю?

Я силилась разглядеть номер квартиры.

Я разглядела номер квартиры.

Я отпрянула.

Там жили...

Ну, как бы вам сказать?

Про себя я называла их — Сутенер и тетушка Приппер.

Тетушка Приппер (фамилию ее я, конечно же, извратила, но уж такая я) каждое утро, несмотря на свои не такие уж юные лета, исправно трусила на работу. Суте-

нер же, будучи куда как моложе и крепче физически, оставался лежать, потому что тетушка Приппер все равно приносила зарплату и продукты, а потом готовила эти продукты, а Сутенер ел, и за это он готов был жить у тетушки Приппер хоть до Страшного суда, более того — Сутенер был готов даже жениться на тетушке Приппер, но почему-то не женился. Когда же тетушка Приппер уходила на работу, Сутенер очень скучал и что-то такое сконструировал, и это что-то такое он накрепко приконструировал к проводочкам моего телефона, которые доверчиво выходили на лестницу, и ему это было не очень трудно, потому что наши с ним телефоны и так были спарены — ну что стоит рукастому, головастому, в соку дяде припарить к моим проводочкам что-то еще! — поэтому, когда я в час дня пробуждалась и звонила Оле, чтобы рассказать ей все-все-все и почитать поэмы, которые сочинила ночью, то моя телефонная трубка чмокала и чпокала — это Сутенер хватал у себя трубку и приникал к ней ухом. Иногда он выскакивал в автомат и звонил мне — не мог он мне из дому позвонить, потому что у нас телефоны спарены! — и вот Сутенер вынужден был полностью одеваться и дрогнуть в автомате. Оттуда он читал мне мои поэмы, которые я только что читала Оле, и я была польщена и знаменита, потому что был на свете загадочный человек, который уже знал мои поэмы назубок, едва они появлялись на свет, а потом я с огорчением догадалась, что этот загадочный человек — всего лишь Сутенер.

...А теперь и спать идти пора, уже светает, только кто это там крадется вниз по лестнице, под одной мышкой — люстра, богатейшая старинная люстра, под другой — веник, обычный обшарпанный веник. Уже и не крадется, а вышагивает, да важно так, как и подобает одному из начальников нашего жилищного кооператива, как и подобает нашему коменданту, как и подобает нашему Нахимычу — ать-два, ать-два!

Вообще-то наш Нахимыч не сразу стал комендантом, а постепенно. Сначала мы его выбрали в члены правления нами, потому что он живет в нашем доме и вызывает доверие своим солидным видом, и он доверие полностью оправдал и сначала обходился с нами мягко, и мы захотели его повысить, мы захотели назначить его нашим управдомом и положить ему оклад жалованья, и на оклад жалованья он согласился сразу, а вот на то, чтобы называться управдомом, не соглашался никак, а соглашался он только на то, чтобы его новая должность называлась «комендант», и он даже стукнул кулаком по столу перед самым главным нашим домовым начальником, председателем нашего жилищного кооператива товарищем Фоняковым, и товарищ Фоняков струхнул и пошел Нахимычу во всем навстречу, и с тех пор Нахимыч исполняет обязанности управдома, но называется он — «комендант», и с тех пор Нахимыч обходится с нами уже не мягко, а твердо...

А вообще-то Нахимыч не представляет для меня никакого интереса, на нем и фокусироваться-то не стоит, просто-напросто я хочу знать, почему сначала крался, а потом — ать-два, я машинально фокусируюсь, так, ради смеха.

...Но — что это?!
На меня обрушился... шквал.
Шквал ошеломил.
Я покачнулась.

Я поняла, что должна ЭТО навсегда забыть.
Навсегда похоронить в себе.
Иначе мне — крышка.

...Здесь я много чего пропускаю. Здесь я оставляю «белые пятна». В отличие от Магеллана.
По сути — что наша жизнь?
Игра.
И сыграть ее надо так...
ЧТОБЫ НИКТО НЕ ЗНАЛ.
Что ты слишком много знал.

Да и зачем мне знать, чья это богатейшая люстра, чей это обшарпанный веник, чьи это там Айвазовские разные да Левитаны, если все равно — старушке уже каюк, старушка уже не дышит, старушка уже спрессована, как треска мороженая, с другими такими же, которым — ну, не повезло, и нечего тут манную кашу размазывать! — потому что семья Жилкиных, претендующая на расширение, уже радостно заколыхалась, как спелая пшеница, и надо освободить хазу от барахла, а куда ж ее освобождать, куда ж всех этих Левитанов антикварных, не дяде же, тем более — не племяннику старушкиному,

будь он неладен, не сегодня-завтра приедет, вот и ходишь тут всю ночь туда-сюда, туда — порожний, к себе — с Левитанами этими русскоязычными, с Айвазовскими, оканчивающимися на «скпй», с люстрами этими да вениками, а тут еще по лестнице шастают какие-то в зеленых халатах, ОНА-ТО ЧЕГО ШЛЯЕТСЯ НОЧЬЮ ПО ЛЕСТНИЦЕ?!

Я порскнула к себе.
Я юркнула в самые недра уютной постели.
Я дрожала, как кролик.
Нет, не таков наш Нахимыч, чтобы щадить свидетелей в зеленых халатах.
Не таков...
Он и этих не щадил, ну как их, которые в ватниках, зэки, что ли, драл их наш Нахимыч, как сидоровых коз, молодой был, горячий, начальственный, настоящий «комендант» — или как там еще у них, у зэков, называются те, кто за ними присматривает, чтоб не сбежали, — это он теперь поутих, под гнетом лет, — так, пустячки, люстры с Левитанами — вот его теперешний предел. Ослаб наш Нахимыч. Так что может — спасусь? Может — пронесет? Да и откуда ему известно, что я знаю ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ?

Для храбрости я пошла и умылась, распевая пионерскую песенку:

На пятерки я учусь, я учусь,
И мальчишек не боюсь, не боюсь...

Однако страх долго не затихал.
Сердце билось где-то в горле.
На ватных ногах я доползла до своей двери, высунулась и долго крутила головой, пока не убедилась в отсутствии Нахимыча.
Только тогда я несмело выскользнула в аромат вкусных супов.
Остатки азарта взяли свое.
Мой зеленый халат опять мелькал у чужих дерматинов.
Теперь — очередь Головы-на-комоде.

Голова-на-комоде была похожа на голову на комоде.
И ни на что иное.

Голова-на-комоде поражала своей необъятностью и полным отсутствием загадочности — ну, тетка и тетка с кошелками, со всегда полными тугими кошелками... Но за эту ночь я успела стать опытной людоведкой, я уже привыкла отлавливать синих птиц именно на безрыбье, поэтому с надеждой приникла к ее темному дерматину, внимательно и не без удовольствия внюхалась в ее уху, я даже явственно увидела эту уху — осетровая головка, задумчиво плавающая в картофельно-кастрюльном пространстве, — и я слегка подивилась — а где это наша Голова-на-комоде вылавливает таких крупных осетров, а затем я пристально вникла в ее беспокойные грезы. Я вгляделась — так и есть! Дракончики! Небольшие трехголовые дракончики, извиваются, облепили весь потолок, да и стены тоже! А вот и самый младшенький из тапочка вылупился. И хочет лезть прямо на кровать. Надо еще спиртяшки глотнуть — тогда, может, исчезнет. И зачем спиртяшку эту на олигофренов тратить, на уколы-муколы там разные, им и разведенная спиртяшка сойдет — этим детишкам неудачненьким, этим голованчикам невостребованным. От чего их лечить-то, все равно помрут скоро. И куда этих олигофренов так на убой кормят, мясом, да еще рыбой, совсем с ума посходили, а ты вертись целый день на пищеблоке, готовь на них, головастых, с паучьими лапками, им и пшенка сойдет. Им все равно без пользы, недоделанным, во-он начальнички резвятся с этими, несовершеннолетними... гейшами, что ли, а что у них там получается, все из роддома невостребованное к нам поступает, за наш высокий забор, в наш приют, к нам, добреньким, к нам, терпеливеньким... Возись потом с ними, в каждой группе — по сорок штук, и все под себя делают, обормоты, и всех обиходь, слюнявых. Ублюдков наплодили, пусть пшенку жрут.

Я в задумчивости отвела глаза от добротного дерматина.
Дерматин отвел глаза от меня.
Хватит.
Щелчком я стряхнула дракончика, который просочился оттуда, из мира грез и жгучих тайн, и теперь доверчиво полз по моей руке, ожидая вкусного.
Дракончик заверещал, пробивая собой дерматин.
Дырка на двери затягивалась прямо на глазах.
Пусть она затянется навсегда.

Я не хочу больше людоведения.
Я не могу больше людоведения.
Я не хочу больше жгучих тайн.
Я не могу больше жгучих тайн.
Я хочу бесстрашно поднимать глаза на мелькающие дерматины. Хватит с меня изнанки жизни.

В общем, наступил серый рассвет, и я уже мчусь в такси к этому дураку-экстрасенсу за спасением.

...Открыл, как миленький. Причесывает руками неумытую плешь. Бабий халатик запахивает. Извивается. Пятирублевую купюру назад протягивает. Мельтешит, пытаясь скрыться от моего взгляда.

От моего направленного взгляда.

...Я шагнула к обшарпанному креслу, как лавина.

Я крепко и по-хозяйски расположилась в нем.

...Потом я отмахивалась от пятирублевой купюры, как от шмеля, потом я очутилась на лестнице, по-прежнему обреченная на то, чтобы видеть ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ и знать ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ...

Где-то внизу мое такси, сейчас я спущусь, оно домчит меня до моего подъезда, и все начнется сначала.

...Ну, на сегодня, на воскресенье, я еще спрячусь в свои квартирные недра... А завтра?

Не могу же я, в самом деле, объявить забастовку или, не дай Бог, голодовку, как один мой знакомый академик, но у академика были веские причины голодать — его бровастая жена колотила его, чтобы он голодал, чтобы он голодал во всеуслышание, чтобы он голодал взасос и надолго, — и он голодал, и это было услышано... И это возымело желаемое действие, потому что до его голодовки родственников бровастой жены не пускали к лазурным берегам, а после голодовки — пустили...

С такими невеселыми мыслями я ехала в такси. С такими же невеселыми мыслями я вошла в свой подъезд, вдохнула его знакомый запах и потащилась к себе пешком, стараясь не видеть мелькающих дверей и бренча ключами. И наконец я уронила ключи.

Я потянулась их поднять и, поднимая, все же задела краем глаза угол чьего-то дерматина... Все же задела...

Задела — и насторожилась.
Задела — и уже нельзя было идти на попятный.
Потому что дерматин излучал SOS.

Дерматин излучал SOS, надо было срочно что-то предпринимать, а на меня нашел столбняк.

...Это была дверь, за которой — Наденька, и я ее хорошо знала, потому что Наденька иногда заходила ко мне посмотреть картинки, которые я рисую, а потом мы пили чай с тортом, а потом Наденька рассказывала о себе и о Леночке, как она водит Леночку в школу и из школы, потому что надо переходить дорогу, и Леночка не может этого делать одна, а папа Леночки исчез неизвестно куда, и вот теперь они никому не нужны, и вот теперь Наденька работает, а в свободное время еще и подрабатывает, а в оставшееся ходит по магазинам, чтобы купить продукты и сварить обед для себя и для Леночки, и вот так проходит жизнь, но Наденька не сдается, Наденька мечтает о принце, которому они с Леночкой будут нужны, а он все не появляется.

...Я тоже ждала принца, но совсем другого, чем Наденька, мой принц должен был появиться и отвезти в Париж всех русалочек и кентавров, которых я рисую, он должен был купить мне билет туда и обратно и пройти вместо меня все эти унизительные хлопоты, предшествующие такой дальней, такой внушительной поездке, и парижская публика восторженно рукоплескала бы моим русалочкам, а я стояла бы гордая, счастливая и слегка усталая, уклоняясь от вспышек не наших блицев и давая сдержанные интервью на нашем языке, и тут же бормотал бы переводчик, переводя мои слова на неведомый парижский язык... В общем, если выражаться на сегодняшнем холодном языке, я ждала не принца, а спонсора, но тогда я думала, что жду принца, и мы с Наденькой долго плакали вместе, но потом утешились и опять пили чай и смотрели моих русалочек, а потом Наденька привела Леночку, и я показывала русалочек Леночке, совсем забыв про парижскую публику, и Леночка дивилась и ахала...

А потом Леночка выросла. Она вышла замуж и уехала далеко-далеко, а Наденька осталась, потому что она привыкла жить здесь, потому что здесь все — ее; и воздух — ее, и трава — ее, и деревья — ее, и ей уже не привыкнуть ни к чему другому, не то что молодой Леночке, она-то привыкнет, к тому же Леночка и ее муж не позвали Наденьку с собой, и Наденька после отъезда Леночки немножко приуныла, немножко подурнела, немножко за-

скучала... Очевидно, она вдруг представила себе свое будущее...

...Я буду будущего ждать.
Страшиться страха и ухода.
Привычность принцев и удач
менять на мелочь год от года.

Менять на мелочь буду речь,
менять на мелочь буду память...
Страшась от страха одуреть,
я стану стоном камнепада.

Я стану с танцем не в ладу,
я стану станцией «Финита».
Без слов и славы я влачу
привычек пристальные нити.

Я буду бурю изгонять.
Я молча молодость покину.
И, над надеждой изгалясь,
приму приблудную богиню —
приму привычку к немоте.
Приму придавленную зелень.

...А с неба нежно сходит тень
и свет светил стегает Землю.

...Но через некоторое время Наденька взяла себя в руки, она решила, что никаких особенных принцев, никаких особенных удач в ее жизни не было, потому что она всегда была связана Леночкой, а теперь — пора начинать жизнь сначала, а теперь — пора брать быка за рога вторично, и она разгорячилась, и она сгоряча завела множество приятельниц, с которыми можно было ходить в театры, в кафе и еще неизвестно куда, и Наденька все надеялась, что еще не вечер, и все ожидала какого-то принца средних лет, но с течением времени она поняла, что уже вечер, что ее принцы средних лет давно уже сидят в театрах и в кафе с молодыми девочками, одетыми не по-нашему. А Наденьку и ее приятельниц, одетых по-нашему, уже в театры не очень-то пускали, потому что — нет билетов, и в кафе не очень-то пускали, потому что — нет мест. А иногда над вчера еще нашими кафе появлялись не наши вывески, и за еду в этих кафе надо было платить не нашими деньгами, а не наших денег у Наденьки и ее приятельниц не было. Оставшиеся же кафе, которые соглашались пускать Наденьку и ее приятельниц за наши деньги, хотели взять с них наших денег столько, сколько Наденька и ее приятельницы не могли заработать, даже если бы работали круглые сутки.

Но Наденька и ее приятельницы не унывали, они встречались после работы в парке или на пляже. Наденька и ее приятельницы брали с собой бутерброды с колбасой и там подкреплялись, а когда колбаса исчезла, они стали брать с собой хлеб и крутые яйца, а уже потом — один только хлеб.

А потом пляж обнесли высоким забором, и за этим забором был слышен смех и звучала не наша речь, а на заборе висело объявление, что теперь вход на пляж закрыт.

Наденька и ее приятельницы все же продолжали иногда собираться, собирались они теперь в небольшом сквере около метро «Новослободская», там было совсем мало деревьев и стояли всего три лавочки, и вот они собирались на одной из лавочек, чтобы побеседовать обо всем на свете. Но и беседы обо всем на свете вскоре тоже плохо стали получаться, потому что из бесед об всем они превратились в беседы об одном — о том, что же это такое с нами со всеми случилось. Часто Наденька и ее приятельницы не беседовали вовсе, а только молчали, и постепенно встречи прекратились, и Наденька сидела по вечерам у себя дома одна, смотрела телевизор, молчала и думала все о том же, а иногда Наденька звонила приятельнице, и оказывалось, что приятельница тоже смотрит телевизор и тоже думает о том же...

А потом Наденьку уволили с работы. И не то чтобы потому, что она плохо работала, — вовсе нет! — а потому только, что учреждение, где она работала, исчезло, как стало исчезать многое из того, что еще вчера было нашей жизнью. И тут Наденька всерьез испугалась. Дело в том, что другой специальности у нее не было, а в другие учреждения она потыркалась и оставила всякие надежды, потому что она нигде не была нужна. И Наденька представила себя на улице, холодную и голодную... И Наденька заплакала, и Наденька не переставала плакать несколько дней и, плача, догадалась, что ей надо

к врачу. И от врача она пошла в аптеку, и купленные там таблетки помогли, они успокоили Наденьку, и Наденька больше не плакала. Она сидела, глядя в окно, а иногда выходила в магазин и покупала себе немного еды, совсем немного, потому что она экономила деньги. А еще она экономила таблетки, которые ей прописывал врач, — она принимала не три таблетки в день, а две, а третью таблетку клала в особый пакетик.

...И сейчас этот особый пакетик был у нее в руках, и стакан с водой был у нее в руках, потому что именно сейчас наступил тот день и час, который она наметила уже давно, месяц назад.

...Итак, я стояла перед дверью Наденьки, был серый рассвет, и все то, что я знала о Наденьке раньше, и все то, что я узнала о Наденьке только сейчас, вихрем пронеслось в моем мозгу, и я уже не медлила, и я уже нажимала кнопку ее звонка. Но она стояла и вовсе не думала открывать, и тогда я заколотила в дверь руками, и тогда я сказала, что ПОЖАР! Что моя квартира ГОРИТ! Что мне нужна ее ПОМОЩЬ! И тогда Наденька открыла, и я вошла, и первое, что я сделала, когда вошла, — взяла особый пакетик, тот, куда Наденька откладывала пилюли, и положила его к себе в карман.

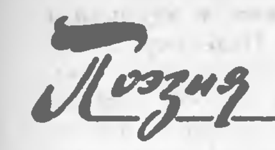
...Итак — я говорила, а Наденька сначала молчала, но потом она стала понемножку отвечать мне, и она все более походила на прежнюю Наденьку.

И тогда я подумала — а что, если все, что со мной приключилось, было нужно? Что, если это было нужно для того, чтобы спасти человеческую жизнь? Чтобы спасти Наденьку?..

И мы с Наденькой приходим ко мне, и я включаю магнитофон, и звучит знакомый хриплый голос... И мы снова пьем чай — теперь уже у меня, — и я показываю Наденьке мои новые картинки, и, кроме уже знакомых русалочек и кентавров, Наденька видит еще и многое другое, и в том числе — ПТИЦУ ГАМАЮН, КОТОРАЯ ПОДАЕТ НАДЕЖДУ...

...А за окном шелестит НАША листва, и НАШИ облака плывут и плывут в неизвестном направлении. Куда?

●

Александр ИГОШЕВ

СРЕДЬ БЕЛА ДНЯ

* * *

Как на большой дороге тать
шумел купцу:
— Разболокайся! —
так русичу теперь кричат:
— Ты виноват во всем! Покайся!

В чем? В том, что будто это я
переворот в Руси затеял?
Что, верный зову бытия,
всегда, как вол,
пахал и сеял?

Что будто бы помочь успел
достичь Сосо большого сана?
Что первым петухом
пропел
ему заздравную Осанну?

А может, ставят мне в вину,
что я,
пройдя ГУЛАГа зоны,
попал оттуда на войну
и кровью спас детей Сиона?

Да, я виновен, что меня,
согласно поученью рабби,
опять хотят,
средь бела дня,
в который раз уже ограбить.

РОЖДЕСТВО 90-ГО ГОДА

Рождество. Разошлась непогода.
Тает снег —

как линяет белёк.
Инвалид 45-го года
проскрипел на протезе
в ларек.

Не такие осиливал длины.
Оттрубил он в составе полка
крестный путь
от Москвы до Берлина,
всю войну —
от звонка до звонка.

А потом обихаживал землю
изо всех нерастраченных сил.
И прославился больше
не тем ли —
сам пахал, боронил и косил.

На страну наработано столько —
хоть сейчас по Союзу в приказ.
Да взглянул
на ларечные полки —
скудноват новогодний заказ.

Сахар. Пачка индийского чая.
Леденцы. И на кашу — пшена...
Победителя
дома встречая,
усмехнулась прегорько жена:

«Ох, не сытно, без брашна и сала,
власть родная вас кормит досель.
Да зато вон посылку прислали
из каких-то немецких земель».

Рождество девяностого года.
И вертелся вопрос:
«Was ist das?»
То ль дохнула в лицо непогода.
То ли брызнули слезы из глаз.

МАДОННА С КОЛЯСКОЙ

В сквере зеленом на улице Спасской
в городе нашем большом
встретил тебя я,
мадонна с коляской,
с худеньким в ней малышом.
Знать, укачала до сквера дорога —
спит твой усталый мальчиш.
Ты, положив себе
ногу на ногу,
рядом вальяжно сидишь.
Алые губы и черная челка.
Щеки густы от румян.
Плечи — угластые,
как у девчонки.
Женский полнеющий стан.
Запах акаций и запах гудрона.
Листья, звеня, шелестят.
Ты и сама
уморилась, мадонна,
только лишь серьги блестят.
Голуби сизые вьются под крышей.
Солнце в окошке горит.
Что ты сказала, мадонна?
И слышу:
— Дяденька, дай закурить.
Голос похмельный хрипит и смолкает.
Что мне? Не брат я, не сват.
Ты ли сама
уродилась такая?
Век ли во всем виноват?
Мчатся машины по улице Спасской.
Воздух от пыли горчит.
Сын человеческий
в белой коляске,
хоть и проснулся, — молчит.

ПРОДАЕТСЯ РОССИЯ

Эхо зычно в моей голове раздается:
— Продается! Спешите купить! Продается!
— Продается квартира. Сто тысяч. Кто больше?
(С каждой новою суммою пауза дольше.
А давно ль ту квартиру, обставя вещами,
многодетной семье «на зубок» обещали?)
Над зарплатой моею оценщик смеется:
— Двести тысяч. Берите. Раймаг продается!
Денег нет? Ничего — в конъюнктуру вникайте:
продается колхоз. По дешевке скупайте
и поля, и дубравы, и сено — стогами,
и реку с заливными ее берегами.
И по-свойски мигнув человеку из Сити:
— Завернуть вам завод? Инвалюту несите.
И поставленный голос до крика успел
(то не дьявол ли сам?): — Продается Россия!
Да, такое на свете случается редко:
чтоб страну... да с людьми и с могилами предков...
Не во сне ли я слышу? Нет, это не снится.
Покарала нас, видно, Господня десница.
И стучит молоток над притихшею Родиной:
— Продано!
— Продано!
— Продано!
— Продано!

Москва

Художник С. Трофимов

Л. Н. ФИЛИМОНОВ

ДОРОГА НА ЭВЕРЕСТ

(Рассказ о путешествии)

НАЧАЛО ПУТИ

Каждый находит то, что ищет

Н. К. Рерих. СЕРДЦЕ АЗИИ

С какого момента начать мой рассказ? Как быть с историей? Формула «не слишком рано, но и не слишком поздно», которую мы часто использовали, когда вместе с китайскими альпинистами обсуждали наилучшие сроки прибытия к подножию Эвереста, выручает и здесь. Ясно, что начать рассказ с момента отлета нашей группы из Пекина в Лхасу — слишком поздно, многое останется непонятным. Начать с 1852 года, когда индийской топографической службой было установлено, что пик XV, позже названный Эверест, хотя он уже имел местное название Джомолунгма, выше всех ранее известных вершин планеты — слишком рано.

В мае 1921 года, когда началась первая экспедиция английских альпинистов, которая обследовала район Эвереста, составила его карту и впервые достигла Чанг-ла (7007 м), я имел от роду 1 год 8 месяцев. Как отмечают, в то время я осваивал искусство ходьбы по плоской поверхности — все еще рано, до альпинизма тут далеко.

В начале 1936 года произошли вещи, которые заставляют меня задуматься: не они ли определили то, чем я занимался впоследствии?

Однажды в нашей школе был сделан доклад о восхождении на Эльбрус — высшую точку Европы.

...Докладчик, высокий, широкоплечий, веселый, в горных ботинках с триконями, в широких гольфах, рассказывает о восхождении на Эльбрус группы московских студентов, которую, конечно, возглавлял он сам... В затемненном зале временами вспыхивают отблески света из щелей проекционного фонаря. Докладчик длинной указкой показывает что-то на экране. А на экране — то немецкая карта Эльбруса, то сам докладчик (в тех самых гольфах и горных ботинках!), а вот группа у тура, в стороны, куда ни глянь, уходят горы.

Небольшой перерыв, демонстрируют снаряжение: ледоруб, крючья, веревка, штормовой костюм...

Несколько дней спустя кто-то из ребят одолжил мне книгу «Борьба за Эверест». Она прочитана запоем за одну ночь...

Эверест, высочайшая вершина Земли, расположенная в Гималаях, на границе Китая и Индии. Запретная страна Тибет. Столица ее — Лхаса, куда местные власти десятилетиями не пускают европейцев. Буддийские монастыри... Вечно снежные вершины, лавины, разреженный воздух высот, бури, страшный холод... Преодолевая невозможные трудности, идут и идут люди вверх, все ближе к вершине... Гибель Мэллори, лучшего альпиниста Англии, и ушедшего вместе с ним молодого Ирвина... Оделл, оставшийся в одиночестве на жуткой высоте 7700 метров, сквозь движущиеся облака еще только раз видевший тени Мэллори и Ирвина...

В моем сознании альпинизм и Эверест разделились не очень сильно. При слове «горы» передо мною встают теперь не только скалы и льды, но и люди, друзья, единомышленники. Именно в горах я предметно прочувствовал великую силу человеческого тепла и товарищества в их простом и естественном выражении — поддержке веревкой при срыве, глотком воды и последним куском хлеба, внешне грубоватой шуткой в тяжелые минуты...

Эверест долго оставался лишь далекой мечтой. В 1948 году, когда вышла книга Тильмана о восьмой английской экспедиции на Эверест с севера, поднявшейся в 1938 году на Чанг-ла с главного Ронгбука, мы организовали биваки в снежных пещерах и коротали непогоду и невзгоды двухнедельного траверса Безингийской стены, обсуждая, в частности, и вопрос о том, что из наших новинок оказалось бы полезным на Эвересте. В 1952 и в

1953 годах, когда швейцарцы и англичане закладывали основы успешного восхождения Хиллари и Тенцинга на Эверест с юга, мы с друзьями прокладывали маршруты по стенам Мижирги, Вольной Испании, пика Шуровского, по склонам пика Ленина, прикидывая, как бы все складывалось, если бы мы были в условиях других восхождений. А я мысленно добавлял: на Эвересте...

В 1955 году были найдены возможности контакта с альпинистами Китая. Альпинисты советских профсоюзов пригласили в СССР группу китайских спортсменов для совместных восхождений на Памире.

Совместные восхождения с китайскими альпинистами на территории КНР стали реальностью.

Были проведены необходимые совещания и консультации, подработаны планы, и было решено пригласить китайских альпинистов к нам для совместных тренировок, посвятив 1958 год отбору и подготовке участников будущей экспедиции на Эверест в горах Советского Памира. Намечалось конструирование и изготовление необходимых образцов снаряжения.

План был принят.

Так оказалось, что летом 1958 года около восьмидесяти альпинистов СССР и КНР собрались на Памире у ледника Октябрьский, чтобы провести лето в походах, тренировке и восхождении на пик Ленина.

Неожиданный телефонный звонок

Приехав в Москву после сбора под пиком Ленина и погрузившись в основную работу, я не часто вспоминал о том, что на свете существуют горы, Эверест, альпинизм.

Седьмого октября, наполнив комнату папиросным дымом и отрешившись от всего житейского, мы с одним из моих сотрудников сидели за столом, чертили графики и выводили формулы, пытаясь разобраться, что означают полученные экспериментальные данные. В одиннадцать часов раздался телефонный звонок.

Я снял трубку. Звонили из отдела альпинизма Всесоюзного комитета физкультуры.

— Левушка, как ты относишься к тому, чтобы вылететь в Китай?

— ?!?

— Получено официальное приглашение к 15 октября прислать в Пекин трех альпинистов для участия в разведке подступов к Эвересту с севера. Мы сейчас комплектуем эту группу и считаем твою кандидатуру подходящей.

— Мою кандидатуру?.. А как же с работой? — бормочу я, еще не переключившись на другой строй мыслей. До меня донесся смешок и торопливый неясный говор. Потом из трубки послышался голос Виталия Михайловича Абалакова:

— Левушка, не валяй дурака, дело очень серьезное. Советник китайского посольства нанес визит председателю Комитета физкультуры Романову и передал ему официальное приглашение. Все формальности будут решены чрезвычайно быстро, был звонок из Центрального Комитета. Я ехать не могу — надо возиться с кислородными приборами; Кирилл Кузьмин — тем более — у него на руках вся подготовка экспедиции. Бросай все дела и приезжай в Комитет.

— Еду! — ответил я, сообразив наконец, в чем дело.

Так началась для меня дорога на Эверест.

Неделя, отпущенная на сборы, промелькнула быстро. Совещания по программе, беготня по снабсбытам за снаряжением, высиживание в приемных, медосмотры и прививки, оформление документов окончательно укрепили нашу уверенность в том, что после всего этого собственно альпинизм, безусловно, является отдыхом.

В полночь 15 октября Евгений Адрианович Белецкий — руководитель группы, Анатолий Иванович Ковырков и я оказались во Внуковском аэропорту. До посадки в самолет оставалось несколько минут, а мы еще возились со сдачей багажа. Наши вьючные сумы, ледорубы, ящики, мотки капроновой веревки выглядели здесь странно и привлекали общее внимание.

Первый день в Китае

Путь от Москвы до Пекина, с посадками в Омске и Иркутске, проделали за девять летных часов. Подлетая утром к Пекину, мы с интересом рассматривали аккуратные террасированные поля, лесистые холмы севернее Пекина с тянущейся по ним лентой Великой Китайской стены. Евгений Адрианович, уже бывавший здесь, давал пояснения. Незадолго до посадки он облегченно вздохнул и с чувством произнес:

— Ну, братцы, все! Сейчас самолет сядет, и можно будет ничего не делать, ни о чем не думать — теперь все будут делать китайцы.

Мы рассмеялись. Очевидно, доконали его сборы в Ленинграде и московские треволнения.

Самолет приземлился, подрулил к выходу на перрон.

Нас очень тепло, с цветами и дружескими объятиями встретили руководитель отдела альпинизма Ши Чжанчунь и переводчик Чжоу Чжень.

Получив багаж, погрузились в автомашины и отправились в город.

Не могу оторвать взгляда от окошка.

Идеально выровненные поля по сторонам шоссе, аккуратные, как в сказке. Ни травинки на обочинах шоссе... Невероятное количество велосипедистов на улицах Пекина. Горы грузов на трехколесных велосипедах-колясках — вот необычного вида длинные вилки капусты, вот свертки циновок из бамбука, а вот все на ту же велосипедную коляску ухитрились взгромоздить среднего размера паровой котел... Полотнища для сбора навоза, хитро приспособленные под хвостом у лошади, — и на улицах чисто, и удобрение не теряется. Торговые улицы в старом Пекине, с маленькими магазинчиками по сторонам, яркие вывески из громадных красных иероглифов, изогнутые коньки крыш, товары странного вида и запаха висят под навесами, просто по стенам, лежат чуть ли не на тротуаре. Непонятные правила уличного движения — автомашина объезжает трамвай по левой стороне улицы. Автобус с прицепом — при идеальных дорогах позволяет вдвое увеличить перевозки пассажиров. Многоэтажные дома-новостройки, окруженные лесами, связанными из бамбуковых жердей. Вереницы людей переносят по этим лесам кирпич на спине...

Подъезжаем к зданию Всекитайского комитета физкультуры. В специально выделенных комнатах здесь находится склад альпинистского имущества. Разбирая багаж, передали Ши Чжанчуню ящик крючьев и карабинов* системы Абалакова — подарок китайским альпинистам от Всесоюзной секции.

Увидев наши черные овчинные тулупы, Ши Чжанчунь заявил, что они не подойдут. Разведка будет одета в зимнюю форму офицеров Народно-освободительной армии. Тут же нам подбирают крытые зеленой тканью длинные тулупы, громадные пушистые лисьи шапки-треухи и предлагают примерить сапоги на меховой подкладке. Моим спутникам сапоги подошли. Что же касается меня, то эта затея оказалась безнадежной — в Китае не делают обуви размера, соответствующего нашему 45—46-му номеру. Предвидя зимние холода, я остаюсь в унтах.

Ши Чжанчунь мимоходом спрашивает, какого образца пистолеты мы предпочитаем. Сейчас поедут за оружием и нам привезут то, что нравится. Перед моими глазами замаячило видение связки альпинистов, пробирающейся по ледопаду, сокрушая стоящие на пути ледяные башни из автоматических пистолетов. Ни в одной из экспедиций на родине, в которых доводилось участвовать, мы их не брали — разве что одно ружьишко на всех для охоты. Поэтому, недолго думая, я ответил, что нам не совсем ясно, имеем ли мы моральное право носить оружие на территории КНР. После этого разговоров об оружии для нас не заходило.

Покончив с выбором снаряжения и договорившись, что брать с собой, что за ненадобностью оставить в Пекине, вновь садимся в машину. Чжоу Чжень везет нас в гостиницу. Недавно построенная, вполне современная гостиница называлась, если не ошибаюсь, «Цзе-мынь». Чжоу Чжень дал нам ее телефон, который мы машинально записали, не отдавая себе отчета, что говорить по телефону в Пекине без знания языка все равно не сможем.

У нас было время привести себя в порядок после дороги. Мы дали выгладить костюмы, приняли ванну, переоделись. Чжоу Чжень, коротко знакомый с Ковырковым и Белецким, насмешливо зацокал языком: по сравнению с китайцами, одетыми более чем скромно, мы выглядели пижонами.

Чжоу Чжень предлагает использовать время, остающееся до беседы с руководителем Всекитайского комитета физкультуры, чтобы посетить промышленную выставку.

Выставка производит сильное впечатление, оживляя краткие газетные сведения об успехах экономики нового Китая. Станки многих типов, самолеты, отличные тракторы, множество типов автомашин, от маленьких трехколесных до крупных грузовых в роскошных легковых, с драконом на радиаторе и многозначительной маркой «Ветер с Востока», электронные счетные машины, полупроводниковые приборы. Наши альпинистские сердца радует капроновая веревка китайского производства. Ши Чжанчунь тут же наводит справки, куда адресовать заказ на нее.

Вечером в холле гостиницы состоялась краткая официальная беседа с заместителем председателя Всекитайского комитета физкультуры и спорта товарищем Хуан Чжуном, одним из трех заместителей маршала Хэ Лува по делам физкультуры.

Хуан Чжун сердечно благодарит советских товарищей за хорошее проведение сбора под пиком Ленина. Далее он останавливается на инциденте с наименованием пика 6852 м, который был взят траверсом через пик Ленина (7134 м) группой из четырех советских и четырех китайских альпинистов. Советские участники предложили назвать эту вершину «Пик Мао Цзэдуна». Однако после того, как об этом стало известно в Китае, посольство КНР в Москве обратилось с просьбой о присвоении пику «6852» какого-нибудь другого названия. Хуан Чжун мотивировал это так: «Товарищ Мао Цзэдун не может согласиться с поощрением культа его личности».

Далее Хуан Чжун говорит о сборе в Тибете, по-видимому, имея в виду как собственно тренировочный сбор, так и разведку Эвереста. «Может быть, решение о сборе в Тибете имеет характер авантюры. Но мы надеемся, что он даст больше положительного, чем отрицательного. Самое главное в том, что мы лучше поймем обстановку, существующую на месте деятельности будущей экспедиции». Хуан Чжун полагает, что задачи трех представителей СССР состоят в том, чтобы помогать в осуществлении разведки Джомолунгмы и в учебно-тренировочной работе.

Хуан Чжун заметил в заключение, что Комитет физкультуры нацеливает людей навстречу многим большим и непредвиденным трудностям.

По окончании официальной беседы все переходят в ресторан для товарищеского ужина.

К нашему удивлению, угощают рисовой водкой, страшно крепкой — Хуан Чжун демонстрирует, как она горит в чайной ложечке. Рисовая водка дала повод пошутить, что большие и непредвиденные трудности для нас уже начались: мы обычно не употребляем крепких напитков до серьезных восхождений и не знаем, как быть — и пить не хочется, и не хотим обижать хозяев отказом. Хуан Чжун смеется, говорит, что до начала восхождений еще далеко, и чокается с нами.

Очень быстрая смена блюд, изготовленных из самых экзотических продуктов. Особенностью китайской кухни является стремление поразить воображение. Здесь и трепанги, и консервированные по китайскому способу куриные яйца, очень вкусные, но с белком странного коричневатого цвета; рыба в сладком соусе, вся пропитанная сахаром; изумительная маринованная капуста, жаренные в масле соленые бобы, картофель в расплавленном сахаре — блюд около двух десятков. Каждое блюдо помещают ва середину круглого стола, за которым мы сидим, ставят массу пряных острых приправ...

В тот же вечер Чжоу Чжень пригласил нас в Пекинскую оперу. Пожалуй, название оперы не вполне отвечает ее содержанию в привычном для нас смысле. Скорее это разнообразная эстрадная программа, включающая в себя и маленькую оперу, и несколько номеров иного жанра: пантомиму, акробатические танцы, жонглирование — что-то среднее между цирковой и балетной программой.

Особенное впечатление произвела мастерски исполненная пантомима: старик лодочник переправляет через реку молодую жен-

* Карабин — здесь стальное овальное кольцо с пружинной защелкой. Применяется в альпинизме для соединения веревок, крепления веревок к крючьям при страховке и т. п.

щину. Без декораций и без лодки, изящно и с хорошим юмором рисуют актеры образы глуповатой, жадной, трусливой дамы и простодушного, доброго старика перевозчика, создают полную иллюзию реки, лодки, берега, воды.

17 октября

По пути в гостиницу мы узнали, что в народной коммуне Синлицюн близ Тяньцзиня на опытном участке получен колоссальный урожай риса — 930 тонн с гектара. Ошеломляющая громадность этой цифры доходит и до наших душ, душ металлистов по профессии. Просим Чжоу Чженя устроить нам поездку на это поле. Ведь до Тяньцзиня всего сто с небольшим километров. Чжоу Чжень и сам загорелся этой идеей.

На другой день он будит нас телефонным звонком: все устроено, надо собраться, позавтракать и через полчаса выезжать. Поездом ехать неудобно, едем в старомодной английской машине для путешествий. В неуклюжей, но очень надежной машине четыре места для пассажиров.

Машина пробирается по узенькому старому бетонному шоссе, соединяющему Пекин с Тяньцзинем. Несмотря на раннее время, на шоссе очень оживленное движение. Автомашин мало. Большинство грузов перевозят на трехколесных велосипедных грузовых платформах. На каждой тележке положено груза как на ломовых дрогах. Всю гору тяжести везет один человек. Педали крутят в обратную сторону — говорят, что так легче. Довольно много повозок, запряженных мулами. Навстречу попалось несколько пассажирских междугородных автобусов. За каждой машиной — такой же по вместимости пассажирский прицеп.

У въезда в Тяньцзинь видим громадные земляные работы. Строится большой канал и портовые сооружения. Землю перемещают вручную — мотыги, лопаты, кошелочки, тачки. Работающие стоят очень тесно, так, чтобы только-только не задевать друг друга.

Въезжаем в город.

Большинство домов в Тяньцзине европейской постройки, дома в три-шесть этажей. Нижние этажи часто облицованы гранитом, дома выглядят богато. Улицы преимущественно узкие, как в старой Москве. Есть и отличии. Бросаются в глаза прочные каменные стены между тротуаром и окнами домов. Стены часто с бойницами, и это режет глаз — остатки полуколониального режима, существовавшего в свое время в Тяньцзине?

Минуя город, приезжаем на место — в народную коммуну Синлицюн. Громадное стечение народа — говорят, что в воскресный день бывает до семи тысяч посетителей, приезжающих перенять опыт.

Коммуна объединяет в себе советскую власть, крестьянство, рабочих, учащихся, солдат. Руководитель коммуны одновременно является главой советской власти и командиром войск. Частная собственность сохранена только на предметы личного потребления. Питание организовано трехразовое в столовых по талонам.

Нас проводят к участку рекордного урожая риса. Поля уже убраны, от опытного участка оставлена для показа посетителям площадь в несколько квадратных метров. На ней, вплотную стебель к стеблю, страшной густоты рис. Вертикально стоящие соломинки так близки одна к другой, что выдерживают, не ломаясь, вес взрослого человека, даже такого верзилы, как я, — ребята сделали снимок, показывающий, что это так на самом деле. Сплошным слоем в несколько десятков сантиметров лежат сверху соломы колосья, полные зерна. Чтобы обеспечить вентиляцию и предупредить загнивание, между стеблями вставлены продырявленные бамбуковые палки.

К вечеру возвращаемся в Тяньцзинь. Ши Чжанчунь настаивает, чтобы мы обязательно посетили знаменитую на весь Китай пельменную в Тяньцзине. Едем к ней. Очевидно, мы попали к моменту окончания работы — на улицах много людей, заполнены и тротуары, и мостовые. Почти такой же сплошной поток, какой бывает на Красной площади в Москве во время демонстрации. Все одеты очень скромно. И на мужчинах и на женщинах одинаковые темно-синие хлопчатобумажные куртки и брюки, на голове кепки, в подавляющем большинстве люди обуты в матерчатые туфли.

Знаменитая пельменная в узеньком переулке, перед входом очередь. Ши Чжанчунь скрывается внутри, и через некоторое время нас проводят в зал. В зале большой круглый стол. Подают пельмени, огромные, как манты в Средней Азии, начиненные мясом с луком и пряностями. Вкус острый, очень приятный. Но Ши Чжанчунь добавочно посыпает их невероятным количеством черного перца, предлагает и нам. Я попробовал — не еда, а живой огонь, без огнетушителя не обойтись, стократ страшнее, чем грузинские блюда. Опять уже знакомая нам рисовая водка, коньяк «Золотая премия», очень мягкий, превосходный по качеству, два сорта лимонада, которым мы и спешим залить пожар от перца.

Пребывание в пельменной было бесконечным — хозяева были неумолимы и заставили нас истребить огромное количество пельменей. Надо им отдать справедливость, нас они в беде не оставляли и от нас не отставали. На наши протесты Ши Чжанчунь улыбался и говорил: гость у хозяина вот где — и показывал указательным пальцем правой руки на ладонь левой, одновременно сжимая пальцы левой руки. Жест этот мне особенно запомнился — он повторялся потом при каждой встрече за столом.

Изрядно отяжелев, выбираемся из-за стола, долго ищем машину и уже в темноте пускаемся в обратный путь, в Пекин. Приехали туда что-то около десяти часов вечера.

18 октября. Пекин

В этот день было проведено обстоятельное совещание о планах работы. Ши Чжанчунь изложил свои соображения в чрезвычайно конкретном докладе.

Все грузы экспедиции, имеющей целью восхождение на Джомолунгму, — продукты, снаряжение, кислород, горючее и т. п. — необходимо привезти в базовый лагерь у подножия Джомолунгмы к началу марта.

Чтобы договориться о предоставлении необходимого количества самолетов, необходимо заранее знать о весе груза, который пойдет самолетами из Пекина в Лхасу.

Доставка грузов из Лхасы до монастыря Ронгбук у подножия Джомолунгмы будет производиться автомашинами по шоссейной

дороге. Она будет построена к началу зимы, во всяком случае, до начала 1959 года. Ее постройка уже началась.

В Лхасе организован специальный комитет содействия экспедиции и разведке, руководимый Партийным комитетом Тибета *.

Нас просят заботиться о содержании и плане работы молодых научных сотрудников — метеорологов и геодезистов, которые будут обслуживать разведку и экспедицию.

Далее Ши Чжанчунь говорит, что в монастыре Ронгбук (Чжоу Чжень произносит: храм Лумпу, и мы долго не можем понять, о каком храме он говорит) постоянно живет около двухсот лам. По его словам, ламы имеют оружие. Вероятно, Партийный комитет Тибета будет возражать против того, чтобы альпинисты жили в монастыре вместе с ламами.

Для защиты и оказания всесторонней помощи в разведке будет участвовать армейское подразделение.

По окончании совещания китайские товарищи пригласили нас осмотреть загородный дворец китайских императоров, открытый сейчас для всех желающих.

Дворец поразил нас вдохновенным искусством исполнения, изяществом и легкостью всего ансамбля, громадностью вложенного в него труда. Крытые золотистой черепицей изогнутые крыши с фантастическими драконами, лабиринт внутренних двориков, каждый размером с комнату, крытая деревянная галерея вдоль берега громадного озера, вырытого вручную, старинный парк — и повсюду бесчисленные скульптуры, тончайшая резьба по дереву, древняя китайская живопись. Поражало явное назначение ансамбля служить одному лицу или очень узкому кругу лиц. Направление мысли строителей дворца и назначение всего ансамбля подчеркивали миниатюрные дворики.

Для спокойного осмотра дворца нужны недели и неторопливые спутники, знатоки китайской старины. А мы располагали часами, чуть ли не бегом следуя за экспансивным Чжоу Чженем. Тем не менее, исключительная предупредительность и гостеприимство наших спутников произвели на нас, пожалуй, даже большее впечатление, чем экзотика дворца.

19 октября. Перелет Пекин — Сиань — Синин

С раннего утра и мы, и китайские участники разведки нарядились в штормовые костюмы, длинные овчинные тулупы, крытые зеленой тканью, напялили на головы зимние лисьи шапки. В Пекине еще тепло, и выглядели мы крайне нелепо. Городские костюмы и чемоданы оставили на хранение Чжоу Чженю, который оставался в Пекине.

На рассвете мы были уже на аэродроме.

Вылетаем с небольшого аэродрома около Пекина. Летим двумя транспортными самолетами Ил-12. Самолеты военные, со звездами, пилоты тоже военные, в кожаных коричневых костюмах и коротеньких сапожках. Наша группа насчитывает человек пятнадцать — это вторая группа разведки, первая уже в Лхасе. Нас опекает теперь Пен Шули. Он хорошо говорит по-русски, выучился за год на краткосрочных курсах. Мы познакомились и подружились с ним на сборе у пика Ленина летом этого года. Пен Шули весел, остроумен, спокоен и как-то очень мудр, при всей живости и подвижности, свойственных молодости. Он успел нагулять жирку после пика Ленина — тогда многие китайцы неохотно употребляли непривычные блюда русской кухни и заметно отощали. На округлевшей симпатичной физиономии Пен Шули мощные очки. Отойдя в сторонку, мы предаемся с ним воспоминаниям. Я вспоминаю, как Пен Шули лечил на леднике Саук-Дара одного из советских альпинистов, у которого разболелись зубы и опухла щека. Пен Шули, употребляя какие-то чудодейственные черные дробинки из своей личной аптечки, ухитрился за полтора дня поставить больного в строй.

Самолет быстро набирает высоту, делает круг над Пекином. Успеваем заметить очертания пруда и строений летнего императорского дворца, полоску Великой Китайской стены на холмах к северу от Пекина. Курс — на запад, к Сиани. Под крылом самолета плоские ровные поля, разбитые на аккуратные прямоугольники. Пустошей нет — вся площадь занята либо полями, либо поселками, либо узенькими проселочными дорогами. Поражают правильная ориентировка и форма полей. Всюду, куда обращается взгляд, видна прямоугольная сетка, почти как на клетчатой бумаге в ученических тетрадях, хоть определяй по ней части света.

Пролетаем над большой рекой. Это Хуанхэ. Вода в ней цвета густого кофе с молоком, наверное, река переносит очень много ила. Заметно, как она часто меняет свое русло.

Часа через четыре полета показывается крупный город, раскинувшийся на огромной площади. Это — Сиань, древняя столица Китая. Сейчас Сиань бурно развивается. В нем построены несколько крупных машиностроительных заводов, в особенности с неметаллоемкими производствами, открыто несколько высших учебных заведений, видны целые кварталы многоэтажных жилых домов.

Самолет производит посадку.

Пен Шули спрашивает, какой завтрак заказывать — по-китайски или по-европейски? Евгений Адрианович считает, что, пока можно, надо придерживаться европейской кухни. Мы с Толей соглашаемся — европейской так европейской.

Через некоторое время просят пройти в столовую аэродрома. Нам подают завтрак на английский манер — яичницу, сладкий пирог, кофе. Покончив с завтраком, идем к самолетам.

Следующая посадка будет в Синине, центре провинции Цинхай, через два с половиной часа.

В Синине по плану полагается ночевка. Пассажиров отправляют в роскошную, современного типа гостиницу, выстроенную недавно. В ней останавливались далай-лама и панчен-лама со свитами при поездках в центр.

Вечером ездили осматривать город. Зайдя в национальный тибетский магазин, были поражены обилием предметов культа — статуэтки будд, сделанные из желтого полированного металла, украшения для облачений священнослужителей, знаменитые шарфы «хата» из тончайшего шелка; головные уборы — шитые золотом меховые шапки и почему-то совсем московского типа темно-серые фетровые шляпы. Нам говорят, что такие шляпы носят

---

* Партийный комитет Тибета — орган для управления всеми делами Тибетского района, созданный в Лхасе центральными властями КНР. (Не следует путать с парткомом, занимающимся только делами партии.)

очень многие тибетцы, и мужчины и женщины. Темно-красные халаты для лам, традиционные тибетские сапоги с толстой подошвой, сплетенной из шерстяных ниток, с узкими разрезными голенищами.

Наши штормовые костюмы, выглядывающие из-под овчинных тулупов, огромные лисьи шапки вызывают всеобщий интерес и удивление. Идем, окруженные толпой, состоящей далеко не из одних только мальчишек.

Возвращаемся в наши роскошные номера. В номере на две персоны — большая гостиная, спальня, ванная, большое помещение для багажа. На кроватях можно спать и вдоль и поперек даже при моих габаритах.

20 октября. Синин. Утром выяснилось, что обнаружена неисправность одного из приборов на самолете, ее устраняют. Вылет или во второй половине дня, или завтра утром.

Днем опять осматриваем город. Он вытянут вдоль долины небольшой речки. Опять жители от мала до велика окружают сплошным кольцом, стоит лишь остановиться. Видели колонну школьников со знаменами и барабаном, идут на субботник. Навстречу им цепочка ребят постарше. На плечах плоские гибкие коромысла из расколотого вдоль бамбука, на них по 8—10 кирпичей. Разбирают старинную городскую стену, из кирпичей и строят новые дома. Движутся на слегка согнутых ногах, быстро перебирая ногами, полубегом — говорят, так легче нести груз.

Утром выехали на аэродром. Ожидаем посадки в роскошном зале с кожаными диванами и креслами.

Начинается осень... Листья на тополях пожелтели, покоробились и облетают. Как-то придется нам в горах в начале зимы? Утром уже холодновато, в тулупах и лисьих шапках в самый раз.

22 октября. Перелет Синин — Голмо — Дансюн

От Синина до Голмо летели около двух с половиной часов на высоте 6000 метров, хотя высота гор, как мне показалось, вряд ли требовала такой высоты полета. Приближаясь к аэродрому, видели остатки большого озера. Множество следов автомашин пересекает поверхность равнины — сейчас во всем Цайдаме ведут разведку солевых залежей и нефти.

Аэродром в Голмо расположен в шестидесяти километрах от города. Сам аэродром, все постройки вокруг него, большой участок шоссейной дороги в Тибет расположены здесь на мощном пласте соли, толщина его доходит до 30 метров. Поле аэродрома не пришлось планировать — оно совершенно плоское, его лишь прикатали дорожными катками. Соль покрыта тонким, сантиметров 10, слоем земли, очевидно, нанесенной ветром. Грунтовые воды сантиметров на 15 от поверхности. Маркировка взлетных дорожек выполнена в оригинальном стиле: в темном грунте вырыты неглубокие ямки, рядом с ними насыпаны небольшие белые конуса соли...

Аэродромная обслуга в свободное время занята добычей соли.

После заправки обоих самолетов и краткого отдыха летим на аэродром Дансюн, расположенный в восьмидесяти километрах от Лхасы по прямой.

Летим на высоте 6500 метров. Вскоре показываются горы. Хребты покрыты снегом, очень много речушек и озер. На склонах приличные пастбища, так что, вероятно, подножный корм для животных по дороге на Ронгбук будет. Самолеты летят примерно по трассе Цинхай-Тибетского шоссе. То и дело видим ниточку дороги, ползущие по ней автомашины.

Приближаясь к Дансюну, через окно самолета видим панораму мощного горного узла Ньенчен — Тангла. Это семитысячник. Громадный по высоте и площади, массив состоит из четырех вершин с малыми понижениями между ними и резко возвышается над соседними горами.

Сразу же после этого самолет садится. Я поглядел на часы — летели около трех с половиной часов.

Рядом с аэродромом проходит Цинхай-Тибетское шоссе. Около аэродрома — новый городок. Он возник одновременно с аэродромом, уже после вступления китайских войск по известному договору о мирном освобождении Тибета. Множество вполне приличных домов, правда, глинобитных, отапливаемых милыми русскому сердцу чугунными буржуйками. Городок обнесен окопами, отрыты огневые точки, внушительный военный гарнизон. Похоже, однако, что с повстанцами всерьез не считаются — часовых и других признаков регулярной сторожевой службы незаметно.

Рядом с городком пасется большое стадо яков. По полю среди них ходят тибетцы, маленькими комбинированными вилами-лопатами собирают кизяк. Очень ловко попадают прямо в четырехгранные корзинки, висящие за спиной. Кизяк здесь — основное топливо. Як по внешнему виду похож на медведя с головой коровы и хвостом лошади. Несмотря на кажущуюся неуклюжесть, он настоящий вездеход. Для него не нужно хороших троп. Он проходит по неимоверным скальным кручам, не скользит на льду. Впоследствии я убедился, что як превосходит и лошадь, и ишака.

На улицах аэродромного городка копаются черные свиньи, напоминающие сванских, бродячие собаки и огромного роста черные вороны. Вместе с собаками вороны роются в отбросах, ничуть не боятся людей, несколько птиц, объединившись, легко прогоняют прочь собаку.

Беседуем с летчиками. Они сетуют на то, что имеющиеся карты очень неточны, на них не обозначены многие высокие вершины или обозначены не там, где расположены. Летают только по опыту и при прямой видимости. Штурман сказал, что в один день здесь все четыре времени года: перед рассветом зима, в конце дня лето.

ЛХАСА И ШИГАЦЗЕ

Нас не должна отталкивать необычность образов. Мы должны знать вещи так, как они происходят в наши дни в разных странах.

Н. К. Рерих. Сердце Азии

23 октября. Совещание с Сюй Дином

Весь путь — около 185 километров — преодолеваем за 7 часов, включая час на обед в Ямбадинге.

Едем на трех машинах с охраной — 10 солдат с пулеметами и автоматами. Нас сопровождает представитель Комитета содействия экспедиции, созданного в Лхасе.

На каждом встречном грузовике — охрана из 1—2 солдат, шоферы тоже вооружены. Насколько всерьез принимают мятежников, пока неясно.

Немного не доезжая до Лхасы, слева от дороги видим громадный монастырь. Это Брайбун — крупнейший монастырь мира. В нем около 7700 лам. Чтобы рассмотреть все получше, просим остановить автобус. Монастырь расположен у подножия бокового хребта и выглядит как грандиозное роскошное белое здание. До сознания не сразу доходит, что отдельные постройки попросту проецируются на здания, расположенные дальше и выше по склону. Справа, ближе к дороге, в окружении деревьев, еще группа зданий. А совсем близко — башня и рядом с ней громадный, больше десятка метров высотой, холм из мелких камешков. Каждый паломник, посещая монастырь, бросает на эту кучу камешек. Этот обычай иллюстрирует популярность монастыря... Во многих местах развешаны гирлянды каких-то флажков.

У въезда в Лхасу очень много новых одноэтажных длинных домов — склады, бараки казарменного типа, обнесенные глинобитными стенами, с китайскими часовыми у ворот. У деревьев — толстенный ствол, оканчивающийся пушистым венцом из молодых прутьев. Похоже, что их часто срубают на хворост.

На холме, над городом, сверкает золотистыми крышами громадный дворец — это знаменитая Потала.

Пока ехали по окраинам Лхасы, успел рассмотреть множество монахов со стрижеными головами, в красных длинных одеждах, которые мы тут же окрестили «рясы». Монахи несут с базара покупки, ездят на велосипедах, подоткнув рясы. Многие идут пешком — босые, погоняя навьюченных яков.

Очень много грузовых автомашин, и все идут сейчас в сторону Лхасы.

Нас привезли прямо во двор недавно построенной из дикого камня двухэтажной гостиницы. Через площадь от гостиницы — Потала. Пен Шули приглашает располагаться в отведенных нам номерах.

Вечером состоялся разговор с Сюй Дином, начальником разведки Джомолунгмы.

Сюй Дину 30 лет. Он мастер спорта КНР по альпинизму, штатный сотрудник Всекитайского комитета физкультуры. В совместном сборе у пика Ленина Сюй Дин не участвовал.

Сюй Дин, прибывший в Лхасу самолетом с группой товарищей на несколько дней раньше нас, рассказывает нам о плане разведки в том виде, как он подработан к настоящему времени.

Участники разведки и грузы будут доставлены из Лхасы в Шигацзе на шести автомашинах. После Шигацзе требуется 160 яков или ишаков и 40 лошадей, с учетом того, что груз составляет 6 тонн, а количество собственно участников разведки — 28 человек. Кроме этого, в состав разведки войдут два проводника, два переводчика с тибетского на китайский и 30 посыльщиков.

В связи со сложной политической обстановкой в Тибете уделяется большое внимание военной охране. Охрана будет осуществляться подразделением Народно-освободительной армии.

Если обстановка изменится так, что полную безопасность обеспечить не удастся, то разведка будет отменена. В нормальных условиях разведка начнется первого ноября и закончится в начале декабря.

Выезжая из Москвы, мы не представляли себе всей сложности конкретных обстоятельств, постепенно раскрывавшихся перед нами. Да и в дальнейшем мы трое долго еще продолжали мыслить привычными категориями проведения альпинистских разведок на территории СССР.

Нас поразила громоздкость разведки. Людей в ней оказывалось, наверно, больше, чем в экспедициях, пытавшихся штурмовать вершину Эвереста. В то же время мы отчетливо сознавали необходимость тщательного ознакомления с ледовой обстановкой на леднике Восточный Ронгбук, которая могла сильно измениться за двадцать с лишним лет со времени последней английской экспедиции. Не заглянув на ледопад в районе Чанг-ла, мы не получим самых важных результатов. Однако идти туда слишком поздно — рискованно: обычно после середины ноября погода портится, после снегопадов будет велика опасность лавин. Да и что разглядим мы, если погода будет облачной? Любыми средствами нужно быть там пораньше, а для этого всячески форсировать сроки выезда. Поэтому мы трое просили рассмотреть возможность выдвижения легкой передовой группы человек в 10 альпинистов с двумя десятками лошадей и самыми необходимыми грузами. Сюй Дин, посоветовавшись с Ши Дином, Ло Чжиши, Вун Кинджаном, сказал, что китайская часть руководства разведкой разделяет мнение о необходимости сокращения сроков подготовки и о выдвижении вперед легкой группы. Мы разошлись близко к полуночи.

Лхаса и Потала уже окутались темнотой. Я был взволнован и долго не мог заснуть.

Я прошелся по своей комнате. Меня поразило международное происхождение обстановки: письменный стол; чернила производства индийского филиала фирмы «Паркер», ручки немецкой фирмы «Фабер», индийский клей, китайская полупрозрачная бумага. Кровать невероятной ширины с этикеткой «сделано в Бельгии». В углу тумбочка, на ней кипяток в термосе, фарфоровая кружка с крышечкой, коробка с зеленым и коробка с черным чаем, жестяная круглая банка с сигаретами из Шанхая. На полу толстый ковер с национальным китайским рисунком — драконы, яркие птицы, фанзы, деревья с плоско расположенными ветвями.

Холодно. Гостиница освещается электричеством, но не отапливается. Водопровода и канализации в гостинице нет, как нет их и во всей Лхасе.

Я растянулся по диагонали на кровати, завернулся в плед английского производства — меня знобило.

Как встретит нас Эверест поздней осенью, куда сумеем мы подняться? Только бы не расхвораться, иначе — прощайте, все мечты об Эвересте... А как же мы будем управляться с таким громадным караваном? Что означают все эти разговоры об оружии,

о воинской охране?.. Найдется ли время, чтобы хорошенько посмотреть Лхасу?..

Незаметно я уснул, но спал неспокойно.

24 октября. Лхаса

Я заболел. Доктор Вун Кинджан рекомендует не выходить из комнаты. Он лечит меня не от гриппа, но в отдельности от кашля, насморка и от боли в суставах. Этот подход непривычен, хотя, кажется, свойствен китайской медицине. Набор лекарств, которые доктор доставал из своей кожаной сумки с красным крестом, тоже оказался неожиданным. Я был готов к появлению тигровой мази, женьшеня, препаратов из пант или других средств китайской медицины. Вместо этого появились таблетки кодеина, ментоловые капли, эмульсия стрептоцида для втираний. Занимаясь со мной, Вун Кинджан мурлыкал какой-то мотив. Я вслушался — «Голубка»! Оказывается, доктор очень любит музыку и отдает предпочтение европейской.

Приняв лекарства, некоторое время я терпеливо скучал у себя в номере, потом не выдержал, захватил фотоаппарат и отправился бродить по гостинице, оправдывая себя тем, что не выхожу из здания.

Из окон, обращенных на север, открылся прекрасный вид на ансамбль дворца Потала. Это крупнейший архитектурный памятник Тибета. Целый квартал расположен на южном склоне и вершине скалистого холма. Сердце дворца, громадное десятиэтажное здание шириной метров 300—400, мощь и высота которого подчеркиваются искусно выведенными гигантскими подпорными стенами, сильно выигрывает от того, что основанием ему служит холм, на котором мастерски распланированы зигзаги гигантских лестниц, линии крепостных стен и башен. Массивные белые стены слегка суживаются кверху, сверкают на ярком солнце. А в самом центре — сочное красно-коричневое пятно — Красный дворец со своими золочеными изогнутыми крышами и бесчисленными башенками и шпилями. Своеобразная, неповторимая архитектура сооружения делает честь его творцам, жившим в далекие времена. Основание дворца приписывают царю Стронцзангамбо (середина VII века). Постройка главных его современных частей начата при пятом далай-ламе в середине XVII века и закончена после его смерти. Дворец был закончен к тому времени, когда в России началось царствование Петра I.

Приспособившись у открытого окна, я сделал фотографии дворцового комплекса всеми имеющимися у меня объективами, горячо надеясь, что снимки окажутся не хуже, чем первые в мире фотографии Поталы, выполненные в 1907 году калмыком Овше Норзуновым, прибывшим из России в качестве паломника.

После обеда заместитель председателя Партийного комитета Тибета тов. Чжоу Женьшань в присутствии начальников отделов Комитета, а также председателя Партийного комитета Шигацзе товарища Лян Сюаньсань в холле гостиницы детально и очень откровенно рассказал о политической обстановке в Тибете, раскрыв перед нами существо происходящих сейчас в Тибете событий.

Тибет — исторически неотрывная часть Китая. Главной политической задачей после мирного освобождения Тибета стало обеспечение внутреннего единства. В северной части Тибета (так называемом Заднем Тибете, управляемом панчен-ламой) были обычны распри и вооруженные столкновения отдельных феодалов. Южный, или Передний, Тибет более един, однако и здесь всегда велась борьба группировок за власть у трона далай-ламы, которого считали выгодным устранять после достижения совершеннолетия, чтобы от имени следующего младенца управлять страной. Исключительная бедность основной массы населения — полуголодное существование даже в урожайные годы; основной продукт питания — дзамба, пережаренная ячменная мука, смешиваемая с горячей водой, редко молоко и молочные продукты.

До освобождения в Тибете было всего лишь две машины: станок для печатания денег и небольшая дизельная электростанция в Лхасе. Несмотря на все усилия Партийного комитета Тибета, он оторван от основных масс населения; изоляции способствует своей деятельностью феодальная верхушка. Тов. Чжао Женьшань сказал: «Народ нас не понимает».

Фактическая и формальная административная власть до сих пор находится в руках совета при далай-ламе, который называется «кашаг». Имеется семь членов кашага — калоны (министры) местного тибетского правительства.

Сложилось вполне определенное недовольство феодальной и духовной верхушки Тибета политикой Центрального правительства и Компартии Китая. Отсрочка социальных реформ на шесть лет, провозглашенная недавно, не устраивает реакционные силы, заинтересованные в сохранении феодальных порядков, в полной изоляции Тибета от остального Китая и в создании независимого, государственно самостоятельного Тибета.

Реакция в Тибете в последнее время встала на путь организации вооруженного сопротивления, на путь формирования банд. Их численность составляет до 500 человек.

Вооруженная контрреволюция пользуется лозунгами: «На защиту властей Тибета и религии»; «На защиту далай-ламы, против ханьской нации»; «Компартия идет на ликвидацию религии, а это корень нашей жизни».

Далай-лама и панчен-лама получают выгоды как от реакции, так и от Центрального правительства.

Местное правительство не поставлено в известность о приезде группы разведки Джомолунгмы в Лхасу и о всей последующей деятельности альпинистов. Правительства далай-ламы и панчен-ламы не будут поставлены об этом в известность и в дальнейшем. Официально наша группа именуется «Посещательная делегация Комитета физкультуры КНР с участием трех советских специалистов».

Откровенность и конкретность доклада сделали понятным многое из того, что мы видели. Мы не стали, конечно, специалистами по тибетскому вопросу ни после этого доклада, ни по возвращении в СССР. Однако доклад раскрыл специфику обстановки, на фоне которой должна была разворачиваться наша работа.

По правде сказать, мне стало как-то не по себе. Ореол романтики поблек и потускнел, и я стал сильно сомневаться в необходимости и своевременности всего нашего предприятия... Взглянув на нас со стороны, глазами тибетского простого человека, я увидел этаких чистеньких бодрячков, перебесившихся с жиру...

В тот же вечер, когда еще не рассеялось впечатление от доклада, генерал-лейтенант Тань Гуаньсань — заместитель командующего и комиссар Тибетского военного округа — дал в честь трех советских специалистов и «посещательной делегации Всекитайского комитета физкультуры» бал в зале собраний на территории военного городка.

Генерал выходит на середину зала и говорит слова приветствия. Исполняются две-три тибетские и китайские песни. Дружно аплодируем, хотя до нас песни не очень доходят — непонятны язык и мелодия, — но очень уж старательны исполнители. Затем играет оркестр. Он состоит из китайских музыкальных инструментов — барабан, медные тарелочки, несколько смычковых инструментов, отдаленно напоминающих скрипки, но с более резким звучанием, два-три рожка. С любопытством оборачиваемся к оркестру, не столько слушая музыку, в которой чувствуются какие-то знакомые мотивы, сколько рассматривая невиданные инструменты и движения музыкантов.

Обернувшись к залу, обнаруживаем, что перед каждым из нас стоит тибетская девушка. Девушки слегка приседают, кланяясь, выставляют руки ладонями вверх и высовывают язык. Мы смущены и не понимаем, что происходит — ведь мы впервые присутствуем на балу в Китае. Девушки смущены не меньше нас... Пен Шули, пошептавшись с кем-то, говорит, что девушки приглашают нас танцевать. Еще не оправившись от потрясения, встаем и делаем несколько неловких шагов, пока не улавливаем ритма фокстрота, исполняемого, так сказать, с китайским акцентом. Дальше дело идет лучше, да и музыка скоро замолкает... Объявляется вокальный номер, и нас увлекают в соседнюю комнату.

Сидя за низенькими столиками, на которых сервирован чай, смущенные своей неловкостью, засыпаем вопросами Пен Шули, который сохраняет невозмутимость. Оказывается, все очень просто: в Китае полное равноправие, и приглашение на танец может исходить как от кавалера, так и от дамы. Поскольку кавалеры обычно несколько нерасторопны (как и у нас на родине!), то чаще всего инициатива исходит от дам. Девушки обратились к нам с традиционным тибетским поклоном: вытянутые ладонями вперед руки демонстрируют, что в них нет оружия, высунутый розовый язычок — что кланяющийся не отравитель (по тибетскому поверью, язык отравителя черен).

Возвращаемся в зал и, стараясь загладить первоначальную неловкость, наперебой приглашаем присутствующих дам. Я танцевал так усердно, что к концу бала успел немножко научиться...

26 октября, Лхаса

Сегодня мы трое, по существу, бездействуем, но наши китайские товарищи развивают бурную деятельность. Они разбились на шесть групп (питание, снаряжение, метеорологи, радисты и др.), и каждая группа готовит свою часть. Мы получили личное снаряжение. Кое-каких мелочей нет, но, пожалуй, обойдемся. Больше всего меня беспокоит качество примусов и почти полное отсутствие высотного снаряжения — только то, что мы привезли из Москвы для себя лично.

Я оставил в Лхасе полрюкзака вещей, ненужных в разводке, ребята тоже. Опять себя плохо чувствую — тяжелая голова, кашель. Глотаю сульфадимезин и стрептоцид.

Мы теряем время. Самолеты из Синина все еще не прибыли.

Часов в 15—16 (я везде указываю пекинское время, которое заметно отличается от астрономического местного) Пен Шули пригласил нас на прогулку по Лхасе. Фотоаппараты просил не брать, штормовок не надевать — в ковбойках или тренировочных костюмах.

Вышли из двора гостиницы и повернули направо, мимо строящегося дома. На строительстве работают тибетцы — просеивают гравий, таскают его в кошелках, таких же, как для сбора кизяка, в форме опрокинутой четырехгранной пирамиды. Направляемся в старую часть города.

Очень много мелких лавчонок. Половина товаров в магазине, половина — на низеньких столиках на тротуаре, а то и просто разложена на земле. Товары самые разнообразные. Много местных. Много китайских, много индийских товаров. Видели человек 5—10 индусов. Они одеты в платье европейского покроя. Индусы являются, очевидно, владельцами магазинов. Очень много монахов в красных одеждах. Волосы монахов коротко острижены. Многие из них разъезжают на велосипедах, подоткнув рясу. Некоторые в очках. Чиновники одеты в шерстяные халаты темных оттенков. Кожа загорелая, волосы у всех ярко-черного цвета. Однако единого расового типа я не заметил — и ростом, и сложением, и формой головы и лица тибетцы весьма разнообразны. У многих рябые лица — следы оспы, накожные болезни, слезящиеся глаза.

Встречные с большим любопытством разглядывают нас, в особенности толстенького лысого Белецкого и мои белые волосы, необычные и в России. Однако любопытство вполне дружелюбное, с улыбками — простое любопытство людей, занятых своим будничным делом, увидевших нечто новое, любопытство, которое здесь никак не считается неприличным. Часто возгласы: Сулен, Сулен! (Советский Союз.)

Видели десятка два школьников с пионерскими галстуками. Несколько женщин в богатой одежде, с чистыми сытыми лицами.

На улицах часто встречаются китайские солдаты-патрульные: или пешком, парой, или на велосипедах, тоже парой. Видели двух самых обычных милиционеров, регулирующих уличное движение такими же жестами, как и в Москве. На меня это произвело неожиданно сильное впечатление, я никак не ожидал увидеть такое в Лхасе. Часто тибетцы-велосипедисты, не в силах преодолеть любопытства, замедляют ход и пристраиваются в хвост окружающей нас группы человек в двадцать-тридцать.

Видели вооруженного монаха — из-под красной рясы пояс с патронами и кобура с пистолетом. Солдаты с винтовками в явно тибетской одежде, очевидно, солдаты войск далай-ламы, стоят рядом с солдатами НОА на перекрестках.

Много собак на улицах, похоже, бездомных. Страшная вонь, пыль, грязь. И вместе с тем в одной из лавчонок весь прилавок завален превосходными импортными зубными щетками. Прогорит здесь лавочник с таким товаром!

Что же за товары в лавках?

Ткани всех цветов, шелковые, хлопковые — привозные — и шерстяные, домотканые. Посуда — тазы, ведра, чайники, сково-

родки. Консервированные продукты в банках с ярчайшими этикетками. Местные овощи — капуста, что-то вроде брюквы, лук и неведомая мне зелень. Всех сортов табак, папиросы, сигареты и даже сигары. Скобяные изделия, гвозди, шурупы. Спички китайские или индийские. Часы разных фирм, велосипеды. Видели даже новейшие ручные швейцарские часы с календарем. Много самой разнообразной обуви, от кустарных тибетских сапог с подошвой из плетеной шерсти до обуви западного происхождения; китайского изготовления резиновые сапоги, кеды, галоши; много разноцветной расшитой кустарной кожаной обуви. Какие-то непонятные пряности. Торгуют чаем распивочно. Готовая одежда. Национальные тибетские меховые шапки с желтым шитьем, а рядом — мягкие фетровые шляпы европейского образца, фасона «Москвошвей», так в шутку определяет Толя. Предметы культа — статуэтки, латунные чаши, фигурки будд, светильники, четки, украшения.

В самом грязном углу несколько человек торгуют мясом: профессия мясника считается самой низкой и презирается. Существует специальная группа людей, нечто вроде индийской касты неприкасаемых, которым разрешено убивать животных и торговать мясом.

Улочки в торговой части узкие — мы шеренгой идем, занимая от края и до края свободную от товаров часть улицы. Дома в два, иногда в три этажа. В окнах, выходящих на улицу, цветы, растущие в горшках. Домишки грязные, облезлые. Чаще всего они глинобитные, оштукатуренные или покрашенные известкой.

Идем дальше. Многие из встречных, в особенности пожилые, вертят молитвенные барабаны: рукоятка, на ней цилиндр из желтого металла, с резными украшениями, и на веревочке грузик. Движением кисти покачивают рукоятку, держа барабан чуть ниже лица, грузик вращает барабан по часовой стрелке, а владелец что-то бормочет... Страшно жалеем, что нельзя фотографировать...

Наша свита любопытных имеет стабильную численность, но переменный состав — человек около двадцати, конечно, с преобладанием мальчишек, как везде, очень подвижных и живых. Несколько молодых людей с велосипедами. Но некоторые проходят мимо, даже не взглянув. Разбитная торговка улыбнулась, показывая в нашу сторону пальцем, и, что-то сказав соседке, вызвала общий смех толпы.

Проходя по улицам, правда, не самым многолюдным, неоднократно видим, как мужчины и женщины, монахи и простолюдины, без стеснения садятся на корточки прямо посреди улицы и оправляются, закрывшись раскинутыми в стороны полами халатов...

На улицах столбы с проводами — электроосвещение, радиотрансляция. Во многих местах установлены мощные радиорупоры, и весь день ведутся передачи.

На обратном пути заметили струю дыма справа от холма, расположенного в том же хребтике, на котором стоит Потала. Сопровождающий разъяснил, что это огненное погребение, кремация. Кроме того, есть небесное погребение — труп рубят на куски, кости дробят и смешивают с тестом и все это отдают на съедение птицам, главным образом воронам. Они привыкли к

людям, как к кормильцам и как к пище, и не боятся их. Если птицы не едят трупа — это значит, что человек был плохой, и ему в следующем воплощении суждено понизиться в ранге. При грешной жизни в течение многих поколений можно докатиться до воплощения в насекомых и в прочую нечисть. Есть еще и водное погребение. К трупу привязывают груз и опускают в воду, в речку или озеро. Поэтому не рекомендуется пить воду из рек, не прокипятив ее. Если рыбы съедают тело — хорошо, не едят — грешником был покойный. В землю хоронят очень редко.

После ужина Сюй Дин сказал, что мы выходим в разведку даже в том случае, если самолеты из Синина не прибудут. Сборы заканчиваются завтра, во второй половине дня.

В нашей помощи при подготовке к выезду нужды нет.

29 октября. Дорога Лхаса — Ямбадинг

Выехали около 11.30 на одиннадцати автомашинах, из них на пяти солдаты и офицеры конвоя. Нам выделили маленький вездеход типа ГАЗ-69. На такой же машине едут секретарь Партийного комитета Шигацзе тов. Лян Сюаньсань, командир полка и Шигацзе тов. Чжан и майор, его помощник.

Опять проезжаем мимо громадного монастыря Брайбун, так поразившего наше воображение на пути в Лхасу.

По дороге в Лхасу очень оживленное автомобильное движение. Автомашин здесь несравнимо больше, чем на шоссе Пекин — Тяньцзинь. Мы встретили две большие автоколонны. Одна везла бензин в бочках, вторая — цистерны. Немного погодя навстречу был рейсовый автобус из Синина, полный народу, с багажом, привязанным на крыше. Семь суток из Синина в Лхасу на рейсовом автобусе — это производит сильное впечатление! Совсем недавно требовалось более 100 дней, чтобы пройти это расстояние с караваном яков.

В Ямбадинге обедали вместе с тов. Ляном. Он очень интересно рассказывал о панчен-ламе, главная резиденция которого находится в Шигацзе.

Тов. Лян видится с панчен-ламой регулярно два раза в месяц. Панчен-ламу зовут Чугиганцан, ему сейчас около 22 лет (родился в 1936 году в провинции Цинхай, вне собственно Тибета; в Цинхае живет очень много тибетцев, переселившихся туда в разное время). По достижении совершеннолетия — у тибетцев оно наступает в 18 лет — он приехал в Тибет. Панчен-лама дважды был в Пекине, очень многое осматривал в Центральном Китае. Особенно сильное впечатление на него произвела техника, и он ею увлекся. Центральное правительство выделило в его личное пользование отличную легковую автомашину. Он научился сам управлять ею и, отъехав на некоторое расстояние от монастыря Дашилумпо, меняется местом с шофером и сам ведет машину. Он часто ездит, например, из Шигацзе в Лхасу для встреч с далай-ламой, отношения с которым у него не только официальные, но на самом деле близкие, дружеские. Тов. Ляну приходилось неоднократно беседовать с панчен-ламой, убеждать его, что работа в качестве шофера может подорвать его автори-

тет среди верующих. На некоторое время это помогает, но затем живой бог снова садится крутить баранку...

В Ямбадинге мы получили известия, что грузы из Синина — два самолета — прибыли на аэродром Дансюн. Сроков их переброски в Шигацзе пока не знаем.

Заночевали в Ямбадинге.

30 октября. Ямбадинг — Шигацзе

Часов в шесть утра колонна наших машин переезжает мост, выходит в луговую долину и устремляется вперед.

По пути на Шигацзе мы пересекли два перевала: Щигу-ла, или Сюйге-ла, что в переводе означает «Белая бумага», высотой 5250 метров, и Тунса-ла, высотой 4800 метров. Сюйге-ла — высочайший в мире перевал из тех, через которые проложены автодороги. Рядом с перевалом, впереди справа, большая заснеженная вершина с резкими очертаниями, технически довольно трудная, на взгляд 5-й Б категории трудности. Ее высота, как говорят, около 7100 метров. Название вершины одноименно с перевалом — местных жителей не интересуют вершины как таковые, вот перевал, через который можно проехать, совсем другое дело *.

На перевале Щигу-ла была небольшая остановка, чтобы дать остыть моторам. Мы обратили внимание на хорошее состояние полотна: выбоины регулярно засыпают, дорогу постепенно улучшают и расширяют. Таких участков, где не могут разъехаться две машины, почти уже не осталось. Дорога хорошо спланирована. Повороты на серпантинах плавные и врезаны в коренной склон, так что получается как бы корыто, из которого машина не может выпасть. Покрытие дороги в основном грунтовое, но во многих местах приступили к засыпке полотна гравием и щебнем.

На склонах и в особенности на дне долин неплохие пастбища. Почти везде замечаем пасущихся яков или овец. Очень большое стадо яков было перед снежной вершиной Щигу-ла. Часты колонии арчи и другого кустарника, мне ранее не встречавшегося.

Колонна выезжает к громадной реке. Спокойно и величаво текут ее глубокие воды. Это Цангпо, верховья Брамапутры, крупнейшая река Тибета, почитаемая священной и в Тибете, и в Индии...

Машины останавливаются у паромной переправы. Сходим на берег, наклоняемся к воде, погружая в нее руки, и опускаемся на камни, не в силах унять внезапно нахлынувшего волнения. Между пальцами, поблескивая в лучах заходящего солнца, струится вода Брамапутры. Не Оки, не Невы, подумать только — вода Брамапутры! Трое пожилых людей со смущенными улыбками и повлажневшими глазами сидят на берегу и, как дети, ласкают бегущую воду...

Расспросили, водится ли здесь рыба. Говорят, что рыбы в реке очень много, но тибетцы ее не ловят и в пищу не употребляют, считая, что в рыбах воплощается Будда. Здешние китайцы (в Дартуге живут паромщики и взвод охраны) рыбу ловят, но тайком, чтобы не нажить неприятностей — это так житейски понятно...

* В книге А. Уиннингтона «Тибет» (Иниздат, 1958, с. 215) эта вершина названа Чомо-Ганга, ее высота указана — 25 600 футов (около 7600 м).

После переправы дорога идет по правому берегу Брамапутры навстречу течению реки.

В кустарнике, что растет на островах и кое-где на берегу, много дичи. Мы очень близко видели серо-черно-белых цапель. Уток непривычной раскраски, красных — такого же оттенка, что и одежды лам. Этих уток считают особенно священными, полагая, что в красных уток перевоплощаются ламы. Спугнули несколько зайцев — они выскочили чуть ли не из-под колес и долго бежали по дороге...

ГАЗ-69, в котором следуют Лян Сюаньсань, комполка тов. Чжан и майор, почти сразу же после переправы быстро уезжает вперед, без конвоя. По-видимому, в районе Шигацзе сейчас спокойно. Мы тоже движемся с большой скоростью, но частенько отстаем от грузовика охраны, чтобы фотографировать.

К вечеру доехали до Шигацзе, пробыв в пути 13 часов.

Шигацзе открывается видом на замок, стоящий на холме. Он выдержан в том же стиле, что и Потала, но строже и меньше по размерам. Построен он еще при четвертом далай-ламе. Замок прежде принадлежал светским властителям округа. В 1643 году, при пятом далай-ламе, войскам монгольского вождя Гуши-хана стоило большого труда взять его приступом. Теперь в этом здании помещается отделение кашага — местного правительства далай-ламы.

Одновременно в речной долине (Шигацзе стоит на реке Нянгчу, впадающей в Цангпо с юга) показывается большая роща лиственных деревьев. За рощей видны постройки города и открывается панорама очень большого монастыря Дашилумпо, в котором сейчас около 4000 лам. Это богатейший монастырь Тибета и резиденция панчен-ламы. Пять храмов с золотыми кровлями, сложенные из каменных плит и окрашенные в коричневатый цвет, содержат в себе надгробия пяти панчен-лам. На северо-восточном краю монастыря привлекает к себе внимание громадная стена, вернее, тонкое очень широкое и высокое здание. В этом здании выставляют большое изображение будд в день годового праздника. Стена эта выглядит весьма грозно и по первому впечатлению похожа на какую-то страшную боевую башню. Богатства Дашилумпо не раз привлекали к себе внимание больших и малых грабителей.

Как и в Лхасе, здесь много зданий, построенных недавно на средства Центрального правительства. Строительство продолжается и сейчас. Строят глинобитные дома под хорошей крышей, внутри домов стены выбелены известкой. Пол глинобитный. В городе электрическое освещение, часто установлены громкоговорители. Столбы электропроводки всюду в городе, и это заставило нас обратить внимание на то, что телеграфной проводки вдоль шоссе мы не видели.

Старый город теснится у подножия холма.

Нас привезли в один из кварталов за глиняной стеной и поместили, как сказал Пен Шули, в гостинице. Живем по двое в комнате.

Окна выходят на внутренний двор. Ворота на улицу из толстых досок, окованы ярочными железными полосами. В стенах во многих местах бойницы. Даже в окнах уборной, выходящих на

улицу, наскоро заложенных кирпичами, устроены бойницы. Эта сторона стены выходит на монастырь Дашилумпо — из бойницы вид его самый живописный...

Немного погодя зашли с визитом вежливости три члена Партийного комитета Шигацзе. Говорили на общие темы. Выяснилось, что уже отобраны носильщики для участия в походе вместе с нами. Это коренные тибетцы, все или члены партии, или комсомольцы. Начальник отдела иностранных дел сказал в разговоре, что он сопровождал Уиннингтона, входившего в состав группы корреспондентов демократической печати, которая посетила Тибет во второй половине 1955 года. Мы сказали, что у нас вышла его книга, и Белецкий обещал в следующий раз привезти сюда наиболее серьезные книги на русском языке, посвященные Тибету.

Зашел разговор о снежном человеке. Он начался с упоминания о том, что имеются случаи нарушения границы иностранными реактивными самолетами. Есть и случаи перехода пеших. Нарушители в оправдание говорят, что заблудились, занимаясь поисками снежного человека. Члены комитета сами ничего достоверного о снежном человеке не знают. Среди коренных тибетцев, заслуживающих доверия, рассказы о снежном человеке считаются легендами. Всерьез в существование снежного человека тибетцы также не верят. Слухи о нем распространяются с юга, из Непала и из Индии. Члены комитета полагают, что эти слухи имеют явную политическую направленность, как оправдание случаев нарушения государственной границы.

31 октября. Шигацзе

Сегодня обратил внимание на то, что официант, приносящий нам еду, имеет под белым кителем кобуру с пистолетом. Выяснилось, что это один из сотрудников Партийного комитета Шигацзе, который обслуживает нас, так сказать, в порядке дополнительной нагрузки. Дом, в котором мы живем, не является гостиницей. Это дом Партийного комитета, в котором сейчас размещают приезжих.

При сборах на прогулку выяснилось, что из Лхасы нас сопровождает младший лейтенант Ван, назначенный генералом Тань Гуаньсань для нашей личной охраны. Первый раз в жизни о моей персоне заботится телохранитель.

По дороге слева на пригорке — небольшой монастырь: храм Гэсара. Сразу вспоминается выставка картин Николая Константиновича Рериха, что была недавно в Москве, и полотно «Гэсар-хан»: сказочный всадник натягивает лук, чтобы пустить стрелу-молнию вдаль, туда же, куда мчится небесное пламя, охватившее весь горизонт.. Храм посвящен именно этому Гэсар-хану. Гэсар-хан, или, в другом произношении Кэсар-хан, — популярный герой многочисленных тибетских народных сказаний. С его именем связаны народные мечты об освобождении от нечестивых властителей Лхасы и воцарении всеобщей справедливости и благоденствия, о превращении Тибета в земной рай. В этих сказаниях переплетаются мечты о священной стране Шамбала, вход в которую находится на пяти вершинах Канченджанги, справедливые законы которой будут распространены повсеместно, с мечтами о пришествии грядущего Будды, с легендами о подвигах Гэсар-хана, непобедимое войско которого освобождает простой народ... Главным местом почитания Шамбалы считается монастырь Дашилумпо.

Чрезвычайно любопытны предсказания, о которых стало известно Н. К. Рериху во время его тибетского путешествия.

Согласно этим предсказаниям, во множестве появившимся после октября 1917 года, в 1936 году на тибетскую землю придет некто очень большой и воцарится всеобщая справедливость. Новая эра в отличие от прошлых наступит стремительно. Все свершится очень скоро, при жизни этого поколения: «Все вожди Шамбалы уже воплотились». В этих предсказаниях в обычной для них аллегорической форме подчеркивается, что новое придет в невиданном и непонятном облике и будет казаться отталкивающим. Об этом рассказывают так.

«Человек двенадцать лет искал Майтрейю Будду (грядущего Будду). Нигде не нашел, разгневался и отказался от поисков. Но, увидев, как странник конским волосом пилит железную палку, приговаривая:

— Если даже жизни моей не хватит, все-таки перепилю.

Смутился человек.

— Что значит мои двенадцать лет перед таким упорством? Вернусь я к моим исканиям.

И тогда явился человеку сам Майтрейя Будда и сказал:

— Давно уже я с тобою, но не замечаешь и гонишь и плюешь на меня. Вот сделаем испытание. Пойди на базар. Я буду на плече твоем.

Пошел человек, зная, что несет Бога, но шарахнулись от него люди. Разбежались. Носы заткнули и закрыли глаза.

— Почему бежите вы, люди?

— Что за ужас у тебя на плече? Пес смердящий, облезший, весь в язвах...

Опять не увидели люди Майтрейю Будду. А увидели, чего каждый достоин...»

Религия и религиозные сказания оказывают большое влияние на простой народ в Тибете. Религия жива, она всюду, и ее средствами ведется повседневная идеологическая работа, в которой отражаются самые последние новости. Активно ведет ее и один из духовных вождей Тибета — панчен-лама. Такие вот предсказания облегчают ему установление самого тесного взаимопонимания с народом при проведении коренных социальных преобразований: ведь теперешний панчен-лама пришел на землю, родился именно в 1936 году...

Осматриваем школу, расположенную на территории монастыря. Это светская школа. Монастырь выделил площадь для постройки зданий школы добровольно. Сейчас школа — шестилетка. Но уже организуется седьмой класс (в Китае учатся 12 лет: шесть лет начальной школы и шесть лет средней). Учатся шестьсот детей тибетцев всех сословий. Состоятельные люди охотно посылают своих детей в эту школу. Преподаватели — или тибетцы, получившие домашнее образование здесь же, в Шигацзе, или ханьцы. Последние преподают, например, конституцию КНР и историю. В школе преподается девять предметов: тибетский язык, история, география, естествознание, арифметика, рисование, пе-

ние, физкультура; по утрам дети молятся и изучают священные тексты. Такая школа в Шигацзе одна. Директор школы — тибетец, нас с ним знакомят. Умное чистое лицо, аккуратная темная одежда чиновника — длинный халат из темно-серой ткани в мелкую клетку.

Невдалеке от школы — замок, тот самый, что построен еще при четвертом далай-ламе. Пройдя мимо холма, на котором он стоит, осмотрели рынок. Торговые ряды — каменные длинные площадки под навесами — построены недавно на средства правительства панчен-ламы. До их постройки торговали, разложив добро на земле. Торговая площадь в Шигацзе превышает по размерам базар около храма Джоканг в Лхасе. Кроме торговли, рассчитанной на удовлетворение местных нужд, Шигацзе ведет и крупную оптовую торговлю. В качестве распределительного центра для торговли с зарубежными странами Шигацзе имеет большее значение, чем Лхаса, — в Шигацзе скрещиваются торговые пути в Индию и в Непал. Одна из дорог в Непал проходит через Шекар и Тингри — как раз по тому направлению, что новая автодорога и наш путь в Ронгбук.

Мы сделали много снимков — и людей, и домов. Издали, с бугра, сняли монастырь Дашилумпо и дом в нем наверху, где живет панчен-лама. Это один из домов с желтой, золотой крышей.

На обратном пути встретились несколько мальчишек лет по десяти-двенадцати, смешливых, озорных — остриженные, в красных рясах — монахи... Часто в монастыри отдают детей совсем малышами...

Заходили в государственный китайский магазин. Цены в нем как в Пекине, несмотря на огромные расходы по транспортировке грузов. Очевидно, торговля ведется с государственной дотацией.

На двери одного из домов видим... свастику. Возле дома резвятся ребятишки. Фашизм и война привили определенно-отрицательное отношение к этому знаку, и в сознании не сразу укладывается, что перед нами отнюдь не фашистская комендатура. Первоначальный, древний смысл этого буддийского символа — знак долголетия, добрый и жизнеутверждающий символ... Свастика долго еще будет служить нам темой острот и приправой к разговору, особенно при попытках усесться на брыкучего конька, на лбу которого красуется этот знак — имеющий лишь тот смысл, что хозяин лошади желает долгих лет жизни своему кормильцу...

Немного погодя, в середине дня, состоялся визит к нам главного министра панчен-ламы. Пен Шули называл его Дзаза.

Наши китайские друзья явно смущены визитом. Они были обязаны проводить в жизнь решение не раскрывать планов разведки и экспедиции перед панчен-ламой и его окружением, а тут необходимо иметь разговор с его ближайшим сотрудником по управлению. Сюй Дин просит нас аккуратно отвечать на вопросы и предоставить вести разговор ему. Желание хозяев для нас священно, и мы готовимся черное и белое не называть, да и нет не говорить.

Министр прибывает в роскошной английской легковой машине прямо в наш двор. С ним свита — древний и очень святой старец, шофер-тибетец, по внешнему облику похожий на принарядившегося шофера Памирского автотранспортного треста, и молодой тибетец в хорошей одежде. Посетители выходят из машины. Сюй Дин приглашает их войти в нашу гостиную, где спешно приготовлено угощение — чай, сладости, закуски, сигареты. Происходит церемония представления. Ее важнейшая часть — взаимный обмен хата́, шарфами счастья. Хата несколько напоминает полотенце с бахромой на концах. Древняя церемония передачи хата считается выражением всяческого доброжелательства и очень ценится тибетцами. Любые слова, любые подарки становятся неизмеримо значительнее, если сопровождаются подношением хата. Начинает церемонию тот, кто пришел с визитом, в данном случае — Дзаза.

Завязывается беседа на общие темы, взаимные любезности. Чувствуется, что Дзаза отлично знает о цели нашей группы. Прищурив и несколько отведя глаза, он любезно желает Посещательной делегации Всекитайского комитета физкультуры с участием трех советских специалистов доброго здоровья. Он желает, чтобы всем нам было приятно в Тибете и в Шигацзе, чтобы советские товарищи легко перенесли непривычный для них климат Тибета, желает успеха в нашей деятельности, направленной на благо Китайской Народной Республики и дела социализма. Дзаза приглашает весь состав делегации и особенно трех друзей из великого Советского Союза посетить вечером бал в городском клубе, который он устраивает в честь делегации.

Сюй Дин держит ответную речь в таком же стиле, не требующем упоминания о конкретных делах. Е. А. Белецкий, оказавшийся великим мастером парадных речей, сказал несколько слов от нашего имени — о том, что мы счастливы посетить Тибет, передать привет от народов Советского Союза, лично видеть эту полулегендарную страну, ее природу, ее города и дороги, ее замечательно красивые монастыри. Мы, возвратясь в СССР, расскажем советским людям о Тибете и будем счастливы продолжить начатое знакомство.

Вечером состоялись танцы.

Они были как-то непринужденнее, естественнее, чем в Лхасе. В зал входили любые жители Шигацзе, имевшие намерение посмотреть гостей из далеких земель и потанцевать.

Вначале мы пользовались большим успехом у местных дам. По-видимому, они хотели оказать гостям подчеркнутое внимание. Мне особенно запомнился танец с супругой Дзаза — полной, важной, высокого роста, с царственной осанкой. Она по праву и по существу первая дама Западного Тибета — ведь панчен-лама холост...

Вначале был приглашен Евгений Адрианович, глава нашей делегации. Маленький, толстенький, вероятно опасаясь произвести невыгодное впечатление, или попросту не рискуя обнаружить полное неумение танцевать, он мило заулыбался, отрицательно замахал ручками, показывая на меня. Мне не оставалось иного выхода, как принять приглашение. Хотя танцор я никудышный, однако я твердо помнил, что вести в танце должен кавалер. Два или три раза, напрягая все силы, пытался я кружить свою даму так, как, казалось мне, полагается делать это в исполнявшемся танце. Увы, все было напрасно. Наконец, я сдался и в течение долгих минут, показавшихся мне вечностью, партнерша кружила меня, заставляя покорно следовать ее воле. Я до сих пор переживаю свою неловкость...

С КАРАВАНОМ ПО ТИБЕТУ

...И караваны
Идут, звеня, издалека.

М. Ю. Лермонтов. Демон

2 ноября. Первый день пути

Выступили в полдень. В колонне 16 вьючных ишаков, несколько верховых лошадей и 4 двухколесных арбы с колесами от грузовиков. В каждую повозку запряжено по два мула. Нас пригласили сесть в арбы на груз. Вначале, не разобравшись, мы последовали приглашению. Затем увидели, что солдаты охраны идут пешком, неся на себе, кроме оружия, скатки кило по двадцати. Мы пососкакивали с повозок, а солдатские укладки положили на арбы.

При выезде из Шигацзе справа от дороги разворачивается панорама громадного монастыря Дашилумпо, богатейшего в Тибете.

Он располагался на склоне холма.

Облик громадного средневекового монастыря остался таким же, как много десятков и сотен лет назад. Впрочем, не совсем: теперь вдоль дороги проходит высоковольтная линия. Странно выглядит на фоне древнего и такого живого монастыря эта линия электропроводки, с трансформатором, укрепленным на одном из столбов.

К 16 часам вошли в Латан. Это небольшое селение неподалеку от одноименного монастыря, расположенного за некрашеной глинобитной стеной. В Латане готовят горячий обед.

На наших глазах совершена блестящая сделка: у местных жителей за два серебряных юаня купили три корзинки кизяка. Очаг складывают прямо на дороге, посреди селения. Пристраивают на него большой котел, наливают воды, бросают под котел груду кизяка, суют пучок сухой травы, поджигают. Тибетка, у которой купили кизяк, приносит мехи — снятую мешком овечью шкуру, с металлической трубкой, вставленной в одну из бывших ног. Раздувают огонь, кипятят воду, варят лапшу...

Вокруг столпилось чуть ли не все население поселка, прибежали даже монахи из монастыря, даром что до него с километр, — уж очень, наверно, любопытную картину представляет наша компания... Через несколько минут поднимается ажиотаж — около животных каравана появился свежий навоз! Бегом, наперегонки бросаются к нему тибетки, собирают прямо руками — еще бы, три корзинки — два юаня!..

Из Латана выходим через пару часов. Через час нас догоняют три грузовика с солдатами. Нам предлагают сесть в машины и везут километров на 30 вперед. В темноте останавливаемся на ночлег у маленького придорожного селения. Темнота — хоть глаз выколи. Ищем электрические фонари. При себе ни у кого из нас нет — фонари в рюкзаках, рюкзаки в караване, а караван остался в трех десятках километров сзади. Солдаты устанавливают, что оба глинобитных домика для ночлега непригодны. Ну и слава богу, расположимся спать на свежем воздухе. Надо только найти площадку поровнее и в заветерочке. Ногами на

ощупь ищем ровную площадку, то попадая в какие-то ямы, то спотыкаясь о камни. Наконец, находим достаточно большую площадку, но что-то она подозрительно мягкая. Зажгли спичку — полно навоза, и не только сухого... Ага, вон там у каменной ограды площадка с травкой. Правда, придорожная трава вся в густой пыли — не беда, наши вещи через пару дней будут такого же цвета, как и придорожная пыль, как бы мы их ни берегли. Садимся, прислонясь к стеночке, закуриваем. Спать будем здесь, вот лишь бы найти вещи. Две машины идут обратно за грузами. Пеп Шули говорит, что придут через час. Подождем!

3 ноября. Сабудидин

Температура в восемь утра минус три градуса, высота по альтиметру 3900 метров, погода ясная, безветренная.

Вышли с бивака в половине десятого. Едем на грузовых автомашинах еще 35 километров. Часть грузов на машинах, часть идет вьюками на ишаках, часть на арбах. В 10.45 прибыли в большое селение Сабудидин. Здесь будет подготовка вьючного каравана и ночевка. Сабудидин — уездный центр, цун, и первое тибетское селение, которое мы успели рассмотреть более или менее детально. Расположен он на высоте 3750 метров.

Прежде чем попасть в Сабудидин, пересекаем вброд довольно широкую речку. Наша машина, сбившись с брода, попадает па глубокое место, водой заливает мотор, и он глохнет. Долго сидим посреди речки, пока не подоспевает на выручку вторая машина. Между рекой и селением широкие поливные поля, рассеченные на прямоугольники арыками. Ячмень уже сжат в снопы и сложен на току, часть полей вспахана под зябь.

Само селение лепится на косогоре. В нескольких местах небольшие рощи тополей, посаженных очень густо. Над домами развешаны гирлянды каких-то флажков. На одной из скальных вершинок неподалеку высится средней величины монастырь, к нему ведут зигзаги вьючной тропы. В селении множество домов, обычно высотой в два этажа. Дома глинобитные, ограды вокруг них — тоже. Стены грубо покрашены известкой. Тут же видим, как это делается. Тетушка с ведром раствора залезает на крышу — у домов плоские крыши, огороженные невысоким барьером, — и, перегнувшись через барьер, хлещет по стене тряпкой, смоченной в растворе. Верхняя часть стены, куда она достает тряпкой, оказывается окрашенной более или менее ровно, низ же — желтая глина, местами покрытая струйками стекавшего раствора...

Машины останавливаются перед въездом в селение и разгружаются. Нас проводят в один из домов, в парадную комнату на втором этаже. На второй этаж попадаем по крутой приставной лесенке. Пока идем, видим на первом этаже помещения для скота, кладовые для соломы, деревянные сохи и прочую хозяйственную утварь. Глиняные стены внутри покрашены масляной краской и сверх нее расписаны картинами сказочно-религиозного содержания. Мне бросилось в глаза явное смешение китайской и индийской тематики. На одной из картин китаец-маньчжур с косой и длинными усами едет верхом на олене, на другой изображен слон, на слоне верхом сидит обезьяна, на плечах у обезья-

ны заяц, на зайце — ворон. Вторая картина символизирует мир и согласие в семье.

Хозяева приносят в комнату несколько складных тюфяков, крытых шерстяной домотканой материей и внутри набитых шерстью. Тюфяки раскладывают вдоль стен и жестами приглашают садиться. Потом хозяйка присылает сына. Он приносит чайник и несколько пиал и угощает чаем. Вкус его очень непривычен — чай соленый, приправленный маслом.

По привычке, усвоенной в караванных переходах по советскому Памиру и Тянь-Шаню, спускаемся во двор, чтобы помочь караванщикам убрать грузы, взять вещи, требующиеся для ночлега. Подошедший Пен Шули объясняет, что мы занялись не своим делом. Забота о грузе лежит на караванщиках и на солдатах. Они уберут грузы на ночь и принесут к нам в комнату все, что требуется, — нужно лишь сказать, что именно, какие вьюки. Нехотя уступаем воле наших друзей и поднимаемся опять в комнату.

Сидеть там без дела скучно, и мы просим разрешения побыть на свежем воздухе на плоской крыше дома. Опять переговоры Пен Шули и Сюй Дина с охраной, на крышу ставят двух солдат с винтовками и после этого приглашают туда нас...

Выходим на крышу. Ветер колышет флажки, гирляндами развешанные на уровне лица на веревочках или укрепленные на пучках веток, что установлены на башенках по углам дома. На каждом флажке тексты буддийских молитв; каждое трепетанье флажка на ветру эквивалентно произнесению текста молитвы вслух. И вот, развесив флажки и используя даровую энергию ветра, хозяева дома этаким механизированным способом добиваются заслуг перед богом. Нам показывают небольшую постройку на ручье, что-то вроде водяной мельницы. Это и в самом деле мельница, но вращаются не жернова для помола зерна, а большие барабаны с запрессованными в них текстами молитв. Хозяин мельницы капитально механизировал приобретение религиозных заслуг — в барабане сотни тысяч молитв, и каждый поворот барабана снимает с хозяина бремя множества грехов...

Во все глаза смотрим мы вокруг...

А какая своеобразная планировка селения. Чтобы не уменьшить площади полей, дома построены на косогоре, на склоне хребта, ограничивающего долину. Глиняные дома в беспорядке лепятся один к другому и один над другим, образуя бесчисленные закоулки и внутренние дворики. Часто крыша одного дома служит как бы верандой другого, расположенного несколько выше по склону холма.

Над селением тучами летают сизые голуби и пестрые сороки. Они совершенно не считаются с присутствием людей. Садятся в двух шагах на крыше, клюют насыпанное для просушки зерно. Во дворе они снуют под ногами людей, у лошади, разгребая навоз, выискивая съедобное... Мы вооружились фотоаппаратами и бродим по крыше, снимая чуть ли не все подряд, — так трудно устоять перед искушением, так непривычно все вокруг..

Вот тибетцы — местные жители, и среди них дедушка с молитвенным барабаном, вращаемым автоматическим движением кисти руки, — собрались группой и оживленно обмениваются мнениями, показывая то на нас, то на солдат, то на грузовики, стоящие неподалеку.

А вот через проем видна внутренность соседнего дома, а там... Там, освещенный ярким солнцем, стоит грубо сколоченный из бревнышек самодельный ткацкий станок. За ним работает пожилая женщина. Все на виду — и кусок готовой полосатой шерстяной ткани, и изготовление пряжи; рядом сидят двое детей и еще одна женщина и усердно сучат из шерсти нитки.

Издали доносятся песни. Тибетцы так жизнерадостно поют во время работы! По вечерам, после захода солнца, эти мелодичные песни производят сильное впечатление. Песни, видимо, и рассчитаны на исполнение в поле — в концертном зале в Лхасе они не звучали...

Стойкость и жизнерадостность тибетцев вызывают удивление и восхищение. Кажется, нарочно не придумаешь более трудных условий жизни. Их поля и селения расположены на высоте четырех тысяч метров — ведь это уровень вершин Альп и Кавказа. Резкие смены температур, пыльный ветер половину дня, сухость воздуха такая, что трескаются губы и пересыхает горло. Воду для орошения полей нужно подводить черт-те откуда. Неприхотливый ячмень и тот еле вызревает. Приготовление пищи — целая проблема: из-за низкого атмосферного давления вода кипит при низкой температуре, и крупа не разваривается. В качестве топлива — кизяк — поди-ка, побегай за ним. Мы видели, как хозяйки налетали на навоз от животных из нашего каравана в Латане — бегом, наперегонки, собирая его руками и засовывая куда попало. Ежедневная пища — соленый чай и мука из пережаренных зерен ячменя — знаменитая цзамба, один из наименее питательных продуктов на свете, и то не вдоволь. Средства сообщения хуже некуда: пешком, а грузы на себе или вьюками. Огромная часть мужчин, очевидно, наиболее способных, отвлечена от нормальной жизни и находится в монастырях — шутка ли, сто тысяч лам на миллион двести тысяч всего населения! В духовной сфере — суеверия и глубокое убеждение в том, что ламаизм с его учением о бесконечном круге переселений души — корень всей жизни. Они считают, что окружающий мир населен несметным количеством злонамеренных духов, злобных демонов, которые причиняют человеку все затруднения и горести. Демонов нужно умиротворять ежедневно, ежеминутно, в любом положении; только благочестивой жизнью в течение многих поколений можно спасти душу. Иначе цепочка переселений души приведет к воплощению в животное, в насекомое — душа может принять самый жалкий облик, полностью сохраняя человеческую способность мыслить и страдать.

И над всем этим — крепостная зависимость, куча натуральных повинностей. Поживи-ка в шкуре тибетца! А он живет себе, и радуется жизни, и не вешает носа...

Приносят ужин — лапша, к ней отдельно немного мяса, котелок чая. В составе разведки пожилой повар-китаец. Ему пришлось затратить часа четыре, чтобы сварить все это на жаровнях с кизяком.

Устраиваемся спать. Нас пятеро: Пен Шули, Ло Ван и мы трое. Сдвигаем вместе шерстяные тюфяки, накрываем их желтым полотнищем — противоипритной накидкой, как оно у нас называется в шутку, раскладываем спальные мешки, я и китайцы выкуриваем по отходной сигарете... Кончается второй день настоящего пути.

Но нет, день еще не кончился. Приносят письмо, составленное солдатами охраны. Они писали:

«Дорогие советские друзья и все члены посещательной делегации!

За последние два дня, когда мы вместе делали походы и ночевки, мы глубоко почувствовали вашу заботу о нас, вашу чуткость. Так заботится старший брат о младшем. Так, например, вы шли пешком и дали нам подводы для перевозки наших укладок. Ваш доктор осматривал нас; вы заботились о нас в бытовом отношении. Все это затронуло наши глубокие чувства. Благодарим вас, советские друзья и члены делегации.

Мы заверяем вас, что будем преодолевать любые трудности на нашем дальнейшем пути и обеспечим вам полную безопасность на вашем пути до цели.

Вы пока еще не совсем привыкли к климату Тибета. Желаем вам сберечь ваше здоровье.

Большевистский привет,

3.11.58» Подписи всего состава 1-го взвода 7-й роты.

Подлинник этого письма хранится у Пен Шули, который сделал для нас его перевод. К этому, может быть, следует лишь добавить, что по возвращении в Шигацзе весь состав охраны получил выговор от начальства за принятие помощи в транспортировке грузов. В походе отрабатывалась учебная задача: марш взвода в условиях Тибета в отрыве от баз. Принятие помощи означало намеренное уменьшение трудностей учебной задачи...

4 ноября. С вьючным караваном — в путь!

Из Сабудидина до самого Эвереста пойдем вьючным караваном.

Подъем сегодня в 7.30. К восьми надо упаковать спальные принадлежности и сдать караванщикам рюкзаки с личными вещами. Спускаемся во двор завтракать. Здесь уже распределяют грузы между только что нанятыми караванщиками. Стоит невообразимый галдеж. Грузы делят по жребию, но принципа жеребьевки я не понял. Главную роль играют какие-то камешки, что передают из рук в руки.

Выясняется, что смена каравана будет производиться в каждом уездном центре. Караванщики имеют право перевозить грузы только от родного уездного центра до соседнего или обратно. Это повелось издавна, когда была в ходу натуральная транспортная повинность «ула». Говорят, что, кроме того, такой порядок связан и с трудностью объективного учета объема потравы подножного корма.

Расчеты за караван уже произведены. Мы не догадались попросить показать нам эту процедуру, а китайцы, очевидно, сочли ее прозаической подробностью и не стали беспокоить нас. Очень жаль. Мы установили только, что платят серебряными юанями: бумажные деньги здесь не ходят. В четырех ящиках, которые тащат два сильных мула, содержится сумма, необходимая для оплаты каравана до Ронгбука.

Выступили около половины десятого, китайские и советские альпинисты верхом, носильщики, солдаты и караванщики пешком. Едем шагом, просят не удаляться от охраны. Перед колонной верховых идет группа солдат, сзади нее тоже — что-то вроде личной охраны. Кроме того, несколько солдат сопровождают каждую группу каравана. Грузы охраняют явно не так тщательно, как людей.

Первый кавалерийский дебют в Тибете, которого я так опасался, сошел вполне благополучно. Впрочем, это следует отнести главным образом за счет лошадей. Худые, заморенные, бедняги и не помышляли выкидывать какие-нибудь фокусы. Несколько расхрабрившись, я попробовал перевести лошадь на рысь. Куда там! Она только укоризненно взглянула на меня и продолжала двигаться шагом...

Около 13.30 подошли к огромному палаточному городку — базе строительства автодороги на Ронгбук. Лагерь здесь организован лишь вчера. На огромной площади, на плоском дне долины, установлены белые и зеленые шатровые палатки — в несметном количестве. Громадные штабели мешков с рисом и мукой. Грудами навалены лопаты, ломы, кирки, запасы бревен для мостов. Несколько грузовиков разгружают: вновь привезенные запасы. Тут и там тянутся караваны яков и ишаков, доставляя грузы группам, уже вышедшим вперед, к перевалу.

В лагере остановка на полчаса. Поговорили, угостились чаем и вареным рисом.

На сегодня на строительстве дороги работает около тысячи человек, из них четыреста человек тибетцев, остальные ханьцы. Как правило, ханьцы — демобилизованные из армии. Тибетцам платят в день один юань серебром. О пропитании тибетец заботится сам, тратит свою пищу или свои деньги.

Немного погодя — снова в путь.

Видим на работе пока одних лишь ханьцев. Нам говорят, что здесь трудный участок, что тибетские рабочие используются главным образом на земляных работах. Механизации нет. Все выполняется вручную — лопатами, ломами. Ручными молотами дробят камни, кирками разрабатывают глинисто-галечниковый конгломерат. Взрывных работ также не производит, участки скал пока обходят. Грунт перемещают в мешках, в корзинках или в жестяных ковшах на бамбуковых коромыслах.

Через некоторое время видим и тибетцев. Они роют траншею при подъеме на землистый холм. Тибетцы часто работают в паре, муж с женою. Он копает землю лопатой, а она веревкой, привязанной к лопате у штычка, помогает ему выкинуть грунт подальше.

Места здесь голые, пустынные, селений и полей не видно. Лишь изредка кустики высохшей травы, желтой и ломкой. Галька, песок, глина, сильный ветер несет клубы пыли, солнце нещадно припекает. А в затененных местах ледок. Одна за одной тянутся бесснежные горные цепи, громоздясь бесконечными волнами и теряясь вдали. И неожиданно широкое, открытое, какое-то радостное небо...

Часов в восемь вечера остановились на ночевку в маленьком селении на пологом берегу ручья. Сейчас сравнительно тепло — в девять вечера 8 градусов тепла. Но небо ясное, и к утру, наверно, опять подморозит. Солдат помещают под крышу. Мы налаживаем ночлег в палатках. Группа за группой подтягивается караван, и вот уже в селении не повернуться. Грудами навалены вьюки и седла, повсюду целые стада ишаков. Пофыркивая, мота-

ют головой лошади. Разложено много костров — солдаты, караванщики и альпинисты готовят ужин. В козлах составлены винтовки, по сторонам выставлены часовые. В заветренных местах на ровных площадках поблескивают серебристые палатки.

Сидим, покуриваем, смотрим. Слабые порывы ветра наносят запахи кочевья — кисловатого дымка костров, пота еще не остывших лошадей. Перед глазами стоят сцены лагеря строителей, работ на шоссе, переселения народов.. Какой же силой духа должны обладать люди, чтобы жить и строить здесь, в этой невероятной, неземной, почти марсианской обстановке! И вся каша заварена для обеспечения восхождения. Вот как, оказывается, суждено осуществиться мальчишеской мечте об Эвересте...

5 ноября. Перевал Тоу-ла, 4450 метров

Проснулись поздно, замешкались со сборами в дорогу и приготовлением завтрака — еще не приспособились к кочевой жизни. Холодновато — в половине девятого два градуса мороза. Сегодня все сосредоточено на небольшой площади, все сборы у нас на глазах.

Караванщики отлично знают свое дело. Вот подогнали уже оседланных ишаков, таких же маленьких, лопоухих и забавных, как и везде. Один держит ишака, двое взваливают на седло заранее спаренные вьюки, крепко привязывают их шерстяными веревками. Минута-полторы — и шлепком по крупу ишаку дают понять, что он готов к дневным трудам. Тут же берутся за следующего... Вьючка одновременно происходит в нескольких углах площадки.

Постепенно колонна втягивается в свой однообразный тягучий ритм. Цокают копыта по гальке, бренчит у кого-то котелок. Ни кустика, ни травинки. Начинает припекать солнце, появляется ветер, вздымая пыль, а чуть позже и песок. То тут, то там в разных концах долины возникают пылевые смерчи. Лица покрываются сероватым пушком пыли, на зубах хрустит песок, губы и ноздри сохнут, кое у кого успели потрескаться. Глаза воспалены. Пыль проникает даже под защитные очки и раздражает веки. Почему-то стали сухими и ломкими ногти на руках. Жарко. На ходу, не слезая с лошади, то один, то другой стягивает с себя овчинный тулуп, пристраивает его на седло. Привстает на стременах, передавая тяжесть тела на другую ногу — уж очень затекают ноги. Подъезжает к соседу, оба закуривают, обмениваются парой слов и снова замолкают.

Постепенно долина сужается, скал становится больше, противоположный склон плавно набирает крутизну и превращается в сухую скальную стенку однообразного серовато-пыльного цвета. Тянется время, медленно бредет караван, по равнодушному небу плывут редкие облака... И опять цокают копыта, и по-прежнему бренчит котелок, и неустанно гонит клубы пыли ветер, и как бичом хлещут, обжигая, солнечные лучи. Солнце поднимается все выше...

Долина резко поворачивает налево, и все меняется. Под ногами лошадей трава, хотя уже и засохшая, но настоящая густая трава. Всюду вьются прозрачные ручьи, множество кустов по берегам. На противоположной стороне, на утесе, живописный замок, окруженный деревьями, с гирляндами флажков. А на скальной стенке справа от нас, на невозможной крутизне, высоко над долиной прилепились постройки небольшого монастыря, еле заметные отсюда. Тропа ведет к замку на утесе, пересекая луга, такие веселые, радостные. Краткий привал.

Народ весело плещется в воде, смывая пыль. Пен Шули обнаружил в ручье рыбешек и, сменсь, пытается поймать их руками..

Чудесное место, райские луга, и не хочется уходить отсюда. Причина всего — вода, которой здесь вдоволь.

Однако старший лейтенант Ван Типю, взглянув на часы и пошептавшись с Пен Шули, вдруг четко и протяжно подает команду по-русски:

— Па-а-а ко-о-о-ня-я-м! Па-а-шли-и! — и, улыбаясь, жестами приглашает двигаться вперед.

Приближаемся к замку. Он построен на небольшой площадке утеса и отделен от луга десятиметровым обрывом. Двухэтажное здание окружено деревьями, выросшими, кажется, прямо на голой скале. Утес стоит особняком, отделившись от скального массива, и крепостца господствует над долиной.

Тропа сворачивает влево, углубляясь в короткое узкое ущелье. По выходе из него опять иссушенные склоны гор, опять камни под ногами, опять пыль и песок. Новый поворот ущелья. Сегодня мы сильно лавируем, но в общем движемся в южном направлении.

Подходим к перевалу и останавливаемся перед подъемом на него. Это Тоу-ла, 4450 метров. Отдых, завтрак всухую: обедов с горячей пищей теперь не делаем, они отнимают слишком много времени.

Мы расположились на краю пашни рядом с селением из нескольких домов. Впереди вправо видна перевальная седловина. Она расположена в бесснежном хребте. К седловине тянется вьючная тропа, виляя среди выходов скал, пересекая множество оврагов.

Дорога на Ронгбук пойдет через перевал Тоу-ла.

Спуск с перевала крутой, тропа змейкой вьется по скальным террасам. После перевала опять безжизненные сухие ущелья. Резкий встречный ветер. Облака пыли сокращают видимость до сотни-другой метров. Пыль лезет в горло, дышать трудно, мучает кашель, капюшон штормовки не спасает. Проходит час, проходит другой — все та же жара, все тот же ветер, все та же пыль. К счастью, кончается день.

Часов в семь ущелье вывело нас в широкую ровную долину. Вся она распахана, тут и там селения. Еле-еле видно дальний склон долины. Остановились на ночлег в первом же селении. Десяток жилых домов, рядом с ними на склоне монастырь — окрашенное в красный цвет двухэтажное глинобитное здание. Высота 4000 метров.

Несколько минут ожидания, потом команда: ночуем в крайнем доме. Лошадей заводим во двор, отдаем хозяевам. Нас помещают в молитвенном помещении. Такие комнаты есть в каждом доме. Множество чаш из латуни с какой-то прозрачной жидкостью — святая вода? В четырех сосудах с маслом плавают фитили и горит огонек. Огонь поддерживают неугасимо. Стены глиняные, оштукатуренные, расписаны религиозными сюжетами. Висят маски будд, в шкафу из полированного дерева за стеклян-

ными дверцами несколько статуэток. Они называются «цаца» — так вот откуда это сочное название! На потолочной балке навешено множество почти одинаковых флажков с изображением сидящей женщины. Однако окраска тела разная — белая, черная, красная, коричневая, желтая, и несколько отличающиеся одна от другой виньетки.

В молитвенном помещении нельзя курить, нельзя трогать вещи и разводить огонь. Опасаясь нечаянно обидеть хозяев, нарушив какой-нибудь неизвестный нам обычай, переходим в соседнюю комнату.

Еду повар альпинистской группы варит плохую, малопитательную, и нам приходится худо. Перед концом дня готовы отгрызть уши у лошади, чтобы хоть чего-нибудь пожевать.

6 ноября. Древняя столица Тибета

В путь вышли в половине десятого. Под безоблачным небом идем по долине, уходящей в направлении на юго-юго-восток. Далеко впереди верховья долины замыкает пологая вершина с вечными снегами на северо-восточной стороне вершинного гребня.

Часа в три дня справа по ходу на холме показалась пятиглавая постройка — неужели христианская церковка? Уж слишком это неподходяще для Тибета. На всякий случай снял ее телевиком, хотя все равно слишком далеко. Пока возился с фотоаппаратом, сидя за придорожной изгородью, был предметом пристального внимания молоденьких солдат конвоя. Каждое мое движение они встречали дружным смехом.

После краткой остановки вновь трогаемся в путь. Почти сразу приходится перебредать неглубокую речку. Она всего по щиколотку, однако пешим приходится разуваться, чтобы не мочить обувь.

Когда закончили переправу, далеко впереди показалась какая-то большая постройка. Выглядит она необычно: у нее почти вертикальные высокие стены. Это отходит от традиционных канонов тибетской архитектуры, и кажется, что видишь какое-то современное промышленное здание.

Подъехав ближе, начинаем различать, что постройки имеют золотые крыши с башенками. Слева, через речку, показывается серия больших и богатых чортеней. Всего их девять.. Почти сразу за чортенями теснится множество построек, взбегающих от реки высоко вверх по горному склону — целый город.

Постепенно разворачивается панорама города. Она сказочно красива. Дома построены на разных уровнях горного склона. Сливаясь один с другим, они создают впечатление одной многоэтажной постройки, поражающей высотой и размерами. По мере приближения становятся различимыми отдельные постройки, изогнутые крыши и бесчисленные золотые шпили на них.

Не сходя с лошадей, вертимся в седлах, пытаясь заснять город. Здесь я остро пожалел, что взял с собою только черно-белую пленку, опасаясь попортить цветную при транспортировке. Перед нами — древнейшая из столиц Тибета, город Сакья*. В 1275 году юаньский император Хубилай вверил управление Тибетом Пакба-ламе, главе буддийской секты Сакья-ба, сочетав в

* Пен Шули произносил название города «Сача» или «Сачтя».

его руках гражданскую и духовную власть. Сакья была резиденцией Пакба-ламы и его преемников, правивших Тибетом около семидесяти лет. А «завод» с вертикальными стенами и золотой крышей — крупный монастырь и крепость Лхаканг-ченьно, знаменитый редчайшими тибетскими и санскритскими рукописями своей библиотеки. Многие из рукописей имеются только здесь и нигде больше.

Вблизи городские постройки выглядят убого. Бедные, даже ободранные домишки, стены из глины, гряды сохнущего на крышах кизяка. Правда, все это дома простонародья. Вверху по-прежнему сверкают золотом богатые дома и монастыри. Но уже можно разглядеть, что «золотые» крыши сделаны из черепицы, имеющей желтый цвет, а красный цвет — это естественный цвет здешней глины.

Опять показываются чортени — теперь они видны с другого направления. Один из шпилей сильно покосился.

— И за чем только смотрит здесь горсовет? — немедленно откликается Толя.

Подходим к дому уездного правительства. Он просторен и внушителен. Те же два этажа, но высоких, и большие застекленные окна. Откуда привезено это стекло?

Нас проводят на второй этаж, в просторный зал. Входит с приветствием тибетский чиновник, прибывший из Шигацзе для организации каравана, приглашает чувствовать себя как дома и располагаться на отдых. Выясняется, что с караваном все в порядке. Здесь грузы передадут караванщикам, нанятым в Сакья. Предупреждают, что жители Сакья издавна славятся вороватостью, что надо беречь вещи.

Бродим по помещению, разглядывая роспись на стенах, фотографируем ее, пользуясь достаточным освещением: нет еще и четырех. Роспись опять с явным смешением китайского и индийского влияния. В одной из комнат на стене висит цветная литография — групповой портрет Мао Цзэдуна, Джу-Дэ, далай-ламы и панчен-ламы.

Свет быстро меркнет — небо опять затягивается облаками. Мы нервничаем — неужели погода портится всерьез? Что же сможем мы увидеть на Эвересте?

Плата за караван — 995 юаней серебром. Караван пойдет с нами до Шекара.

Чиновник составляет документ — расписку, свидетельствующую об уплате за караван. Он пишет, держа лист бумаги на коленях. Оказывается, на коленях пишут вполне сознательно — класть бумагу на стол попросту не полагается, это считалось бы неуважением к тибетскому языку, на котором написаны священные тексты. Ну и дела! Вместо печати он прикладывает свой палец, смочив его чернилами.

Приходит группа караванщиков. Приносят большой деревянный поднос, на него кладут рубаху одного из тибетцев и, быстро пересчитав серебро, перекладывают туда. Занятно они считают монеты. Старший пересчитал два столбика по 20 юаней — самый низкий и самый высокий, сравнил их с высотой остальных столбиков — и дело с концом.

Внезапно дошло, почему возникает ощущение сказочности каждый раз, как сталкиваемся с чем-нибудь самобытно-тибетским: живое средневековье в 1958 году!.. А вместо фантастической ма-

шины времени у нас для путешествия по средним векам вполне реальные простецкие коняги со свастиками на лбу...

7 ноября. Видим Эверест

Выход задерживается в связи со сменой каравана.

Часов в восемь утра выхожу на крышу дома — превосходное место — плоская крыша тибетского дома! — и при боковом утреннем освещении снова разглядываю город и монастырь. Небо ясное, безветренно. Медленно светлеет восток, первые лучи солнца освещают город, давая резкие тени, придавая объемность панораме, оживляя яркую красоту древнего города. Удивительна сила таланта тибетских зодчих, их умение использовать рельеф, краски и пропорции, способность при более чем скромных технических средствах создавать зрительные эффекты такого мощного психологического воздействия...

Наконец в десять утра — снова в путь.

От монастыря к городу тянется что-то длинное — мост не мост, стена не стена, а на этом сооружении сбоку, на уровне глаз, вмазаны камни с высеченными на них текстами. Подобные стены есть в каждом тибетском селении. На камнях высечены слова священной молитвы буддистов: «Ом мани падме хум. Ом мани падме хум. Ом мани...» Слова эти повторяются бесконечно. Стены полагается обходить утром по часовой стрелке и прочитывать от корки до корки. Поразительна забота, с которой они содержатся, особенно если учесть, что подавляющая часть населения неграмотна...

Немного за полдень достигаем перевала Чушу (высота по анероиду 4750 м). Появляются редкие облачка. Пологий подъем плавно выводит на широкую плоскую седловину. Сюй Дин дремлет, покачиваясь в седле. Тропа проходит мимо традиционного холмика из камней, скопившихся веками на высшей точке — проходя перевал, полагается добавить в эту кучу по камешку или воткнуть ветку с молитвенным флажком.

Впереди, за грядами холмов, сквозь дымку светлыми тенями проступают очертания громадных снежных гор.

Чем больше вглядываюсь, тем сильнее впечатление, что вершины чем-то очень знакомы. Лошадь делает еще несколько неторопливых шагов. Солдаты головного отделения начинают спуск с перевальной седловины по пологому склону, засыпанному обломками камней. Лошадь нагибает голову, щиплет траву. Продолжаю вглядываться. Вначале робко и неуверенно, потом все отчетливей вызревает мысль, которая затем овладевает всем моим существом.

— Ведь это же... Это же Эверест! Самая правая вершина — Эверест!

В памяти встают фотографии и карты, над которыми склонялся годами... На нас смотрит Северное ребро, седловина, что левее — Южное седло, вершина слева от седловины — Лхо-тзе, верхушка хребта, едва выглядывающая из-за холмов, — Нуптзе, а острая вершина далеко слева от этой группы — Макалу!

Здравствуй, Эверест, здравствуй, Джомолунгма! Вот мы и увиделись с тобой наяву, вершина моей мечты. И ты, по тибетскому обычаю, приветствуешь нас белым облачным хата. Спасибо, Джомолунгма! Мы шли к тебе с края света, и мы увиделись с тобой

седьмого ноября. Мы не забудем теперь ни облачного хата, которое так близко и священно для тебя, ни этой даты, что священна для нас...

Кто сердцем, кто разумом постигая свершившееся, один за одним прекращаем движение. Караван останавливается. Недоумение солдат — для отдыха не подходит ни время, ни место — сменяется улыбками, когда они узнают, что впереди — Джомолунгма.

Спешиваемся, достаем бинокли и фотоаппараты. Левая грань ребра положе правой, по которой делались все попытки подъема с севера. Однако детали строения склонов неразличимы. Очень жаль — с нашего направления вершину, кажется, еще никто из альпинистов не наблюдал. А ведь левая грань защищена гребнем от страшного западного ветра — там теплее. Но насколько удобно там идти?

Как бы там ни было, наша цель уже видна, и всеми овладевает чувство глубокой радости.

8 ноября

Идем на юго-запад по течению реки. Небо ясное, ветра нет, ласково греет солнышко. Кругом луга, пашни, очень много ручьев — места по тибетским меркам благодатные, хотя, конечно, никакого сравнения с зеленым Подмосковьем. Долина густо заселена. Повсюду селения, повсюду пасутся стада овец, яков. А по убранным полям солидно и неторопливо похаживают журавли. Эк, куда занесло их, сердешных! Спугнули нескольких зайцев. Они очень пугливы и улепетывают, не подпуская близко. Зайца тибетцы считают очень мудрым — не за это ли качество? Еле преодолеваем охотничий азарт. Такого обилия дичи никому из нас раньше видеть не приходилось. Заповеди буддизма превратили Тибет в громадный заповедник.

Часов в двенадцать далеко слева был виден оригинальный монастырь, точнее, его крыши. Множество серо-серебристых башенок такой же формы, как китайские «домны» в Синине. Башенки кажутся стоящими прямо на склоне холма.

Все порядком устали. Медленно бредет караван, увязая в песке, лавируя среди кочек, заросших какими-то колючими кустиками типично пустынного вида. Этих кочек множество. Ветер переметает песок. Встретив кустик, песок отлагается в ветвях, задерживается. Борясь за жизнь, кустик прорастает через песок, и так год за годом постепенно образуется большущая кочка. Она кажется такой мягкой, так манит присесть на нее. Однако делать эту оплошность дважды не станешь: это то же самое, что усесться на ежа... Всюду, куда ни посмотри, — песок, пустынная колючка, обточенные песчаными бурями голыши.

Неожиданно среди моря песка показывается небольшое ярко-зеленое пятно: теплый источник выбивается из-под земли, неся с собой жизнь. Яркая зелень травы кажется нереальной — мы успели от нее отвыкнуть.

Источник обнесен невысокой каменной кладкой. Она задерживает воду, образуя как бы большую ванну. Солдаты затеяли мыть головы и ноги, радуясь даровой бане. Мы присоединились тоже. Караван здесь как-то разбился на маленькие группы, иду-

щие разрозненно, и растянулся километра на полтора. С мытьем мы отстали от конвоя, вызвав небольшую панику...

Около источника тропа круто повернула, и мы идем теперь на северо-запад. Вечереет. Немного не доходя до очередного перевала, остановились на ночлег. Высота по анероиду 4050 метров, время 19 часов, температура восемь градусов тепла. Облаков нет.

Около десяти вечера путешествие приобретает дополнительную пикантность. Пен Шули сообщает, что принята радиограмма из Шигадзе. Вооруженный отряд мятежников, численность которого точно неизвестна, располагающий двумястами лошадей и тремя сотнями яков и ишаков, движется вслед за нами в направлении на Сакья-Тингри. Это — остатки большой группы, разгромленной восточнее Лхасы. Во главе группы остался ее прежний руководитель, бывший китайский кадровый работник. Отряд располагает радиостанцией. Ранее он ставил себе исключительно политические цели, какие намерения у отряда сейчас — неизвестно. Нас всех призывают к бдительности. Под горячую руку солдаты, затеявшие мытье у источника, получают выговор. Командование конвоя решило ускорить темп движения и продвинуться в места, более удобные для обороны... Евгений Адрианович, включившись в обсуждение, — офицеры ночуют рядом с нами — вполне серьезно и солидно дает советы командованию конвоя, как лучше действовать, пересыпая их рассказами о своих подвигах во время войны...

9 ноября

Поеживаясь от мороза, нацепив на себя все теплое, выходим в половине десятого. Объявлен порядок движения: ни в коем случае не перегонять конвой и не отставать от него, по красной ракете спешиваться и укрываться от обстрела...

От ночевки идем в направлении на перевальную седловину в землистом хребте. Начинаем подъем. Лошаденки слабые и часто останавливаются. На перевал ведем их в поводу, при спуске тоже. Мы придерживаемся тибетской пословицы: «Конь, который не может поднять тебя на перевал, не конь, а мужчина, который едет верхом с горы, не мужчина».

В 12.30 мы на перевале Чау-ла, высота по анероиду 4750 метров. Отсюда опять видна группа Эвереста, теперь она заметно ближе, но опять не видно деталей.

Сразу после перевала расположена широкая котловина с плоским дном. Справа от дороги в ней довольно большое мелководное озеро Цау-сий-цо, размером на глаз что-нибудь 3×2 километра. Похоже, что оно — рудимент некогда огромного озера, занимавшего всю котловину. Озеро только совсем недавно отделилось от протекающей рядом реки Пунг-чу, пропилившей хребет слева от перевала Чау-ла. Перемычка между рекой и озером едва заметна, песок еще не успел покрыться травами, как вся остальная часть котловины.

Вода в озере, вероятно, слегка солоноватая — видны выпоты соли на берегах, но лошади охотно ее пьют. Здесь пропасть водоплавающей птицы. Ясно видели уток, на этот раз белых с черными краями крыльев, и больших голенастых птиц розовато-белого цвета, возможно, фламинго. Эти стояли далеко от нас на

мелководье. Льда на озере не было. Посреди озера — остров, своими очертаниями удивительно напоминающий военный корабль...

В семь часов остановились на ночевку в небольшом селении на высоте 4050 метров. До Шекара остался один перегон. Самый хороший дом в селении — монастырь. На его плоской крыше толпятся ламы. Рядом небольшое, явно искусственное болотце со скошенной травой, размером сотни в две метров. В нем, когда пригляделись, масса матерых красных уток. Монахи содержат болотце в порядке, как место для подкормки диких уток. Утки подпускают на несколько шагов, а потом медленно и важно отходят, часто даже не пытаясь взлететь...

10 ноября. Шекар

Каждое утро, покидая отведенный для постоя домишко, видим одну и ту же картину. Пока вьючится караван, чуть ли не все население поселка, и стар, и млад, и ламы, и простолюдины, прихватив ребятишек, собираются вокруг и с простодушным любопытством смотрят на сборы.

Казалось бы, пора привыкнуть?

Но привычки не создается. Каждый раз ранит и вновь бередит душу эта ежедневная демонстрация повсеместной, поголовной, потрясающей бедности. Сегодня это чувство в особенности сильно. Так убоги в этом селении облупленные, полуразвалившиеся глинобитные лачуги. На всех без исключения людях — ветхая, выгоревшая, истрепавшаяся, чиненая-перечиненая одежда из овчины и домотканого сукна — заплата на заплате. Истощенные, болезненные, преждевременно состарившиеся лица. И масса детей — на руках, на плечах, привязанных за спиной под халатами. Тройка карапузов, мал мала меньше, выпятив вздутые животы — голышом на утреннем морозе, — топая кривыми ногами, взобрались на кучу мусора, чтобы лучше видеть. И так ласковы и внимательны люди к детям, с такими ясными улыбками слушают их лепет...

С искусственного болотца долетает сытое кряканье красных уток...

Слов нет, похвальна подчеркнутая забота монахов о диких утках и о прочей дикой живности. Но люди, с их лачугами, с их лохмотьями, с их неустроенным бытом — их-то здесь считают за живые существа?

В полдень прошли мимо пяти уступчатых глиняных пирамид, окрашенных известью. Посреди долины высится большая, высотой метров в шесть, пирамида, а вокруг нее, образуя крест, еще четыре, поменьше размером. Назначение пирамид осталось неясным.

Часа в четыре дня направо по ходу ответвляется широкая поперечная долина — она ведет в Шекар, где предполагается сегодняшняя ночевка.

Шекар виден издалека благодаря своеобразному расположению его монастыря. На стоящей одиноко остроконечной горушке, возвышающейся на несколько сотен метров над долиной, от самого подножия выстроены высокие прочные стены с боевыми башнями и бойницами. Стены эти смыкаются на вершине. Внутри пространства, огороженного стенами, в ложбине над высокими кру-

тыми обрывами теснятся белые многоэтажные строения монастыря. Пройти в него можно только по узкой тропе, вырубленной на скальном отвесе, к тому же сквозь несколько внушительных боевых башен. Ого! Святые отцы неплохо разбираются в фортификации и не жалели труда, чтобы преградить доступ к своим святыням. Таких мощных оборонительных сооружений мы еще не видели. Похоже, что паломникам, желающим во что бы то ни стало посетить монастырь, надо сколачивать осадную армию...

Впрочем, монахи Шекара заботятся отнюдь не о буддийских святынях. Моральные принципы буддизма здесь только для отвода глаз, в народе же властители Шекара известны тем, что в течение нескольких веков совмещают святые дела со спекуляцией золотом, на поприще спекуляции не имеют себе равных, по крайней мере, в Тибете... Россыпи и выходы коренных золотоносных пород довольно часты в Тибете. Однако ламы из Шекара не утруждают себя организацией их разработки. Есть более верные средства приобрести дешево: использовать неурожай, падеж скота, голод, болезнь... Дело приносит верный и немалый доход, и, не желая рисковать потерей добычи, святые отцы превратили монастырь в крепость...

«Сердца их чернее угля и тверже камня», — говорит народная тибетская поговорка.

Передвигаемся все ближе к Шекару по тропе, идущей вдоль реки. Потянулись обработанные поля, пересеченные оросительными каналами. Урожай уже убран. Панорама Шекара к этому времени развернулась полностью. Можно в деталях рассмотреть городок, теснящийся у подножия монастырской горы-крепости. Дома в городе в большинстве глинобитные, очень бедные, выходят на улицы глухими стенами. Улочки узкие, едва разойдутся две навьюченные лошади. Затейливо вьются они, без всякого видимого плана. Слева от города за глинобитной стеной богатая усадьба какого-то шекарского начальства, окруженная роскошным парком.

К городу подошли в шесть часов вечера. Высота по анероиду 4200 метров, температура 12 градусов тепла.

Шекар — уездный центр Переднего Тибета. Поэтому, опасаясь недружественных выступлений, опять, как в Сакья, пулеметчики занимают огневые позиции, опять посылается отряд для прочесывания города.

В Шекаре, как и во всяком уездном центре, полагается менять лошадей. Сюй Дин отправляется с переводчиком разговаривать с властями. Возвращается он в восемь вечера, явно расстроенный, и сообщает, что вследствие усталости конвоя завтра будет дневка. Мы проведем ее, не выходя из дома.

Окончание на стр. 129

...В одном доме разговорились о приватизации. Хозяйский сын Иван разгорячился, но отец его резко одернул: — Ты не позорь северный народ, здесь злодейства никогда не было.— А разговор шел о том, имеет ли право Иван защищать свою землю, если, не дай Бог, скупит ее какой-нибудь миллионер. Не волнуйся, Ваня. Никто не скупит. Отсюда и так все вывезут... за «Мальборо». (Материал «Нищие богачи» читайте на стр. 104.)

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

ТОВАРИЩ

НЕБЕСНОЕ ПОСЛАНИЕ РУССКИМ?

РАСШИФРОВАНЫ ЗАГАДОЧНЫЕ ЗНАКИ, ПОЯВЛЯВШИЕСЯ В НЕБЕ НАД ГОРОДОМ САЛЬСКОМ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ ОСЕНЬЮ 1989 ГОДА

Уважаемая редакция!

Предлагаю вашему вниманию необычный по своему содержанию материал, который построен из цепочки загадочных знаков, возникших в небе над городом Сальском 15 сентября 1989 года.

Результаты расшифровки этих знаков, которая заняла у меня, специалиста по радиоразведке и радиопротиводействию, полтора года, потрясли не только меня, но и широкий круг моих друзей и знакомых в Москве, Владивостоке, Луганске, Махачкале и других городах.

Материал содержит элементарные математические операции. Именно с их помощью получен механизм расшифровки этих загадочных символов, именно они позволили получить не только текст, но целую цепь невероятных результатов, которые никак нельзя отнести к категории случайных.

Это небесное послание нам, русским (составлено оно на глаголице, пришедшей в Россию от западных славянских племен сербов и хорватов). Его нужно довести до русского народа. Быть может, ваш журнал посодействует этому?

Михаил ГАПОНОВ

И СНОВА ПРИШЕЛЬЦЫ В САЛЬСКЕ *

5 августа с. г. мы рассказали в «Комсомольце» о невероятных событиях, происходивших в Сальске и районе, познакомили читателей с людьми, ставшими очевидцами загадочных явлений. Если вы помните, на месте приземления НЛО впоследствии были найдены наручные часы с пожелтевшим циферблатом. В Ростове их всесторонне обследовали, в том числе и экстрасенсорным способом. Вывод был однозначен: часы подверглись сильному энергетическому воздействию, и их биополе несет в себе отрицательный заряд — забирает энергию у человека. Видимо, этим и объясняется то сонное состояние людей, в чьих квартирах потом побывали часы.

А чудеса продолжаются! Десятки сальчан в течение сентября и первой половины октября вновь стали свидетелями необычных явлений. Массово наблюдали их жители микрорайона 6-й школы. Для начала я приведу мнение директора школы, преподавателя физики и астрономии Валентины Михайловны ШАВЫРИНОЙ. На мой вопрос, что же произошло 15 сентября, она ответила: «В третьем часу дня на ясном небе появились белые квадраты больших размеров, в которые были вписаны математические знаки в виде привычных для нас почтовых индексов. Объяснить их с точки зрения земных научных аспектов, думаю, не представляется возможным...»

А теперь — более подробно о происшедшем. С очевидцами подробно побеседовал мой коллега, редактор газеты «Сальская степь» Виктор Александрович Плетнев. Представленные им факты сгруппируем по числам. А они таковы.

15 сентября. Пятиклассница Марина Лемешкина:

— На последнем уроке природоведения кто-то из ребят закричал: «Смотрите! Смотрите!» Все обернулись к окнам. А там в небе творилось что-то странное. Сначала мы отчетливо увидели два больших вопросительных знака, будто написанных густым плотным паром. Затем знаки превратились в двойки, между которыми стоял минус, за двойками пошли две семерки и — через промежуток — еще три семерки.

Восьмиклассница Света Демченко:

— На часах было приблизительно 14.45. Мы в кабинете занимались с пятиклашками-пионерами. Вдруг вбегает Наташа Кравченко из 8-го «Г» и с порога заявляет: «Скорее взгляните на небо!» Там мы увидели сгруппированные алгебраические знаки «больше». Их было три пары. Минут через десять я отпустила ребят, и уже с учительницей математики Татьяной Петровной Приймой мы подошли к окну. В это время на небе были отчетливо видны цифры — двойки и семерки.

Преподаватель Нина Максимовна Левченко:

— В тот день мы со старшеклассниками находились в совхозе «Южном» на сборе помидоров. Первое, что увидела я, это квадраты в небе. Их было много, они чередовались со строгим интервалом. Висели очень низко.

Десятиклассник Андрей Ключкин:

— Квадраты и прямоугольники протянулись километра на полтора. Затем они преобразовались в знаки «больше». Два знака — интервал, еще два по два — снова интервал, следом еще четыре знака вместе, потом опять два и шесть вместе. Напоминали они осмысленную запись.

В. В. Рябов, директор завода

* Газета «Комсомолец», 1989, октябрь.

кузнечно-прессового оборудования:

— В третьем часу дня я проходил по территории завода и, взглянув на небо, обнаружил там квадраты, а в них цифры — уникальное явление!

26 сентября. В. П. Лемешкин, житель улицы Ходоса:

— Около семи вечера я сидел в своем «Москвиче», поджидал семью из гостей. Вдруг увидел прямо перед собой, на темном небе яркий зеленовато-сизый шар, чуть побольше луны. Он все увеличивался и увеличивался. Тут подошли мои дети и тоже стали разглядывать необычную картину.

Вскоре шар побледнел и растворился.

Восьмиклассник Виталий Демченко:

— Возле своего дома вечером я видел, как в небе разрастался на глазах зеленовато-голубой шар...

8 октября. В 17 часов и глубокой ночью такой же светящийся шар в небе наблюдали жители рыбоколхоза «Береговой» и центральной части города.

Выпуск подготовила
Галина КУЛЕШОВА,
газета «Комсомолец»,
октябрь 1989 г.

РАСКРЫТИЕ ТАЙНЫ НЕБЕСНОГО ПОСЛАНИЯ. ВАРИАНТ ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ИЗ «САЛЬСКИХ ЗНАКОВ»

Того же лета бысть на небеси... знамение...
Никоновская летопись. 1283 г.

Странные знаки появились в небе над Сальском (Ростовская обл.) 15 сентября 1989 года. До их появления из Сальского района неоднократно поступали сообщения о наблюдениях аномальных явлений, о чем несколько раз информировала своих читателей газета «Комсомолец». Первоначально на небе появилась цепочка квадратов и прямоугольников гигантских размеров, которые затем преобразовались в последовательность знаков.

Знаки, нарисованные на небе как бы плотным паром, имели вид:

? ?
>> >> >> >>>> >> >>>>>> 2—2 77 777

Странные знаки озадачили многих.

Судя по записям в старинных летописях, нечто подобное на небе люди наблюдали и раньше, обозначая это «нечто» словом «знамение» (см. труды Льва Диакона, 989 г., хроники Ибн Аль-Макина, 990 г., летопись французского города Аррас, 1461 г., предания Тихвинского погоста, 1499 г., и другие исторические источники).

Автор сделал попытку ответить на один из вопросов: какую информацию может нести в себе это небесное послание?

Для ответа на него было целесообразным сначала рассмотреть варианты возможных преобразований цепочки знаков в десятичные числа и далее проанализировать их в совокупности с цифрами 77 777, как некий массив, несущий в себе какую-то информацию.

ПРИЕМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ САЛЬСКИХ ЗНАКОВ

Цепочку символов > можно представить последовательностью десятичных цифр, путем замены символов > в группах на соответствующие их количеству числа:

получается число: 2 2 2 4 2 6.

Цепочку символов > можно также представить в виде двоичного числа путем замены символов > на 1, а пробелов между ними на 0.

Получается двоичное число 1101101101111101101111, которому соответствует десятичное число 7191999.

После этого «сальские знаки» могут быть представлены в следующем виде:

2 2 2 4 2 6 2 — 2 7 7 7 7 7
или 7 1 9 1 9 9 9 2 — 2 7 7 7 7 7 .

Обращает на себя внимание число 7191999, которое как бы указывает на дату: 7-й месяц, 19 число 1999 года.

Седьмой месяц 1999 года упомянут в пророчествах М. Нострадамуса (1503—1566).

«В седьмом месяце 1999 года с неба придет Бог ужаса... удачей будет править Марс...»

Кроме этого, эта же дата очень близка дате предполагаемого астрофизического события, которое, по вычислениям болгарского физика Румяны Арсеновой-Боллар, якобы ожидает нашу планету в 7-м месяце, 18 числа 1999 года, то есть 18.07.1999.

О фантастическом механизме проявления этого события сообщал журнал «Огни Болгарии» (9, 1990).

РАСКРЫТИЕ СОДЕРЖАНИЯ СТРОКИ ИЗ ПСКОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ И ВЫХОД НА АНАЛОГИИ С «САЛЬСКИМИ ЗНАКАМИ»

В Псковской летописи, датированной 1300 годом, была обнаружена строка: «33 333 ② море», которая завершала одну из глав летописи. Смысл строки трактовали по-разному: от намеков на массовый мор до всемирного потопа. Вкладывались разные понятия в слово «море».

Чтобы правильно раскрыть заложенный в эту строку смысл, необходимо было обратиться к цифровым значениям букв кириллицы, так как летопись была написана на кириллице.

Буквы в кириллице имели следующие численные значения:

3—7, круг вокруг цифры — 100 (теме), М — 40, О — 70, Р — 100, Е — 5.

Поэтому запись можно переписать в следующем виде: 77 777 2000 40701005. Исключив из последнего числа нули, как это делали наши предки, получим число 4715, которое не что иное, как число лет от сотворения мира.

В связи с этим, данную строку следует воспринимать как 77 777 2000 4715 и как указание на событие, зашифрованное семерками (77 777), которое наступит через 4715 лет после сотворения мира и далее через 2000 лет от рождения Христова, на событие возможного вступления в эру символики чисел 2 (77), 3 (777), 5 (77 777) и 7. При этом цифры 77 777 из Псковской летописи 1300 года как бы перекликаются с сальскими знаками (>> >> >> >>>> >> >>>>>> 2—2 77 777), которые наблюдались в 1989 году.

Здесь уместно напомнить символику цифр, которая сформировалась еще 2000 лет назад, на стыке различных культур, религий и эпох.

Действительно: цифра 7 является символом тайн, важнейшей цифрой мироздания, знаком универсального мироправящего начала (по Пифагору), символом гармонии человека и Вселенной; 5 — символом единения земного и космического, единения с божественным; 3 — символом прошлого, настоящего и будущего: символом совершенства и Божественной Троицы; 2 — символом устойчивости и равновесия.

Кроме этого, цифры 77 и 777, присутствующие в «сальских знаках», совпадают с числом основных церковных книг (66 + 11) и символом, предположительно, единства Отца, Сына и Святого духа 777.

ПОЛУЧЕНИЕ ТЕКСТОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ИЗ «САЛЬСКИХ ЧИСЕЛ»

При расшифровке строки из Псковской летописи делался перевод буквенных символов в их цифровые значения по алфавиту кириллицы, так как упомянутая летопись была написана на кириллице. При этом нули при цифрах 4, 7, 1 и 5 исключались из рассмотрения, то есть эквивалент слова «море» — число 40701005,— воспринималось как 4715 (лет).

Если теперь поставить обратную задачу, из последовательности «сальских» цифр 2 2 2 4 2 6 2 — 2 7 7 7 7 7 получить буквенные символы, то очевидно, что нужно искать буквы, цифровые значения которых равны 2 20 200; 4 40 400; 6 60 600, 7 70 или 700. Для этого ниже приводится таблица перевода букв глаголицы (в современном «звучании») в цифры, и наоборот,

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1 —	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	ДЖ	З — 9
10 —	И	И	МЕКО	К	Л	М	Н	О	П — 90
100 —	Р	С	Т	У	Ф	Х	О	Щ	Ц — 900
1000 —	Ч								

указанным выше цифрам соответствуют следующие буквы (звуки)

глаголицы:	Б, И или С,	кириллицы:	В, К или С,
	Г, К или У,		Д, М или У,
	Е, М или Х,		ДЖ, З или Х
	Ж, Н или О.		З или О.

Поставив под цифрами соответствующие им буквы глаголицы, с учетом смыслового звучания, то есть отбросив бессмысленные сочетания, получим:

2 2 2 4 2 6 2 — 2 7 7 7 7 7
И И С У С Х С — С Н Н О Н Ж (буквы «Ы» в глаголице нет).
Б О Ж

Иными словами, сальские цифры при переводе их на глаголицу дают всем известное на протяжении 2000 лет имя: «Иисус Христос» и далее... «Сын божий он ж...»

При использовании кириллицы смыслового текста не получается. Не получается смыслового текста и при использовании древнееврейского, коптского и латинского алфавита (см. «История на цифрите», Л. Филеп, Г. Березая, София, 1988).

Вторая часть «сальских знаков» (—2 77 777) состоит из двух групп семерок, которых в первой группе 2, а во второй 3. Заменив семерки на их количество в группах, как это делалось с символами >, получается число — 223, которое дает слог «ист», а число 277 дает его продолжение — слог «ино». В связи с этим становится очевидным, что число 223 нужно вставить перед группой цифр 277 777. Это дополнение позволяет расширить текст:

2 2 2 4 2 6 2 — 2 2 3 2 7 7 7 7 7
И И С У С Х С — И С Т И Н О О Н Ж
С Н Н
Б О Ж

При этом число 277 «прочитывается» трижды, каждый раз давая новый элемент текста.

Если далее применить метод прибавления и вычитания из числа 277 целочисленных значений, кратных семи, то есть 7, 7+7, 7+7+7,

7+7 + 7+7+7 и т. д., то тогда получаются следующие числа:

284 (277+7), 291 (277+7+7), 263 (277—7—7) и 312 (277+7+7 + + 7+7+7), которые при замене цифр на буквы глаголицы дают продолжение текста:

2 8 4 2 9 1 2 6 3 3 1 2
Б о г с п а с е т в а с.

Или полностью: — **И И С У С ХС — ИС Т И Н О С Н Н Б О Ж, О Н Ж (Е) Б О Г С П А С Е Т В А С...**» то есть «Иисус Христос — истинно Сын Божий, он же, Бог, спасет вас».

Если поставить вопрос: «Когда спасет?», то тогда следует, по-видимому, обратиться к дате, упомянутой в Псковской летописи,— 2000 год, или к более точной дате, полученной из «сальских знаков»,— 19 июля 1999 года.

Текст можно продолжать и дальше, на удивление верующим и неверующим. Например, при дальнейшей работе с числами сальской строки получаются новые фрагменты текста: стр... суд... и другие, которые, возможно, позволят и дальше раскрыть содержание этого небесного послания.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, СОДЕРЖАЩЕЙ В СЕБЕ ЧИСЛЕННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ФИЗИЧЕСКИХ ПОСТОЯННЫХ

Предположительно, из чисел 222426 и 77 777 можно использовать для последующих операций следующие цифры и числа:

22 24 26 222 426 7 70 77 777 770777 2 3 5 (семерок) и 7191999, а также некоторые производные от них: 432=2×(222+426)×3 (432 — магическое число древних шумеров). 14 21 1421 (от сложения 7+77+7+7 и слияния чисел 14 и 21).

7. С помощью сальских чисел и универсального числа «пи» (3,14...) возможно получение численных значений следующих фундаментальных физических постоянных:

		Получение численного значения константы:
Физическая постоянная 2Е/Н («Е» — заряд электрона, «Н» — постоянная планка)	483,5921 МКВ/МГЦ	Достаточно 7 «пи» умножить на 7 «пи»
Постоянная структура водородоподобных систем	137,0359	(777+77+7) разделить на 2 «пи»
Энергия массы покоя протона (М×С×С) (где М — масса протона, С — скорость света)	938,256 МЭВ	(777+77+7+7+7+ +7+7+7+7) умножить на «пи» и разделить на 3
Постоянная гравитационного взаимодействия	1×10^{-38}	(222+432+77+77) семь раз разделить на 770777
Постоянная слабых взаимодействий	1×10^{-11}	(77+24) разделить на (2+3+5+7) и дважды на 770777
Постоянная электромагнитных взаимодействий	0.00729642	2 «пи» разделить на (777+77+7)
Постоянная отношения масс электрона и протона	$5,43\times10^{-4}$	(426—7) разделить на 770777
Постоянная отношения разности масс нейтрона-протона к массе нейтрона	$1,373\times10^{-3}$	(432—7) умножить на 5/2 и разделить на 770777

Продолжение на стр. 120.

Сергей РОСТЕГАЕВ

НИЩИЕ БОГАЧИ

Удивительная тишина. Впереди, с воды поднялась утка и низко-низко полетела над самой водой. Я прицелился в нее из весла и сказал магическое «кых». Утка камнем упала в воду — я с изумлением поглядел на весло и на спутника, а он на меня. Потом мы увидели парящего в небе хищника.

Это верховья реки Пинеги, и живности здесь хоть отбавляй. Всю ночь за палаткой ревел медведь, и его рев лишь временами заглушал шум дождя.

Здесь хрустальной чистоты вода, и пить ее хочется без перерыва, зачерпывая прямо ладонью. Высоченные седые ели и в солнечный день создают мягкий полумрак, а красноватые берега, огромные коряги и шум родников придают местным пейзажам сказочный колорит. И каким же диссонансом с этим мрачным благолепием был ворвавшийся сюда детский смех. На высоком берегу тонкая струйка дыма и маленькая, недавно срубленная избушка. Покуда, стоя босиком в воде, мы чалили к берегу лодку, к нам спустились дети. Первый вопрос был: «А вы не боитесь семидыров?» Вчерашний медведь и сегодняшний сказочный лес вполне располагали к мыслям о чем-то подобном. И мы задумчиво спросили: «А кто это?» Оказалось, что это нечто длинное и страшное, а живет оно в воде. Самый маленький из детей выразил сомнение в его существовании, но получил от сестричек по оплеухе.

Мы поднялись на берег. За костром хозяйничала Анастасия Никитична — варила грибы. А вскоре с покоса вернулись мужики, и хозяйке стало не до нас.

По словам всезнающих деток, до ближайшей деревни было километров 5, и мы надеялись добраться до нее минут за 40. Но плыли полтора дня: солнце светило в лицо, в затылок, справа и слева почти одновременно, река разворачивалась спиралью во все стороны. Временами казалось, что впереди тупик и плыть дальше некуда. Но под острым углом река заворачивала и катилась в обратном направлении. Проплыли старое катище, далее ту плешь среди леса, что осталась от деревни Изюга, и заночевали в махоньком сенокосном домике с трогательной надписью на двери: «Друг, не пустоши избушку». В ней были сено, дрова и мешок с сухарями под потолком. Такие избушки — благо для путников: любой может найти здесь приют, сухие дрова и кое-какие продукты, если нет своих. Сколько их еще будет вниз по реке, и везде чувствуется забота о тех, кто сюда попадет.

В деревне Палово совсем крохотные девчушки на мостках стирали свои лохматые игрушки, совсем как их мамы и бабушки — белье и нескончаемые коврики. Деревня же была построена в свое время спецпереселенцами и в архитектурном плане интереса не представляла. Но здесь повстречались удивительные лодки: длинные и низкие, почти вровень с водой, они больше походили на индейские пироги. Делаются эти лодки из цельного ствола осины методом распаривания и называются осиновками. Такой же формы лодки и из металлических листов — они почти не имеют осадки и очень управляемые.

Почти сразу за Паловом было место, где раньше находилась деревня Падковские. Чернели останки срубов, обвалившиеся крыши тех домов, которые пока не раскатали на дрова. И все густо заросло малиной.

И наконец — Керга. Она по нашей карте должна быть первой на пути. Нас встретили черные дома, огромные, как гробы, забитые досками окна, бурьян и пустота. Но на краю деревни оказалась маленькая ферма, где кто-то копошился.

— У вас можно купить молока?

— Купить нельзя.— Это было вовсе неожиданно.

— А попросить можно?

— А берите. У вас есть куда?

Оказалось, что это летняя ферма, и работают на ней четыре человека. Коля — дизелист, ночной скотник и приемщик молока, Альбин — дояр, и доярка, что замужем за пастухом. Вечером мы сидели в избе Альбина. Сидели при керосинке — электричества здесь никогда не было — и вспоминали, когда же здесь еще жили...

— Ну, в семидесятых еще жили...

— А почему ж ушли-то все? Дома такие бросили...

А дома и впрямь удивительные. Огромные, в два, а то и в три этажа. С ними не шли ни в какое сравнение те, что мы видели до этого и после этого в леспромхозовских поселках. Построенные в конце, а то и в середине прошлого века из огромных бревен, они

поражали своей прочностью.

— Электричество не провели, школу закрыли, вот и уехали все.

— Да почему же?

— Неперспективные мы...

Утром следующего дня Коля показывал деревню, рассказывал, объяснял назначение разных предметов. Все это походило на брошенный музей крестьянского быта. Непривычно было видеть самодельную крестьянскую утварь: в печах оставались чугунки и горшки, посуда на столе, деревянные ложки. Оставили рамку с фотографиями на стене, приличный самовар под лавкой — ушли, бросив все, словно спасались от нашествия...

Ткацкий станок на поветях, груда прялок и сани необычной формы, когда-то расписанные.

— Коля, для чего эти сани были?

— Раньше жених за невестой на них ездил, и через эти ворота прямо в дом ввозил, здесь же, на поветях, и свадьбу справляли.

А какая удивительно рациональная внутренняя планировка и простор! Хозяин мог, не выходя на улицу, спуститься в хлев, подняться на повети, куда прямо на телеге завозилось сено, пройти во все подсобные помещения. А сами жилые избы, пятистенки, а то и шестистенки, делились на два помещения: верхнее — летнее и нижнее — теплое, зимнее. Лес для строительства выбирался загодя и очень тщательно: один человек рассказывал позже, как хотел разобрать свой старинный дом и сделать его поменьше. Но посмотрел, что столетней выдержки дерево с трудом берет даже бензопила, и оставил это дело — жаль стало дедово творение.

И вот опять вечер, и неунывающий Коля объясняет нам, городским, почему его, колхозника, трудно сжить со свету.

— Ты нас, колхозников, со свету не сживешь. Чаю не будет, я гриб, чагу, натру, насушу и вместо чая... Табачку не дашь, так я той же чагой обойдусь. Колхозник, он всегда выход найдет.

— Да ведь страшно, Коль, всю жизнь вот так... выход искать.

Николай помрачнел:

— А что, бастовать, что ли? Вон лесовики забастовали. А нам не можно... Коровки, они живые. Они каждый день кушать просят.

Ответить было нечего. А совсем под ночь в дом зашел Альбин, сидел, молча глядя в печь. И, уходя, сказал:

— А что я в этой жизни видел?

Сколько деревень полупустых, где почти одни старухи остались. Как совхозная деревня, к леспромхозу отношения не имеющая, так нищета. Бедность такая, что в эти места даже кавказцы за деньгами не ездят. Это ведь тоже показатель. Только работа, и работа за гроши: сено, поле, ферма, огород.

Одна особенность бросилась в глаза: мужчины от 20 до 50 в большинстве своем холостяки: для женщин работы очень мало, в доярки (считай, каторгу) они не идут и после окончания школы стараются уехать. Один мужичок удивлялся на местных ребят:

— Я говорю им, уезжайте отсюда, что вам здесь делать? А они армию отслужат и обратно, как будто здесь свет клином сошелся.

Отголосок войны: очень много старух, и почти нет стариков. Впустила одна бабушка к себе переночевать и рассказала, что из деревни на фронт ушли 60 крепких домохозяев, а вернулись то ли трое, то ли четверо покалеченных. С тех пор и захирела деревня. И таскает бабка, а ей под 85, чуть ли не каждый день здоровенный короб травы для своих козочек. По два километра туда-обратно, с косой и граблями.

Есть в этих местах болгарские поселки: контракт давно кончился, но болгары продолжают валить лес и отправлять на родину. После братьев-славян, по словам наших мужиков, и трава не растет.

Раньше хоть лесопосадки делали на месте вырубок, а теперь, под шумок, и на этом экономят.

В леспромхозовских магазинах — шаром покати. Кроме прибалтийского маринованного лука и сигарет «Мальборо», ничего нет. Зато, не в пример московскому, здешнее «Мальборо» дешевое — 10—12 рублей за пачку. Так что жизнь не так плоха: луковичку съел, «Мальборо» покурил и дальше лес валить.

Домашней птицы почти нет: кормить нечем. В год сельсовет выдает примерно 15 килограммов на одну голову скота. На одной совхозной ферме мне сказали, что суточный рацион коровы — 1,5 килограмма комбикормов. И удой от этих коров равен удою хоро-

шей козы. Тем же, кто промышляет охотой и сдает белочек государству по 5 рублей за шкурку, дают для стимула еще по нескольку килограммов кормов за штуку.

Но, несмотря на такие первобытные условия, люди здесь совершенно удивительные! За внешней суровостью скрывается такая искренняя приветливость, готовность помочь. Всю свою «московскость» хотелось спрятать далеко-далеко, как что-то здесь абсолютно чужеродное. А ведь здесь метлой прошлись собиратели старины и любители икон, оставив очень недобрую о себе память. Сколько можно услышать рассказов про то, как вынули окно, пока дома никого не было, и унесли все с божницы; про то, как местных пацанов приучали воровать за водку. А красть здесь легко: ушли хозяева из дому, палочку к двери прислонили — значит, никого дома нет. Заходи и бери. Так ведь это же на человеческую совесть рассчитано, а ие на «ценителя» икон и раритетов.

...В одном доме разговорились о грядущей приватизации. Хозяйский сын Иван разгорячился, но отец его резко одернул:

— Ты не позорь северный народ, здесь злодейства никогда не было.— А разговор шел о том, имеет ли право Иван защищать свою землю, если, не дай Бог, скупит ее какой-нибудь миллионер. Не волнуйся, Ваня. Никто не скупит. Отсюда и так все вывезут... за «Мальборо».

Километров в сорока от Пинеги находится глухая и «неперспективная» деревушка Тинево, где и шел этот разговор. Стоит на чудесной речке Вые, в чистейшей воде которой водится здоровенная семга. Рядом заливные луга, лес. Летом сюда наезжает много «дачников», бывших местных жителей. А зимой, в занесенных снегом домах, без электричества, живут безвылазно восемь древних старух. На краю деревни, у той дороги, что ведет к обетным крестам, стоит часовня конца XIX века. Недействующая. Есть и другая — в бывшем амбарчике, но тоже без креста.

За год насобирают в ней рублей 700 и посылают в Верхнюю Тойму, в «главную» церковь. А на вопрос о том, почему нельзя восстановить свою часовню, хотя бы крест поставить, мужики ответили: пусть совхоз оттуда остатки селитры уберет да нам указание даст, вот тогда...

Впрочем, не везде так. За Марковом в лесу стоит часовенка, которую власти ломали раза три. А она все стоит, новенькая и чистенькая. Сюда приходят люди и приносят кто иконку, кто оклад. Кусочек хлеба перед крестом, распашонка детская, деньги...

А совсем рядом большое село Сура, где до революции radением Иоанна Кронштадтского были построены две большие каменные церкви, школа и магазин.

Городские каменные дома, прилично одетые люди на улицах... Иоанн Кронштадтский мечтал превратить Суру в центр Пинежского края. Но прошли годы, и сейчас Сура — большое, пыльное и скучное село. Старый дом с резным балкончиком теперь редкость в общей безликой массе. Но нельзя упрекать сельчан в пассивности: лесоповал — работа страшно тяжелая, и после нее не до красоты и благоустройства. Да и старый быт уходит: на все окрестные деревни осталась, пожалуй, одна бабка, которая из сосновой щепы плетет короба и корзинки. Берестяным промыслом никто не занимается, лодки-осиновки не распаривают. Лишь несколько человек знают, как это делать.

Но понемногу возвращаются сюда люди, ранее здесь жившие и почему-либо уехавшие, приезжают на постоянное жительство новые люди с новыми идеями и силами. В Карпогорах открылась школа народных искусств для детей. И будут восстанавливаться порушенные храмы. В Верколе возрождается монастырь Артемия Веркольского, основанный еще в 1650 году. Настоятель о. Иоанн очень энергично взялся за восстановление обители, и за год ему многое удалось. Повсюду лихорадочно сажают картошку, чтобы не пухнуть с голоду, ибо испокон веков в этих краях люди надеются только на себя.

Фото автора

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 1991 ГОДА УСПЕШНО ЗАВЕРШЕН

Сергей ВАСИЛЬЕВ,
народный депутат СССР

Средства массовой информации РСФСР и СССР утверждают, что государственный переворот в нашей стране окончился провалом его организаторов и победой народа. Это неправда. 19—21 августа 1991 года в стране успешно завершился государственный переворот, разрушительные последствия которого будут осознаны миллионами наших сограждан значительно позже. Августовские события в Москве — логическое продолжение октябрьского переворота 1917 года, триумф большевизма в новых условиях.

Дело не только в том, что М. Горбачев и Б. Ельцин грубо нарушили Конституции СССР и РСФСР и другие государственно-правовые акты. Это случалось и ранее, будет случаться и в будущем. Дело в том, что в России утвердилось в качестве господствующего духовное течение, враждебное русскому национальному мироощущению, русскому укладу воли и чувства, сравнимое по своей заразительности лишь с коммунистической доктриной. Наиболее дальновидные умы не могут не понимать, что «приоритет общечеловеческих ценностей», бешеная пропаганда накопительства в духе Бенджамина Франклина, признание «права наций на самоопределение вплоть до отделения» неизбежно приведут к катастрофе. Сегодня новая власть опирается на азарт и жертвенность возбужденных масс, а завтра будет жестоко подавлять всякое инакомыслие в народе. У человечества еще будет время всмотреться в мясистое лицо российского «демократического» тоталитаризма....

На 20 августа 1991 года было назначено подписание «Договора о Союзе суверенных государств», предложенная редакция которого, на мой взгляд, юридически закрепляет расчленение единого русского национального организма и ставит русских в неравноправное политико-экономическое положение по сравнению с другими народами страны. Подробно эту точку зрения я высказал публично в еженедельнике «Политика» № 7 за 1991 год и в еженедельнике «Литературная Россия» № 27 (1483) от 5.07.91, а также ранее во многих своих статьях и интервью, в обращении к Президенту СССР М. Горбачеву на Съезде народных депутатов СССР (Внеочередной третий Съезд народных депутатов СССР 12—15 марта 1990 г., стенографический отчет, т. III, с. 174). Это мнение сегодня не изменилось.

Сегодня происходит искусственная концентрация общественного внимания на критике только членов ГКЧП. Между тем почетное место на скамье подсудимых должны занять М. Горбачев и Б. Ельцин, на счету которых уже сотни расстрелянных, растерзанных, раздавленных людей, десятки нарушенных законов, разложение армии, искалеченное взаимной ненавистью сознание целых поколений граждан нашей страны. Я убежден, что рано или поздно эти политические деятели будут осуждены самым суровым судом, судом Истории, судом людской памяти.

Я пишу эти горькие строки один. За мной нет танков, сплоченной партии или ободряющего рева возбужденной толпы. Для многих события последних дней стали моментом истины, моментом выбора. Я свой выбор сделал. Я — контрреволюционер.

От редакции: публикуем этот материал по настоятельному требованию автора. «Тюменские известия», 24 августа 1991 г.

ПИСАТЕЛИ НА БАРРИКАДАХ

Вот так выглядело в последние дни августа здание Союза писателей России, что на Комсомольском проспекте. Почти как «белый дом» правительства. Только там все дни путча звучали песни и раздавались яства из ресторана «Арбат», а отдельные горячие головы устраивали охоту за бронемашинами, не видя с их стороны никаких путчистских действий. Здесь же — спокойное противодействие «победившей революции», решившей приостановить деятельность СП РСФСР. Очевидно, многие наши читатели знают финал этой нашумевшей истории: необольшевизм не прошел, на его пути встали и писатели, и москвичи-патриоты.

Фото Е. ЛУГОВОГО

В дом Кричевских, к отцу и матери Ильи, меня привело не журналистское любопытство, просто не мог не принести осеннего букета цветов, не выразить соболезнования родителям, потерявшим сына.

Отец, Марат Ефимович, художник и архитектор, исследователь русского Севера, показывает коллекцию — самое дорогое, что есть в доме: старинные самовары, деревянные игрушки, утварь, иконы, привезенные из заброшенных архангельских и вологодских деревень.

ПОХОРОНЫ

КОМУ И ЗАЧЕМ ПОНАДОБИЛОСЬ ПРЕВРАЩАТЬ ИХ В ПОЛИТИЧЕСКОЕ ШОУ!

А мама, Инесса Наумовна, вспоминает сына и прощание с ним.

— Нам не хотелось этого шума, многочисленных публикаций, трансляции похорон по всем программам ЦТ. Зачем? Илюша был обыкновенным парнем, увлекающимся, не совсем путевым, часто менял места работы, все чего-то искал. Он самый дорогой для нас, только для нас... Зачем посмертно делать из него героя, награждать Золотой Звездой?

Думали тихо похоронить, без лишнего шума: семья, друзья, бывшие сокурсники по институту, коллеги. «Нет,— сказали нам,— надо устраивать официальные похороны, должны прийти сотни тысяч людей». А я даже к гробу не могла протолкнуться...

Сказали еще, что надо хоронить по иудейскому обряду. Зачем? Почему? Мы со всем уважением к религии относимся, но в синагогу никогда не ходим, выросли на христианской, русской культуре и Илью так вырастили. Кому понадобилось нас так подставлять?

Слушая Инессу Наумовну, вспомнил разговор с отцом Вячеславом Полюсиным, членом Президиума ВС РСФСР, председателем Комитета по свободе совести. Тогда батюшка говорил о нелепой практике, когда в 70-е годы православная церковь заставляла в угоду властям совершать совместные богослужения с протестантами «во имя мира». Конечно, мир — дело хорошее, но тем самым власти заставляли идти против церковных канонов, издевались над чувствами верующих ради официального «миротворчества». Кстати, такие «эксперименты» сделали невозможным сотрудничество православных россиян в стране и за границей.

Но тогда речь шла все-таки о христианских церквах. В совместных же похоронах Владимира Комаря, Дмитрия Усова и Ильи Кричевского по воле фантазии организаторов было совмещено православное и иудейское богослужение. Можно ли представить себе большее издевательство над чувствами представителей и той, и другой религий?! Тем более что совместить несовместимое невозможно, ведь православных принято хоронить вместе с православными, в гробу, иудеев — в саване и т. д.

В общем, получилось то, что и замышляли. Надо было вывести на улицы сотни тысяч людей, парализовать движение транспорта, жизнь города — это и получилось. До чувств ли здесь родных и близких, не желающих из трагедии устраивать спектакль...

Когда мы думали, поднимать ли эту тему, признаться, было и сомнение. Не хотелось еще раз теребить кровоточащую рану родных и близких. Но говорить об этом надо. Надо, потому что, увы, хоронить людей достойных нам еще придется. А скверная традиция шоу-похорон имеется. Начиная с Ульянова-Ленина, смерть которого стала поводом вывести людей на улицы для грозной демонстрации силы. Тогда тоже не посчитались с волей усопшего: ведь Владимир Ильич хотел лежать вместе с матерью, Марией Александровной, на Волковом кладбище Петербурга.

После разгрома путча желание лишний раз подчеркнуть свою силу оказалось, увы, сильнее здравого смысла...

Илья БРУШТЕЙН
«Хозяин», № 20(23) 1991 г.

Сатирическим пером

НОВО-ОГАРЕВО, РАЗДОРЫ ТОЖ?

Сталин, наверное, полжизни прожил на даче в Кунцеве. Хрущев коротал остаток лет в Петрово-Дальнем. Брежнев не мог без охоты в Завидово. Знакомые названия. А вот что это за Ново-Огарево такое? Где оно? Попробуйте-ка отыщите это местечко на карте Подмосковья. Ведь не деревушка же это, в газетах черным по белому пишут «село». Село, где шла работа над Союзным договором. Ново-Огаревский процесс.

Ну как, читатель? Нашел Ново-Огарево на карте? Нет? То-то. Потому там и работают наши лидеры по ночам так спокойно: если будет кто-нибудь искать под Москвой Ново-Огарево — не найдет. При всем желании не найдет...

А может, оно... в другой системе измерений, это Ново-Огарево? Может, они там не только меж собой, а и с братьями по разуму переговоры ведут и заодно союзный межпланетный договор разрабатывают?..

И все-таки узнать, где это Ново-Огарево находится, страсть как хочется. Может, в Мособлсовете знают? Подмосковное же, по слухам, село. Звоню зам. начальника Главка строительства и архитектуры Г. К. Кочековскому. Спрашиваю, где такое Ново-Огарево.

— Тайна,— смеется в ответ Геннадий Константинович.

— Так и написать в газете?

— Ну, я в Ново-Огарево никогда не бывал. Вот тут товарищ рядом, он, кажется, проезжал мимо,— обнадеживает Геннадий Константинович.

Слышу, говорит он о чем-то с этим товарищем, а у меня сердце стучит, стучит все сильнее, вот-вот из груди вырвется.

— Это по Рублевскому шоссе, где-то рядом с Барвихой,— слышу в трубке ответ.

Я тот район знаю не понаслышке, и никакого Ново-Огарево там нет. Жуковка есть, Ильинское, Ромашково, Раздоры. Известное место — Раздоры. Там, недалеко, правительственная резиденция имеется. Может, на ней и собирались 9+1 (девять гостей и один хозяин)? А название дали Ново-Огарево, ибо и без того раздоров хватает...

В общем, все это в духе полной гласности, провозглашенной хозяином таинственной резиденции...

Н. Ильичев

США вооружают наших бывших союзников

7 августа 1991 года Госдепартамент США снял запрет на поставки вооружений и боеприпасов Польше, Венгрии и Чехо-Словакии. Наши бывшие братья отныне станут получателями американского оружия, которое будет поставляться им на льготных условиях.

Еще совсем недавно лидеры вышеназванных стран неоднократно заявляли демилитаризованной Европе об отсутствии угрозы европейской войны и о необходимости роспуска Варшавского Договора. Что же, Договора уже нет. А НАТО здравствует, как и прежде. И это не вызывает возражений или хотя бы недоумения у лидеров «перестройки». Следовательно, «здравие» НАТО — в их интересах?

Контакты руководящих деятелей из Варшавы, Будапешта и Праги с НАТО и разведывательными структурами этого блока вызвали шквал одобрения в Вашингтоне, Бонне, Лондоне и других западных столицах. Там даже стали прорабатывать идеи вовлечения в НАТО «обновляющейся» Прибалтики, прежде всего Литвы.

Кто же угрожает Польше, Венгрии и Чехо-Словакии? Может, С. Хусейн и Ф. Кастро? Вряд ли. Тогда, вероятно, германский реваншизм, юридически закрепленный в Германской конституции (в которой, в частности, не признаются послевоенные границы Германии в Восточной и Центральной Европе)? Не похоже, судя по слащавым взаимовосхвалениям наших бывших союзников и германских лидеров.

Ответ возможен лишь один — СССР рассматривают в нынешней Восточной Европе как потенциального противника. И воссоздание против него «санитарного кордона» 20—30-х годов является одной из актуальных задач «новой» Восточной Европы. И потом, вряд ли США станут сегодня поставлять вооружения восточноевропейцам, зная, что эти «немирные» товары будут нацелены на Германию — ведущего участка НАТО.

Тот факт, что, например, Польша и Чехо-Словакия намерены приобрести в США современные реактивные истребители и средства электронной разведки, свидетельствует о реанимации политики сдерживания СССР, даже в его теперешнем состоянии.

По мнению ряда экспертов, поставки вооружений в Восточную Европу из США могут иметь глобальные последствия («Известия», 7.8.1991). Есть и другое мнение: неизбежное привлечение персонала Пентагона к обустройству и обслуживанию импортируемого оружия будет фактически означать размещение военных баз США, прежде всего военно-воздушных, вблизи границ Польши и ее южных соседей с СССР.

Лидеров Союза, России, Украины, Белоруссии не волнуют, как видно, флирты восточноевропейцев с США и НАТО. Во всяком случае, МИД СССР не потребовал соответствующих разъяснений.

А. БАЛИЕВ

ХАСИДСКИЕ РУКОПИСИ МОГУТ МНОГОЕ НАМ ОТКРЫТЬ

Зарубежные иудаистские и сионистские организации предпринимают отчаянные усилия в Москве, чтобы изъять из архивов и хранилищ документы еврейской общины дооктябрьского периода и вывезти их за границу. Речь идет в первую очередь о материалах секты хасидов и фонда барона Г. Гинзбурга, хранящихся в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина в Москве.

История еврейской общины в дореволюционной России — это и наша собственная история, в частности белорусского народа. Рядом с нами, белорусами, в Великом княжестве Литовском и в Речи Посполитой, а затем и в Российской империи жили евреи, которые хотя и представляли собой особую религиозную секту, однако оказывали огромное влияние на хозяйственную и политическую жизнь края, активно проявляя себя в торговле, ремесле, аренде помещичьих имений, корчем, постоялых дворов, в откупных и других операциях, в журналистике и т. п. Характеризуя положение в средневековой Польше и Литве, К. Маркс писал: «Евреи захватили все выгодные промыслы и сделки. Утвердились как мещанское сословие между магнатами и местной знатью с одной стороны и крестьянами — с другой стороны. Несмотря на свое ростовщичество, они были в Польше менее ненавистны, чем в Германии... Вытягивали все наличные деньги из крестьян. Их грязные корчмы стали единственными гостиницами для путешественников...» (Архив Маркса и Энгельса, 1938, т. V, с. 348).

В кагальных мешках и сейфах оседали не только деньги крестьян, но и местной католической шляхты, магнатов и монашеских орденов. Еврейские кагалы монополизировали торговлю деньгами, пуская в рост накопления тех, кто призывал к христианскому благочестию и кому римским капитулом было запрещено заниматься ростовщичеством. Так, после решения польского королевского правительства о ликвидации кагалов во второй половине XVIII века выяснилось, что эту меру провести в жизнь нельзя — кагалы имеют огромные долги, в первую очередь католическим орденам (огромные долги кагалов католическим орденам превращали последних в могучих ходатаев против изгнания евреев из страны из-за боязни потерять отданные в дело капиталы. Сегодня на Западе проявляется беспокойство, что распад СССР ставит под угрозу возвращение царских и советских долгов). В качестве кредиторов Пинского кагала фигурируют ректора иезуитских коллегий в Пинске и Несвиже, гвардиан пинских францисканцев, приор пинских доминиканцев, президент каролинских бернардинцев, президент пинских кермелитов и др.

Брестский кагал имел долги: иезуитам брестской коллегии — 26 333 злотых, несвижской коллегии — 2800, миссии коденской — 9600, пробошу кобринскому — 400, тринитарам брестским — 1000, доминиканам брестским — 11 510, августинам брестским — 32 300, бригиттkам брестским — 7700, а всего 122 723 злотых. На Виленском же кагале

долгов только иезуитам было 380 723 злотых (см.: Б е р ш а д с к и й С. А. Литовские евреи, с. 43, 170).

При вхождении Белоруссии в состав Российской империи она стала частью «черты оседлости», своего рода отстойником националистических шлаков еврейства. В XIX веке еврейское население в городах и местечках стало преобладать. Особую роль в умножении еврейских капиталов имел винно-водочный промысел. В Гродненской губернии во второй половине XIX века евреи имели 96,6 процента винно-водочной торговли, в Могилевской — 93,3 процента, Минской — 91,3 процента, Виленской — 89,9 процента, Витебской — 70,3 процента. В Белоруссии, как и в других районах «черты», в начале XX века функционировали филиалы всех основных еврейских политических партий, от клерикальных до социалистических. Эти партии взаимодействовали с партиями общероссийскими и белорусскими. Евреи входили на первых порах в структуры БНР, а затем и в структуры БССР, играли крупную роль в 20—30-е годы в руководстве КПБ.

Мы сегодня по-новому пытаемся осмыслить историю Российского государства. Но наши историки не имеют ни малейшего представления о талмудическом праве, о его взаимоотношении с магдебургским правом, которое действовало в белорусских городах. Мы не имеем общедоступных переводов на русский или белорусский языки Талмуда и «Шулхан-Аруха», книги «Зогар» и других важнейших фундаментальных первоисточников иудаизма. Целесообразно было бы переиздать «Книгу Кагала» Якова Брафмана, деда поэта В. Ф. Ходасевича (1886—1939). Брафман во второй половине XIX века издал протоколы Минского кагала конца XVIII — начала XIX века, которые «Краткая Еврейская энциклопедия» (Израиль) признает подлинными документами.

Почему мы ставим вопрос о переводе Талмуда и его укороченного варианта «Шулхан-Аруха» на русский или белорусский языки, о переиздании документов Минского кагала?

Еврейские общины в Европе, в том числе и на территории Белоруссии, на протяжении веков руководствовались талмудическим правом, этикой, моралью как в организации своей внутренней жизни, так и в отношении иноверцев. Сегодня Талмуд в Израиле важнейший кодекс в регулировании общественной и духовной жизни. «Если Тора,— читаем мы в современном израильском журнале,— краеугольный камень иудаизма, то Талмуд — центральная колонна, поддерживающая его духовный и философский свод» (см.: «Израиль сегодня», 1982, № 22, с. 23).

Евреи остаются среди нас. Возрождаются их общинные структуры, политические партии, клубы, общества, религиозные учебные заведения. Многие из тех, кто уезжает на Запад, обязательно вернутся. Но вернутся в качестве посредников зарубежных фирм, экспертов, совладельцев совместных предприятий и т. д. Если раньше Коминтерн отводил еврейскому рабочему и интеллигенту ведущую роль в развитии «мировой революции», то сегодня команда Горбачева — Ельцина отводит еврейским капиталистам, банкирам, экономистам, экспертам ключевую роль по «возвращению» страны в лоно рынка.

Еврейские общины в торговой и посреднической практике всегда стремились к монополии на местном рынке. Сейчас они стремятся монополизировать, перехватить наши международные экономические и культурные связи. Фирмы Оппенгеймера, например, монополизировали обработку и реализацию на внешнем рынке советских алмазов. Союзцирк в 1989 году заключил с крупным деятелем американского

шоу-бизнеса Стивом Либером договор. «Суть договора,— писали «Известия» 16 февраля 1991 года,— в том, что в течение 50 лет ни один артист цирка из СССР не может гастролировать в Америке без контракта с Либером. Ему же предоставляется право выбирать, какая из наших цирковых программ может поехать в Америку, а какая нет».

О том, что последовало после того, как советские циркачи решились нарушить кабальный контракт и выпустить на гастроли в США «Великий цирк Бим-Бом из России», поведали многие газеты, в том числе «Известия» 16 февраля 1991 года. Только никто из газетчиков не пояснил, что дело мы имеем с правом «хазаки», которое использовалось столетиями кагалами, чтобы исключить конкуренцию между еврейскими посредниками. Это право описано могилевским губернатором Каховским после первого раздела Речи Посполитой и проиллюстрировано документально Яковом Брафманом в «Книге Кагала» (ч. II).

Хасиды — религиозное мистическое течение в иудаизме, ведущее свое начало от Израиля Бешта (1700—1760). Сначала широко распространилось на Волыни, в Подолии, Киевщине, а в последние десятилетия XVIII века стало завоевывать еврейское население Литвы и Белоруссии. Хасиды базировали свою деятельность на мистических поучениях Каббалы, решительно противились просвещению, реформаторским тенденциям в иудаизме. Для хасидов были свойственны религиозный фанатизм, вера в чудеса, почитание цадиков (проповедников, провидцев), якобы находящихся в постоянном общении с Богом. Хасиды учили, что еврей может посредством ритуалов, молитв, внутренних волевых актов активно вмешиваться в божественно-космический процесс истории, приближать приход Мессии, восстановление Иудейского царства со всеми вытекающими отсюда последствиями. По их учению, каждому «возбуждению снизу» (от человека) не может не ответить «возбуждение сверху» (от Бога). Культ цадиков, которые якобы «управляют миром», «объединяют небо и землю», ставил под сомнение власть иноверческого царя, а секту — в конфликт с правительством.

Ортодоксальные иудаисты во II половине XVIII века предавали хасидов проклятию. В 1794 году Минский кагал закрыл их молельню. В Вильно хасиды определенное время работали нелегально, активно проявляли себя в Пинске, Лиозно и других местах. Павел I вмешался в конфликт между хасидами и раввинистами, применив аресты к руководителям секты в Белоруссии и Литве. После убийства Павла секта была легализована, руководители выпущены на свободу.

Российское правительство и православное купечество было недовольно, что государство Российское, начиная от Ивана Грозного, настойчиво пробивалось к Балтийскому и Черному морям, уложило много человеческих жизней, залезло в долги к иностранным кредиторам, а сливки от балтийской и черноморской торговли снимала еврейская буржуазия, которая, по существу, монополизировала в западных губерниях скупку и реализацию сельскохозяйственного сырья, служившего главной статьей российского экспорта. П. Столыпин попытался изменить положение, поставил вопрос об изъятии у еврейской буржуазии хлебной торговли и об уменьшении кредитов из Государственного банка еврейским частным банкам на эти цели (см.: «Наша нива». Вильно, 1911, № 28—29). Но, поддавшись на провокацию в Киеве, он раскрутил «дело Бейлиса» и был застрелен Мордкой Багровым в присутствии сановников империи и царской семьи. При помощи «дела Бейлиса» сионистам удалось представить мировому общественному мнению, что неприязнь к еврейской буржуазии в России имеет

не социально-экономическую, а религиозную почву, навевается живучестью средневековых предрассудков. А это означало, что в международных эмиграционных операциях евреи получали режим наибольшего благоприятствования, на них не распространялось антиэмиграционное законодательство.

Сегодня в Италии и в США еврейские организации создали специальные адвокатские службы, чтобы помочь выезжающим из СССР евреям собрать и систематизировать материалы, обвиняющие СССР в преследованиях евреев. В результате чего многие выезжающие в США евреи получают статус политического беженца и пособие в несколько тысяч долларов.

В требованиях, которые выставлены хасидами Библиотеке имени В. И. Ленина в Москве, речь идет в первую очередь о материалах белорусских хасидов, во главе которых стояла династия Шнеерсонов (основатель Р. Шнеер Залман, родился в 1747 году в местечке Лиозно Витебской обл.). Его сменил на посту руководителя секты рабби Бер, потом секту возглавлял зять Бера Мендель Любавичер. Резиденция секты перемещалась по границе Могилевской и Витебской губернии (Лиозно, Ляды, Любавичи). Шнеерсоны играли видную роль в мобилизации ресурсов белорусского еврейства против Наполеона, опасаясь распространения решений Парижского синедриона о реформировании иудаизма, создания нового талмуда на «черту оседлости». Они активно участвовали в разработке школьной политики российского правительства (через специальную раввинскую комиссию) в отношении еврейского юношества и т. п. В общем, история секты и ее духовное наследие — это органическая составная часть истории дореволюционной Белоруссии. Материалы секты должны остаться в нашей стране, в первую очередь в Белоруссии.

Фонд барона Гинзбурга также представляет огромную ценность для исследования истории нашего Отечества. Гинзбурги (Евзель и его сын Гораций) создали капиталы главным образом на организации винно-водочной торговли в «черте», являлись родственниками Ротшильдов, Варбургов, Гиршев, Розенбергов, Ашкенази и других банкирских домов Европы. Владельцы банкирского дома в Петербурге с филиалами за границей, они выполняли роль протекторов еврейской общины при царском дворе, участвовали в разработке законодательства о евреях, финансировали сбор, систематизацию и публикацию статистических материалов о социальном положении евреев в «черте». Гинзбурги возглавляли «Общество по распределению просвещения между евреями в России», российские филиалы «Всемирного союза израэлитов» и «Еврейского колонизационного общества» (ЕКО), структуры которых действовали и на территории Белоруссии. В Орше находилась почтовая станция, принадлежащая тестю Евзеля Гинзбурга Давиду Дыннику, то есть на узловом пункте сообщений, связывающем дороги Петербург — Киев, Москва — Варшава.

Гинзбурги содействовали в России развитию кредитных акционерных банков, выполняли операции по финансированию железнодорожного строительства, вкладывали деньги в золотопромышленные предприятия на Урале, Алтае, Лене, были главными акционерами прибыльного пароходства на Шексне. В Петербурге Гораций Гинзбург состоял членом Биржевого комитета, Совета Петербургской биржи, членом Петербургской Думы, Совета по торговле. В 1889 году он получил чин действительного статского советника. В сейфах банкирского дома Гинзбургов, как свидетельствует Г. Слиозберг, хранились огромные капиталы частных лиц главным образом представителей петербургской аристократии. Гинзбурги были тесно связаны с царской семьей, заведовали финансовыми делами герцогов Гессенских, в том числе великого герцога Гессенского, из дома которого были жены Александра II, Николая II и дяди царя Великого князя Сергея Александровича.

Все это свидетельствовало о том, что функции банкирского дома Гинзбургов, их общественная деятельность — это неотъемлемая часть российской, в том числе и нашей белорусской истории, и выпускать фонды за рубеж нет никакого основания. При рассмотрении на Государственном совете этих вопросов представители Белоруссии должны наложить вето на передачу фондов. Их изучение позволит нам формировать свои, славянские подходы к проблеме русско-еврейских и белорусско-еврейских отношений. Проникнув в глубины иудаизма, мы многое высветим из нашей собственной истории.

Семен ЗУНДАЛЕВ,
г. Минск

В дополнение к сказанному уместно привести мнение кандидата наук из города Бендеры В. А. Герцберга: «Мне хотелось бы обратить внимание научной общественности на творческое наследие выдающегося философа, известного под именем Любавического Раби. Дело в том, что на изучение трудов Любавического Раби со стороны некоторых представителей Хабадского движения как бы наложено «табу». Считается, что мы с вами не в состоянии разобраться, понять и использовать всю глубину его учения. Мне удалось перевести одну из книг на русский язык. Должен сказать, что это интересное сочетание сложной, но в какой-то мере поддающейся толкованию мистики и народной медицины. Делается попытка создать нечто вроде единых для всех национальностей и народов разумных поведенческих структур... Речь идет о контроле интеллекта над эмоциями. Уровень интеллекта человека не передается из одной страны в другую и не может быть объектом купли-продажи» («Советская Россия», 15.10.1991).

Возникает вопрос: почему о необходимости изучения хасидских рукописей заговорили только сейчас? Где была все эти годы наша наука? Или на нее тоже было наложено «табу» Хабадским движением?

МСТЯТ ЗА ХРАМ СОЛОМОНА?

Совершено нападение на одного из лидеров патриотического движения «Возрождение» — А. Осипова (г. Фрязино). Удар кастетом по голове (целились явно в висок) Осипов получил во время прогулки с детьми во дворе собственного дома.

Угрозы Осипову раздавались и прежде: как в устной, так и в письменной форме. Кому-то очень не нравилась его патриотическая деятельность: распространение русской прессы, публикации в центральной, местной прессе, срывавшие маски с некоторых «демократов». Особый гнев последних вызвала статья А. Осипова в журнале «Молодая гвардия» (1990 г., № 12) «Храм Соломона под Москвой», в которой говорилось, как под видом Дворца бракосочетаний г. Фрязино возводится уменьшенная копия храма Соломона. Ныне строительство этого сооружения заморожено: общественное мнение города не поддержало идеи «архитекторов». Не за это ли мстят отважному патриоту?

О. СПИРИДОНОВ

НЕБЕСНОЕ ПОСЛАНИЕ РУССКИМ?

Окончание. Начало на стр. 98.

Скорость света в космическом пространстве	29979,5 км/сек	(7191999+7×432) разделить на 24
Частота космического излучения водорода	1421 МГГЦ или 21 СМ	К числу 1421 достаточно приписать размерность МГЦ
Космическое излучение гидроксила (ОН)	1,666 ГГЦ или 18 СМ	(7+7+7 + 7+7) разделить на (7+7+7)
Космическое излучение паров воды	22,2 ГГЦ или 1,35 СМ	777 разделить на (7+ +7 + 7+7+7)
Время прохождения земной оси через зодиакальное созвездие	2160 лет	432 умножить на (7+ +7 + 7+7+7) и разделить на 7
Период процессии земной оси по зодиакальному кругу (был известен в Древнем Египте)	25920 лет	12×432×(7+7 + 7+ +7+7):7 (12 — число созвездий зодиака)
Год конца (?) света по М. Нострадамусу.		
Предполагаемая дата перехода в новое пространственное измерение (?)	3797 год	770777 умножить на 7 и разделить на 1421

Внимательный читатель уже успел заметить, что для получения констант и фундаментальных физических постоянных используются в основном числа 7 77 777 770777, а также 2 3 5 и некоторые другие «сальские числа».

Аналогичным способом легко получаются численные значения числа «пи» (22:7=3,14...), золотого сечения 5:7×(777):(7×7×7)=1,618... и других математических констант.

Использование чисел 7 (суммы из цифр 7) 22 24 26 77 222 426 1421 для получения данных о параметрах планет Солнечной системы.

Период:	Расстояние от Солнца (в астр. ед):
Марс (7×7):26=1,68	Марс (77+77):(77+24)=1,524
Церера (7×16):24= =4,66 (астероид)	
Юпитер (7×44):26= =11,8	Юпитер 777:(77+22+24+26)=5,203
Сатурн (7×101):24= =29,45	Сатурн 1421:(77+22+24+26)=9,53
Уран (7×264):22=84	Уран 10×426:222=19,189
Нептун (7×565):24= =164,79	Нептун 100×426:1421=30

Соединения Сатурна и Юпитера (7×221):26=59,5 лет

ПОЛУЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ О ДАТАХ БЫЛЫХ АСТРОФИЗИЧЕСКИХ И СУДЬБОНОСНЫХ СОБЫТИЯХ

Если принять за исходные даты год появления «сальских знаков» — 1989 год и год, полученный из «сальских знаков» — 1999 год, и далее последовательно отнимать от их численных значений комбинации чисел 7, 70, 77 или 777, то тогда получаются следующие даты: 1908 год — год столкновения «тунгусского феномена» «звезды гостьи» с Землей (199—77—7—7); 1842 год — год затмения Солнца и наблюдения на черном диске Луны ярких свечений (1989—77—70); 1408 год — год появления «звезды гостьи» (сверхновой), по средневековым летописям (1842—77—77—70—70—70); 1054 год — год появления «звезды гостьи» (сверхновой), по китайским летописям (1908—777—77); 988 год — год крещения Руси и год наблюдения «огненных столбов», по славянским и арабским летописям (1842—777—77); 2 год до н. э.— год рождения Иисуса Христа, по вычислениям Евсевия Кесарийского (300 г.), и год появления «звезды гостьи», изображаемой на старинных иконах рождения И. Христа, (1054—777—70—70—70—70).

В связи с получением последней даты возникает вопрос: не является ли точной датой рождения Иисуса Христа 2 год до н. э., а не дата 1 год н. э., вычисленная Дионисием в VI веке?

Удивляет, с какой высокой точностью вписываются в вычисления целочисленные значения чисел, кратных 7, и комбинации чисел 777 77 7, а также другие «сальские числа» 22, 24, 26, 222, 426, 432 и 770777. Эти загадочные свойства семерок и «сальских чисел» просматриваются во всех приведенных простейших вычислениях.

СТРАННЫЕ СООТНОШЕНИЯ В СТРУКТУРЕ «САЛЬСКИХ ЧИСЕЛ»

Если 22242600 пять раз разделить на период Сатурна (29,4), то получается единица (22242600:29,4)=1. Если 22242600 дважды разделить на период соединения Сатурна и Юпитера (59,5 лет) в одной и той же точке зодиакального круга, то есть напротив одного и того же созвездия, и далее результат разделить на «пи», то получается 2000 (лет ?).

Если поставить вопрос, какое число нужно умножить само на себя, чтобы получить 22242600, то этим числом является 4716,207. Действительно: 4716,207×4716,207=22242600. Число 4716,2 отличается от числа 4715, которое представляет собой число лет от сотворения мира по илианскому летосчислению, на 1,2 года (4716,2—4715).

Если поставить теперь вопрос: какое получится число, если 4715 умножить на 4715, то этим числом является 22231225. Это же число получается, если от числа 22242600 отнять число 11375=(777 + 7+7 + +7+7+7)×7+7) +7.

Теперь, если «сальское число» 22242600 разделить на число 3312= =(22+24+26)×(22+24), то получим число 6715,760, переведя которое из илианского летосчисления в современное, получим 1999,5 год.

Действительно: 6715,76—4716,207=1999,5 (лет). Эта дата (1999,5) совпадает с датой, полученной из «сальских знаков»: июль, 19 число 1999 года (1999,545 лет), и близка дате (2000 лет).

ИНФОРМАЦИЯ, ИЗВЛЕКАЕМАЯ ИЗ ДВОИЧНОГО ЧИСЛА 20202022020222

Если два знака ⟩⟩ заменить на 2, а пробелы между группами знаков на 0, то получается новый вид двоичного числа: 2 0 2 0 2 0 2 2 0 2 0 2 2 2. Сумма двоек первой части двоичного числа (202020) в степени 13, 11 и 9 (то есть $2^{13}+0^{12}+2^{11}+0^{10}+2^{9}+0^{8}$) дает число 10752, содержащее в себе информацию о периоде Сатурна.

10752/365=29,4577 лет (период Сатурна), 365 — число дней в году. Сумма двоек второй части (22020222) в степени 7, 6, 4, 2, 1 и 0 (то есть $2^{7}+2^{6}+0^{5}+2^{4}+0^{3}+2^{2}+2^{1}+2^{0}$) дает число 215, которое в совокупности с 365 несет в себе информацию о периоде Юпитера. 215×2^{5}/(215+365)=11,862 (период Юпитера) (то есть 215 пять раз умножить на 2 и разделить на (215+365)).

При обозревании всего полученного из «сальских знаков» на память приходит высказывание астрофизика Ральфа Эстлинга в журнале «New scientist»: «Рассуждения о сверхъестественном и сверхразумном основаны на человеческом принципе мышления, утверждающем, что реализуется именно та Вселенная, которая пригодна для человека, и нам следует поразмыслить о тех бесчисленных совпадениях, которые абсолютно необходимы для существования человека и самой жизни. Единственное небольшое отклонение в одном из тысяч важных совпадений резко (возможно, полностью) изменило бы Вселенную. Однако абсолютно во всем, начиная от постоянных определяющих, гравитационные, электромагнитные, сильные и слабые ядерные взаимодействия, и вплоть до основных биологических предпосылок, мы обнаруживаем, что космос в целом, наше Солнце в частности, и в особенности Земля, настолько точно подогнаны к нам, что неизбежно напрашивается вопрос: «А не Бог ли или кто-то еще с аналогичным именем создал все это, прежде всего имея в виду нас?»

Это слишком много для совпадения, даже для чуда, чтобы назвать это чистой случайностью».

В данном случае возникает аналогичный вопрос, ибо цифры, «написавшие» имя Иисуса Христа, позволили сравнительно просто получить значения основных физических констант, описывающих параметры и свойства ближнего и дальнего космоса, на вычисление которых человечеству потребовалось не одно столетие.

Полученная информация ставит новые вопросы, как это и бывает в подобных случаях.

— Не много ли совпадений, вытекающих из их расшифровки, чтобы считать их случайными?

— Кто их авторы, сумевшие преподнести столько информации в одной строке, состоящей из цепочки символов и цифр?

— Не является ли это небесное послание своего рода предостережением?

— Не будет ли 1999 год годом страшных испытаний (СИ) и годом последующего перехода к эре стабильности и устойчивости (СУ), совершенства и единения (СЕ) земного и космического, гармонии человека и Вселенной?

— Почему первые буквы слов гипотетических событий (СИ СУ СЕ) при переводе их в цифры по алфавиту древней глаголицы дают снова «сальское число» — 22 24 26?

— Почему текстовая информация из «сальских чисел» идет на древнеславянской глаголице?

— Не к потомкам ли древних славян, владевших когда-то глаголицей, направлено это небесное послание, содержащее имя Иисуса Христа и пророчество о грядущем спасении?

— Не с целью ли как-то повлиять на нашу духовность и интеллект направили нам это загадочное послание наши небесные доброжелатели — «старшие братья по разуму»? (см. Дж. А. Киль. Операция «Троянский конь»).

Информацию, извлеченную из «сальских знаков», легко было бы поставить под сомнение, если бы эти знаки были взяты с потолка, а не с голубого небосвода, расписанного необычными символами.

Михаил ГАПОНОВ

Критику материала, дополнения и замечания направлять по адресу: 344038, г. Ростов-на-Дону, 92, а/я 3308

Александр БРЕЖНЕВ

МЫ ЖИВЕМ НЕ ТОЛЬКО ДЛЯ СЕБЯ

5 декабря (23 ноября по старому стилю) 1991 года исполняется 110 лет со дня смерти великого хирурга и общественного деятеля XIX столетия, основоположника милосердия в России, лауреата четырех Демидовских премий Николая Ивановича Пирогова.

Пирогов одним из первых заложил научные основы русской хирургии, которая, освободившись от влияния Запада, стала на самостоятельный отеческий путь развития. Однако следует отметить и то, что в российскую и мировую науку великий русский хирург вошел не только как академик-первооткрыватель и создатель целых разделов русской медицины, но и как врач-подвижник, патриот Отечества и земли русской. Его самоотверженный труд врача-добровольца по спасению раненых при обороне Севастополя, его участие в войне на Кавказе и во франко-прусской и русско-турецкой войнах всегда будут памятны народу как образец самопожертвования.

Известный на весь мир академик-хирург неожиданно оставил свою научную деятельность и добровольцем пошел на войну, взяв с собой чемоданчик с хирургическим инструментом. Его не пускали, его отговаривали, но он был верен святому долгу врача. О своем отъезде на Крымскую войну в 1854 году Пирогов писал жене в одном из своих знаменитых севастопольских писем: «Подумай только, что мы живем на земле не для себя только, вспомни, что пред нами разыгрывается великая драма, которой следствия отзовутся, может быть, чрез целые столетия: грешно, сложив руки, быть одним только праздным зрителем, кому Бог дал хоть какую-нибудь возможность участвовать в ней. Я знаю, что для тех, кого он, как нас, благословил счастьем в семейном круге, тяжело, оставив тихий, приятный быт, подвергать себя всем беспокойствам и тягостям разлуки с милыми сердцу и лишениям: но тому, у кого не остыло еще сердце для высокого и святого, нельзя смотреть на все, что делается вокруг нас, смотреть односторонним

эгоистическим взглядом,— и ты, которую я привык уважать за твои чувства, верно, утешишься, подумав, что муж твой оставил тебя и детей не понапрасну, а с глубоким убеждением, что он не без пользы подвергается лишениям и разлуке».

Народ русский свято чтит память о великом ученом-подвижнике. Первым мавзолеем России можно назвать склеп, где и до настоящего времени покоится набальзамированное тело Николая Ивановича Пирогова.

В последние годы жизни к Пирогову приходит необыкновенное духовное озарение. «Передо мной все разверзлось»,— любил говорить он. И действительно, в этот небольшой отрезок времени мы представляем себе Пирогова не только как великого хирурга и педагога, но и мыслителя, философа, богослова, а если точнее выразиться, то наставника и проповедника русского духа.

Нельзя без волнения читать «Дневник старого врача», над которым Пирогов работал до последней минуты своей жизни. «Ой, скорее, скорее! Худо, худо! — пишет он в нем за месяц до смерти.— Так, пожалуй, не успею и половины петербургской жизни описать...»

«Дневник врача» очень плотен по своему содержанию. Биографические моменты в нем постоянно переплетаются с рассуждениями о жизни, о любви, о смерти.

«Вера в бессмертие,— пишет он,— основана на чем-то еще более высшем, чем самая любовь. Теперь я верю, или, вернее, желаю верить, в бессмертие не потому только, что люблю жизнь за любовь мою, и истинную любовь, ко второй жене и детям (от первой); нет, моя вера в бессмертие основана теперь на другом нравственном начале, на другом идеале».

Пирогов как ученый вырос в России. И поэтому судьба русского народа его постоянно волновала. В нескольких главах он открыто и смело защищает русский язык от засилья иностранных языков. «Можно ли ждать быстрого прогресса,— пишет он,— в развитии родного языка, племенной мысли, науки и искусства в стране, где около трона, в высших кругах, в салонах, детских, будуарах слышится говор туземцев на чужом им языке и где знание его сделалось не средством, а целью образования?

Это превращение временного средства в конечную цель лишило нас научной и классической литературы, послужив вместе с тем препятствием распространению охоты к чтению на русском языке. Научались европейским языкам с малолетства только в верхних слоях общества и только для себя, для своего круга, для салона, для карьеры, так как знание иностранного языка было вывеской образования; а кто из этого класса хотел читать, тому, конечно, не нужны были книги на русском языке. А когда к образованию начали стремиться и низшие общественные слои, не имевшие возможности познакомиться с европейскими языками в детстве, то нечего было читать; научная и классическая литература не существовала на русском языке, в ней не было надобности высшим классам, людям породы белой кости.

И вот культурная часть нашего общества распалась на два слоя: верхний, обладавший всеми средствами к прочному образованию, но по своему рождению, положению, предрассудкам и т. п. не призванный к серьезному научному труду, не нуждающийся ни в отечественно-научной литературе, ни в переводе на русский классических произведений других народов; другой слой, нижний, почти целиком составился из пролетариата; без знания европейских языков, без всяких средств, после нелепой школьной подготовки вступала молодежь этого слоя в высшие учебные заведения и, желая научиться, для изучения какого бы то ни было предмета не находила ни одного порядочного руководства на русском языке».

Далее Пирогов говорит о необходимости обучения детей родному языку. Ребенок должен думать на своем языке. Ибо только родной язык делает мысли ясными и глубокими.

В «Дневнике» Пирогов подводит и итоги сделанного. В конце жизни он пытается разобрать свой жизненный путь, проанализировать его и, найдя сделанные им ошибки, открыто заявить о них. Редко какой ученый может похвалиться критическим отношением не только к себе, но и к своей трудовой деятельности. В этом плане Пирогов безжалостен к себе. Ибо считал за правило не скрывать перед людьми ни своих заблуждений, ни своих неудач.

«Дневник старого врача» — своеобразный светоч русской жизни прошлого столетия — из-за болезни Пирогова остался недописанным. Однако даже то, что дошло до нас, как ничто другое, велико. Мысли выдающегося русского ученого и сейчас, как никогда, важны и ценны. Словно предчувствуя это, он писал: «Время обсудит и оценит лучше нашего и наши убеждения, и наши действия, а мы утешим себя тем, что и здесь, на земле, где все проходит, есть для нас одно неразрешимое — это господство идей. И потому если мы верно служили идее, которая, по нашему твердому убеждению, вела нас к истине путем жизни, науки и школы, то будем надеяться, что и поток времени не унесет ее вместе с нами».

ПЕЙЗАЖИ МОНУМЕНТАЛИСТА

В мастерской художника

Если взглянуть на структуру Союза художников СССР, то каждый его член строго приписан к определенной секции или подсекции и именуется не художником, а сугубо производно: живописцем, скульптором и т. д.

Действовал старый принцип — разделяй и властвуй. И коли уж ты записан в ваятели, то хоть тысячу прекрасных картин напиши, не допустят их на выставку в раздел живописи и ни одна закупочная комиссия их не возьмет. Сиди на

своей жердочке и пой то, что велено. Но сколь ни трудно и ни мытарно было, художники оставались художниками и, когда душа велела, брались за масляные краски, а когда новое вдохновение возникало, то резали гравюры. Так и монументалист Вениамин Хапугин, проявив себя во всех техниках монументального искусства, был прежде всего художником и потому не душил в себе и божий дар пейзажиста. Большинство его пейзажей выполнено с натуры, они несут в себе неподдельные переживания и раздумья, рождаемые встречей с природой. Выбранные автором темперные краски сохнут быстро, позволяют писать прозрачно и тонко, многослойно и сочно. Это удобно в поездках, в разработке разных пейзажных мотивов. Темпера довольно-таки точно передает сходство с натурой, и одновременно у нее есть своеобразная декоративность, некоторая отстраненность, помогающие выразить обобщенные представления, философские воззрения. В средневековой Руси

темперу применяли и в стенописи храмов, и в иконе.

Во многих картинах Вениамина Александровича естественно соединяются лирическое и эпическое начала, метко увиденное и глубоко пережитое. Одни мазки положены жидко и широко, так что ощутима основа произведения — чаще всего картон, плотная бумага, а другие краски наращиваются слоями, то там, тот тут образуется рельефность, и для опытного зрительского глаза во всем этом оживает своего рода музыка, подобная музыке цветовых сочетаний, тем аккордвм и мелодиям, что создаются, когда художник применяет множество градаций одного цвета.

Не раз Вениамин Александрович навещал Коктебель, где жив дух времен Киммерии и Таврии, и дух этот оживает в пейзажах Хапугина. Но чаще художник пишет в столичном Нескучном саду, на подмосковной речке Рожай, ездит на русский Север, в Тверскую землю. И произведениям мастера передается дивная связь русской архитектуры, от избы до храма, с окружающей природой, с небом и водой, с холмами и луговиной, с лесом и полем.

К сожалению, у художника не было возможности показывать эти произведения на выставках и работы остаются известными только в кругу знакомых автора.

А вот с монументальным творчеством Хапугина многие люди встречаются ежедневно. Работы художника вошли в интерьеры домов культуры Златоуста, Калуги, Ефремова, Института мелиорации и водного хозяйства в Абакане. В Москве композиция из смальты и нержавеющей стали украсила фасад Центрального научно-исследовательского института тяжелого машиностроения, другая работа — столовую Института средств связи, третья — ресторан «Янтарь» близ станции метро «Электрозаводская».

Иван КУПЦОВ

Работы В. ХАПУГИНА «Кирилло-Белозерский монастырь», «На Енисее», «Мста».

«Великая распродажа России». Так назвал свою новую работу известный уже нашим читателям санкт-петербургский художник Игорь Бородин.

ТОВАРИЩ

Л. Н. ФИЛИМОНОВ

ДОРОГА НА ЭВЕРЕСТ

(Рассказ о путешествии)

Окончание. Начало на стр. 56

---

11 ноября. Дневка в Шекаре

Следующий день начался драматически: внезапно послышался сигнал горна. Китайцы, ранее почти все участвовавшие в боях с чанкайшистами, узнали гоминьдановский сигнал тревоги. Тут же голосом был подан сигнал тревоги и у нас. Солдаты бросили варить еду, похватали личное оружие, потащили пулеметы на огневые позиции, приготовились к бою... Между тем наблюдатели доносили, что на городскую площадь собираются солдаты местного гарнизона войска далай-ламы. Минут через сорок — через час их набралось человек восемьдесят. Подходили понемножку, вразвалочку. Вооружены чем попало — старые, неоднотипные винтовки, чуть ли не кремневые, у одного американский автомат, у некоторых пики и сабли. Пулеметов нет, минометов и гранат нет... По мере того, как разворачивалась эта картина, лица у военных светлели, они заулыбались. Тибетские солдаты построились и начали маршировать. Одновременно поднялся хохот среди солдат конвоя — строевая подготовка оказалась никудышной... Военный парад явно способствовал разрядке несколько нервного напряжения, в котором находился отряд с момента получения известия о движении вслед нам вооруженной группы.

В 14 часов поднялся сильный ветер с юго-запада, гонит по долине тучи пыли. Безоблачно. Наши тибетцы и проводник играют в кости. Два кубика с очками помещают в деревянную чашку, похожую на пиалу, встряхивают и, сильно взмахнув, ударяют по мягкой подушечке, обшитой кожей, не давая при взмахе костям выпасть. Потом считают очки. Игроки в страшном азарте.

Я внимательно разглядел одежду караванщиков, сидящих рядом. Основу одежды составляет длинный халат — чуба, — сшитый из домотканой шерстяной материи или из овчины. Полы чубы доходили бы до щиколоток, но ее подпоясывают, подняв полы до колен. Над поясом образуется большой напуск. Этот напуск выполняет роль карманов и рюкзака одновременно — в нем хранятся вещи первой необходимости: мешочек с цзамбой, чашка, из которой пьют чай и едят цзамбу, табак, зажигалка. Чубу надевают либо на голое тело, либо чаще на рубаху, сшитую из ма-

терии потоньше. Штаны из овчины мехом внутрь или из плотной материи. На поясе поверх брюк на крепкой тесьме-поясе привязан большой кожаный кошель, в котором хранят металлические деньги. На ногах сапоги с толстой подошвой. Она сплетена из шерстяной нитки. Голенища сапог сзади разрезаны. Штаны заправляют в сапоги, и, чтобы голенища не спадали, под коленкой сапоги подвязаны шерстяной цветастой тесьмой. Никаких носков или портянок не употребляют — в сапог кладут для мягкости пучок сухой травы или соломы. За голенище заткнут нож с крепким большим лезвием, не столько оружие, сколько инструмент. Чаще всего ножи из Шеффилда или Золингена. Голова часто ничем не покрыта, тогда видны волосы, черные, спутанные, грязные, заплетенные в две косы, обернутые вокруг головы. Короткая стрижка волос встречается, но не часто. Иногда на голове меховая шапка, украшенная «золотым» шитьем. Она имеет спереди козырек, который можно приспосабливать так, чтобы загородить глаза от солнца. Часто носят темные очки, чтобы уберечь глаза от пыли и яркого солнца. Правый рукав чаще всего сброшен, открывая тело. Этот старинный обычай, освященный традицией, очевидно, помогает регулировать температуру тела — в холодное время, утром, чубу надевают в оба рукава.

Все страшно грязны — не моются по году. Бытует поверье, что тот, кто моется, лишь открывает болезням дорогу внутрь себя. Вначале это производило на нас отталкивающее впечатление. Но постепенно мы на собственном опыте убеждаемся в том, что в существующих условиях мыться, по существу, некогда или негде. Утром отрицательные температуры, ручьи покрыты корочкой льда, а других источников воды нет. На таком холоде не станешь особенно размываться. Днем, когда тепло, обычно поднимается сильный ветер. Он гонит клубы пыли, и в это время умываться бессмысленно. К вечеру, когда ветер стихает, опять становится холодно. Уже в Шекаре мы с некоторым удивлением поймали себя на том, что в последнее время умываемся не каждый день... Так же, как караванщики, выглядят почти все тибетцы.

Пен Шули сообщает, что нанят караван на этап пути до Тингри (он произносит: Тинжи). Опять оплата серебром.

На крыше дома непременно дежурит отделение солдат и стоит заряженный пулемет.

В 20 часов на крыше, на высоте роста, нормальный замер дал +5°С. Дом расположен на склоне горы, врезан в него, возвышаясь над склоном метра на два.

К вечеру получен ответ из Шигацзе на радиозапрос — нельзя ли, начиная с Тингри, уменьшить конвой. Сказано категорически «нет» и дано обоснование. Обстановка сейчас осложнилась. Две вооруженные группы активно действуют в районах работы экспедиции...

По нашему настоянию питание всех участников альпинистской разведки будет с завтрашнего дня улучшено. Мы опасаемся, что народ ослабеет и не будет в состоянии ходить в горы.

СЕРДЦЕ ГИМАЛАЕВ

«Научились ли вы радоваться препятствиям?»

Надпись на одном из тибетских перевалов

«Путник, почни: ты здесь — как слеза на реснице».

Поговорка памирских горных таджиков

13 ноября. Тингри

От Цагу до Тингри предполагается долгий переход. Собирались в дорогу и вьючили караван в темноте, с фонариками. Вышли в семь часов. Почти совсем темно, полоска тропы едва заметна. Беззвучно, безмолвно движется колонна, словно цепочка теней перемещается в предрассветной тиши. Основным ориентиром служат контуры бесснежного хребта, что громоздится слева и загораживает часть звезд на небе. Вполне рассвело к половине девятого. Температура продолжала падать и к девяти часам достигла минимума — четырнадцати градусов мороза.

При переправе через ручей невдалеке от этого селения навстречу попадается караван. Его сопровождает высокий молодой человек с гордой осанкой. За плечами у него винтовка, в дуло воткнут султан из красноватой шерсти. Как-то очень он не похож на забитых тибетцев, встречавшихся нам в уездах Переднего Тибета. Не меньшее удивление вызывают украшения на ишаках. На шею каждого надето нечто вроде ошейника, к которому прикреплены пустотелые ярко начищенные латунные шары. В шарах что-то перекатывается и позванивает при каждом шаге. К нижней части ошейника привязана большая кисть из шерсти, окрашенной в красноватый цвет. Такие же, но меньшего размера кисти понавязаны повсеместно на всей упряжи. Везде, где только можно, к сбруе прикреплены начищенные латунные бляшки. На вьюке переднего ишака укреплено знамя — государственный флаг Непала. Толя Ковырков, разглядев все это великолепие, закатывается хохотом. Несколько отдышавшись, он заявляет, что неплохо бы войти с ходатайством о награждении подобными украшениями спортсменов-рекордсменов. Вот было бы разговоров!..

Между тем караван, пересекая луг, к трем часам подошел к большому селению. Это — Тингри. Его высота по альтиметру 4250 метров оказалась несколько меньше, чем указано на карте.

Тингри — нечто вроде перевалочного пункта для торговли с Непалом. До границы, до перевала Нангпа-ла, рукой подать — из Тингри до ближайшего селения в Непале один переход. Граница здесь открытая, для ее перехода не требуется паспортов. На лугу пасется масса караванных животных — яки, лошади, ишаки, мулы. Штабелями сложены грузы. Вьюки с товарами почти все обшиты свежими шкурами. Прямо на улицах, на земле, разложено добро и идет торговля всякими иноземными товарами.

При въезде в Тингри опять собралась толпа любопытных. Одежда тибетцев носит здесь явные следы европейского влияния — на молодых людях тенниски, куртки на «молниях», темные очки для защиты от солнца. В толпе двое молодых мужчин спортивного вида, одетых в альпинистские костюмы. Очевидно, они из Непа-

ла. Я снял одного из них — уж очень мне понравилось открытое выражение лица.

Нашему отряду отвели на постой дом богатого купца. В доме чисто, удобно, уютно. Кровати покрыты чистыми белыми покрывалами, подушки в белых наволочках. Невольно оглядываем себя — мы настолько грязны, что впору сидеть на полу, не прикасаясь к окружающим нас чистым вещам, — укатали нас сивки на тибетских горках. Видимо, поняв наше затруднение, хозяева накрывают темным ковром сундучок у окна, придвигают к нему стол, жестами приглашают садиться...

В комнате, где ночуем, — письменный стол, на нем бумаги, счеты, чернила для автоматической ручки и несколько авторучек фирмы «Паркер», лампа с ториевой горелкой, электрические фонари нескольких типов. На стенах множество фотографий хозяина и его семьи, некоторые из них цветные. Висит зеркало, и на самой его середине налеплена этикетка «Сделано в Бельгии». На стене маузер в расшитой кобуре, в темной кладовушке за дверью — винтовки, патронташи с патронами к ним: хозяин сам заботится об охране товаров. В доме деревянные пол и потолок, что нам до сих пор в тибетских домах не встречалось. В окна вставлены стекла. В углу комнаты сложены штабелем стальные вьючные чемоданы.

Наш хозяин носит длинные косы и большую серьгу из бирюзы в левом ухе; хозяйка острижена коротко.

Угощают чаем — кипяток из термоса, зеленый чай в красочной коробке, конфеты. И все из рук красивой, слегка полноватой и, о боже, чистой хозяйки, кокетливой, хорошо одетой!..

Но нам не сидится в доме, хочется как следует наглядеться на великолепную панораму Гималаев.

Взор невольно останавливается на массиве Чо-Ойю — Гьячунг-Канг. Он ближе всего, он перед глазами. Светлой тенью вздымается над широким плоским лугом громадный массив. На четыре километра возвышается он над лугом — холодный, заснеженный, затененный. Он нигде не освещен солнцем. Ровной линией тянется гребень стены, почти не имея понижений между Чо-Ойю — пиком 7839 и Гьячунг-Кангом.

Высока стена Чо-Ойю — Гьячунг-Канг — восемь километров, шутка ли! Однако она закрывает лишь подножие Эвереста, но не в состоянии закрыть его вершину. Как пик 7181 мал в сравнении с Чо-Ойю, так массив Чо-Ойю мал в сравнении с Эверестом. Четко вырисовывается на фоне неба сверкающая вершина Эвереста, видна часть северо-восточного гребня, желтые скалы и верхняя часть Большого кулуара. Большой кулуар все время в тени. Однако деталей рельефа не видно даже в самые сильные бинокли. Самое большее, что можно разглядеть сейчас, — лишь подступы из Тингри к перевалу Ламу в поперечном хребте, что отделяет нас от ущелья Ронг-чу, в верховьях которого залегает ледник Ронгбук. Путь из Тингри на перевал идет по восточной стороне плоского луга, вверх по речке и далее — по ущелью, пролегающему с запада на восток между снежными хребтами, тяготеющими к Гьячунг-Кангу, и бесснежными хребтами на север от них.

На запад от перевала Нангпа-ла новая группа снежных вершин, ярко освещенных солнцем. На глаз они невысоки, большинство вряд ли превышают по высоте семь километров, но их множество! Для альпинистского освоения западной группы вершин нужно несколько лет работы сильного коллектива.

Спать улеглись как обычно, расстелив «противоипритную накидку» и спальные мешки на полу.

С утра торчим на крыше. Это не только желание полюбоваться тем, как под первыми лучами солнца в предрассветной мгле загораются снежные вершины и переливаются теплыми оранжевыми тонами. Есть и более прозаические соображения: хочется понаблюдать, в какое время дня освещены солнцем склоны вершин. Те, кто бывал высоко в горах, знают, какой пронизывающий холод царит там до прихода солнца.

И вчера, и сегодня мы с небольшими перерывами снимаем панорамы. Это дало возможность заснять все вершины при всех возможных типах освещения. Чувствуется, что телеобъективы 13,5 сантиметра здесь недостаточны. Очень подошли бы объективы с увеличением порядка десяти или выше: съемки издали могут дать превосходные материалы, без искажения перспективы из-за наклона камеры.

Спускаемся с крыши в дом. Там тоже происходят интересные вещи. В комнату к Сюй Дину — маленькую и тесную, так что не повернуться, — пришел торговец, принес продавать высокогорные утепленные ботинки на вибраме, примус и пуховую куртку. Торговец что-то горячо говорил, показывая на товар, и то и дело выбрасывал кулак, отставив большой палец вверх. Кындын-Танзен переводил его слова на китайский, а потом, осматривая вещи и заметив изъян — масляное пятно на куртке, — тыкал пальцем в изъян и повторял почти тот же жест, но только отставлял мизинец, цокая языком и укоризненно качая головой. Сценка была понятна без слов. Я проверил через Пен Шули: в самом деле, поднятый вверх большой палец означает здесь «хорошо», мизинец — «плохо». Кто же изобрел, а кто заимствовал этот жест? С теплыми вещами у нас туго, и Сюй Дин купил ботинки и куртку.

В половине первого мы опять были на крыше — как раз вовремя, чтобы увидеть двухмоторный самолет над западной группой вершин. Он пришел со стороны Непала — Индии и удалился туда же, оставив ясно видимые полоски конденсации. То же самое видели китайцы вчера.

Между делом осматриваем с крыши поселок. Внимание привлечено тем, что в Тингри нет монастырей, по крайней мере, крупных. Мы так и не поняли, в чем тут дело — в близости границы или в том, что ламы не уживаются с торговцами. Зато полно воронов. Повсюду сидят они, черные, гладкие, зловеще спокойные, внимательно посматривают кругом. Так и кажется, что черные могильщики приглядываются к каждому, еще живому: скоро ли кончишь ты свой путь, скоро ли попадешь на закуску?

15 ноября. На перевал Ламу

В семь утра температура минус 13 градусов. В девять часов покидаем селение. Безоблачно, слабый ветерок. Над главным хребтом — полупрозрачные очень высокие облака.

Местность голая, унылая, хотя даже на самом перевале есть земля и растет мелкая травка, сейчас вся иссохшая. Лошади собирают ее с жадностью. Прокладка дороги на перевал, по-види-

мому, особых трудностей не представит — подъем плавный, пологий, широкий, так что, наверно, нетрудно будет заложить серпантины.

В 16.30 прошли перевал Ламу. Высота его по анероиду 5150 метров. Сразу же начали спуск в долину Ронг-чу: на перевале сильный ветер.

На ночлег остановились в 17 часов, несколько спустившись с перевала, на высоте 4825 метров, около небольшого ручейка. Похоже, что здесь часто ночуют: видны следы костров, сложены стенки из камней для защиты от ветра. Караван подошел в 18.15, за восемь часов движения отстал на час с четвертью. Сразу же измерил температуру: +0,5° С, солнце село около часа назад, зайдя за окрестные горы.

Ночевку организовали в палатках, испытывая при этом радостное чувство возвращения к привычным условиям существования. Замерил разницу температур внутри и вне палатки. Она составляет около шести градусов. Караванщики располагаются спать, укрываясь от ветра за стенками из камней или из вьюков. Спят они в той же одежде, что надета на них днем — никаких других средств утепления у них нет. Военные ставят коньковую палатку. Им приходится трудно — палатка большая, тяжелая, и даже слабый ветер рвет ее из рук. Ставить палатку приходилось, похоже, только старшему лейтенанту и капитану — солдаты осваивали эту науку впервые. С нашим участием дело наладилось.

Сразу же после этого всей компанией беремся за заготовку «дров». Вырываем руками прямо с корнем какие-то мелкие кустики, крушим их ледорубами — повару не на чем согреть воду...

16 ноября. Ущелье Ронг-чу

В 6.45 внутри палатки плюс четыре, вне палатки минус два градуса. С перевала дует теплый ветер, давление упало — высота по альтиметру сейчас на 25 метров больше, чем вчера вечером.

В 8.45 выходим с бивака. Спуск с перевала заметно круче подъема. Тропа идет вдоль оврага с крутыми стенками, промытого вешними водами.

После спуска с перевала поворот направо в первую же долину. Это и есть долина Ронг-чу. Вначале песчаные берега, потом тропа переходит на гальку. Толщина слоя гальки, судя по высоте берегов, колоссальная. По дну долины течет маленький ручей. Ширина его от силы метра полтора. Выглядит это нелепо, несолидно: ледники высочайшей вершины мира дают начало ручейку шириной метра в полтора.

Через некоторое время тропа подымается на правую береговую террасу. Слева по ходу от тропы показывается богатый жилой дом, стоящий в веселом ущелье с травкой и ручейком. Дом похож на загородную дачу. Впоследствии выяснилось, что так и есть: это монастырь отдыха, принадлежащий храму в Ронгбуке. Пен Шули великий мастер находить при переводе словечки, приводящие в восторг точностью смысла и необычностью звучания: «посещательная делегация», «дрематический театр», «монастырь отдыха».

По дороге встретили двух закутанных в тряпье монашек — собирают кизяк...

Наконец-то — свершилось!

С гребня одной из моренных гряд видны массив Эвереста, Чанг-тзе, цирк главного Ронгбукского ледника, вход в ущелье восточного Ронгбука — словом, все!

Я был счастлив: сбылась заветная мечта — увидеть Эверест, увидеть Ронгбук! Не слыша призывов наших друзей соблюдать бдительность, заботиться о безопасности, нещадно погоняя удивленных коняг, мы трое чуть ли не вскачь разъезжаем по моренным грядкам и смотрим, смотрим, смотрим... Это окрыляющее, ослепительное чувство, это счастье сбывшейся мечты надо хоть раз пережить каждому. Как оно очищает душу, какие силы оно дает! Люди называют его по-разному: борец — счастье победы, ученый или артист — радость творчества, все люди — счастье сбывшейся мечты, — но основа его едина. Как прекрасен был бы мир, если бы всем удавалось проносить через жизнь это душевное состояние! Альпинисты, эти пожилые чудаки, отзывающиеся на детские имена Витя, Вова, Коля, Саша, Яша, которые каждое лето променивают солнечное тепло на леденящий холод вечных снегов, не так уж нелепы, как кажется со стороны. Попросту они нашли безотказный способ часто переживать это восхитительное чувство — радость победы, радость творчества, счастье сбывшейся мечты...

С каждым поворотом тропы вершина все ближе, все полнее открывается ее подножие. Наконец, показывается чортень Ронгбукского монастыря. Шпиль чортеня, высокий, золоченый, на белом основании, ни дать ни взять — высоковольтный изолятор — горит на солнце, проецируясь на склоны Эвереста.

У монастыря остановка на час-полтора. Из монастыря выходят ламы. Двое из них принимаются вращать монастырские молитвенные барабаны, как бы желая показать, что свое дело они знают и даром хлеба не едят. А может быть, так и полагается встречать путников... К богу летят направленным пучком бесчисленные буддийские молитвы — в барабанах запрессованы отпечатанные на тонкой бумаге миллионы текстов молитв, и каждый оборот барабана эквивалентен произнесению их вслух...

Сюй Дин, начальник охраны и переводчик сходят с лошадей и направляются к группе монахов. А мы, чтобы не усложнять разговора — Пен Шули все нам расскажет потом, оставив лошадей, достаем фотоаппараты и бинокли, бродим около монастыря, разглядываем и фотографируем склоны, ледник, тропы... К великому удивлению, фотосхема с разметкой путей по северному склону Эвереста, опубликованная чуть ли не в каждой книге о восхождении на Эверест, прекрасно снимается с дороги к монастырю, со дна долины.

Несколько успокоившись, достаем карту и пытаемся разобраться в географии района.

Рядом с монастырем, через дорогу от него, много сложенных из камней домиков, предназначенных, очевидно, для размещения паломников. Сейчас они пусты.

Невдалеке на склонах бродит большое стадо коз. Козы дикие, но совсем не боятся людей, находятся под защитой установлений монастыря.

Сам монастырь представляет собою группу лепящихся друг к

другу домов, от больших и красивых до совсем бедных. Похоже, что фасадами дома обращены внутрь монастырского двора. Наружу глядят чаще всего гладкие стены, лишь наредка с окнами или дверями. Главный вход в монастырь рядом с чортепем, немного не доходя до него — большие ворота, ведущие во внутренний двор.

Вун Кин-джан, понимающий свои обязанности врача очень широко, налаживает питание. После короткого отдыха идем дальше.

На небе появляются странной формы и непривычного вида облака. Редкие, полупрозрачные, с ячеистой структурой, они напоминают гигантскую сеть, которую кто-то тащит по небу, чтобы изловить нас...

В 15.15 над Эверестом начало быстро развиваться чечевицеобразное облако. К 16 часам оно стало очень большим. Неужели упустили погоду? Мы сильно понервничали в это время... С левой стороны облака ветер то и дело отрывает клочья тумана, и они тают в воздухе.

Мы находились уже совсем недалеко от долины Восточного Ронгбука, надеясь добраться до него верхом по террасе. Это сильно облегчило бы организацию нашего базового лагеря. Однако надежды не всегда сбываются. Береговая терраса, постепенно сужавшаяся, кончилась. Мы с Пен Шули спешились и предложили сходить в разведку.

Пройдя вперед и вверх, где виднелась вторая терраса, мы разведали вторую террасу и переход с нее на третью. Однако мы не успели рассмотреть, можно ли провести лошадей с третьей террасы на Восточный Ронгбук. Снизу раздались крики — нас приглашали вернуться. Внизу решили отправить лошадей обратно, а альпинистам спускаться вниз, в карман между береговой мореной и телом ледника Главный Ронгбук, и там дождаться лошадей, которых предполагалось провести по дну лощины в кармане.

Взяли рюкзаки с палатками и личным снаряжением, начали спуск. Спуск по крутому склону береговой морены, как всегда, только казался простым и легким. Он отнял у нас около трех часов. Солдаты, не имевшие опыта ходьбы в горах, спустились уже в темноте. К счастью, никто не сорвался.

Спуск был весьма неприятен. Я попробовал измерить температуру и сломал ось крыльчатки термометра. Час от часу не легче...

Мы действовали явно неосмотрительно, не организовав предварительной разведки пути выше монастыря. Стало очевидно, что для успеха дальнейшей работы нам пора детально договориться о распределении обязанностей.

Наконец, мы собрались все вместе, нашли место для установки палаток, отыскали воду в озерке на Главном Ронгбуке, наладили ужин.

Караван к нам так и не прибыл...

17 ноября. Идем к Эвересту

Караван не дошел до нас и к утру. По карману между ледником и береговой мореной весной течет ручей. На дне лощины грунт не слеживается, мелкий материал вымывается и уносится. По непрочно лежащим крупным камням страшно неудобно проводить лошадей.

Сюй Дин дает команду спускаться вниз, чтобы организовать базовый лагерь разведки где-нибудь у языка Главного Ронгбука, в месте, куда могут дойти лошади.

Оставляем на месте ночевки свернутые палатки и спальные мешки.

Перескакивая с камня на камень, обдумываю, где лучше прокладывать вьючную тропу от языка Главного Ронгбука до Восточного. На верхних береговых террасах остался не пройденным и не просмотренным нами сравнительно небольшой участок пути до Восточного Ронгбука. Имеет смысл разведать его и окончательно выяснить возможность прокладки вьючной тропы там. Преимущество верхнего варианта — большая стабильность склона — там нет ручья весной, как внизу, в кармане, где каждую весну дорогу будет размывать. Характер же склонов на береговых террасах вовсе не безнадежный. Сделать переходы с одной террасы на другую можно даже силами нескольких человек с ледорубами. Наиболее серьезным участком может оказаться последний, лежащий в непосредственной близости от Восточного Ронгбука, тот, который мы с Пен Шули не успели просмотреть.

Однако сейчас главное не во вьючной тропе. Пока погода еще держится, надо разведывать подъем на Чанг-ла. Тропу можно выбрать всегда.

Оглядываясь назад, видим, что чечевицеобразное облако над Эверестом по-прежнему на месте, даже немного увеличилось.

Выйдя с ночевки в 9 часов, мы опустились до языка Главного Ронгбука к 9.35. В горловине лощины в кармане между ледником и береговым склоном обнаруживаем склад грузов, привезенных, очевидно, вчера вечером. Воды поблизости нет, для лагеря место неудобно. Людей пока нет — только грузы и следы костра из кизяка, наверно, жгли вчера.

Позавтракали и засели планировать альпинистскую разведку.

Беспокоило то, что, по-видимому, до начала непогоды оставалось совсем немного времени. Нужно действовать быстро. Между тем вторая группа разведки во главе с Ло Чжишином где-то застряла вместе с основными грузами и снаряжением. Хуже всего у нас с высотной обувью — всего четыре пары «шеклтонов» и две пары утепленных ботинок. Соваться же на Чанг-ла в обычных горных ботинках, рассчитанных на высоты до 4,5—5 тысяч метров, рискованно.

Было ясно, что нужно выкручиваться, не дожидаясь подхода группы Ло Чжишина. Основной вопрос стоял так: сосредоточить ли все силы на пути по Восточному Ронгбуку или разделиться на две группы и осмотреть также и выход на Чанг-ла с запада, с Главного Ронгбукского ледника?

После долгих обсуждений в конце концов нам пришлось согласиться на предложение Сюй Дина: делиться на две группы и осматривать оба варианта пути. Это требовалось инструкциями, полученными им от руководства Всекитайского комитета физкультуры и спорта. Организуем общий промежуточный лагерь у слияния Восточного и Главного Ронгбука. Оттуда на Восточный Ронгбук пойдут восемь человек: Белецкий (руководитель), Ши Дин (заместитель руководителя), Ковырков, Ван Фучжоу, Пен Шули и три носильщика. На Главный Ронгбук пойдут Сюй Дин

(руководитель), Филимонов (заместитель руководителя), Лю Ляньмап, Чен Чжунчан, Чжао Гогуан и три носильщика — тоже восемь человек. Задачи группы Восточного Ронгбука будем считать основными и выделим этой группе лучшее снаряжение. Начнем выход сегодня, кончим 25 ноября, а в случае плохой погоды продлим срок до 26—27-го.

Во время совещания к нам подошел снизу доктор Вун Кинджан. Он уже составил набор продуктов на две группы по восемь человек, по 10 килограммов на человека. Сразу же после принятия решения принялись быстро готовить выход, распределяя грузы.

В нашей группе две двуслойные высотные палатки, у каждого — индивидуальный пуховый спальный мешок, легкие горные ботинки, кошки, ледоруб. На группу немного крючьев, три капроновые веревки, репшнур. Одеты мы тепло — кроме обычных свитеров, теплого белья и штормовок, у альпинистов пуховые, а у солдат и носильщиков — ватные костюмы. Все было бы ничего, но неважно с теплой обувью: «шеклтоны» только у меня, у Сюй Дина утепленные ботинки с подошвой из вибрама, а Лю Ляньман не без остроумия захватил летные унты в качестве «высотной обуви»: кошки к ним не подходят. Беспокоюсь за примусы — примусы той конструкции, что у нас сейчас, никогда не горели хорошо на высотах.

В тот же день, 17 ноября, вышли к Эвересту одновременно обеими группами. Я взглянул на часы. Было 16.45. Далеко мы уйти не сможем.

Мы так устали и издергались за последние дни, что перед выходом надо бы иметь два-три дня отдыха. И в то же время страшно, что упустим погоду. Эх, если бы иметь надежный прогноз!

Мы заснули, едва успев втиснуться в спальные мешки.

18 ноября. Разведка Главного Ронгбука

Встали в 8.30. Ясно, безветренно, морозно. Вода, которую запасли с вечера, промерзла в кастрюлях до дна. Китайские товарищи готовят на примусах роскошный завтрак. Литра два кипятка уходит только на то, чтобы промыть рис и изюм.

С ночевки мы уходим группой в 10 человек. Вот ее состав.

Начальник группы Сюй Дин, 30 лет, Пекин, мастер спорта КНР, сотрудник отдела альпинизма Всекитайского комитета физкультуры.

Чен Чжунчан, 26 лет, из города Сянчан, мастер спорта КНР, участник восхождения на Музтаг-Ата (7546 м) и Конгур-Тюбе-Таг, или Гонгу II (7595 м), совершенного совместной китайско-советской экспедицией 1956 года.

Лю Ляньман, 25 лет, мастер спорта КНР, по профессии пожарный, один из сильнейших альпинистов КНР, участник восхождения 1956 года на Музтаг-Ата (7546 м) и восхождения 1957 года на Гунга-Шань (7595 м). В 1958 году Лю Ляньман участвовал в совместном сборе под пиком Ленина, где я с ним встретился впервые.

Чжао Гогуан, 22 лет, родом из г. Куэнь-мин, студент-геодезист, альпинист-перворазрядник и лыжник.

Вспомогательный отряд возглавляет 28-летний Кындыи Танзен, тибетец, лейтенант войск панчен-ламы. Он исполняет в разведке обязанности переводчика с китайского на тибетский. Энергичный, живой и деятельный, он во многом способствовал быстрому продвижению разведки от Шигацзе до Ронгбука, а теперь оперативно управляется с непривычными для него делами горовосходителя. С ним два тибетца-носильщика: Пубуцери, 35 лет, родом из Шигацзе, и Соне Цира, 24 лет, очень непосредственный, живой и веселый. Соне Цира страшно увлечен всем происходящим. Он успевает принимать участие во всех наших делах и одновременно старательно изучать на слух два языка — китайский и русский. Кроме того, в группе двое молодых солдат: Ху Даван, 19 лет, из Сычуани, и Коум Пу, 22 лет, тоже из Сычуани. Они представляют собою нашу мощную охрану — оба не расстаются с автоматами, висящими у них на шее, и помогают нести груз.

Самый старый в отряде — я, 39 лет не шутка, но пока еще выручает двадцатилетняя привычка абстрагироваться от рюкзака, усвоенная при бессмысленных перетаскиваниях тяжелых грузов на больших высотах, что по шуточной поговорке составляет истинную сущность альпинизма.

Очень трудно без языка. Правда, я знаю слова «хао» и «бу хао». Соне Цира — «спать», «кушать», но в основном мы объясняемся улыбками и жестами.

Наш отряд выходит в 11 часов. Идем, придерживаясь кармана между правобережными осыпями и моренным валом Главного Ронгбука. Ведет отряд Лю Ляньман, я следую непосредственно за ним, чтобы оперативнее воздействовать на ведущего, если это потребуется.

А царство льдов постепенно разворачивается перед нами. Вот уже справа показался полностью цирк ледника Западный Ронгбук. Посредине цирка видна скальная вершина, как бы специально созданная для того, чтобы усесться на ее макушке и, подавляя дрожь восхищения, рассматривать пяток первоклассных вершин, окружающих ее. Правофланговой, как и полагается, стоит в надвинутой несколько набекрень ледовой шапке — самая высокая вершина, которую я заметил еще из лагеря на развилке. За ней, чуть глубже в цирке, вся заснеженная, как под серебристой фатой, расправляет роскошные плечи грозная красавица. Карнизы на ее гребне, подчеркнутые просвечивающими на солнце громадными трещинами, берегут ее покой и девственность. Дальше, к северу, еще три мощные вершины, и каждая где-нибудь у нас на Памире заслуживала бы специальной экспедиции.

А совсем рядом с нами, отделенная полоской поверхностной морены, сказочная страна ледяных башен на Главном Ронгбуке. Ослепительно сверкают белые клыки кальгаспоров, выступающие на десять-пятнадцать метров из серого щебня, усыпающего здесь ледник. Ближе к Эвересту все уже становятся усыпанные камнями коридоры между кальгаспорами и наконец исчезают совсем, только ужасающая щетка остроконечных ледяных глыб, разделенных суживающимися книзу трещинами. Не дай бог бродить здесь, выискивая переход через ледник!

Если смотреть только вперед, только на Эверест, то его размеры и высота не воспринимаются — нет масштаба. Как нужна спичечная коробка рядом с крохотной моделью корабля, чтобы подчеркнуть ее миниатюрность, так нужны мощные вершины в

Западном цирке или, еще лучше, острый, как карандаш, семитысячник Пумори, чтобы воспринять громадность Эвереста.

В 14 часов мы вышли к повороту правого берега Главного Ронгбука, хорошо заметному на карте Уиллера. Отсюда, с выступа морены, лежащей поверх льда, я сделал несколько серий снимков Чанг-тзе и Эвереста. Собирая потом объективы и прочую фотографическую снасть, обнаружил, что и здесь, на высоте 5500 метров, в закрытых от ветра теплых уголках растет трава. Рядом оказалось несколько ржавых консервных банок. Кто-то здесь уже бывал, и давно. Скорее всего это следы экспедиции Тильмана.

С этого места видны почти в чистый профиль характерные первая и вторая ступени на гребне Эвереста. Эти крутые участки гребня, в особенности вторая ступень, являются важными проблемами штурма Эвереста, и очень хотелось детальнее рассмотреть фактуру скал на них и их крутизну. Однако расстояние слишком велико, чтобы оценить возможность преодоления второй ступени в лоб. Не помог и двенадцатикратный бинокль. Крутизна второй ступени достаточно велика, чтобы искать возможности обхода — либо справа по ходу, как делали англичане, либо, может быть, слева, по невидимой отсюда стороне гребня. Правда, на той стороне снег. На такой высоте он не смерзается и может оказаться мучнистым и сыпучим...

Северный склон гребня около ступеней крут и не освещается солнцем даже днем. Я не знаю, какой крутизне это здесь соответствует.

Над второй ступенью большое снежное поле. Крутизна его при наблюдении в лоб не оценивалась. А жаль, это поле может быть неплохим местом для сброса грузов без парашюта.

Гребень Эвереста, отходящий от вершины вправо, на запад, обрывается на Главный Ронгбук крутой стеной со снежно-ледовыми сбросами. В своей верхней части он значительно сложнее традиционного пути восхождения с Чанг-ла. Поэтому нет резона детально изучать этот вариант пути восхождения.

Я имел возможность рассмотреть склоны Чанг-тзе и Эвереста, выходящие на северную, западную и восточную стороны. Одинаковые по ориентации склоны обеих вершин — те из них, что я видел, — имеют аналогичное строение. Именно наиболее круты склоны, обрывающиеся на север. Здесь крутые стены и иногда обрывы. Наиболее пологи заснеженные склоны Чанг-тзе, выходящие на восток. Поэтому при подъеме на Эверест с Чанг-ла следует учитывать возможность обхода трудных участков с востока, слева по ходу, по стороне, невидимой с Главного Ронгбука. Здесь окажутся очень ценными те наблюдения, которые, очевидно, смогут произвести участники группы Восточного Ронгбука.

Важно, что снежник выше второй ступени очень мощный. Вполне возможно, что слой снега на нем достаточен даже для пещер, не говоря уже о возможности вырубить в снегу площадки для палаток.

На ночлег остановились в 16.20, немного не дойдя до цирка Чанг-тзе — Эверест. Высота места ночевки по анероиду 5300 метров.

Спутники идут не очень резво. Может быть, сказывается то, что китайцы в общем очень мало едят — запас калорий, который они получают за завтраком, попросту недостаточен. Носильщики идут с трудом, частенько отстают, и их приходится поджидать. Остальные заметно сильнее.

Приятно иметь компаньоном Лю Ляньмана. Тащит огромный рюкзачище, активно работает по устройству бивака, проявляя сноровку и изобретательность. Сейчас он сидит за примусом и кипятит одну кастрюлю за другой — чай, лапшу, снова чай.

Все сильно и часто кашляют. Кашель явно не простудного характера, вероятно, вызван сухостью воздуха. Нужно просить медиков помочь в подборе средств, успокаивающих кашель.

Пока было светло, сделал портреты моих спутников, посадив их так, чтобы сзади был виден Эверест. Особенно охотно снимались тибетцы и солдаты, повесившие свои автоматы на грудь.

Место ночевки я впоследствии буду называть: лагерь № 2 разведки.

19 ноября. Разведка Главного Ронгбука, продолжение

Проснулись в девять часов. Выход после горячего завтрака, в 11.30. К этому времени солнце только что осветило наш склон. Направление пути пока очевидно — нужно идти до конца морены, пересечь ледничок, стекающий с гребня Чанг-тзе, и выйти на ледник Главный Ронгбук.

Трудно идти — чувствуется высота. В особенности ослабели и заметно отстают тибетцы-носильщики, хотя груз у них значительно меньше, чем у остальных. Солдаты идут хорошо. Я отношу это за счет отличной тренировки, которую они приобрели, проделав пешком весь путь от Шигацзе. Он был тяжел и мучителен, но, по-видимому, полезнее, чем путь верхом.

У конца морены, на высоте по анероиду 5400 метров, а по карте Уиллера 5800 метров, нашел две алюминиевые трубы, торчащих из камней. Они похожи на стойки для палатки. Мы с Лю Ляньманом долго возились вокруг них, тянули, расшвыривали камни, дергали, но вытащить не могли — наверно, трубы сильно погнуло и завалило камнями. Я снял на память фотографию одной из них.

Очень красивы оба пика Лингтрен. Колоссальные снежные карнизы на их гребнях нависают в сторону Главного Ронгбука. Карнизы придают вершинам вид невероятно хрупких и тонких вафель. Кажется, что они даже немножко просвечивают на солнце. Однако внимательное наблюдение показывает, что с западной стороны на каждой вершине должны быть пологие снежные склоны. На северо-восточном склоне Лингтрен I очень много снега и мощные снежно-ледовые сбросы. Этот снег, очевидно, перенесен господствующим западным ветром с противоположной стороны вершины. Должно быть, аналогичен этому и характер склонов Чанг-ла: с запада склоны более пологи, с востока — сбросы.

На морене тепло, как и вчера, иду без перчаток. Обычные высокогорные ботинки с триконями, надетые на две пары толстых шерстяных носков, шерстяные кальсоны и штормовые брюки, шелковая тенниска, тонкий шерстяной свитер, пуховый жилет и штормовая куртка, китайская вязаная шапочка с длинными ушами — вот что надето на мне. Правда, мы ходим только при солнце.

Оба тибетца очень слабы. В 14.30 Сюй Дин отправляет их

вниз, а солдат Ху Давана и Коум Пу переодевает в альпинистскую одежду, взятую у носильщиков. До этого солдаты шли в воинском обмундировании, в ватных куртках и ватных брюках. Автоматы солдаты несут с собой.

В 15.30 вышли на лед. Сверху он прикрыт плотным фирном превосходного качества: отлично втыкается ледоруб, с одного удара ногой получается ступенька, и в то же время ноги в фирн не проваливаются. Ни одной лавины ни с одного из склонов, даже с невероятно хрупких на вид карнизов Лингтрена.

В 17.00 мы с Лю Ляньманом вышли к основанию гребня Чанг-тзе. У скал здесь есть вода. За последние часы мои ботинки промокли насквозь, сказывается отсутствие водонепроницаемой смазки, у нас с собой ее нет.

Сейчас подойдет Сюй Дин, и будем искать место для ночлега.

На ночевку встали в 17.15. Высота по анероиду 5575 метров, по английской карте 5830. Пока шли к ночевке, снял нижнюю часть ледопада. Отсюда видно, что он разорван и справа и слева, но в середине имеется пологий проход, ведущий внутрь, к Чанг-ла. Надо будет воспользоваться этим проходом.

Еще раз убедился в высокой квалификации Лю Ляньмана. Он выбрал площадку для лагеря на снегу, отвергнув выстланную мелким камнем и очень заманчивую скальную площадку: на скальной площадке был опасен камнепад. Ночью как раз на отвергнутую им площадку свалилось несколько увесистых камней, разбудив нас грохотом.

Сидя в палатке, дописываю дневник.

20 ноября. Разведка Главного Ронгбука. Осмотр пути на Чанг-ла с запада

Проснулись в 9.30. У солдат и у переводчика Кындын Танзена болит голова. Вероятно, горная болезнь — они впервые на такой высоте.

Мы с Лю Ляньманом долго возимся с примусами, пытаясь согреть завтрак и подкормить спутников. Примусы работают скверно.

Солнце осветило лагерь в 11.30.

Пока возимся с завтраком, оцениваю разные варианты подъема.

Для подъема на Чанг-ла с Главного Ронгбука, в противоположность подъему с Восточного, характерна необходимость большого набора высоты по ледопаду. Судя по высоте нашего лагеря, нужно набирать, по крайней мере, 1200 метров, тогда как на Восточном около шестисот. Правда, еще неясен характер ледопада.

Другие варианты пути сюда, в лагерь № 3, сложнее пройденного нашей группой.

В 13 часов, дождавшись благоприятного освещения и оставив солдат и переводчика отдыхать в палатках, вышли впятером налегке на осмотр ледопада, ведущего на Чанг-ла.

Часа полтора движемся без связывания веревкой. Как и в предыдущие дни, путь почти без набора высоты, фирн прочен, трещин мало, и они легко обнаруживаются и обходятся. Подойдя ко входу в ледопад в той части, где лощина становится заметно круче и где трещин становится больше, связываемся.

В первой связке Лю Ляньман и я, во второй — Чан Чжунчан, Чжао Гогуан и Сюй Дин.

Еще через час достигаем точки, с которой открывается неплохой обзор пути на Чанг-ла. На участке от лагеря до этого пункта сравнительно простой путь, с легким обходом немногочисленных трещин.

Становится ясно, что ледопад вовсе не так грозен, как кажется внизу, разорванные гигантскими трещинами части его просто обойти.

На всякий случай нужно предусмотреть возможность вскрытия трещин: взять с собой про запас парочку веревочных лестниц длиной метров по 40—50.

Наконец, подъем непосредственно на перевальную седловину Чанг-ла требует преодоления сравнительно гладкого, но крутого заснеженного склона, имеющего на глаз высоту около 400 метров. После свежих снегопадов здесь также будет лавиноопасно. По-видимому, лавинная опасность меньше слева, где снежный пласт прошит многочисленными выступами скал и лучше скреплен со склоном. Можно хорошо пройти и справа, где склон положе, над кулуаром, идущим с Эвереста.

Занимаясь осмотром пути, зарисовками, записями, фотографированием, я ломал голову над тем, что же делать дальше, идти или не идти завтра на перевал?

Мне очень хотелось сделать попытку. Но с кем? У Лю Ляньмана нет теплой обуви, а остальные в этом году не имели высотной акклиматизации. Эх, если бы мы не делились на две группы и пошли все вместе! А что, если мы войдем с запада, а ребята с востока не войдут — ведь тогда восточный вариант будет загублен начисто?

Терзаясь и кляня судьбу, я не решился настаивать на подъеме...

В 16.50 мы вернулись в лагерь № 3.

21 ноября. Возвращаемся

В 11.30, когда из-за вершины Эвереста показалось солнце и осветило лагерь, мы начали обратный путь... До свиданья, Чанг-ла, до свиданья, Эверест.

Возвращаемся по своим следам. Сильный ветер на склонах Эвереста колышет снежные флаги. Временами проходят облака. Но разнообразные облака уже столько раз предвещали якобы плохую погоду, что не верится и на этот раз. Мы просто избалованы хорошей погодой. Пожалуй, мне еще не приходилось бывать в горах в таких благоприятных условиях погоды, как этой осенью.

В 13.40 пришли на площадки нашего бывшего лагеря № 2. Над Эверестом полупрозрачные облака, занимающие большую часть неба. Как-то идут дела на Восточном Ронгбуке?

В 17.00 пришли в наш лагерь № 1 у впадения ручья Восточного Ронгбука в Главный. Встретили двух солдат, которые вернулись из лагеря № 3 на Восточном Ронгбуке. Поговорив с ними, Сюй Дин сказал:

— Белецкий... Чанг-ла!.. — и махнул рукой вверх. Затем ткнул пальцем в площадку от палатки и сказал: — Завтра! — и опять ткнул пальцем в площадку. Значит, ребята вышли на Чанг-ла и

завтра собираются быть здесь, на развилке? Страшно завидую тем, кто пошел на Чанг-ла.

В 18 часов вышли вниз, к языку Главного Ронгбука. Через полчаса добрались до базового лагеря, организованного метрах в пятистах ниже конца льда, у склона одного из моренных бугров в ложе ледника.

Лагерь роскошный!

Наш телохранитель Ло Ван вышел навстречу, заулыбался, потащил угощать всякими лакомствами, в том числе свежими мандаринами, прибывшими со второй группой разведки: все участники уже здесь. Ло Ван показал палатку, поставленную для нас троих, Пен Шули и Ло Вана. Этой компанией мы обычно размещались в одном уголке дома на каждом ночлеге.

В лагере суета: ставят палатки, сортируют грузы. Очень много людей, наверно, много новостей, но без языка что же узнаешь? Улыбаемся, пожимаем друг другу руки — и все!..

Огорченный, заваливаюсь спать.

22 ноября. Базовый лагерь

Несмотря на то, что спал в пуховом мешке, проснулся от холода. Взглянул на часы, на термометр: 9.30 утра, в шатровой палатке 9 градусов мороза. На полотнищах успел вырасти иней. Натянул на себя весь запас шерстяных вещей, высотный пуховой костюм, унты, лисий треух. Вышел из палатки. Ветра нет, безоблачно, солнце в лагере еще не показалось. Лагерь спит, но повара уже хлопочут у костров. В нескольких шагах от палатки — зеркальный пласт льда: река Ронг-чу, почти иссякнув, промерзла чуть ли не насквозь. Я разбежался, прокатился на ногах по льду и уехал на второй край лагеря. Лагерь расположился в укрытии, образованном невысокой, метров в 10, моренной грядой. Она изогнута полумесяцем. Рога полумесяца примыкают к основному потоку Ронг-чу, а на ровной галечной площадке между рекой и грядой камней все наши грузы и палатки.

Часов в десять показывается солнце.

Постепенно лагерь оживает. Несколько человек возятся с движком, налаживают электропроводку в палатках. Метеорологи распаковали и собирают белую метеобудку для приборов. Топографы собирают треноги, прилаживают к ним планшеты, извлекают из футляров теодолиты, осматривают, как все доехало. Солдаты помогают во всех работах: их сейчас здесь около двух отделений, остальных что-то не видно. Похоже, что уже прибыли все специалисты. Прибыло и несколько новых тибетских носильщиков — они выходят с кружками умываться и чистить зубы, повергая меня в изумление.

Когда же все-таки появилась здесь группа Ло Чжишина? Из попыток расспросить без переводчика получается конфуз: один из собеседников приводит ко мне самого Ло Чжишина, второй распаковывает вьюк и угощает сушеными крабами... Потом попытку объясниться жестами делает Ло Ван. Подойдя ко мне, он показал на циферблате часов цифру 2, раскинул в стороны руки и, гудя, как шмель, поплыл по площадке в направлении к Эвересту, затем махнул рукой, сделав как бы круг над его вершиной. Потом потащил меня к рации, показал радистов, выстукивающих что-то в бешеном темпе телеграфом, опять раскинул руки в стороны, опять загудел, ткнул себя пальцем в грудь и сделал вид, что тоже стучит ключом. Объяснение весьма наглядно: в два часа ожидается самолет над Эверестом, с ним ведется радиосвязь. Пристаю к Ло Вану, к радистам, используя немногие известные мне китайские и английские слова, но, увы, ничего не выходит. И самолета в два часа тоже не было! (В скобках следует заметить, что Ло Ван говорил именно о самолете: самолет ожидался, но не прилетел — это стало известно позже.)

Я в ужасном огорчении: без языка жизнь очень бедна. Чувствуешь себя скованным, одиноким...

А китайцы развивают кипучую деятельность. Они капитально устраивают лагерь. В течение дня установлено еще три палатки. Сейчас в лагере две палатки охраны, шесть больших шатровых палаток и две палатки чуть поменьше, с тамбурами. Одна из палаток установлена на моренном бугре, в ней работают топографы. Рядом с кухней натянута палатка-памирка, в ней поселился повар. Натянули антенну еще одной радиостанции. Снизу продолжают прибывать грузы. Было два каравана яков — с кизяком и со снаряжением. Мне нравится тот стиль, в каком действуют китайцы. Они создают постоянно действующую в течение нескольких лет организацию, круглогодично работающую для Эвереста. И у них это не только спортивная организация. Здесь и дорога для автомашин, и метеостанция, и аэрофотосъемки района, и воспитание альпинистов и носильщиков.

Так как времени у меня хоть отбавляй, подготовил к предстоящей транспортировке отснятые пленки, их штук двадцать.

Снял несколько кадров базового лагеря и засел писать отчет о разведке Главного Ронгбука.

24 ноября. Базовый лагерь разведки

Утром ясно, солнечно, холодно. Солнце показалось в лагере около десяти утра.

Группа Белецкого пришла в 13.30.

Сюй Дин построил состав разведки на линейку. Белецкий рапортовал ему о возвращении. Сюй Дин зачитал поздравление группе разведки Восточного Ронгбука.

Ребята пришли страшно усталые, и мы решили, что они сначала отдохнут, а уж потом расскажут нам о своем походе.

Так как Пен Шули уже отоспался, я расспросил его о сроке прибытия второй группы разведки. Оказалось, что группа Ло Чжишина пришла сюда 21 ноября, за несколько часов до возвращения группы Главного Ронгбука, и сразу же на скорую руку установила несколько шатровых палаток. Место для базового лагеря выбрали еще раньше офицеры охраны и Вун Кинджан, которые и перебросили сюда грузы, первоначально сваленные в начале кармана между ледником и правым его берегом. На марше группу Ло Чжишина охранял минометный взвод. Тибетцы по религиозным мотивам очень боятся минометов, мин и гранат: смерть от них считается много хуже, чем от ножа или пули, — душа не найдет покоя, если тело разорвало на части. Это обстоятельство и было использовано, чтобы иметь меньшую численность охраны...

Некоторое время спустя к лагерю подошли снизу двое: капитан Ху Пейчин и с ним кто-то плотный, в альпинистском ко-

стюме, в защитных очках. Подойдя поближе, спутник капитана сдвинул очки на лоб. Да это товарищ Чжан, такой же веселый, жизнерадостный, как на аэродроме Дансюн, где он встречал нас от имени комиссии содействия.

— Когда же вы здесь появились?

— Уже несколько дней, — улыбаясь, ответил Чжан. — Приехал познакомиться с обстановкой, узнать, как идет у вас разведка Джомолунгмы, нет ли в чем недостатка.

— А где вы сейчас живете, где разбили свой лагерь остальные солдаты?

— Мы оба и те из солдат, что не с вами, живем сейчас хорошо. Мы живем в монастыре, — смущенно улыбнулся капитан.

— Как в монастыре? В его помещениях? А нам ваши товарищи в Пекине и в Лхасе говорили, что сейчас не следует посещать монастыри? — спросил Белецкий.

— После прибытия первой группы разведки верховный лама пригласил меня и старшего лейтенанта Ван Тиню для беседы, — отвечал капитан. — Верховный лама сказал, что монастырь считает своим долгом оказывать содействие всем живым существам, всем, прибывшим на территорию монастыря. Если возникнут трудности, то нам следует обращаться к специальному советнику, назначенному верховным ламой. Эти слова верховного ламы очень ценны, — после паузы добавил капитан.

Мы с Белецким переглянулись.

Высокая гуманность, терпимость и гостеприимство монахов Ронгбука были нам известны. Следуя заветам буддизма, предписывающим оказывать помощь всем живым существам, этот монастырь без расспросов и подозрений давал приют даже тайным экспедициям па Эверест, руководители которых не имели разрешения на въезд в Тибет: группам англичанина Уилсона в 1934 году, канадца Денмана, ходившего в сопровождении Тенцинга в 1947-м, датчанина Ларсена в 1951-м. Однако все они были частными лицами, прибывшими в мирное время. Теперешний случай был более деликатным. Во многих местах шли вооруженные столкновения отрядов тибетских повстанцев с регулярными войсками. И вот вооруженное подразделение этих войск оказалось перед воротами монастыря. Ламе Ронгбука так легко было счесть солдат врагами... А вместо этого, ни на йоту не поступаясь своими принципами, монастырь распахнул перед ними ворота и предложил свое гостеприимство и помощь...

— Мы находимся здесь всего несколько дней, и контакт с монахами еще недостаточно тесен, — продолжал товарищ Чжан. — Но все же ламы сделали несколько замечаний. Солдаты собирали топливо на склоне около монастыря. Этого делать нельзя, склон священный. Если необходимо убить яка или овцу на мясо, то это надо делать ниже моста — территория монастыря простирается от моста до вершины Джомолунгмы. На территории монастыря никого убивать нельзя, наоборот, надо помогать всем живым существам.

— У нас сложилось впечатление, что в Ронгбукском монастыре хороший порядок. Монахи чище, чем в других местах, дорожки всюду в порядке. Верно ли это?

— По имеющимся данным, это монастырь бедный, — отвечал

Чжан. — В нем 70 лам, из них 30 человек сейчас здесь, остальные собирают милостыню по всему Тибету в пользу монастыря. Возможно, что вы видели лам, находящихся на высоких постах. В монастыре есть и женщины-ламы. Всего их около семидесяти. Однако большинство женщин-лам живут у себя дома, а часть нищенствует.

— Много ли вообще таких смешанных монастырей?

— Это редкое явление, — отвечал товарищ Чжан. — Я в Тибете несколько лет и был в командировках в разных районах. Вообще женские монастыри есть. Но они чисто женские и строятся отдельно, в уединенных местах. Здесь, в Ронгбуке, женщины-ламы и мужчины-ламы живут вместе. Бывает, что рождаются дети, они тоже становятся ламами независимо от пола детей. Рождение детей считается грехом, но фактически с этим мирятся.

— На первый взгляд все ламы — святые люди, священные существа, — сказал капитан. — Но вообще-то они простые люди, и ничто человеческое им не чуждо. У них есть праздник, он длится около недели, когда они ходят друг к другу в гости, угощают друг друга. Ходят в гости и мужчины к женщинам, и женщины к мужчинам.

В конце нашего разговора мы попросили товарища Чжана поблагодарить солдат, сопровождавших группы Восточного и Главного Ронгбука в непривычных и трудных для солдат условиях высокогорья.

Мы вернулись к своей палатке. Толя перетряхивал свой рюкзак, вывешивая сушиться вещи. Показал мне знаменитую колотушку, найденную им наверху. Он очень гордился ею и собирался везти в Москву. Живо обсуждаем проблему: «Колотушка как лучший подарок жене». Обсуждение привело к появлению стишка, выдержанного в стиле частушек:

Пошел Толя на Чанг-ла,
Нашел колотушку.
Повезет ее жене —
Получай игрушку!

25 ноября. Базовый лагерь разведки

После завтрака Ковырков дал мне свой дневник. Стоит привести записи Ковыркова, дополненные его устным рассказом.

«18.11. Восемь человек вышли на Восточный Ронгбук в 11.20 из лагеря № 1 разведки. Идем по правому (по ходу) берегу ручья Восточный Ронгбук, по морене. В 12.20 достигли высоты 5160 м. Путь был хорошим, имели два кратких отдыха. К 13.00 — 5290 м. Подъем по береговой морене, довольно спокойный, яки могут идти здесь хорошо. Путь легко выбирается в движении. Слева по ходу видел ограду из камней на высоте 500 м. Очевидно, это первый лагерь англичан. В 14.10 прошли язык ледника Восточный Ронгбук. Там следов лагеря нет. Начинаем спуск к леднику, дальше по высокой морене идти бессмысленно. Ветер сильный, небо ясное. По имеющимся схемам, мы уже прошли лагерь № 1 англичан и находимся на пути к их лагерю № 2. В 15.00 — 5420 м. Все кашляем. Идем по очень крутой берего-

вой осыпи. В 17 часов остановились на ночлег, не доходя 30—40 минут до поворота ледника Ронгбук на юг. Температура в 17.00 равна — 5° С. Ночлег на мелких камнях. Место тихое. Воды нет, лед очень близко.

19.11. 10 часов. Выглянуло солнце. Солдаты ничего не едят, носильщики едят плохо. В лагере на месте ночевки оставили часть продуктов. Найдем ли место лагеря № 2 англичан? Тогда удастся внести ясность в отсчеты высот по анероиду.

10.15. Шли 15 минут, сейчас ждем Беленкого. Он здорово отстает. Все мы кашляем. Облачности нет.

11.15. Остановка, 5500 м. Продолжаем путь по береговой морене. Прямо по ходу на востоке видим очень простой перевал с Восточного Ронгбука. На карте Уиллера он не назван, высота не обозначена (Это перевал Кхарта. — *Л. Ф.*). Ветра нет.

К 12.25 вышли на поворот ледника и видим Эверест. На непальской стороне промелькнул реактивный самолет. Путь пока несложен. Идем по-прежнему по правой по ходу береговой морене. К 15 часам достигли высоты 5600 м. По схеме это соответствует отметке 6000 м. По всей вероятности, только что прошли лагерь № 2 англичан — видели много консервных банок и ровные площадки. В этом месте береговая морена кончается, ее продолжением является срединная морена Восточного Ронгбука. Справа по ходу спускается со склонов небольшой ледничок.

Дальше идем по срединной морене. В ее конце около 16 часов остановились на ночевку. Морена выводит нас к леднику, спускающемуся с Чанг-тзе. С обеих сторон сераксы, острые, игольчатые, метров по 15—20 высотой. Для палаток пришлось долго выравнивать площадки на морене. Ночь теплая.

20 ноября. В 14 часов закончили пересечение ледника Чанг-тзе, выйдя с бивака около 11 часов. Это хаос льда — сераксы, щели, промоины во льду. Камней нет, голый лед. Ледник пересекли с трудом. В одном месте по каньону длиной метров семьдесят. Для маркировки ледника разорвали на полосы цветной чехол от спального мешка.

15.10. Морена кончается. Выходим на лед Восточного Ронгбука. Опять идем на кошках. Стал виден перевал Чанг-ла. Находимся сейчас на высоте 5820 м по анероиду.

В 18 часов остановились на ночлег почти в том месте, где расположен английский лагерь № 3. Он на скалах. Это не береговая морена, а каменная гряда. Слева от нее лед Восточного Ронгбука, справа снова лед и лишь затем скальный склон. Остановились в самом начале скальной гряды, на высоте 6300 м по английской карте, не дойдя до английского лагеря метров сто по высоте. Путь до этого лагеря не представляет никакой технической сложности.

21 ноября. Утром из палатки видно северное седло (перевал Чанг-ла). Видна дальняя от нас, или южная, часть подъема на Чанг-ла. Выглядит она устрашающе. Если более легкого пути нет, то идти здесь большой группой плохо. Прямо на юг виден перевал Рапью-ла.

Я заболел и весь день не выходил из палатки — поднялась температура, кашель. Пен Шули тоже мучается от кашля. Пен Шули, Ши Дин, Белецкий и Шао Цзидин ходили под Чанг-ла. Примусы горят плохо, и не только сегодня, но все дни».

На этом кончаются дневниковые записи Ковыркова.

Обсуждение выявило, что у ребят сложилось в общем единое мнение о том, что следует рекомендовать для подъема на Чанг-ла путь по Восточному Ронгбуку. Основных преимуществ два: удобное расположение базового лагеря и безопасный путь подъема на Чанг-ла по ледово-снежным сбросам, который они разглядели.

Ребята наметили два места для базового лагеря. Если весной будет много воды, то на месте лагеря № 1 англичан, если воды будет мало — то несколько дальше, в лощине. К базовому лагерю можно проложить тропу для яков.

Были уточнены рекомендации мест промежуточных лагерей и маршрута.

Совещание закончилось около двух часов дня.

Примерно в то же время к нам в лагерь на шести лошадях приехали изыскатели трассы шоссе и беседуют сейчас с Сюй Дином. Мы трое затеяли мыть голову, а после засели с Толей за его дневник, который он дополнял рассказом.

За ужином выяснилось, что после беседы Сюй Дина с изыскателями дороги достигнута полная договоренность: автодорога будет обязательно построена до языка ледника Главный Ронгбук, до базового лагеря разведки. Отсюда будет построена, по крайней мере, вьючная тропа до языка Восточного Ронгбука. Строители гарантируют окончание работ к концу января! Здорово! Можно очень компактно, за один-два дня, сосредоточить всех участников восхождения в базовом лагере.

Мне уже стали мерещиться кадры: ярко раскрашенные автобусы у языка ледника Ронгбук с Эверестом на не таком уж дальнем заднем плане... Груды свежих овощей, доставленных откуда-нибудь из-под Лхасы... Кучка пассажиров у автобусного расписания: «Движение местных автобусов по маршруту: «Язык ледника — монастырь Ронгбук — монастырь отдыха»; ...«Экспресс: ледник Ронгбук — аэропорт Шекар»...

С самого утра 26 ноября на небе появились облака. Они набегают из-за Эвереста и нескончаемой чередой проплывают высоко-высоко над лагерем — легкие, полупрозрачные, как кисея. Форма облаков очень непривычна и переменчива.

После завтрака засели обсуждать написанный мною отчет группы Главного Ронгбука. Мнения совпадали почти полностью. Мы пришли к заключению, что подъем на Чанг-ла с запада возможен и при необходимости может быть использован как запасной вариант.

Закончив работу, мы улеглись за палаткой, блаженно греясь на солнышке. Настроение было отличное. Мы таки выиграли бег наперегонки с непогодой, успели посмотреть и ледники, и подъем на Чанг-ла, и склоны вершины. Что бы ни означали эти облака, какую бы погоду они ни предвещали, главное сделано. Теперь все будет зависеть от того, как пойдет само восхождение.

В половине второго из Ронгбука пришел в лагерь капитан Ху Пейлин. Он сообщил, что сегодня к концу дня наш специальный посланец Кындын Танзен приедет в Тингри. День 27 ноября уйдет у него на сбор каравана, пара дней — на путь сюда. Очевидно, 30-го выйдем с этим караваном в обратный путь.

28 ноября. В обратный путь

Погода отличная. Ясное небо, солнце весь день с утра до вечера. Неужели здесь каждая осень такая? В такую погоду на ледниках ходить вполне можно.

Белецкий и Ковырков во второй половине дня расположились на солнышке за палаткой и составили краткий отчет о рекомендуемом маршруте по Восточному Ронгбуку и предложения о дороге до нового базового лагеря у Восточного Ронгбука.

К вечеру, не торопясь, отобрали и упаковали продукты на нас троих. Они резко отличаются от продуктов китайской кухни. Использование в дороге примусов позволяет всем готовить еду по вкусу. На семь-восемь дней получилось около 35 килограммов. Сюда входит килограмм пять печенки яка. Надо признаться, яков солдаты убили и освежевали прямо на месте базового лагеря, а потом слегка притрусили кровь песком. Мне этот поступок представляется неразумным — не к чему расстраивать монахов.

Ночью поднялся влажный теплый ветер с юга, со стороны гор. Я вышел из палатки. Облака переползли через Эверест и начали заполнять цирк Главного Ронгбука.

В 11.20 показались лошади, приближающиеся к лагерю, а в 11.30 появился Кындын Танзен. Он пригнал из Тингри 30 лошадей. На 16 часов назначен выход. По-видимому, минуем Тингри и пойдем прямо на Шекар.

На прощанье сфотографировались: группа альпинистов на фоне Эвереста; альпинисты с солдатами. Народу у нас — не перечесть!

В 16 часов начали вьючить караван. Военные упаковались и ушли на Ронгбук намного раньше. Верховые лошади попались как на подбор: чуть выше пояса. На каждую лошадь вьючим пару рюкзаков. Но, к удивлению, лошади идут довольно резво. На лошадях без рюкзаков едут трое: Пен Шули, Ло Ван и Кындын Танзен. Пен Шули везет в маленьком брезентовом мешке юани на обратный путь.

Очень скоро выяснилось, что, привязав к луке седла мешок с серебром, он собственноручно посеял семена зла, которые дали буйные всходы. Не было ни воров-разбойников, ни падения денег в недосягаемые пропасти. Драма «козни золотого тельца» разыгрывалась в ином плане. Тяжелый мешочек с серебром не был ничем уравновешен и быстро стягивал седло набок. Чертыхаясь, Пен Шули спешивался и переседлывал коня, шипя на него: «У-у, фашист!» Коняка со свастикой на лбу мирно моргала. Пен Шули садился верхом и вскачь догонял отряд. Серебро опять перетягивало, седло опять сползало набок, и сказка про белого бычка начиналась сначала, помогая рассеять несколько грустное настроение, навеянное прощанием.

В 18.15 прибыли в Ронгбук. Наших лошадей взяли под уздцы и ввели во двор монастыря, не дав нам даже сойти с седел. Лошаденки уверенно карабкаются по каменным ступенькам входа. На небольшом внутреннем дворике их развьючивают и расседлывают.

Солдаты давно уже живут в монастыре, привыкли к нему, перезнакомились с ламами.

Нас просят подняться по крутой, градусов 45, каменной лестнице на второй этаж, в комнату, где живут капитан Ху Пейлин и товарищ Чжан. У них в комнате радиоприемник. Белецкий начинает машинально крутить ручки и тут же ловит Москву, да так четко и громко! Слушать Москву из монастыря Ронгбук, находясь с офицерами китайской армии в гостях у буддийских монахов, — это производит впечатление!

Ночуем в помещении неподалеку от комнаты капитана. Много ходим по внутренним переходам монастыря, по внутреннему двору, спускаемся к лошадям. Прямой необходимости в этом нет, но уж очень хочется посмотреть, как здесь живут. Поражают чистота и порядок. Стены домов капитальные, толстые, оштукатуренные, покрашены масляной краской. Полы гладкие, сделаны из утрамбованной смеси камешков и глины. Они напоминают по внешнему виду бетонные, хорошо отполированы и чисты. На стенах орнамент, очень красивый. Дыма нет, воздух чистый, свежий. Надежно и просто сделаны потолки. Они опираются на стены и на деревянные колонны внутри комнат — толстые, но короткие бревна; доставляют-то их сюда вьюками. Поперек балок ряды более тонких балочек, в 5—6 сантиметров, на них настелено что-то вроде камыша, а по камышу — толстый слой глины.

Меня занимает мысль, как скажется на монастыре Ронгбук то, что с весны к нему можно будет добираться на автомашинах.

30 ноября. Обратный путь

Вышли из Ронгбукского монастыря в 7.45, управившись с завтраком часа за полтора. Часа через два достигли моста через речку Ронг-чу, но через мост переходить не стали — спускаемся теперь по тропе на правом берегу Ронг-чу. Значит, идем новым путем и увидим что-то новое.

На очередном привале, которые устраиваются для отдыха часа через полтора-два, у Сюй Дина забунтовала лошадь. Сюй Дин отличный наездник, но, видимо, недовольство лошади вызвано серьезными причинами — при каждой попытке сесть в седло она делает дикие прыжки. Несмотря на несколько тяжелых падений, Сюй Дин не хочет отступать. Он пытается усмирить лошадь, утомив ее. Вот уже он на дикой скорости скачет по дорожке к мосту, поворачивает там, скачет обратно, спрыгивает с лошади. Та тяжело поводит боками. Пен Шули берет лошадь Сюй Дина, водит ее несколько минут, затем прыгает в седло. Лошадь поддается задом, брыкается, пытается укусить наездника. Капитан Ху Пейлин советует переседлать, может быть, в потнике васели колючки. Теперь уже человек десять возимся мы вокруг коня, разглядывая потник, выбирая из него соринки, проверяя седло и сбрую. Не сразу разглядели, что подхвостник сделан из тонкой оголенной металлической проволоки. Ясно, что от вызываемой им дикой боли поневоле взбунтуешься. Проволоку заменили широкой мягкой тесьмой от кошек, после чего лошадь спокойно вела себя всю дорогу. Хорошо еще, что путь проходил по сравнительно безопасным местам. А если бы лошадиный бунт начался на каком-нибудь карнизе над обрывом? Допытываться, был это случай или умысел, никто не стал...

Едем дальше.

Дорога показалась мне оживленной. Сначала встретили нескольких тибетцев. Каждый тащит на спине здоровенное полено или связку сучьев, погоняет парочку ишаков, тоже груженных дровами. А чтобы зря не терять времени, кроме того, на ходу прядет шерсть. Клок шерсти засунут в левый рукав, в правой гладкая палочка, на нее и сматывают готовую нитку...

В 15.30 проходим мимо селения Мяо. Здесь впервые появляются поля, хорошо спланированные, террасированные. Жители заняты сейчас предзимним поливом. Они напускают на поле воду вровень с ограничивающими его валами земли, затем заваливают землей приток воды из ручейка, принимаются поить соседний участок. Предзимний полив не только утилизирует для орошения «осеннюю» воду. Скорее здесь важно другое. Мокрая земля хорошо смерзается, покрывается коркой льда, и свирепые зимние ветры уже не могут выдуть и унести почву с полей.

Несколько отъехав от селения, попадаем из уезда Переднего Тибета в уезд Заднего. Это Цаси-Цун. Сразу меняется отношение жителей, вернее, уездного начальства. Начальник уезда выезжает навстречу каравану до половины пути. Это молодой плотный мужчина в хорошей одежде, богато расшитой золотом и цветными нитками, на бодром коне, с маузером на боку, в шитой золотом шапке. Он очень предупредителен, вежлив, услужлив. Чиновник поговорил с начальником конвоя, детально ответил на его вопросы. Потом он спешно уезжает, чтобы подготовить встречу в своем уездном центре. При встрече с ним тибетцы низко и подобострастно кланяются, высовывают языки, протягивают руки ладонями вперед. Видно, уездное начальство здесь царь и бог.

Удивляет причудливое районирование Тибета, в котором свежему человеку трудно уловить рациональное зерно, и Толя откликается на него загадкой: «Скажи, кацо, что такое: в середине зад, а кругом перед?» В самом деле, уезд Заднего Тибета, в который мы прибываем, со всех сторон окружен уездами Переднего...

К вечеру въезжаем в селение из нескольких двухэтажных глинобитных домов.

Чуть ли не все жители селения сбегаются посмотреть на прибывших. Нас помещают в доме дзонгпена, в молитвенной комнате. На этот раз никаких разговоров насчет того, что ничего нельзя трогать, нельзя курить и есть в молитвенном помещении. Сидим в молельне, покуриваем. Молодой лама, стриженый, в грязноватой гранатовой рясе, приносит в деревянной бадейке родниковой воды, с любопытством рассматривает мои белые волосы — ему так и хочется притронуться к ним, удивленно таращит глаз на сверкающую лысину Белецкого и приходит в восторг, когда Ковырков начинает перезарядку своих двух фотоаппаратов.

Мы с не меньшим любопытством рассматриваем убранство молельной.

У стены напротив двери, во всю высоту и ширину помещения, большой шкаф из полированного, покрытого красным лаком дерева. За стеклом статуэтки Будды, сделанные из желтого полированного металла. На шее самой большой статуэтки, стоящей посредине, два шарфа-хата. На стойке домашнего алтаря

множество чаш из латуни, похожих по форме и размерам на пиалы, — из них только что вылили святую воду. Перед алтарем небольшой столик, на нем массивная латунная чаша с горкой ячменя и три неугасимые лампады. Каждая лампада — чаша на стойке, наполненная жиром, в нем плавает горящий фитиль. В углу слева от входа стоит нечто вроде бубна — затянутый кожей барабан диаметром сантиметров 80, толщиной около 25 сантиметров, на резной деревянной рукоятке длиной около метра. Дождавшись, когда молодой лама отлучился, легонько ударяю пальцами по коже. «Бубен» издает густой, низкий гул. По стенам комнаты шкафы наподобие картотечных, со множеством ящиков, в них оттиски священных буддийских книг.

Немного погодя в молельной отмечаем пятидесятилетие Белецкого. Сегодня как раз торжественная дата. Сюй Дин где-то ухитрился добыть бутылку вина и бутылку водки из чумизы. Ставим на стол еду, с приличествующими тостами опрокидываем по глоточку. Поздравления, добрые пожелания... Раздаются пятьдесят глухих, низких ударов в «бубен». А на все это бесстрастно взирают со стен изображения будд с обнаженным правым плечом... Вряд ли среди соотечественников много людей, отмечавших свое пятидесятилетие в такой обстановке...

Выясняется, что завтра встаем рано и идем на Шекар. От Шекара до начала автомобильной дороги, где нас будут ждать автомашины, всего три перехода.

Разбираем вещи, расстилаем на полу матрасы, накрываем их пропитанным желтым лаком полотнищем, похожим по виду на противоипритную накидку, раскладываем пуховые спальные мешки, подсвечивая друг другу пальцевыми китайскими электрическими фонариками. Под головы идут сапоги, пуховые куртки, наши порядком поистершиеся лисьи шапки, тулупы.

1 декабря. Опять в Шекаре

С явным сожалением покидая гостеприимный Цаси-Цун, выходим с ночлега в 8.10.

В десятом часу миновали интересное место. В ущелье, на первый взгляд вполне пригодном для жизни, остатки стен глинобитных домов двух селений, поля, спланированные с большим искусством, террасированные, местами с высокими подпорными стенами из камня. Все эти работы когда-то потребовали громадного труда. Однако сейчас живут в двух-трех домах, остальные постепенно разрушаются. Разрушаются и подпорные стены на полях. Поля также обрабатывают далеко не все. Выбирая дорогу между бесчисленными арыками с водой, вспоминаю, что за всю дорогу мы ни разу не видели, чтобы тибетцы сами строили для себя дом. Зато развалин великое множество везде — от свежих, кажется, совсем недавно покинутых домов до жалких кучек глины, покрытых чертополохом, отмечающих места, где когда-то были дома, но теперь уже не живут люди. Своими глазами убедились мы в справедливости сведений об уменьшении численности населения Тибета. Резкий спад численности населения произошел после реформ Цзонхавы, среди других ограничений запретившего монахам жениться. С каждым днем, в течение почти пятисот лет, все больше и больше мужчин отвлекалось от обычной жизни и труда.

Говорят, что уменьшение численности населения на нагорье продолжается в течение нескольких столетий. Тем более заметны усилия властей и первые свидетельства современного возрождения края — многочисленные шоссейные дороги, построенные после договора о мирном освобождении Тибета, множество новых домов, выстроенных ханьцами в Лхасе, в Шигацзе, вдоль всех автодорог.

В 11 часов мы остановились на отдых, немного не доходя до перевальной седловины, на уплощенной части хребта. Открывается превосходная панорама — видны одновременно Макалу, Лхо-тзе, Эверест, Гьянчунг-Канг, Чо-Ойю. И опять поражают их масштабы, опять кажется, что эти снежные цепи попали на Тибетское нагорье из какого-то иного мира — так резко отличаются они по своему облику от маленьких, тускло окрашенных хребтов нагорья.

Перевал, очевидно Панг-ла (5480 м), на который мы все никак не поднимемся, очень высок. Он явно труден для лошадей — тропа идет по нагромождениям крупных камней, местами путь поднимается очень круто. Лошади то и дело останавливаются, тяжело поводя боками, роняя пену. Жалея малорослого коняту, которому я, сидя в седле, почти достаю коленками до ушей, спешиваюсь и веду коня в поводу. Однако чего-нибудь сверхъестественно-трудного в этом перевале нет.

В 16.15 перешли мост через крупную речку. Мост этот — образец тибетского инженерного искусства. Шестипролетный, с пятью опорами (быками), аккуратно выложенными всухую из плоских каменных плит. Расстояния между опорами, метра по два с половиной, перекрыты толстыми досками, вытесанными топором.

Шекар опять встречает нас очень негостеприимно. Опять отвели для постоя страшно грязный и тесный домишко, на этот раз другой. На двадцать человек отвели маленькую комнату, где мы с трудом можем лечь все. Пыль, грязь, дым, вонь...

Мы трое опять налегаем на ячье мясо, наши спутники варят на примусах рис и лапшу.

Контраст вчерашней и сегодняшней встречи велик, и невольно вспоминаем вчерашнего начальника уезда, поместившего гостей в собственном доме и лично таскавшего наши вещи. Здесь выяснилось, что именно дзонгпен (начальник уезда) из Цаси-Цуна являлся личным представителем Дзаза, главного министра панчен-ламы. Выполняя поручение Дзаза, начальник уезда усердно помогал в хозяйственной деятельности разведки. Он навещал наш базовый лагерь у Главного Ронгбука, заботился о сборе каравана, о топливе, привез туда в подарок барана...

Когда сегодня Сюй Дин ходил к начальнику Шекарского цуна, с ним обошлись самым невежливым образом: называли на «ты», не предложили сесть, не угощали чаем, как полагается по этикету. Сюй Дина обвинили в том, что при первом посещении Шекара он якобы недоплатил за дрова и за корм лошадям. Обвинения были беспочвенны — Сюй Дин потребовал созвать младших чиновников, оформлявших все сделки, и доказал вздорность обвинений. Однако недоброжелательство продолжается. Назавтра мы сидим в Шекаре, так как дзонгпен говорит, что нет лошадей. На самом деле как в самом Шекаре, так и на лугах рядом их целые табуны... Выяснилось, что при первом посещении основной причиной дневки была не усталость солдат охраны, а явное нежелание дзонгпена предоставить лошадей. Сюй Дин считает своей серьезной ошибкой, что тогда он не поставил в известность Лхасу об отношении местного шекарского начальства.

2 декабря

В этом распроклятом Шекаре спалось изумительно. Из-за тесноты наши постели получились очень мягкими. Устали мы здорово и с удовольствием и вполне свободно спали до половины двенадцатого.

Днем сидели на крыше. Плоская крыша тибетского дома — одно из самых важных и удобных мест. Это и клуб, и место для работы, и спальня.

Сейчас на крыше шестеро солдат войска далай-ламы занимаются своими будничными делами. Одеты они в самую разнообразную одежду, как говорится, во что бог послал. Один из них, добродушный веселый малый, заканчивает плести из шерстяных ниток подошву для сапога. Она хитро сплетена из нитки толщиной около полусантиметра. Толщина подошвы достигает полутора сантиметров. Потом ее обварят в кипятке, она сваляется и получит большую прочность. Другой прядет из шерсти нитку, пользуясь пальцами и палочкой-веретеном. Прядение отнюдь не считается в Тибете только женской работой. Пожалуй, чаще мы видели за этим делом мужчин. Двое, разувшись и придерживаясь за уложенные на барьере крыши дрова и кизяк, мнут ногами овчины. Двое чинят поистершуюся одежду.

Мы затеяли фотографировать их, всех вместе и порознь. Солдаты охотно позируют, смеются, дурачатся. Один из них под общий смех своих товарищей берет под козырек.

Толя уселся перезаряжать фотоаппарат. К этому времени на крыше оказалась местная кокетка с затейливой прической. Мы частенько видели такие прически, были потрясены ими и давно уже охотились за возможностью запечатлеть на пленку. Дама не отводила взора от блестящих стекол и телевиков, выложенных Толей на тулупе, а я кружил около, выбирая момент, чтобы щелкнуть незаметно. Даже парижские законодательницы мод побледнели бы от зависти, увидев это редкостное изобретение парикмахеров Тибета. Длинные волосы женщины заплетены в тонкие косички. Их несколько десятков. Косички укреплены на концах прута толщиной в палец, изогнутого дугой наподобие лука. Дуга эта висит за спиной женщины. Мы долго изощрялись в догадках, пытаясь понять, зачем делается такое роскошное приспособление. Мыть голову при такой прическе часто не станешь — потом за неделю не заплетешь бесчисленные косы. Спать с такой прической неудобно, а на боку — невозможно. Снимать и надевать через голову одежду — немыслимой сложности предприятие. Зато удобно хвататься рукой за дугу, особенно сзади... Загадка так и осталась нерешенной. Но снимок прически удался...

На крыше соседнего дома сидит мужчина и мастерит оконную раму. Видно, как он сверлит в дереве отверстие, пользуясь самодельной лучковой дрелью.

За 400 серебряных юаней нанято 30 лошадей. С крыши мы

видели всю сцену осмотра лошадей, устраивающегося в таком случае. Выбор производили Сюй Дин и Кындын Танзен. Оба они действовали решительно и со знанием дела. Нанятые лошади повезут нас трое суток, до начала автодороги.

Выход назначен в 6 утра.

Из Шекара вышли в темноте, в половине седьмого. Очень холодно, мерзнут ноги.

Плавно набираем высоту, взбираясь через перевал в одном из второстепенных хребтиков. С подъема видим то Эверест, то группу Чо-Ойю, то обе группы вместе. Сейчас Эверест представляет собою треугольник, пологость северо-восточного ребра не ощущается.

Под вечер, около половины пятого, проходим мимо палатки строителей, вернее, изыскателей дороги. После этого группами стали попадаться китайцы, одетые в зимнюю одежду синего цвета — ватные пальто, ватные брюки. Строители опять перебираются на новое место работы. Опять потянулись караваны с их имуществом. Около палаток, которые теперь попадаются часто, на веревочках сушится белье. А вот стоят два велосипеда. Ездить тут пока невозможно, очевидно, взяты в расчете на обратный путь, уже по новой дороге.

В шесть часов достигли селения Садья. Пройдя за него, заночевали в палатках у реки, на луговине: селение плотно забито остановившимися там строителями.

4 декабря

Ночь была холодной. Вода в кастрюлях промерзала до дна. В путь вышли в 8.10, начало светать в 8.30, полностью рассвело в 9 часов.

При сборах в путь еще раз поразились лихости тибетских караванщиков. Они действуют совершенно самостоятельно, не дожидаясь напоминаний. В экспедициях «у себя дома» обычно приходилось исполнять добрую половину работы за караванщиков. А здесь мы только успели убрать в суму палатки, спальные мешки, кастрюли и прочее, как уже оказалось, что сума навьючена на лошадь...

В половине двенадцатого в верховьях речки, у пологого травянистого перевала, показывается большой лагерь строителей. В нем несколько зеленых шатровых палаток китайцев, масса традиционных тибетских палаток из шерстяной ткани, штабелями сложены мешки с рисом, связки лопат, ломов, шесты, брезента. Вдали, справа, в районе перевальной седловины, идет работа на трассе дороги. На всем протяжении трассы копошатся люди и горят костры для обогрева работающих. Пронизывающий ветер несет пыль и песок. На самом перевале виднеется полоска готового дорожного полотна. С перевала, которого мы достигли вскоре, несколько слева видна вчерашняя остроконечная снежная вершина. Мы все еще кружимся около нее.

Автомашины сюда пока еще не проходили. Построенная дорога используется как караванный путь. На ней то и дело попадаются колонны тяжело навьюченных ишаков и яков, каждая в сопровождении нескольких караванщиков. Вперемешку со вьючными животными идут и идут одетые по-зимнему строители-китайцы, или демобилизованные в зеленой одежде, или явно граж-

данские люди в синей одежде, но каждый с винтовкой и парочкой гранат сверх прочего груза.

Через час после волны строителей-ханьцев появляется поток строителей-тибетцев. Сначала это одиночки, наиболее крепкие и энергичные, затем целые партии. Вот тибетец тащит пару лопат и свои нехитрые пожитки. А вот целая группа их, и все со здоровенными дубинами в руках. Приглядишься — это рукоятки кирок, а их стальные головки привязаны на веревочках за спиной. Один из них нацепил красный флажок на землемерную рейку и идет во главе группы. Много тибетцев парами: он и она. Идут тибетские караваны, везут более простые вещи: солому в громадных мешках-сетках, кизяк. Много девушек, иногда миловидных. Стариков и старух мало, но есть и они. Эти в одиночку, потихонечку плетутся, заткнув в заплечный мешок лопату.

Около половины седьмого, когда мы спустились пониже, появились поля. Шоссе исчезло. Его здесь и не делали, лишь кое-где разметили трассу колышками. Трасса идет прямо по полям.

Выйдя в широкую долину, попали в селение Цао. Здесь ночлег. Встречают гостеприимно. Помещают в молельную, говорят, что можно жечь в ней примусы и курить. Угощают соленым чаем с маслом, заботливо помогают устроиться.

Встречавший нас тибетский чиновник сказал, что штаб строительства автодороги находится за следующим перевалом, в полутора переходах отсюда. В штаб послан нарочный, который передаст просьбу выслать автомашины навстречу.

5 декабря. В пути

Вышли в 6.15 по большой широкой долине. Идем в восточном направлении, где на фоне неба смутно рисуется изрезанный скальный гребень. Ночь теплая.

Принято считать, что на рассвете восток розовеет. Я внимательно следил за медленно менявшимися красками. Восточная сторона неба стала медленно светлеть, потом слегка зазеленела, чуть пожелтела, затем краски пропали, и к девяти часам стало светло. Краски у Рериха очень точно передают то, что было сегодня.

Вьючная тропа идет в нешироком коридоре между метровыми глиняными подпорными стенками, ограничивающими поля. Множество арыков пересекает плоскую, тщательно спланированную, местами террасированную поверхность долины. Глинобитные дома стоят по одному, по два, разделяясь полями. Крупных селений нет, монастырей тоже пока незаметно.

Навстречу попадается семья тибетцев. На ишаке вьюком везут обожженные глиняные горшки. Их несколько десятков, целая гора горшков, из-под которой еле виден ишачок. Горшки навьючены без всякой упаковки — просто связаны веревочной сетью. Не дай бог, если ишак вздумает бежать или прыгать через канаву!

Пробираясь по улочке небольшого селения, заметил на крыше одного из домов группу любопытных. Вглядевшись, обнаружил среди них двух женщин — тулупы спущены с обоих плеч, так что до пояса видно тело — день-то сегодня жаркий. Пока возился с фотоаппаратом, тулупы были надеты в рукава.

Около 13.30 в боковом ущелье увидели начало автодороги —

слабую, едва заметную светлую полоску на левой стороне ущелья. Долго пытаемся найти хороший брод через широко разлившуюся речку, всю в наледях, скрывающих под собой бегущую воду. После переправы сидим на берегу, поджидая отставших. После завтрака пошли дальше и в 15 часов вступили в селение, в котором будет ночлег. Подъезжая к нему, чувствовали, как будто веет чем-то смутно знакомым. Только спешившись, поняли, в чем дело, — мы с другой стороны вступили в селение, в котором уже ночевали на пути в Сакья. Вот и монастырь на склоне холма, вот и поворот тропы на Сакья.

6 декабря. Последний день каравана

Толя проснулся с воплем: «Машины!» — приняв тарахтенье примусов за рокот моторов...

Выясняется, что ночью от Сюй Дина пришло с нарочным письмо. В штабе строительства сейчас имеется лишь одна автомашина, когда подойдут из Шигацзе остальные — неизвестно.

В 9 утра мы вышли в путь после очень легкого завтрака — продукты на исходе. Лошади опять плохие. Белецкий вначале выбрал себе белого коня, вероятно, не без намерения покрасоваться в штабе. Проверил подпруги, приладил на седло свои вьюки и, разумно использовав каменную ограду в качестве подпорки, взгромоздился на лошадь сам.

— Все бы ты играла! — воскликнул он. Лошадь осторожно сделала шаг, другой, ноги ее разъехались, и она упала, выдав наружу жидко-зеленую струю и испачкав себя и всадника... Так и не состоялся торжественный въезд на белом коне...

Сразу же рядом с селением попадаем на участок готового дорожного полотна. На ровном травянистом склоне выполота трава на полосе шириной метров шесть; обочины выложены камушками. Через час дорога пропадает, и едем по нетронутому галечному дну ущелья.

К 12 часам поднялись на перевал Тоу-ла, высота по анероиду 4450 метров. Здесь шоссе уже готово, и видны первые следы колес автомашины. На этом перевале ширина дороги везде позволяет разъехаться двум машинам.

Сразу же под перевалом в селении располагается штаб строительства. Мы не сразу узнали селение, через которое проезжали месяц тому назад. Тибетские домишки как-то затерялись среди множества палаток и штабелей грузов. Невдалеке стоит автомашина, на радиаторе ее московская марка ЗИЛ-150.

13 часов, шестое декабря 1958 года. Вот и закончилось караванное путешествие... Безотказные и неприхотливые коняги со свастиками на лбу целый месяц похлеще машины времени носили нас по живому средневековью, в тридевятом царстве, тридесятом государстве. По горам и долам, по перевалам высотой в пять верст, сквозь зной, стужу и пыльные бури пронесли они нас к подножию Эвереста. Целый месяц — только месяц — носили они нас по стране, где живой бог панчен-лама строит социализм, опираясь на древние пророчества, где числятся святыми и монахи Ронгбука, принципиальность которых вызывает глубокое уважение, и монахи Шекара, по совместительству спекулирующие золотом; по стране, где дворянин-дзонгпен считает за честь поднести багаж слесаря, где коммунистов встречают молитвой и ведут ночевать в священных молитвенных помещениях... Крепости из глины, высоковольтный трансформатор рядом с древнейшим монастырем, мужчины носят косы и прядут шерсть... Все сказка, все бред, так не может быть! Однако за месяц иллюзий мех на унтах совсем вытерся о седла и бока этих сказочных лошадей...

Последние метры пути.

Въезжаем в селение и попадаем в руки гостеприимных строителей.

Сразу же приглашают в палатку, предлагают умыться горячей водой, угощают чаем, сигаретами, сластями. У входа в палатку — прибитый на столбике почтовый ящик.

Пытаемся через Пен Шули узнать новости. Сюй Дина не видно, он с кем-то обсуждает возможности дальнейшего продвижения. Каковы эти возможности, пока неясно. Пен Шули отделывается шуткой, предлагает заняться роскошной лапшой с яйцами. Наши ложки в рюкзаках, разыскивать их неудобно, и под улыбчивыми взглядами хозяев пытаемся овладеть искусством есть суп по-китайски, палочками.

Для нашей группы поставили большую коньковую палатку индийского производства, с нарисованным на ней слоном и надписью по-английски: Бомбей. Объявлено, что ходить по лагерю можно лишь в сопровождении Ло Вана. Невдалеке, прямо посреди лагеря, располагается штабель ящиков со взрывчаткой, чуть дальше — множество бочек с бензином. Никакого часового у этих штабелей нет, хотя у нашей палатки выставлен солдат с винтовкой...

Коллеги расположились вздремнуть на солнышке.

Немного погодя снизу подходит караван яков с грузами. Очевидно, с автомашинами туговато. Пен Шули говорит, что дальше все время поедем по уже пройденному нами пути через Сабудидин. Значит, опять побываем около лирического замка с лугами и речкой, где Пен Шули руками ловил рыбок.

Часов в 16 появился Пен Шули и пригласил распить бутылку вина. Он тоже побывал в магазине. Для закуски идут утиные яйца, консервированные по китайскому способу в извести. Расположились мы на тулупах, расстеленных за палаткой. В трех шагах — часовой с винтовкой. Сидя на форменных тулупах, мои коллеги благоухали вином и имели вполне кондиционные физиономии людей выпивших... Я не мог не заснять этой сценки.

Уже в темноте снизу пришли два грузовика ЗИС-150, значит, более старые, чем стоящий здесь ЗИЛ-150. Шоферы привезли убитых ими по дороге двух диких коз и журавля. Шоферы, наверно, везде одинаковы и не очень считаются с общепринятой моралью...

7 декабря

Проснувшись, обнаружили в ногах, между спальными мешками, что-то теплое, живое. Засветили фонарик — голова с рогами... «Че-о-орт!» — с наигранным ужасом прошептал Пен Шули. Маленький козленок — наверно, озяб на улице и пришел погреться и поспать в тепле.

Выехали в 10.10 на трех автомашинах, имея целью Шигацзе.

Капитальная постройка дороги, пожалуй, характерна только

для перевала Тоула. В долине опять полотно сделано на живую нитку. Уже сейчас видны большие шоферские коррективы — на большом протяжении следы автомашин идут прямо по галечному дну долины, а только что построенное полотно оставлено в стороне.

Вместе с нами едет группа гражданских китайцев в синей одежде. Их человек десять, в том числе несколько женщин. Кроме того, охрана, человек пятьдесят. А машина старшего лейтенанта Ван Тиню имеет специальное оборудование: сразу же за кабиной на специальном станке установлен пулемет, приспособленный для стрельбы поверх кабины. В пулемет заправлена лента, и за ним сидит дежурный солдат...

Едем по плоской сухой долине. Здесь растет колючий кустарник. Кустики мелкие, тоненькие, репейник — гигант по сравнению с этим кустарником. Несколько тибетцев срубают его, собирают и вьючат на ишаков. Это идет заготовка топлива для Шигацзе. В памяти всплывает вывеска «Леса первой категории», с полной серьезностью установленная под перевалом Талдык на советском Памире у зарослей почти столь же микроскопического кустарника...

При въезде в Шигацзе видим чрезвычайно красивую постройку этажа в два-три. Она располагается в большом парке, за высокой стеной. А стена с бойницами, с дотами — настоящая крепость. Стройку ведут рабочие-ханьцы. Говорят, что это будет новая резиденция панчен-ламы.

Сразу же по приезде затеяли генеральную стирку и мытье. Все это организовали во дворе, в тазиках. Сюй Дин, которому чаще других приходилось общаться с местными жителями, подцепил вшей. С отвращением содрал он с себя всю одежду, запаковал ее в прорезиненный мешок и презрительно забросил куда-то в дальний угол двора. Забеспокоились и все остальные и, рассевшись по разным уголкам, принялись за проверку по форме двадцать, как это называлось во время войны. К счастью, больше ничего не обнаружилось. Вспомнив, как и где останавливались по дороге, удивляемся, что так дешево отделались.

Часа через два уже сидим вымытые, побритые, пообедавшие, потягиваем великолепные шанхайские сигареты: в дороге и еда и курево кончились раньше, чем рассчитывали.

С отъездом в Лхасу, наверно, что-то заело. Мы уже приспособились угадывать такие вещи по несколько таинственному виду, какой напускают в таких случаях наши друзья. Сегодня воскресенье. и какие бы то ни было разговоры возможны лишь завтра. Сюй Дин говорит, что политическое положение обострилось. Вооруженные отряды почти все сосредоточились на южном берегу Цангпо. С какой целью это сделано, неизвестно.

8 декабря. Шигацзе

Сегодня — дневка.

Я с утра засел листать книгу Диренфурта, делая из нее выписки и пытаясь на основании опыта экспедиций на восьмитысячники района Эвереста установить наилучшие сроки начала работы основного состава экспедиции в весенний период.

Зимние холода и снегопады обычно заканчиваются в середине апреля. После этого появляется реальная возможность вести работы по организации лагерей выше 5000 метров.

Срок прибытия экспедиции в базовый лагерь у языка Восточного Ронгбука (5480 м) в значительной мере зависит от планов тренировки и акклиматизации к семитысячным высотам. Если тренировки и акклиматизационные выходы осуществляются не на склонах Эвереста, а в другом, более удобном и мягком горном районе, то при наличии надежно действующей автодороги до базового лагеря целесообразно сосредоточить альпинистский состав в базовом лагере к середине апреля. При этом предполагается, что доставка грузов экспедиции и устройство лагеря выполняются хозяйственным и вспомогательным составом экспедиции до этого срока.

В таком духе был подготовлен доклад нашей делегации к совместному совещанию о сроках. Однако он был обильно наполнен записями о сроках, погоде и результатах работы экспедиций, которые здесь приводить нет нужды.

Кроме того, утро, день и вечер были заполнены визитами.

В начале дня к нам заходили товарищ Лян Сюаньсань со своим заместителем и с начальником отдела партийного комитета Шигацзе товарищем Ляо. Они интересовались тем, как прошла разведка, как действовали и чувствовали себя ее участники, и сообщили о том, что подготовка к выезду в Лхасу заканчивается. Товарищ Лян сказал, что напряженность обстановки непосредственно на автодороге в Лхасу уменьшилась. В заключение снялись на память.

Несколько позже заходили комиссар полка, расквартированного в Шигацзе, и майор, помощник командира полка, сопровождавший нас по дороге из Лхасы в Шигацзе. Они просили сказать наше мнение о конвое и о его подготовке. Мы отозвались очень положительно, особенно подчеркнув высокий моральный уровень и исключительную старательность.

В середине дня мы ходили в город, побывали в парикмахерской и в ваннах. Помещение парикмахерской оказалось скромным, но ее техническое оснащение, пожалуй, лучше, чем в рядовой московской. Особенно поразило меня роскошное металлическое вертящееся кресло и то, что и здесь имеются электрические машинки для стрижки и сушки волос.

Поблаженствовав в ваннах, удобных и чистых, несмотря на отсутствие в городе водопровода и канализации, вернулись к себе, и я опять засел за подсчеты и выписки.

Всех нас пригласили на торжественный ужин — партийный комитет Шигацзе дает прощальный ужин в честь разведки Джомолунгмы, трех советских специалистов и группы по изучению культуры и истории национальных меньшинств.

Ужин сервирован в помещении справа от нашей комнаты. В нем по утрам сотрудники партийного комитета занимаются изучением тибетского языка. Два круглых стола, на 10 человек каждый. На столах знаменитое ячменное пиво, изготовляемое в Шигацзе, спиртные напитки. Пиво показалось мне лучше чешского. Начинают подавать блюда. Я насчитал двадцать блюд, но потом сбился. Повар в Шигацзе — волшебник!

9 декабря. Дорога в Лхасу

Встали в четыре часа при свечах (электроосвещение включают позже) и, позавтракав, в 5.20 выехали в Лхасу четырьмя грузовиками ЗИС-150. Из них две новенькие машины, сделанные в Китае, с иероглифами на радиаторе.

В 8.10 достигли паромной переправы через Цангпо. По пути имели стоянку минут десять — две бочки на одной из колдобин упали с машины, мы их затаскиваем обратно и привязываем.

Обратил внимание, что постов (часовых) нет ни у парома, ни у мест закрепления канатов, хотя на переправе гарнизон около взвода или больше, мы видели его утром во время зарядки. Долго ждем паромщиков.

Шоссе от Ямбадинга до округлых скал — вполне современное, хорошего профиля и планировки, шириной около восьми метров. При спуске в Лхасу часто шли на скорости 70—90 километров в час.

В Лхасе нас поместили в той же гостинице, где мы жили раньше, но в номерах, обставленных еще более роскошно. Кровать — нестрашной ширины, ширина равна длине, ковер во весь пол немыслимой мягкости, не в нашей потрепанной и очень грязной походной одежде жить здесь.

В гостинице неожиданно оказался руководитель отдела альпинизма Всекитайского комитета физкультуры и спорта Ши Чжанчунь.

В ходе беседы с ним выяснилось, что имеется специальное постановление ЦК КПК об экспедиции на Джомолунгму, согласно которому для экспедиции отпускаются неограниченные средства и она может работать с марта по октябрь 1959 года. Очевидно, предполагается совершить восхождение к десятилетнему юбилею КНР. Всего альпинистов в КНР, считая вспомогателей, 150 человек, из которых могут быть выбраны члены штурмовой группы и носильщики. Среди этих людей есть и тибетцы, набранные на месте, в том числе семь девушек.

Ши Чжанчунь говорил также о плане подготовки альпинистов в ближайшие годы. План предусматривает громадный рост числа занимающихся, рост числа лагерей для учебно-спортивной работы, рост производства снаряжения.

Лхаса, 10—15 декабря 1958 года

На этот раз мы жили в Лхасе неделю, работая над обобщением результатов разведки, составлением планов и их реализацией. По обилию докладов, заседаний, сообщений период с 10 по 15 декабря внешне походил на любое многодневное совещание. Как водится, мало гуляли, почти не отдыхали, днем заседали, утопая в табачном дыму, а ночью составляли доклады и справки. Расходовались чернила Паркера, скрипели ручки Фабера, на тонкую шанхайскую бумагу ложились китайские иероглифы и русские буквы.

Пен Шули продемонстрировал железную выносливость, ухитрившись не потерять голос и зрение при нескончаемых устных и письменных переводах с китайского на русский, с русского на китайский.

В помещениях гостиницы, где все происходило, было холодно — зима наступала всерьез, а печей и отопления по тибетскому обычаю в гостинице нет. Для согревания было два средства — теплая одежда и горячая полемика. Обе возможности использовались весьма широко.

Счастливой особенностью лхасского совещания было отсутствие разрыва между обсуждением, принятием решения и началом его реализации. Состав каждого совещания был таким, что в момент принятия окончательного решения среди участников оказывался именно тот, кому предстояло выполнять решение или руководить его реализацией.

13 декабря обсуждали полный текст отчета и предложений разведки.

Обсуждение с первых же слов вскрыло сильное расхождение мнений по важному вопросу о сроке прибытия спортивного состава в базовый лагерь.

Мы трое исходили из того, что автодорога до языка ледника позволяет доставить спортивный состав в базовый лагерь точно к тому моменту, когда погода допустит организовывать промежуточные лагеря на леднике Восточный Ронгбук, на Чанг-ла и выше, не истощая понапрасну силы участников. До этого, по нашему мнению, спортивному составу следовало провести акклиматизацию к семитысячным высотам в другом районе, более удобном для жизни, и ждать момента отъезда в базовый лагерь в Шигацзе. Срок приезда в базовый лагерь 15—22 апреля мы и вынесли на обсуждение.

Сюй Дин, выступавший от имени китайской стороны, придерживался диаметрально противоположных взглядов: автодорога позволяет доставить людей в базовый лагерь пораньше, чтобы там ждать наступления хорошей погоды.

В Тингри Сюй Дин беседовал с местными жителями, участвовавшими в английских экспедициях. По их мнению, самое хорошее время — начиная с 1 марта по конец июня. То же самое следует и из данных метеостанции в Шигацзе. Наблюдения с помощью шаров-зондов, проведенные метеостанциями в Паро и в Шигацзе, показывают, что ветер на высоте 7000 метров в начале марта заметно ослабевает, с 12 баллов до 8 баллов. Это является еще одним сигналом, что в начале марта погода начинает улучшаться. Извлекая уроки английских экспедиций с севера, Сюй Дин полагал, что основная причина их поражений — слишком позднее начало работы (апрель).

Ни долголетний опыт местных жителей, ни наблюдения метеостанций в Шигацзе и в Паро не вызывали сомнений. Тем не менее, по нашему мнению, в доводах Сюй Дина крылась серьезная логическая ошибка. Опыт и наблюдения, на которых он основывался, относились к высотам около 3600 метров, тогда как уже базовый лагерь располагается на высоте 5480 метров, и в первые же дни по прибытии предстоит пробиваться еще на пару километров вверх. Колоссальная разница высот приводит к тому, что в середине — конце марта в Шигацзе на деревьях распускаются почки, а монастырь Ронгбук еще лежит в глубоком снегу. Аналогично обстояло дело и с оценкой причины неудач прежних экспедиций. Они не были экспедициями неудачников, которые не знали, когда нужно прибыть к вершине. Причина глуб-

же и серьезнее: весенний период хорошей погоды в районе Эвереста начинается поздно и кончается слишком рано.

Для характеристики весенней погоды в высокогорье очень пригодился анализ десяти экспедиций па Эверест и шести экспедиций на вершины, расположенные рядом, — Лхоцзе, Макалу, Канченджангу и Манаслу. Из этих данных следует, что все экспедиции, пытавшиеся начать работу в первые дни апреля, встречались с типично зимней погодой уже на уровне языка ледника Восточный Ронгбук.

Если мы соберемся в базовом лагере 1 марта, то, невзирая на снегопады, мы можем начать носить грузы к подножию Чанг-ла, но не более. Даже предлагаемый разведкой вариант подъема на Чанг-ла в это время будет лавиноопасен. Наши атаки захлебнутся в глубоком снегу.

Ветры в 8 баллов, которые дуют на семитысячных высотах в начале марта, отнюдь нельзя считать слабыми. Они сдуют человека с гребня, как курильщик сдувает пепел с сигареты. И наконец, на переноску грузов из базового лагеря на Чанг-ла не требуется двух месяцев. Приехав 1 марта, спортивный состав будет изнывать в базовом лагере от безделья.

Таким образом, нам важно приехать не слишком поздно, но и не слишком рано. Тут и возникло это выражение, с которым мы все мучились очень долго, вплоть до прибытия в Пекин.

Конечно, не может быть никаких возражений против доставки грузов в базовый лагерь в любое удобное время. Но это дело хозяйственников, а не спортивного состава.

Несмотря на напряженную работу, вечерами выкраиваем время для театра и кино.

Один такой вечер запомнился мне из-за остроты Пен Шули.

После доклада был спектакль, давали несколько отрывков из китайских опер. Без знания языка было трудно понимать смысл происходящего, сказывалось утомление, и я постепенно начал клевать носом. Пен Шули не без ехидства говорил потом, что мы были в «дрематическом» театре...

16 декабря. Отъезд из Лхасы

В середине дня мы уезжаем. Политическое положение в Тибете временно стабилизировалось и боевых действий не ведется. Около десяти тысяч вооруженных мятежников сосредоточились несколько севернее Бутана, по берегам Цангпо и ее притоков. Продовольствия в этом районе у населения и у повстанцев примерно на четыре месяца. К концу этого срока в болезни возможен кризис.

В половине второго нас усадили в роскошные легковые автомашины Партийного комитета Тибета. На нашей машине даже красно-желтый правительственный флажок... Для полного представления о всех видах транспорта в Китае нам осталось, пожалуй, лишь проехаться в поезде. Эта возможность не исключена после Сиани.

При подъеме от Лхасы к Ямбадингу опять рассматривали «бараньи лбы» и другие следы воздействия ледника. Я не являюсь специалистом, но за два десятка лет глаз невольно присмотрелся к тому, как выглядят горы после отступления ледников. На этот раз я рассмотрел, что «бараньи лбы» есть и на другой стороне

долины Джичу. Выше по долине почти постоянно можно было видеть то тут, то там следы ледника на обоих берегах. Окончания скальных хребтиков, выходящих сбоку в долину Джи-чу, как бы срезаны. В том случае, когда хребтик не срезан, он имеет типичную форму стачивания ледником, двигавшимся в сторону Лхасы. Похоже, что у Ньенчен-Тангла был гигантский переметный ледник, стекавший к Лхасе и к Дансюну. По свежим моренам около современных ледников ясно видно, что они быстро отступают. Таким образом, в Тибете становится суше или теплее. Кроме резких поворотов долины Джи-чу, я не заметил явлений, которые противоречили бы существованию в давние времена чрезвычайно мощного ледника. Он брал начало у Ньенчен-Тангла, спускался к Ямбадингу, сливался там с ледником, идущим откуда-то со стороны Щигу-ла, и далее спускался по долине Джи-чу почти до Лхасы. Эта ветвь ледника имела в длину около ста километров!

Около Ямбадинга внимание было отвлечено черно-бурой лисой. Плутовка медленно перешла шоссе перед носом у мчащихся автомашин, уселась на бугорочке шагах в 15 от дороги и проводила ленивым взглядом все автомашины колонны...

Заночевали в военном городке при аэродроме Дансюн.

17 декабря. Перелет Дансюн — Голмо

А утром к нам в комнату пришел радист и сообщил, что самолет вылетел из Голмо. Быстро собрались и вышли на летное поле. Холодно. На хребтах, окружающих аэродром, уже выпал снег. В нескольких километрах от нас снег покрывает и дно долины — там чуть повыше, а здесь снеговой покров всего на несколько метров не доходит до летного поля. Ожидать самолет нас привели в диспетчерскую, усадив прямо против карты и плана, из которых можно составить полное представление о всех тактических данных аэродрома. Недоумевая, я спросил у Пен Шули:

— Как же так, мы все-таки иностранцы, что же нам раскрывают все военные тайны?

Краткий ответ был исчерпывающим:

— Советские люди не иностранцы, а старший брат.

Самолет прибыл в одиннадцать часов, и уже в половине двенадцатого мы были в воздухе — летчики торопятся добраться до Голмо, пока погода еще держится. Летим на высоте 5900 метров. Летчики согласно инструкции летят в кислородных масках, наши попутчики тоже. Вначале и мы наладили маски, но потом поснимали, выяснив, что и без масок жить можно, и, главное, что с масками нет маневренности и неудобно бегать от окошка к окошку, разглядывая заснеженные хребты Тибетского нагорья, такие непривычно белые.

До Голмо летели два с половиной часа.

В Голмо сейчас уныло и мрачно. В стороны, куда ни глянь, до края света тянется пустынная серая равнина. Ни кустика, ни бугорка, на которых мог бы остановиться взгляд. А над ровной линией горизонта — плоское, пустое, какое-то гнетущее серое небо. Снегопад не внес оживления — только серое небо стало темнее серой земли, осуществляя синтез чистого абстракционизма с полнейшим реализмом. А вдобавок к зрительному впечат-

лению — сырость от соленой грунтовой воды, сырость от тающего на соленом грунте снега и пронизывающий ветер, что мчится над равниной...

Вылет из Голмо при сегодняшней погоде невозможен. Ночевать везут в военный городок. Едем на открытом грузовике. Езды около часа, расстояние на глаз километров тридцать-сорок. Вначале шоссе идет прямо по пласту соли, за многие годы припорошенному пылью. В кюветах вдоль дороги видна соль. Постепенно пласт грунта становится все толще, а когда выбираемся на плоские берега озера, соль исчезает и появляется трава. Невдалеке от шоссе колышками и флажками размечена трасса железной дороги в Тибет, которую уже начали строить из района Ланчжоу — Синин.

На большой площади поблизости от шоссе разбросаны кирпичные строения военного городка. Нас провели в длинное одноэтажное здание со сводчатым потолком из кирпича — в гостиницу городка (дерево здесь очень дорого, и стараются его не тратить). Дверь в каждую комнату прямо с улицы. Отопление с помощью буржуек. Топят искусственно приготовленной смесью каменного угля... с глиной. Говорят, что так получается лучше.

Вечером к нам в комнату зашли двое китайских военных летчиков — бортинженер и бортмеханик с самолета Ту-4, того самого, что стоит на аэродроме. Эту машину, оказывается, сейчас используют для полетов к Эвересту. Это ее мы видели, когда начинали подъем на высокий перевал Панг-ла. Для связи с ней тарахтел движок в базовом лагере у языка Главного Ронгбука, о ее полете мне поведал Ло Ван гудением и раскинутыми в стороны руками...

Мы обстоятельно поговорили сначала с этими двумя летчиками, а потом с живым и энергичным молодым штурманом и с командиром корабля.

Мы пытались пояснить, что альпинистам не так уж нужны аэрофотосъемки, дающие план местности, но чрезвычайно важна профильная съемка. Снимки, передающие крутизну невидимого склона рядом со второй ступенью и характеризующие возможности обхода второй ступени слева по ходу, снимки, дающие крутизну снежного поля над второй ступенью, изображающие седловину Чанг-ла и характеризующие возможность сбрасывания грузов на седловину, оказали бы альпинистам неоценимую помощь. Мы тут же наспех нарисовали схему района и направление, в котором надо снимать, и оставили ее штурману.

Перспективы открывались чудесные. К началу зимы у альпинистов могли оказаться отличные фотографии самых неясных теперь мест маршрута! Однако выяснилось, что недавно из Пекина получено указание прекратить полеты в район вершины впредь до особого распоряжения. Теряемся в догадках, чем вызвано запрещение: техническими трудностями или политическими соображениями. Скорее второе: Эверест расположен на государственной границе, вероятно, не хотят давать повода к дипломатическим осложнениям.

Ночью снег под ногами хрустит, значит, морозец больше 8 градусов.

На утро назначен подъем в семь, в восемь часов выезд на аэродром.

18 декабря. Перелет Голмо — Синин — Сиань

Проснулись как положено, завтракали с опозданием, а насчет отъезда и в 9.30 все еще ничего не известно. Отправились смотреть, в чем дело. Оказывается, никак не заводится машина. Ее разогревают костром, разложенным прямо под мотором.

Выехали на аэродром в широком джипе. Опоздали на полчаса. Без всякой волынки прямо с джипа в самолет и в воздух...

В 16.30 уже в Сиани. Сидим в гостиной на аэродроме, ждем итогов разговора Ши Чжанчуня с диспетчером. Возможно, что в Пекин улетим на самолете. Вскоре выяснилось, что самолета нет, поедем поездом.

Минут через двадцать прибыла бойкая модно одетая девица в брюках, пригнала три автомашины.

Промчались по торговым улицам Сиани. Сейчас 17.10, и народ, очевидно, возвращался с работы. Очень людно, опять сплошной поток, какой видели в Тяньцзине. Люди идут пешком или едут на велосипедах. Маленькие одноэтажные магазинчики торгуют всем, что нужно для жизни.

Привезли в гостиницу, кажется, в ту же, где Ковырков и Белецкий уже бывали в 1956 году, возвращаясь после восхождения на Музтаг-ата. Поместили в превосходные двухместные номера: две кровати нормальной ширины, умывальник с холодной и горячей водой, шкаф для одежды, сервант с чайной посудой, пара этажерок, кресло, стул, настольная лампа — словом, все как полагается. Приняли ванну, надели поистрепавшиеся свитеры, штормовые брюки и сапоги — здесь мы в этой одежде выглядим этакими чучелами — сидим и чего-то ждем. Побрившись, покуриваю и пишу дневник.

Вечером поиграли во дворе в волейбол с двумя русскими, оказавшимися в этой же гостинице, а потом с полчаса бродили по городу.

На улицах опять очень людно: жители гуляют с детьми на свежем воздухе. Детей масса. Малыши на руках у родителей, а те, кто чуть постарше, солидно идут сами в своих забавных штанишках с разрезом сзади. Этот разрез — мудрая страховка на всякий пожарный случай: если карапуз сядет на корточки, то штанишки автоматически раскроются на самом нужном месте. Я могу, однако, торжественно засвидетельствовать, что при нас все молодые граждане Сиани были на высоте...

19 декабря. Из Сиани в Пекин

Около четырех утра Пен Шули устроил побудку и заявил, что в шесть часов отходит поезд на Пекин, в котором мы поедем. Дорога займет 26 часов. Я был рад возможности посмотреть Китай хотя бы из поезда — перелеты в самолете слишком стремительны и знакомят не столько со страной, сколько с ее географической картой.

Спешно встали и поехали на вокзал.

По дороге Пен Шули рассказал, что с пассажирскими поездами сейчас в Китае очень трудно, поезда переполнены, достать билеты и выехать — целая проблема. Ши Чжанчунь пользовался поддержкой городского руководства, во внимание было принято, что он везет иностранцев — при добывании билетов «стар-

ший брат» все же котируется как иностранец и к нему относятся с повышенным вниманием. Тем не менее, когда мы ехали на вокзал, на руках у Ши Чжанчуня был один билет в мягкий вагон (кажется, один вагон на длинный поезд), остальные билеты на сидячие места, все порознь. Общие вагоны в поездах дальнего следования примерно такие же, как в наших пригородных электричках, но только площадь вагона использована значительнее экономнее. Поэтому очень тесно и душно. Плацкартные вагоны выглядят примерно так же, как аналогичные деревянные вагоны у нас.

Поразили очень крутые откосы железнодорожных выемок. Они идут градусов под семьдесят. Мне думается, это лёсс. Пен Шули слова «лёсс» не знает и говорит, что это особая вязкая и очень прочная глина. Поезд идет вдоль притока Хуанхэ. Почти все время мелькают туннели, их с десяток на этой дороге, или очень глубокие выемки, или насыпи, и очень редко дорога проходит по гладкому полю. Когда едем по насыпи или по ровным полям, кругом видно одновременно множество деревенек. Многие из них обнесены старинными глиняными стенами и, видимо, стоят здесь веками. Крыши черепичные, коньки их обычно затейливо изогнуты, как и полагается для традиционных китайских построек. Пейзаж серенький — туманная дымка, дали не видно. Ветерок гоняет пыль на полях. Поля возделаны превосходно, тщательно, разумно, так, что не пропадает, кажется, ни одного квадратного метра земли. Всякий откос террасирован, всюду для орошения подведена вода. Приходит в голову, что нам стоило бы перенять многое из китайского опыта земледелия.

Когда едем в глубоких выемках или когда переезжаем глубокие овраги, замечаю, что многие дома — пещерного типа. В отвесном глиняном обрыве дверь, окна, а внутри дома, в пещере, либо люди, либо скотина, либо сельхозмашины. Часто передняя стена, как бы фасад дома, сделана из кирпича, выложен намек на крышу, а все жилье — под землей. При сухости грунта на берегах глубоких оврагов влажности в таких домах не больше, чем в знаменитых пещерах Киево-Печерской лавры, температура ровная, затраты на постройку невелики, и понятны причины возникновения таких жилищ.

Видели строительство второго пути на той же дороге, по какой едем. Земляные работы производятся колоссальные — высоченные насыпи, длинные туннели. И везде, куда падает взгляд, работа ведется вручную. Как муравьи, копошатся бесчисленные люди — с лопатами, кирками, с корзиночками на бамбуковых коромыслах, изредка — с повозками на дутых шинах. Строительство сложных в инженерном отношении объектов — мостов, туннелей — ведут саперные части, земляные же работы выполняются методами народной стройки.

20 декабря. Пекин

Поезд прибыл в Пекин около девяти утра. На вокзале очень тепло встречали Чжоу Чжень, жены Сюй Дина, Вун Кинджана, Чжоу Чженя. Белецкому вручили телеграмму: Евгения Адриановича извещают, что он счастливый отец, что во время поездки у него родился сын.

Несколько минут ждем на перроне. Мне очень понравилась организация обслуживания поезда на вокзале. Все, что нужно, доставляется в вагоны трехколесными маленькими грузовиками, которые ездят прямо по посадочным платформам. Смена белья во всех вагонах поезда была произведена бригадой из двух человек минут за десять.

Поселились в гостинице «Сынчоу». Гостиница называется по имени башни старинной городской стены, рядом с которой она расположена.

За обедом мы совершили гастрономическую экскурсию во Францию. Я не берусь судить, насколько французскими были блюда. Однако я впервые в жизни понял, что от еды можно получать колоссальное наслаждение, если она так искусно приготовлена. Мы единодушно решили:

— Когда покончим с альпинизмом, сделаемся чревоугодниками и будем жить в «Сынчоу»!

Наши спутники по поездке сегодняшний день проводят со своими семьями. Чжоу Чжень предложил нам погулять по городу. По пути часто встречаем иностранцев. Чаще всего они оказываются нашими соотечественниками. Встречи эти не всегда приятны.

Мы проходили около большого универмага. Улица заставлена десятками машин, привезших наших соотечественников. Пятидесятилетний русачок, несколько растрепанный, галстук набоку, шляпа на затылке, раскрасневшийся, усталой походкой выходит из универмага. Подходит к одной из машин, наклоняется к шоферу-китайцу и с безнадежным таким выражением спрашивает по-русски:

— Мадама не приходила?

Все понятно. Видно, мадама как зафитилила по всем прилавкам, так и забыла обо всем — о своем спутнике, о делах, о престиже...

Вышли на чистенькую асфальтированную площадь. За пару минут она заполнилась народом. Став рядами, люди приступили к выполнению упражнений физкультзарядки. Обязательные перерывы для гимнастики делаются во всех предприятиях и учреждениях, и дело это поставлено серьезно и толково.

В городе очень много велосипедистов. На велосипедах ездят на работу, за покупками, в гости. Велосипед здесь не забава, а предмет первой необходимости, основное средство городского транспорта. Во многих местах для велосипедистов размечены специальные дорожки на проезжей части улиц.

Вечером ужинали с супругами Чжоу Чжень (конечно, в «Сынчоу»!), а потом ходили к ним в гости. Чжоу Чжень просит называть его жену Нина, самого себя — Саша. Нина — очень скромная, симпатичная — в нашем присутствии страшно стесняется. У них двое ребятишек — сын и дочка. Живут в двухкомнатной квартире в новом доме — метров 25, исключая площадь кухоньки, санузла и кладовушки.

Из разговоров с семейством Чжоу Чжень у меня сложилось впечатление, что китайцы очень ценят подарки и сами их охотно и весьма внимательно делают. Очень в ходу и чрезвычайно ценятся бытовые изделия из пластмассы — блюда, тарелочки, баночки. Чжоу Чжень и Ши Чжанчунь привезли из Москвы, где были после пика Ленина, по нескольку десятков пластмассовых блюд и все раздарили родным и знакомым.

Завтра в 15 часов возобновим переговоры по итогам разведки. Мы договорились, что начнем с первых пунктов, которые не были затронуты в Лхасе. По ним, наверно, будет меньше разногласий — и тогда все внимание можно будет посвятить наиболее трудным вопросам — о сроках и тактике.

Утро 21 декабря было посвящено осмотру храма пятисот будд, храма спящего будды и еще одной пробежке по летнему императорскому дворцу. Все это расположено в горах к северу от Пекина. Места очень приятные — много зелени, отличные асфальтированные дороги, великолепные постройки храмов и их окружения.

Храм пятисот будд невелик, и снаружи кажется, что полутысяче изваяний в нем не поместиться. Однако на самом деле их даже больше пятисот. Главная идея — многоликость единого божества — выражена блестяще. Все пятьсот будд внешне очень разные — по выражению лиц, по позам, иногда по расовому признаку. И в то же время все они напоминают друг друга чем-то таким, что кажется их внутренней сущностью.

В этом храме, точнее, в одной из его башен был временно похоронен Сунь Ятсен, и лишь позже останки перенесены в мавзолей в Нанкине.

В храм спящего будды ведет неширокая мощеная дорожка. Она проходит через несколько башен-арок. В одной из них, в нишах по обе стороны пути, установлены статуи двух небесных генералов — небесного генерала Ха и небесного генерала Хм. Это огромные, в два человеческих роста, раскрашенные изваяния. Один из генералов оскалил зубы, выставил клыки и замахивается на вас кулаком, того и гляди ударит. Второй, тоже очень страшный, тащит из ножен меч. Генералы Ха и Хм — стражи спящего будды. Если мимо них проходит плохой, грешный человек, то генералы оживают и расправляются с проходящим. Чжоу Чжень рассказывал, что в детства боялся проходить мимо небесных генералов даже с родителями — у какого мальчишки чиста совесть, кто не чувствует аа собой проступков? А вдруг небесный генерал оживет именно для того, чтобы отметить самый последний подвиг?

Очень хорош по замыслу и по исполнению хохочущий будда — с толстым брюхом, с обнаженной жирной грудью, он сидит под одной из арок и заразительно, жизнерадостно смеется. Копии смеющегося будды из нефрита, слоновой кости, дерева очень популярны в Китае и продаются повсюду.

Сам спящий будда — лежащая на боку громадная фигура — особого впечатления не производит. Но очень хороши выполненные весьма изобретательно окружающие его статуи. Страшно жалеем, что не имеем с собой лампы-вспышки: освещения для съемок в храмах не хватает...

В каждом храме-музее несколько монахов, следящих за порядком. Они получают содержание от государства. Монахи охотно дают разъяснения.

Во второй половине дня возобновили начатое еще в Лхасе обсуждение результатов и отчета разведки. Участвовали Ши Чжанчунь, Сюй Дин, Чжоу Чжень и мы трое. Председательствовал Ши Чжанчунь.

Обсуждаем начальные разделы отчета, по которым все мы ожидали наименьших затруднений. Чаще всего, речь идет о чисто редакционных изменениях в тексте, первоначально составленном советской частью разведки. Вначале мы как-то ни о чем не могли договориться, пока не осознали, что китайцы очень не любят общих формулировок, чуть ли не во всех случаях предпочитая конкретность и точность. Так, первый пункт, где шла речь об основных задачах разведки, Сюй Дин предлагал дополнить пятнадцатью конкретными задачами, в том числе и такими, как покупка движка, приобретение посуды, согласование вопроса о снабжении топливом. Мало-помалу мы приспособились к образу мыслей друг друга, и после этого дело пошло быстрее.

Примечательным было предложение Ши Чжанчуня об охране. Он предложил записать, что каждый участник обязан защищать сам себя и что необходимое оружие предоставляется китайской стороной. Здесь мне пришло в голову, что как сегодняшнее предложение, так и повышенное внимание китайцев к охране наших персон в ходе разведки, вероятно, являются следствием моего скоропалительного ответа на вопрос, какого образца пистолеты мы предпочитаем, который я дал в день нашего появления в Китае.

Далее Ши Чжанчунь сказал, что, исходя из данных, полученных во время разведки, целесообразно откровенно рассказать далай-ламе и панчен-ламе о том, что будет совершаться восхождение на Джомолунгму. Естественно, мы только приветствовали это предложение.

Потом говорили о шоссе и тропе до базового лагеря — имелись сомнения, до какой высоты удастся довести шоссе: до языка Восточного Ронгбука или только Главного Ронгбука. Договорились поместить в отчет предложение о создании промежуточного полевого аэродрома около Шекара для обслуживания экспедиционных самолетов Ан-6.

Потом перешли к вопросу о сроках и тактике и неожиданно легко и просто пришли к соглашению: рекомендовать, чтобы полностью акклиматизированный спортивный состав прибыл в базовый лагерь у языка ледника Восточной Ронгбук 12—22 апреля.

Подъем на вершину рекомендовали группами по 4 или 8 человек, с конечной целью достижения вершины возможно большим числом человек.

В заключение договорились, что завтра Чжоу Чжень привезет в гостиницу пишущую машинку с русским алфавитом и что я перепечатаю русский текст отчета.

22—27 декабря. Пекин

Сидим с Чжоу Чженем и печатаем на машинке текст отчета разведки. Ковырков вычерчивает на кальке карту-схему нашего пути от Шигацзе к Эвересту и обратно. Изредка делаем перерыв и отдыхаем, беседуя о том о сем.

Чжоу Чжень и Пен Шули продолжают знакомить нас с Пекином. Мы обошли множество музеев, выставок, храмов.

Очень интересна выставка предметов, обнаруженных недавно в гробнице одного из императоров династии Мин. Древняя гробница была тщательно замаскирована, осталась неразграбленной и дошла до наших дней нетронутой. Здесь саркофаги и погребальные облачения, вазы из перегородчатой эмали и хорошо сохранившиеся ткани, короны и многочисленные украшения из зо-

лота и драгоценных камней, выполненные с изумительным мастерством. Китайские историки заняты сейчас их изучением. Продолжаются попытки найти остальные гробницы императоров этой династии.

Немалый интерес, но совсем иного рода, представило ознакомление с серией отлично сохранившихся старинных акустических чудес в одной из императорских резиденций. Особо впечатляет круглая уступчатая пирамида, с которой император произносил речи. Если встать на императорское место — на небольшую плиту, вделанную в середину пирамиды, и что-нибудь сказать, то с трудом узнаешь свой голос: он становится грозным, оглушающим, громоподобным. Стоит сойти с плиты, как эффект пропадает, остается обычный слабый голосишко. До слушателей, что стоят кругом, в обоих случаях доходит ваш обычный голос... Что там ни говори, в старину многое умели... Даже культ личности умели доводить до предельного совершенства, так сказать, до логического конца...

Яркое впечатление оставило посещение артели, занимающейся резьбой по слоновой кости.

Ни в одном из музеев восточных культур не видели мы такого обилия редчайших экспонатов.

Вот ваза с цветами — самая обычная ваза с самыми обычными цветами. Но только всё — и ваза, и стебли, и цветы — кремово-желтого цвета: это полированная слоновая кость. Вот роза. Лепестки цветка имеют естественный размер и естественную для розы толщину. Вот стебель гладиолуса с несколькими кольчиками. Лилия, ирисы, ландыши. Видны пестик и тычинки цветка — тончайшие, миниатюрные. Боже, да как все это сделано, ведь такой цветок страшно взять в руки — он, наверно, сразу же поломается! А мастер резал твердую слоновую кость, шлифовал и полировал лепестки.

Справа от вазы — изящная точеная колонна, поддерживающая шар диаметром сантиметров в восемь. На поверхности шара выпуклая резьба — драконы, цветы, птицы. Сквозь ажурную резьбу виден второй шар, диаметр которого на несколько миллиметров меньше. Внутри второго шара — третий, а иот четвертый, пятый. Размеры отверстий в наружном шаре не позволяют вставить в него следующий по размеру внутренний — все сделано из одного куска кости. Всего 26 шаров, расположенных один в одном, и на каждом из них изящная, тонкая, тончайшая резьба!.. Вот кувшин с крышкой. Крышка прикреплена к нему тонкой цепочкой. В цепочке несколько десятков звеньев, и все это — крышка, звенья цепочки, сам кувшин — вырезано из одного куска кости. Вот резная башня — тончайшее кружево из цветов, веточек дерева, птиц, драконов...

Приходит молодой человек, который будет давать пояснения, и мы с трудом отрываемся от волшебных шкафов. Мы не успели рассмотреть содержимое и одного из них!

Нас ведут по производственным помещениям, последовательно показывая весь цикл. Вот склад бивней, вот бивни, разрезанные на заготовки — они сложены штабелями, как поленницы дров. Вот отделение, где производится нанесение первоначального грубого рисунка. А рядом живой быстроглазый паренек, укрепив заготовки на верстаке и взяв в левую руку нечто вроде стамески, со всего размаха быстро и точно бьет по стамеске тяжелым молотком, удаляя лишнюю кость. В этом отделении готовят простые по исполнению, традиционные статуэтки смеющегося будды, фигурки старца с посохом в руке, в длинной одежде, ниспадающей мягкими складками, копии страшных львов, установленных в императорском летнем дворце... А вот почти совсем готовая вещь: старик в широкополой шляпе, босиком, закатав штаны до колен, держит в руке удилище. Оно согнулось дугой. На конце лески рыба, на которую устремлен его восхищенный взгляд. Вещь радует свежестью композиции, естественностью позы, острой наблюдательностью...

Невдалеке видим работу по изготовлению вложенных один в другой пустотелых шаров. Внешний шар уже готов, идет отделение от него внутреннего. Мудро и просто решена эта головоломка. Вначале в шаровой заготовке сверлят несколько конических углублений. Затем вводят в углубление резец, согнутый под прямым углом, и отделяют внутренний шар от внешнего. Потом внутренний шар приклеивают липкой густой смолой к деревянной державке. Ее крепят в тисках и таким же изогнутым резцом отделяют следующий шар от сердцевины. Для изготовления семи вложенных один в другой шаров требуется два-три дня при работе одного человека.

Проходим по внутреннему дворику. На стенах налеплены листы бумаги. Тут и газеты, и оберточная бумага, и клочки цветной бумаги. На каждом колонки иероглифов. Спрашиваем, что это такое. Оказывается, это знаменитые дацзыбао — стенные газеты больших иероглифов. Написать и повесить такую газету имеет право любой. В них содержатся замечания по улучшению дела, часто весьма острые, всегда чрезвычайно конкретные. Руководители артели ежедневно просматривают вновь появившиеся предложения. Снять стенную газету больших иероглифов можно только в двух случаях: если содержавшееся в ней предложение выполнено или если автор сам убедился в нереальности или невыполнимости предложения.

ЭПИЛОГ

Длительные попытки покорения сложной вершины можно сравнить с эстафетным бегом, где каждый член команды, преодолев свой участок пути, передает палочку следующему, пока не будет пройдена вся дистанция.

Джон Хант. Восхождение на Эверест

Собственно говоря, мой рассказ давно пора кончать: разведка подступов к Эвересту закончена, отчет о ней составлен, согласован и отпечатан.

Впрочем, следует сказать несколько слов о дальнейших событиях.

В конце декабря в Пекин прибыли заместитель председателя Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта Е. И. Валуев и начальник советской части экспедиции, заслуженный мастер спорта К. К. Кузьмин. Они провели совещания с товарищами Хуан Чжуном и Ши Чжанчунем. Было решено проводить

акклиматизацию на склонах Эвереста, совмещая ее с заброской грузов. В связи с этим условились приехать в базовый лагерь у языка ледника Восточный Ронгбук к первому апреля, чтобы успеть сделать три акклиматизационных похода. Были согласованы вопросы обеспечения экспедиции высотным снаряжением и продовольствием, значительная часть которых готовилась в СССР.

Мы с ходу включились в тренировки. В феврале все советские участники выехали на Кавказ, в альпинистский лагерь «Шхельда». Тренировочный сбор и в особенности зимнее восхождение на обе вершины Эльбруса дали возможность опробовать и людей, и специальное снаряжение, в том числе кислородные приборы, при восхождениях в пургу при морозах 30—40 градусов.

Все оказалось в порядке.

В середине марта мы вернулись в Москву. На 22 марта был заказан специальный самолет Ту-104 для переброски участников и последних грузов в Китай.

18 марта весь состав советской части экспедиции собрался во Всесоюзном комитете физкультуры, чтобы распределить последние поручения перед отъездом. С большим опозданием против назначенного срока в зале появились К. К. Кузьмин и заместитель председателя комитета Постников. Постников заявил, что на его долю выпала тяжелая обязанность сообщить нам неожиданное и весьма неприятное известие. Только что получено официальное сообщение из Пекина: экспедиция на Эверест в 1959 году состояться не может. Причины этого в сообщении не указываются.

Нам не пришлось долго теряться в догадках. Вскоре в газетах появился приказ Государственного совета Китайской Народной Республики за подписью Чжоу Эньлая и другие сообщения. Большинство калонов местного тибетского правительства и реакционная верхушка Тибета 10 марта подняли мятеж и захватили далай-ламу; вооруженные мятежники окружили штаб Тибетского военного округа и учреждения Центрального правительства в Лхасе. Словом, начался тот кризис в болезни, о возможности которого говорили еще 16 декабря, при нашем отъезде из Лхасы.

В подобной обстановке, естественно, не могло быть и речи о спортивном восхождении. Тем более неуместным было бы присутствие в Тибете советских спортсменов — не только весной 1959 года, но и позднее. Оно могло бы дать повод измышлять всяческие небылицы любителям и специалистам этого дела.

Так оказалось, что советские люди участвовали в первовосхождении на Эверест с севера только своим трудом по подготовке этого мероприятия.

Китайские альпинисты, наши большие друзья, которые так же, как и все мы, мечтали совершить это восхождение совместно, были вынуждены делать его весной 1960 года одни. Мы рады за наших друзей, мы гордимся тем, что, проявив истинный героизм, сплоченность и твердую волю, они победили в этой борьбе.

Китайская экспедиция на Эверест с севера, в которую входили 214 человек, в том числе 11 женщин, формально началась в феврале 1960 года. Перед этим ее участники интенсивно тренировались. В феврале 1959 года участники сбора Ху Бенмина совершили зимнее восхождение на Северный пик (6117 м) массива

Ньенчен-Тангла. В июле было совершено восхождение на Муз-таг-Ата (7546 м), причем между делом наши друзья поставили два мировых рекорда массовости восхождения на высоту более 7500 метров: на вершину поднялись 33 человека, в их числе 8 женщин.

После этого проводилась интенсивная общефизическая тренировка и совершенствование в технике альпинизма.

В середине марта 1960 года основная часть экспедиции достигла базового лагеря. Он был организован у языка ледника Главный Ронгбук. Грузы и людей доставляли в базовый лагерь на автомашинах по вновь построенной автодороге.

Первый акклиматизационный поход до высоты 6400 метров, до подножия Чанг-ла, был совершен 25—31 марта. С 6 по 14 апреля, после отдыха в отлично организованном базовом лагере, провели второй акклиматизационный поход до Чанг-ла (7007 м), в ходе которого осуществляли разведку до высоты 8000 метров. Последний выход для акклиматизации и заброски грузов состоялся 25 апреля — 11 мая.

14 мая передовая вспомогательная группа в 45 человек вышла в верхние лагеря, а 17 мая начался штурм. В 10.30 по пекинскому времени девять участников штурмовой группы во главе с заместителем начальника экспедиции Сюй Дином и 12 человек вспомогательного состава покинули базовый лагерь. В 19.00 19 мая был достигнут лагерь 7600 метров, в 15.00 22 мая — лагерь 8100 метров.

Отсюда продолжали восхождение 14 человек, достигнув высоты 8600 метров в 14 часов 23 мая.

В заключительном этапе штурма участвовали четыре человека: уже знакомые нам Ван Фучжоу, Лю Ляньман и Цюй Иньхуа и тибетец Гоньпо. Четверо восходителей вышли из лагеря 8500 метров 24 мая в 9.30 и к 11.30 достигли второй ступени. Был страшный холод. Восходители шли с кислородными аппаратами. Трехметровый отвес в верхней части второй ступени задержал их на 3 часа. Вторая ступень стала ступенью славы самоотверженного Лю Ляньмана. После ряда попыток преодолеть отвес, предпринятых восходителями, Лю Ляньман присел на корточки и сказал, чтобы Цюй Иньхуа стал ему на плечи. После этого Лю Ляньман выпрямился, подняв товарища. Таким же образом он помог подняться Гоньпо. Оказавшись выше обрыва, Цюй Иньхуа и Гоньпо помогли преодолеть отвес Ван Фучжоу и Лю Ляньману.

Уже вечерело, дул сильный ветер. Немного отдохнув, четверка продолжила движение вперед и вверх. Страшное перенапряжение на второй ступени на невообразимой высоте 8600 метров подорвало силы Лю Ляньмана. Достигнув высоты 8700 метров, он не смог двигаться дальше. Короткое совещание и решение: Лю Ляньман остается на месте, остальные идут на вершину.

Опять подъем по льду, скалам, снегу. Каждый шаг давался с трудом. Один скальный склон крутизной 60 градусов, другой, потом короткая отвесная стеночка. Стемнело, и только отсветы снегового покрова да неясные контуры гребня на фоне неба вырисовывали их призрачный путь. Хотя бы ползком, но только вперед! На высоте 8830 метров новое испытание: кончился последний запас кислорода. Все равно вперед! Летят в пропасть пустые кислородные баллоны. Сразу стало тяжелее дышать и

идти. Нестерпимая головная боль, слабость, ноги дрожат. Чуть не ползком, но вперед! Полчаса уходит на то, чтобы подняться на выступ высотой в один метр. Леденящий ветер, холод, пальцы теряют чувствительность. Вперед, только вперед!

В четыре часа двадцать минут 25 мая все трое достигли вершины. Короткая записка карандашом — всего несколько иероглифов. Теперь достать из рюкзака Гоньпо флаг родины, маленький бюст председателя Мао. А в рюкзак — несколько камешков с вершины мира. Все. Теперь вниз. А сил уже нет. Нет сил, чтобы идти, — тогда ползком. Нет сил, чтобы ползти, — тогда полежать, воображая, что дышишь этим холодным разреженным воздухом, почти не содержащим кислорода. Медленно тянется время, еще медленнее сползают вниз люди.

А как же Лю Ляньман?

Оставшись один на гребне, он закрыл вентиль кислородного баллона: кислород пригодится товарищам на спуске. Бесконечно долгое ожидание, полузабытье, полубодрствование. Наконец, наверху показываются товарищи. Теперь они неизмеримо слабее его, и он, Лю Ляньман, должен сделать все, чтобы помочь им спуститься.

И Лю Ляньман сделал это.

Впоследствии, будучи в гостях в Москве, руководитель штурма Ван Фучжоу рассказывал о восхождении и комментировал цветной документальный фильм о восхождении на Джомолунгму. Ван Фучжоу просто и ясно сказал, что без самоотверженной помощи Лю Ляньмана им троим, наверно, не удалось бы ни подняться на вершину, ни спуститься с нее.

Китайские спортсмены покорили Эверест

Пекин, 27 мая (ТАСС). Как сообщило агентство Синьхуа, 25 мая три китайских альпиниста — Ван Фучжоу, Цюй Иньхуа и Гоньпо (тибетец) поднялись на высочайшую вершину мира Джомолунгма (Эверест), расположенную на высоте 8882 метра над уровнем моря.

«Правда», № 149 (15273), суббота, 28 мая 1960 года

●

Стихи молодых

Александр ТЮКАЕВ

РОДИМЫЙ БЕРЕГ

* * *

Куда б шальная жизнь ни занесла меня,
Легко вернет к себе единственное место.
Родимый берег мой, до краенного дни,
Что станется со мной — давно тебе известно.

Как будто сквозь века из дальних, гиблых мест
Настигнет душу взгляд страдальца Аввакума.
И кипет в дрожь леса его двуперстный жест,
И небо отягчит страдальческая дума.

И обнажатся вдруг укромные скиты,
Вдоль Волги зацветут монастыри и церкви.
Родимый берег мой! О, сколько знаешь ты
Поверий и чудес, что мы, предав, отвергли.

О, сколько помнишь лиц — и угнанных в Орду,
И жгущих терема, и с голоду опухших,
Но с верою в тебя им вслед и я сойду,
Я, живший все века — во всех скорбящих душах.

Ты на весах качнешь и Запад и Восток,
Вновь отразишь закат Кремлевскою стеною.
Останься нравом крут и духом будь высок,
Стой на своем всегда, что б ни было со мною.

* * *

Твердили мне, чтоб я любил народ,
И классиков цитировали точно,
Не думая, все знали наперед.
Наверное, легко любить заочно?

Легко любить с указкой у доски.
Указывать с трибуны, словно с Марса,
Когда уже все люди далеки,
Как некая бесформенная масса.

Я вырос и отчаялся. Топча
Упавшего в дверях у винотдела,
Зверели жадно люди сообща,
И девочка в слезах на них глядела.

Они ж тянули руки дружно вверх,
Как будто их колол внезапно кто-то,
За благо голосуя и за тех,
Кто вышел безвозвратно из народа!

Я правду отделяю от идей.
Я прочь гоню пустых плакатов строчки.
Люблю народ! Но вижу в нем — людей.
Знакомых лично мне — поодиночке.

* * *

Одни уезжают и кроют Россию,
Не только народ — и природу кляня.
За ними следят иждивенцы другие,
И эти, и те виноватят меня!

Откуда они? Ни в фабричном «застенке»,
Ни в поле их нет, где не убрана рожь.
Но там, где реклама, где связи и деньги,
Их взор ненасытный, их вечная ложь.

Они, кто вплетали в венки революций
Свой знак — напоенную кровью звезду,
Теперь на свои же святыни плюются,
Им более не приносящие мзду!

Как тошно мне слушать их пошлые речи,
Смотреть на циничных искателей благ,
Чьи жидкие души и узкие плечи
Уходят в зажавший монету кулак.

* * *

Когда-то я был бригадиром
И видел, как солнце над миром,
Вставая за ранью седой,
Встречало людей в проходной.

Ах, мрачные лица и ругань,
Что снова срывается план.
Как шла голова моя кругом,
Чтоб мне не идти на обман!

Зато за спиной не шептались,
Незримых сетей не плели,
А скрытно иль явно спивались,
Легко исчезая с земли.

И часто в бессонные ночи
Глаза их мне в душу горят.
И гневных упреков жесточе
Усмешки молчащих ребят.

ГРОЗА

Всю ночь за окнами гремело —
Швырял разгневанный колосс,
Кроша в замахе глыбы мела
Под раскаленный стук колес.

Обшарив заводи и плесы,
Метались загнанно свистки,
И замирали паровозы,
Душе мечтательной близки.

И лишь к утру гроза умолкла...
Сочились звезды в вышине,
Чтоб показаться ненадолго
И вновь не дать покоя мне.

Нижний Новгород

Александр ШИНЕШКОВ

МЕЖДУ НЕБОМ И ПОЛЕМ

КРЕСТЬЯНСКАЯ СОВЕСТЬ

Грустная, грустная повесть...
Тихо скончалась? Убили?
Где ты, крестьянская совесть?
Может, замерзла в Сибири?

Вряд ли германцы пленили —
В битвах за русских не стыдно...
Верно, тебя укрупнили

Так,
    что не стало и видно.

Верно, тебя доконали
Ложью да барщиной новой...
Так же, как бога, изгнали.
Так же и требуют снова.

Новые встали мессии:
— Где ты, крестьянская совесть?!
Есть о тебе у России
Грустная, грустная повесть...

ЛЖЕПРОРОК

— Итак... За упокой Вселенной! —
Вскричал помятый гражданин
И крошку хлеба уронил
Вослед за влагой забубенной...

И было страшное в словах.
И смолкли две нетрезвых девки.
И некто тучный в южной кепке
Испуганно промолвил:
                    «Вах!..»

И колокол ударил где-то,
И грома дальнего раскат.
И вспыхнул над пивной закат
Каким-то новым,
            мрачным светом.

Спустилась ночь без опозданья,
Тиха, тепла...
Под брех собак
Сбывались первые свиданья,
И с детской миной сострадавья
Луна глядела на овраг,
Где спал
        могильщик мирозданья...

с. Надежино Нижегородской обл.

Наши публикации

Борис Юлианович Поплавский (1903—1935) принадлежит к младшему поколению первой русской эмиграции. Литераторами они становились уже за границей, покинув Россию еще очень молодыми людьми. К этому же поколению принадлежал и В. Набоков. Это о них В. Ф. Ходасевич писал: «Есть нечто трогательное и достойное всякого уважения в этой приверженности к родному языку и к родной словесности — со стороны людей, которые, в сущности, мало знают родину и которых сверстники в постыдном числе и с постыдной быстротой утрачивают свою национальность».

Мнения о поэзии Поплавского и сейчас, и прежде — весьма разноречивы. Например, Д. С. Мережковский уже после смерти Поплавского высказался в том смысле, что эмиграция оправдала себя «на всяких будущих судах» уже тем, что дала Поплавского. Все, знавшие поэта, согласно говорили о его необыкновенной одаренности, о талантливости «насквозь, в каждой случайно оброненной фразе». Критические же суждения сводились главным образом к тому, что у Поплавского нет ни одного законченно-цельного стихотворения, к упрекам в небрежности рифмовки и в произвольности образов. Думается, однако, что все эти кажущиеся недостатки являются одним из проявлений художественного метода поэта.

Жилось Поплавскому туго, большая часть времени была посвящена писанию и усердным штудиям в парижских библиотеках, что почти не доставляло средств к существованию. Многих удивляли и необычные сочетания в характере самого Поплавского: с одной стороны, человек спортивный, занимавшийся боксом; с другой — страстный любитель утонченного философствования, часто не находящий себе достойного собеседника. Кроме стихов, он писал еще прозу. Тема — отверженность и одиночество изгнанника.

Борис ПОПЛАВСКИЙ

УБЕГАЮЩИЙ ПОЕЗД

* * *

На холодном желтеющем небе,
Над канавой, где мчится вода,
Непрестанно, как мысли о хлебе,
В зимнем небе дымят города.

Тяжкий поезд мосты сотрясает,
Появляется надпись: «Табак».
Загорается газ, погасает,
Отворяются двери в кабак.

Слез кондуктор, и будочник свистнул,
Потащились вагоны в снегу.
Я с утра оторвался от жизни,
Все иду, уж идти не могу.

Первый снег мне былое напомнил
О судьбе, о земле, о Тебе,
Я оделся и вышел из комнат
Успокаивать горе в ходьбе.

Но напрасно вдоль белых чертогов
Шум скользит, как река в берегах.
Все такая же боль на дорогах,
Все такое же горе в снегах.

Нет, не надо во мраке опоры;
Даль нужней, высота, чистота,
Отрешенья высокие горы,
Занесенные крыши скита.

Долго будет метель бездорожить.
Ночь пройдет, успокоится снег.
Тихо стукнет калитка, прохожий
Обретет долгожданный ночлег.

Свет лампады негромко, немудро
Означает покой здесь, ложись,
Завтра встанешь, как снежное утро,
Безмятежно вмешаешься в жизнь.

Только где же твой скит, горожанин?
Дома низко склоняюсь к трудам.
Только где же твой дом, каторжанин?
Слышишь, церковь звонит? это там.

* * *

Снег идет над голой эспланадой;
Как деревьям холодно нагим,
Им, должно быть, ничего не надо,
Только бы заснуть хотелось им.

Скоро вечер. День прошел бесследно.
Говорил; измучился; замолк,
Женщина в окно рукою бледной
Лампу ставит желтую на стол.

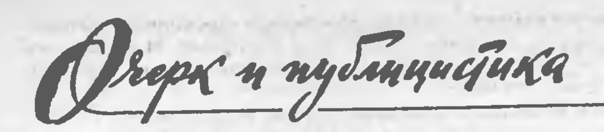
Что же Ты на улице, не дома,
Не за книгой, слабый человек?
Полон странной снежною истомой,
Смотришь без конца на первый снег.

Все вокруг Тебе давно знакомо.
Ты простил, но Ты не в силах жить.
Скоро ли уже Ты будешь дома?
Скоро ли Ты перестанешь быть?

Предисловие и составление
Алексея КОЗЛАЧКОВА

Художник И. Блынский.

ТАК ЧТО ЖЕ БЫЛО 19—21 АВГУСТА: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАГОВОР ИЛИ ФАРС?

Хроника драматических дней

Август 1991 года... Завершены американо-советские переговоры, проходившие на этот раз в Москве. Некоторые беседы Д. Буша с М. Горбачевым, как и прежде, состоялись без свидетелей, с глазу на глаз. Это обстоятельство предопределяет характер новых договоренностей Москвы и Вашингтона.

Август 1991 года... В сверхспешном, лихорадочном порядке в Ново-Огареве готовятся к подписанию Союзного договора, который практически дает «зеленый свет» на распад единого государства, подтверждает перемену строя и структур власти в стране в целом и в отдельных ее регионах. Этот договор готовился не менее двух лет, но утаивался от народов страны вплоть до августа с. г. Договор, оказывается, не имеет конкретных авторов — никто из главных действующих лиц перестроя не может (или не хочет?) поименно назвать истинных «конструкторов» пакта разрушения, расчленения многонациональной державы. Пять республик наотрез отказываются подписывать данный договор, и с ними Россия заключает политико-экономические соглашения, по сути стимулирующие «межрегиональный» сепаратизм.

Август 1991 года... В стране свыше полумиллиона беженцев, в основном из «почти» независимых республик. Тысячи из них объявляют голодовки, требуют не лицемерных и сердобольных деклараций, а конкретного решения их насущных проблем. Союзные и российские лидеры игнорируют и эти проблемы, им не до беженцев, они спешат в Ново-Огарево к 20 августа.

Август того же года... Президенты России и Казахстана именуют «свои» республики «суверенными государствами», экспроприируют общесоюзную собственность при молчаливом одобрении союзного руководства, форсируют экономическую и политическую дезинтеграцию СССР. Президента перестроя все это, по-видимому, не очень волнует — он на отдыхе в Крыму и тоже готовится к 20 августа, дню подписания договора, который, по существу, перечеркивает итоги мартовского (1991 г.) референдума о сохранении Союза.

Все тот же август: продолжение спада экономики, рост преступности, развитие инфляции, хаос власти, вакханалия всевозможного насилия и пропагандистского обмана. Безработица, рост цен, торговые «войны» республик, «демократический» шовинизм сепаратистов всех мастей — эскалация перестроя нарастает. И народ уже осознает, кому и зачем нужно то, что ныне происходит в стране, кто руководит происходящим.

Многотысячные очереди в городах России (и не только России) за товарами всех «категорий» необходимости, как и размеры спекуляции этими товарами, увеличиваются день ото дня. Народ устал, его нервы напряжены, у него уже нет веры в демократию.

Лето 1991 года примечательно и тем, что на закрытом заседании Верховного Совета СССР руководитель КГБ В. Крючков заявил о подготовке ЦРУ лиц, внедряемых в руководство Союза и республик, о почти повсеместном экономическом саботаже в стране, о политизации торговой мафии, о ее смычке с рядом общегосударственных и республиканских структур. Характерно, что ни Президент СССР, ни президенты республик, ни «демократическая» пресса не опровергли ни одного тезиса доклада Крючкова. Остается лишь сожалеть, что полный текст этого доклада так и не был опубликован. Гласность смолчала в очередной раз...

Однако косвенная реакция последовала. Нашумевший указ о «департизации», нацеленный прежде всего против КПСС. Приклеивание московскими лидерами ярлыков на группу «Союз» и в первую очередь — на В. Алксниса. Резкое усиление «демократической» травли КГБ, МВД, Министерства обороны.

Проведенный в этой обстановке Пленум ЦК КПСС усилиями его истинных режиссеров и сценаристов формально примирил разные фракции, но все же не достиг главного — окончательно растворить партию в «анархо-демократизме», приспособить ее к ново-огаревскому этапу перестроя не удалось. Не срабатывала и департизация, прежде всего в армии, правоохранительных органах, оборонной промышленности.

В сложившейся ситуации (а мы рассматриваем лишь некоторые, но узловые, «судьбоносные» ее аспекты) нужно было что-то сделать. Это «что-то» состояло в том, чтобы устранить какую-либо оппозицию новому этапу реформации — развала страны. Чтобы любыми средствами и быстро дискредитировать, обезглавить оппозицию. Чтобы одномоментно поставить народы перед фактом «келейного» Союза, а по сути — узаконенной его ликвидации. Чтобы, наконец, обеспечить четкое взаимодействие «конструкторов» и «прорабов» на всех уровнях и по всем вопросам.

Цель оправдывает средства... Эта старая, как мир, истина вновь подтвердилась в августе 91-го.

Образование Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) и его Обращение к народам страны не были неожиданными ни для народов, ни для отдыхающих в Крыму, ни для тех, кто фальсификацией и расхожей демагогией готовил тысячи москвичей к «войне» с «путчистами».

В самом деле, целенаправленные перевороты не сопровождаются избирательностью при введении войск и чрезвычайного положения. Отсутствие даже намека на изоляцию главных лидеров и политических структур оппозиции ГКЧП в России и большинстве других регионов страны. Продолжение деятельности всех товарно-финансовых бирж и аукционов, через которые по прямой направлялись и направляются на Запад разнообразные богатства Союза, прежде всего России. Допущение оппозиционной пропаганды, отказ от усиления охраны производственных и других объектов,

госграницы, морских портов. Это и многое другое позволяет усомниться в том, что «штрейкбрехеры перестройки», как их ныне именуют демократы разных национальностей, действовали по собственной инициативе, ни с кем не согласовывая своих действий и деклараций.

Оперативность и своевременная информированность руководителей России и республик о происходящем также указывает на умелое дирижирование событиями, в которые были вовлечены и правительство, и правоохранительные органы Союза, и многие тысячи людей, среди которых и те, кто всерьез поверил в возможность остановить расчленение и разграбление страны, опошление ее прошлого и будущего. Г. Попов, участник «триумфа демократов», заявил в интервью ЦТ (25.8.), что «мы имели надежных информаторов». Чем это не намек на заблаговременную подготовленность последующей анафемы ГКЧП?

Один из солдат в блицинтервью ЦТ (20 августа) заявил: «Да у нас нет патронов.., и я до сих пор не понимаю, зачем мы в Москве». А президент Грузии Гамсахурдия в то же время утверждал: «В Крыму знали о том, что должно произойти... Вероятно, есть решение отделаться от тех, кто возглавляет оппозицию ново-огаревскому процессу» (Бюллетень Радио Анкары, 22.8.1991). Один из комментариев «Радио Свобода», которое, оказывается, наряду с «Голосом Америки», Би-би-си и другими «дружественными голосами» можно было слушать в «блокированном» Форосе... — гласил (20 августа): «Не является ли создание ГКЧП новым ходом в политике Горбачева, понимающего, что без окончательного устранения с политической сцены руководителей КГБ, МВД и консервативного генералитета, союз с Ельциным и его союзниками в республиках невозможен?» Подобного рода оценки звучали и звучат в некоторых комментариях не только западного радио, но и «Голоса Израиля», «Голоса Исламского Ирана», прессы ряда развивающихся, в том числе арабских стран.

Понимая, что подписание ново-огаревского договора означает юридическую и политическую гарантию необратимости изменения строя в стране, нужно было представить дело так, чтобы публично выставить «шпану» (по образному выражению А. Яковлева) и «сволочную публику» (по еще более образному выражению Президента СССР) — то есть КПСС и определенные общегосударственные инстанции в роли «пиночетовцев», «узурпаторов», «неосталинистов», вознамерившихся «отнять у народа перестройку, демократические реформы, надежды на лучшее будущее». Под политический, пропагандистский, юридический удар были подставлены именно общесоюзные, но не республиканские структуры и политические деятели! Более того, последних денно и нощно благодарят за энергичное противодействие «мятежу обреченных». Хотя их можно было поблагодарить и до 19 августа.

Характерные факты: правительство СССР в полном составе и безоговорочно соглашается с созданием ГКЧП и не собирается подавать в отставку («опыт» переворотов в Чили, Панаме, Румынии, ГДР, Гаити, Либерии, Пакистане и других странах свидетельствует об обратном). На стволы танковых орудий надеты чехлы?! Кроме российского, литовского и молдавского руководства, никто из лидеров других республик не призвал к сопротивлению ГКЧП и не назвал его действия незаконными?! Генеральный прокурор СССР выразил поддержку ГКЧП?! (Известия, 23.8.1991).

По словам Р. Хасбулатова, Председатель Верховного Совета СССР назвал «неуступчивость и экстремизм Ельцина... причиной болезни Горбачева», о которой говорил Янаев (Куранты, 22.8.1991). А после 21 августа тот же Лукьянов отметил, что Горбачев «был в курсе всего происходящего». За это Президент СССР назвал Лукьянова «преступником», не опровергнув, однако, откровений главы Верховного Совета СССР (Newsweek, 23.8.1991). Одна ложь порождает другую, но это «чередование» часто прерывается моментами истины, которая вольно или невольно, но все же проясняется.

Примечательным является и то, что накануне и в первый день деятельности ГКЧП не было предпринято никаких мер в отношении многочисленной когорты демократов и национал-сепаратистов. Наоборот, последние в своем большинстве призвали народы к спокойствию и непротивлению.

...Силаев обходит ряды защитников, своевременно появившихся в более чем достаточном количестве, и под их же аплодисменты удаляется в Белый дом. Танки с чехлами на орудиях и пулеметами без патронов стоят...

Проносится слух, что грядет штурм. Потом новый слух — «штурм переносится». Затем — снова громкоговорители: «Штурм откладывается». Танки, как и прежде, стоят. На площади вокруг оплота демократии выключается освещение, а время — 4—5 часов утра... На некоторых танках водружается флаг России, толпы защитников обступают плотным кольцом технику, которую пригнали как будто для того, чтобы опозорить армию Союза не только «теоретически», но и на практике. Ибо поступает приказ о выводе танков, и они «пятятся» назад. И в этой сумятице, неразберихе, всеобщей экзальтации не могло не быть жертв среди тех, кто пытался препятствовать **отходу** (!) военной техники.

По мнению шведского радио (и, вероятно, не только его одного), «армейские части на площади перед зданием российского руководства не имели боезапаса... и их длительное пребывание там более чем странно... Естественно, что это подогревало собравшихся вокруг них, и стало очевидным, что без жертв не обойтись. Так и случилось» (Бюллетень Радио Швеции, 22.8.1991).

На первой (и последней) пресс-конференции ГКЧП Янаев неоднократно апеллировал к Горбачеву, «перестройке» с ее реформами и т. п., косвенно намекая на то, что Президент СССР осведомлен о происходящих событиях. Янаев подчеркнул также, что в скором времени «мы (то есть ГКЧП) с Горбачевым будем работать вместе». И это вовсе не было блефом, ибо и в Обращении к народам страны и мира, и в постановлениях ГКЧП, и в Заявлении Лукьянова ни слова не говорилось о необходимости пересмотра действующих государственных структур, об упразднении президентской власти в Союзе и республиках, об ограничении суверенитетов республик, автономий, краев, областей (см. Известия, 20.8.1991).

Во внешней политике ГКЧП, кроме Обращения к ООН, были предприняты три важные акции. Во-первых, на брифинге в МИДе СССР было заявлено о поддержке освободительного движения в Западной Сахаре — бывшей (до 1976 г.) испанской колонии, которую Марокко пытается аннексировать. Это было первой за годы перестройки официальной реакцией Москвы на многолетнюю войну в этой стране, где в 1976 году провозглашена Сахарская Арабская

Демократическая Республика (из великих держав ее признает только Китай).

Во-вторых, ГКЧП направил письмо С. Хусейну, в котором, в частности, сообщалось о намерении возвратить СССР роль противовеса США, которую он ранее играл на международной арене. Впоследствии Горбачев направил руководству Ирака «оправдательное» письмо, в котором дезавуировал предыдущее. Не свое...

В-третьих, Генеральный прокурор СССР, находившийся с визитом на Кубе с 13 по 19 августа, сообщил на пресс-конференции в Гаване (19.8), что «меры ГКЧП являются полностью законными и... направлены на укрепление юридического порядка и законности — необходимых условий для достижения демократических идеалов» (Известия, 23.8.1991; Granma, 19.8.1991). В числе ныне преследуемых и шельмуемых Трубин, как известно, не находится...

Очевидно, истинные дирижеры и ниспровергатели ГКЧП стремились этими акциями спровоцировать лидеров Кубы, Ирака и, вероятно, других независимых стран на открытое осуждение советской политики в мире за истекшие 5—6 лет, на поддежку ГКЧП и, следовательно, подставить эти страны под очерядной удар США и НАТО. Но этот авантюристический маневр не удался (о чем, в частности, свидетельствует «повторное» письмо Горбачева С. Хусейну).

Отмеченные выше и другие «странности» в ходе «внезапного переворота» вынудили, естественно, руководителей КГБ и Министерства обороны лично попытаться прояснить ситуацию у тех, кто дал карт-бланш на создание и функционирование ГКЧП. Поэтому Крючков и Язов направились в Форос, и в тот же час Российское телевидение выпустило в эфир фальшивку: «Самолет с руководителями ГКЧП вылетел в направлении Кыргызстана». Здесь — очевидный намек на возможный переход советско-китайской границы с тем, чтобы представить затем Китай в роли своего рода «дирижера» — вдохновителя путчистов (кроме того, именно киргизский участок советско-китайской границы в сравнении с другими ее участками наименее удален от Москвы).

Вряд ли лидеры ГКЧП, если этот комитет действовал без «крымской» санкции, отправились бы без надлежащей охраны в Форос и впоследствии позволили бы себя арестовать без каких-либо эксцессов. Хотя впечатляющих небылиц о захвате Крючкова и Язова «ребятами Руцкого» хватает с избытком.

Рецидивы случившегося общеизвестны. Отметим лишь главные из них. Во-первых, уже 23—25 августа Прибалтийские республики объявили о полной независимости, и российское руководство узурпировав общесоюзные прерогативы с согласия «задним числом» «вызволенного из неволи» Горбачева, признало отделение Прибалтики де-юре и де-факто. На очереди — Грузия (лидеры которой громогласно ныне заявляют о поддержке «путчистов» со стороны «так называемой Юго-Осетии» и Абхазии) Армения, Азербайджан, Молдова и, возможно, другие республики.

Во-вторых, российское руководство захватило все общесоюзные, в том числе правоохранительные структуры. Это вызывает растущие опасения среди других республик, участвующих в ново-огаревских раундах. Их лидеры на встрече с Горбачевым (24.8) однозначно высказались против узурпации Союза «демороссами», резонно опасаясь диктатуры последних.

В-третьих, на Западе Горбачева обоснованно именуют «политическим заложником» Ельцина, который фактически руководит государством. Обратной стороной «победы демократов» зарубежные политологи считают политическое бесправие Горбачева в современных условиях на фоне лидерства и «демократического» экстремизма Ельцина и иже с ним. Касаясь событий в Москве 19—22 августа с. г., Би-би-си (25.8) четко подчеркнула: «Своим лидерством в стране и авторитетом в мире Ельцин... обязан блестящей комбинации Горбачева» (?! — А. Б.). Этот вывод не нуждается в комментариях.

Обращает на себя внимание и то, что главный «идеолог путчистов» В. Крючков в интервью Си-би-эс (22.8) косвенно дал понять об обмане, подготовленном в Форосе в союзе с хозяевами Белого дома России, о чем руководители ГКЧП не знали до 21 августа. Он, в частности, отметил: «Если бы я мог вернуться по времени на 5—6 дней назад, я бы избрал совершенно иной курс действий с тем, чтобы не сидеть сейчас под арестом... но выбрал бы тот же путь, если бы мне пришлось принимать решение сейчас» (Известия, 23.8.1991). Сказанное Крючковым тоже не требует комментариев. Павлов же вообще считает, что «весьма странным является сам факт образования ГКЧП». Кроме того, бывший Предсовмина СССР заявляет: «До сих пор не могу понять, зачем в Москву, в том числе к Белому дому, были направлены танки» (?!).

Дальше — калейдоскоп событий, приведших после «громкого разгрома» ГКЧП к вакханалии антикоммунизма и общегосударственного хулиганства.

Таким образом, советский вариант маоистской «культурной революции» («Огонь по штабам!») был осуществлен быстро, целенаправленно и политически эффективно. Но нет ничего тайного, что не стало бы явным. Этого, видимо, не учли вдохновители и организаторы общегосударственной провокации, вполне достойной перестроя.

Последствия происшедшего, его суть будут и уже изучаются политологами, журналистами в нашей стране и за рубежом. И многие эксперты приходят к выводу, что «Крючкова, Язова и Пуго в очередной раз «подвела» их партийная, идеологическая порядочность, но на этот раз — окончательно» (Новая Россия, Монтевидео, 25.8.1991; Радио Италии, 25.8.1991).

Одно из последствий уже имеет место. Так, А. Яковлев в очередном «концептуальном» заявлении (24.8) отметил, что «мы... пока еще (?! — А. Б.) ядерная держава». Как бы в подтверждение этого «пока» форсируются перепрофилирование или закрытие оборонных предприятий, оборудование многих из них представляется на союзные и республиканские аукционы, разрушается, вывозится в неизвестном направлении.

Разумеется, что разрушение государства не может не сопровождаться широкомасштабной кампанией против патриотических организаций, печатных изданий, против всех, кто понимает главные цели организаторов и исполнителей фарса, именуемого «путчем». Стремление «победителей-демократов» расправиться с теми, кто понимает, что стоит за ново-огаревской эйфорией, всегда составляло стержень псевдодемократической теории и практики как до, так и после 21 августа. Фактически ныне развернутая по всей стране «охота на ведьм» — антипатриотический шабаш — ведет, по сути дела, к гражданской войне, в эксцессах которой триумфаторы надеются устранить все оппозиционные им силы.

Умело организованный «внезапный переворот», напоминающий нам о провокационном поджоге рейхстага (1933 г.), явился предтечей подлинного переворота в стране, нацеленного на ускорение ее развала, экономического и политического подчинения бывших «союзных» регионов интересам транснационалов, США и НАТО.

Что же дальше? Что ждет народы страны после августа 1991-го? Ясно одно: в недавних событиях сплелись воедино не только триумф лжецов от демократии, трагедия всех поверивших им и в возможность возрождения нашей державы при «руководящем» участии этих лицедеев, но также и фарс, цинично разыгранный ныне властями предержащими и «обкатанный» послушной им пропагандой.

Ю. Фучик перед казнью в фашистском застенке призвал народы: «Люди — будьте бдительны!» И эти слова особенно актуальны сегодня.

Артур БАГИРОВ

Форосское сидение, или Размышления об августовских событиях

Итак, неизбежное случилось — в СССР была предпринята попытка государственного переворота, организованная группой высокопоставленных коммунистов. Объективным условием переворота, несомненно, послужила перманентно усугубляющаяся кризисная ситуация в стране: инфляция власти, резкое падение жизненного уровня населения, расцвет спекуляции и теневой экономики, разгул преступности и беззакония, непрекращающиеся кровавые межнациональные конфликты, вероятность распада государства...

Интересно отметить, что современные события удивительно напоминают положение в России летом 1917 года. И тогда, и сейчас мы видим почти идентичных политических персонажей: безвольный и болтливый Керенский (сиречь Горбачев), целеустремленно рвущийся к абсолютной власти Ленин (сиречь Ельцин) и противостоящий им генерал Корнилов (сиречь ГКЧП в целом). При всей условности исторических параллелей (тем более, что ГКЧП не годится и в подметки великому русскому патриоту Л. Г. Корнилову) между событиями августа 1917 года и августа 1991 года можно увидеть много общих черт. Как известно, корниловское наступление было, в прямом смысле этого слова, спровоцировано Керенским. И именно эта «великая провокация» Керенского позволила в конце концов захватить власть Ленину и К° со всеми вытекающими отсюда последствиями...

Вопрос о ПРОВОКАЦИИ невольно возникает и при анализе последних событий в Москве. Создается впечатление, что кое-кому этот неудавшийся опереточный путч был очень нужен. Вообще слухи о возможном перевороте уже давно будоражили общество. Объективные условия для этого также имелись. Понятно, что в случае успеха переворота «архитекторы и прорабы перестройки» могли навсегда лишиться власти над страной... А это их, естественно, никак не устраивало.

И мы предлагаем следующую версию развития событий. «Вольные каменщики» перестройки, опасаясь настоящего путча, решили спровоцировать своих оппонентов на неподготовленное и технически необеспеченное преждевременное выступление: так в горных районах искусственно вызывают сход небольших снежных лавин, дабы не допустить образования всесокрушающего селя. Очевидно, в окружении «политруков» из будущего ГКЧП действовало немало двойных агентов, которые, с одной стороны, упорно подталкивали их на путч, ложно утверждая, что для его успеха якобы все готово, а с другой стороны — сообщали всю информацию о планах путчистов своим настоящим хозяевам. И для этих хозяев авантюристическое выступление дезинформированного ГКЧП неожиданностью но было: они все заранее знали, своевременно подготовили контрмеры, и события стали развиваться по сценарию. Говоря словами, сказанными в 1917 году в подобной ситуации Ильичем, «эта... революция была, если позволительно так метафорически выразиться, «разыграна» точно после десятка главных и второстепенных репетиций; «актеры» знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия».

Может возникнуть резонный вопрос: а где доказательства того, что пресловутый путч был на самом деле всего лишь скверной опереткой?

На наш взгляд, имеются следующие такие доказательства:

1. Путчисты не стали проводить операцию по аресту Президента, хотя, по опыту истории, любой государственный переворот без подобной операции теряет свой смысл и заранее обречен на неудачу.

2. Не были изолированы все главные «отцы русской демократии», которые получили возможность легально организовать и возглавить антипутчистские выступления. Уже после провала попытки переворота небезызвестный А. Яковлев хвастливо заявил по телевидению, что во время путча он получал необходимую информацию о деятельности ГКЧП непосредственно от «своих людей» в Кремле. Он же назвал «лопухами» прежнее руководство КГБ, которое, по его словам, и не подозревало, что Яковлев уже давно имеет свою агентуру в этой организации.

3. В Москве и других районах действия чрезвычайного положения не была отключена междугородняя и международная телефонная, телеграфная, телефаксная связь. В результате противники путчистов легко могли координировать свою деятельность, в том числе и в международном масштабе. Например, тот же Яковлев вел телефонные переговоры с французским президентом.

4. Своевременно не были взяты под полный контроль радио и телевидение (радиостанция «Эхо Москвы», Российская телерадиокомпания), которые незамедлительно стали передавать в эфир на всю страну распоряжения руководства противников ГКЧП. Потеря же монополии на информацию всегда приводила к плачевным последствиям для организаторов государственных переворотов.

5. И самое главное: ГКЧП заявил о взятии власти 19 августа в 6 часов утра по московскому времени, Ельцин же со своими приближенными объявился в так называемом «Белом доме» (как ныне на американский манер рабски именуют здание ВС РСФСР) лишь в 10 часов утра, то есть у путчистов было целых четыре часа, чтобы без особых проблем занять «Белый дом» и тем самым не допустить возможности создания параллельного

центра власти, враждебного ГКЧП. Однако этого сделано не было, что в конечном итоге и привело к поражению путчистов.

Как видим: все вышесказанное убедительно свидетельствует в пользу нашей версии о том, что непосредственные организаторы путча из ГКЧП оказались невольным и слепым орудием тех самых сил, с которыми они якобы собирались бороться. Невидимые руки опытных кукловодов дернули за веревочки, марионетки некоторое время подергались, а затем, к вящему удовольствию уважаемой публики, балаганное представление закончилось: finita la comedia! Так трагедия обернулась фарсом...

Наибольший политический капитал на неудавшемся путче нажил Б. Ельцин. Ныне он становится политической фигурой № 1 и постепенно оттесняет на задний план Горбачева. Не исключено, что уже в ближайшем будущем памятники американским утятам и прочей живности в Москве будет открывать не Раиса Максимовна, а Наина Иосифовна Гирина (Ельцина)... Впрочем, Горбачев тоже не остался внакладе и, судя по всему, после заката своей политической карьеры в качестве Президента СССР вполне может получить от благодарного Запада какой-нибудь престижный пост в ООН или же в любой другой зависимой от западного капитала международной организации. Как провозглашалось в программе КПСС: «От каждого — по способностям, каждому — по труду!»

Последние события в Москве вновь придвинули к рулю власти одиознейших представителей брежневско-андроповской номенклатуры: А. Вольского, Э. Шеварднадзе, А. Яковлева и К°. Эти столпы коммунистического тоталитаризма никогда не имели и не имеют ничего общего с подлинной демократией.

Так что не будем тешить себя иллюзиями насчет торжества подлинной демократии в свете последних событий в стране. Тем более, что у Ельцина все явственнее проглядываются диктаторские замашки. Он шаг за шагом сосредоточивает в своих руках все более неограниченную власть. И народу следует проявлять постоянную бдительность, чтобы не стать жертвой новой диктатуры, жестокой и беспощадной.

Приведет ли ликвидация последствий неудавшегося путча к стабилизации обстановки в стране? Думается, что нет. Негативные процессы в экономике и социальной жизни продолжают неуклонно нарастать. Ситуация еще более обострится, когда в Россию хлынет многомиллионный поток русских беженцев из других республик, не желающих быть там на положении людей «второго сорта». Ельцин сам подложил под себя эту бомбу, поспешив заключить сепаратные договоры с прибалтийскими и другими антирусскими шовинистами. «Парад суверенитетов», несомненно, до предела обострит межнациональные отношения и внутри РСФСР.

Свалить ответственность за ухудшение жизни населения на Сталина и Брежнева «демократам» уже не удастся: что заварили, то и будут расхлебывать!

В этих сложных условиях особенно трагичной представляется судьба русского народа — главной жертвы коммунистического тоталитаризма. Ныне русские — самый бедный, обездоленный и разобщенный народ в стране. «Демократы», правящие бал в Кремле, вкупе с транснациональными центрами власти, как и прежде, жаждут бросить миллионы русских людей в топку новых «великих потрясений». Ибо крушение Великой России — это их единственный шанс захватить власть над всем миром. Долг истинных патриотов состоит в том, чтобы не позволить темным силам обмануть народ еще раз.

— Мы верим, что победим! Как пророчески сказал вождь Освободительного Белого Движения сподвижник Л. Г. Корнилова генерал А. И. Деникин: «За рубежом Русской земли стучат уже заступами могильщики и скалят зубы шакалы в ожидании ее кончины. Не дождутся! Из крови, грязи и нищеты встанет Русский народ в силе и разуме».

Сергей НАУМОВ,
историк

г. Магадан

ПО СТРАНИЦАМ РАБОЧИХ ГАЗЕТ

Августовский путч: короли или шестерки провокации

События 19—21 августа. В них еще предстоит разобраться и судьям, и историкам. Путч был настолько странным, что возникает сомнение: действительно ли был путч или только его инсценировка. О загадках путча говорят все. Даже нынешний министр обороны СССР Евгений Шапошников в своем интервью «Независимой газете» отметил: «А загадки есть... Честно говоря, я тоже не все понимаю. Одна из самых темных страниц века, я так скажу...» (11 сент. 1991 г.). «То, что произошло здесь, — это цирк шапито!» — определил путч известный писатель Александр Проханов («Комс. правда», 3 сент. 1991 г.). Наивно было бы ждать, что официальное расследование раскроет нам загадки путча. «Похоже, в этом деле социальный заказ очевиден! — заявили адвокаты А. Лукьянова, увидев, как ведется следствие. — Надежды на торжество демократии мало» («Лит. газета», 11 сент. 1991 г.). Вот почему коллективы редакций газет «Молния» и «Что делать?» решили провести по горячим следам независимое расследование загадок путча. Результаты его мы и представляем на суд читателей. Естественно, первый вопрос, который мы поставили, это:

КОМУ ВЫГОДНО!

На первый взгляд путч был нужен консерваторам, чтобы удержать уходящую власть. Видимо, из этой версии и будет исходить официальное расследование обстоятельств путча. Большинство же независимых исследователей, ознакомившись с фактической стороной дела, приходят к выводу, что это была провокация, подобная поджогу рейхстага, направленная против сил, выступающих за единое союзное государство и социалистический выбор народа. Наиболее четко эту версию выразил народный депутат СССР Л. И. Сухов, выступая 26 августа на сессии Верховного Совета СССР: «То, что сверху кажется переворотом, мне изнутри кажется несколько другим. Это был сговор против нашего социалистического строя, сговор Президента и кучки авантюристов».

Зачем, спрашивается, Президенту идти на такой сговор, он и так обладает всей полнотой власти. Увы, власть его давно пошатнулась и буквально ускользала из рук. Первыми повели на него атаку «демократы». Еще в январе этого года народный депутат РСФСР, предком Верховного Совета по гласности и средствам массовой информации Ю. М. Лучинский заявил: «Горбачев, человек, который пользуется у большинства народа презрением и ненавистью, что подтверждают социологические исследования нашего комитета, не может больше править, не опираясь на силы КГБ, МВД и армии. Потеряв такую опору, этот человек уйдет со своего поста и предстанет перед нашим судом, ибо многие из его деяний предусмотрены Уголовным кодексом» (Цит. по: «Сов. Россия», 9 января 1991 г.). В феврале на митингах «демократов» центральным лозунгом было требование отставки Горбачева. Тогда же и Б. Ельцин потребовал немедленной отставки Горбачева, обвинив его в «обмане народа» и проведении «антинародной политики», которая за шесть перестроечных лет привела к крови в межнациональных отношениях, краху в экономике, низкому уровню жизни людей. Потом, однако, после посещения Б. Ельциным Соединенных Штатов, «демократы» сменили гнев на милость и прекратили нападки на Горбачева.

Но тут началась атака на Горбачева со стороны консерваторов. В КПСС стало развиваться движение за снятие его с поста Генерального секретаря и исключение из партии. Большевистская платформа в КПСС, Инициативное движение коммунистов, Марксистская платформа в КПСС публично отвергли проект новой Программы КПСС, подготовленный Горбачевым и его советниками, как проект ликвидации партии ленинского типа. Накануне июльского Пленума ЦК КПСС 30 областных партийных организаций выступили за смещение Горбачвва с поста Генерального секретаря ЦК КПСС. На предстоящем XXIX съезде КПСС он неизбежно был бы смещен.

Резко выступило против Горбачева и нарождающееся рабочее движение. На съезде рабочих и крестьян Удмуртии, например, была принята резолюция, в которой говорилось: «Мы решительно осуждаем политику Президента страны М. С. Горбачева, приведшую к развалу страны, партии и экономики, отвергаем его «новое политическое мышление» и новый Союзный договор и требуем его незамедлительной отставки и привлечения к ответственности за государственную измену» («Удмуртская правда», 21 августа 1991 г.).

Что касается Союзного договора, то хотя вся центральная пресса, радио, телевидение дулись от натуги, пытаясь убедить общественное мнение в том, что подписание Союзного договора по формуле «9+1» — достижение политики Горбачева, многие народные депутаты публично называли ново-огаревские встречи руководителей союзных республик «посиделками», «сговором» и указывали, что судьбу СССР согласно действующей Конституции полномочен определить только Съезд народных депутатов СССР, что претензии руководителей республик и Президента на право личной подписью решить такой вопрос являются антиконституционными.

Наконец, рушилась поддержка Горбачева со стороны армии и МВД. Это стало очевидно после того, как первый заместитель министра обороны СССР, комендующий Сухопутными войсками

страны В. Варенников и заместитель министра внутренних дел Б. Громов подписали «Слово к народу», в котором содержалась угроза «лукавым и велеречивым властителям».

Следовательно, Горбачев к августу месяцу обладал лишь видимостью власти, и та должна была вот-вот иссякнуть. Предстоящий XXIX съезд КПСС положил бы конец его власти в партии, а Съезд народных депутатов СССР в декабре месяце лишил бы и должности Президента. Поэтому консервативные силы не нуждались в каком-то перевороте или путче, чтобы устранить Горбачева. Его финал был предопределен естественным ходом развития событий.

Отставка Горбачева тут же подорвала бы позиции Ельцина и всего российского правительства. Не имея контроля над армией и органами правопорядка, оно было бы легко сметено. Это прекрасно понимали в окружении Ельцина и искали пути, как подпереть падающего Горбачева. Не исключено, что между Ельциным и Горбачевым возникла тайная договоренность о совместных действиях.

Спасти Горбачевв мог только такой поворот событий, который бы поставил его противников в партии, армии и органах правопорядка вне закона. Это можно было сделать, только спровоцировав их на антиконституционное выступление, которое было бы безопасным для Горбачева и в то же время шумным, демонстративным, неэффективным и легко подавляемым. Собственно, весь путч гэкчепистов характеризуется именно такими качествами. Но значит ли это, что за путчем-спектаклем стоял сам Горбачев? Такое утверждение требует серьезных доказательств. Рассмотрим факты, которые уже стали известны.

КАК ЛУКЬЯНОВ БЫЛ ОБЪЯВЛЕН ПРЕСТУПНИКОМ

На встрече Горбачева с народными депутатами РСФСР А. Лукьянов как бы случайно обронил фразу: «Все это с Мишей было согласовано». Когда Горбачеву сказали об этом, а сцена демонстрировалась по телевидению, видно было, что он страшно раздосадован. Отповедь его была нервной и резкой: «Если он так сказал, то он преступник...» Когда арестовали А. Лукьянова, то, по словам его дочери Елены, на него было оказано грубое психологическое давление и было заявлено: «Будущее Анатолия Ивановича зависит от того, какие показания он будет давать... Такая вот фраза». («Лит. газета», 11 сент. 1991 г., с. 2). Отрадно, однако, что отец твердо пообещал дочери, что «никогда не покончит с собой». Сейчас Лукьянов болен и переведен в тюремную клинику... Будем надеяться на лучшее.

Но все-таки вопрос остается открытым. Что и в какой мере было заговорщиками согласовано с Горбачевым?

На пресс-конференции Горбачева после его возвращения из Фороса он сказал, что заговорщики предложили ему принять участие в перевороте в воскресенье, 18 августа. Это заявление вызывает недоумение. Против кого в таком случае был направлен заговор, кого заговорщики хотели отстранить от власти? Зачем Президенту какой-то заговор, если у него достаточно полномочий, чтобы навести порядок в стране?

Более логично выглядит утверждвние Янаева, который суть пере-

говоров в Форосе изложил так: «Группа руководителей попросила Президента навести порядок. На что он ответил: «У меня есть заместитель Янаев, пусть он и наводит порядок» («Коммерсант», № 34, 1991 г.). Возможно, что Горбачев сказал Янаеву так: «Вы хотите наведения порядка. Пожалуйста, но возьмите инициативу на себя. Я сейчас в отпуске. Чтобы не было вопросов, можете заявить, что я болен».

При анализе действий Янаева создается впечатление, что происходящее он воспринимает не как заговор, а как выполнение указаний Президента. Он не понимает, во что влип. По мнению многих, кто знает Янаева, он всегда избегал риска и по складу своего характера не способен не то что возглавить заговор, но даже войти в число заговорщиков. Он, видимо, просто не представлял, что его действия вдруг будут объявлены заговором. Его подставили.

Характерно, что большинство членов ГКЧП не воспринимают свое участие в нем как участие в заговоре и отказываются признать себя виновными. А может быть, действительно с их стороны никакого заговора и не было, а сами они стали жертвами хитроумного замысла?

Ответ на этот вопрос, возможно, мог бы дать министр внутренних дел Пуго. Доподлинно известно, как сообщила «Независимая газета» (27 авг. 1991 г.), что в пятницу 16 августа в Форосе он встречался с Горбачевым. О чем они говорили — неизвестно. Возможно, именно для того, чтобы мы никогда не узнали об этом, Пуго и его жена застрелились. Но «застрелились» ли?

Так что же, есть основания полагать, что заговора против Президента не было?

СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ В ФОРОСЕ

Если бы существовал заговор против Президента, то Президент представлял бы для путчистов наибольшую опасность и должен был быть надежно изолирован, так как само его появление могло сорвать планы путчистов.

Но в отношении Президента путчисты ведут себя более чем странно. Они оставляют ему его вооруженную охрану в количестве 32 человек, используя которую он может легко вырваться из блокированной снаружи войсками заговорщиков резиденции. Но оказывается, что никаких войск заговорщиков и никакой наружной блокировки дачи Президента в Форосе не было. Утверждения С. Станкевича, прозвучавшие в дни путча, что дача Президента блокирована с суши севастопольским полком КГБ, а с моря Черноморским флотом, на поверку оказались чистым вымыслом, автор и распространители которого должны были бы нести ответственность.

Во-первых, никакого полка КГБ в Севастополе нет. Во-вторых, как сообщили корреспонденты газеты «Коммерсант», проводившие свое расследование, «местные жители утверждают, что никакой блокады дачи войсками они не видели». Эту информацию подтвердили и пограничники. Замполит спецподразделения пограничников, охраняющего дачу, майор Владимир Дегтярев был удивлен сообщениями о блокировке дачи войсками. Никаких специальных команд 18—21 августа он не получал, дача охранялась как обычно.

Докладывали охране внутри дачи обо всех, кто проехал или находится у дачи. Сведения офицера подтвердил начальник погранзаставы Форос майор Виктор Алымов. По его словам, никаких дополнительных сил во время путча на дачу не вводилось. Не блокировали Горбачева и с моря. 18—21 августа в море у дачи, как и обычно, дежурили два сторожевых катера. По убеждению пограничников, Президента могла держать взаперти только внутренняя охрана. По словам обоих майоров, трудно было подумать, что Президент в плену: 18—21 августа его и членов семьи пограничники видели мирно купавшимися в море («Коммерсант», № 34, 1991 г.).

Вице-президент России Руцкой рассказал, что его отряд, подъезжая 21 августа к президентской даче, готов был вступить в бой и высвободить Горбачева из заточения. Однако никакой стражи они не обнаружили, и единственным, кто их остановил, был местный гаишник, сообщивший им, что они проскочили нужный им поворот.

Таким образом получается, что Горбачев 19—21 августа в Форосе не находился под арестом, был надежно защищен своей охраной, и ему, по сути, ничто не угрожало. Да, но сам Горбачев утверждает, что он был отключен от правительственной связи и поэтому не мог исполнять свои обязанности как Президент. Факты свидетельствуют, что это утверждение не совсем соответствует действительности.

О ЧЕМ УМОЛЧАЛ ГОРБАЧЕВ

Заканчивая свою пресс-конференцию после возвращения из «заточения» в Форосе, Горбачев заявил: «Я ВАМ ВСЕ РАВНО НЕ СКАЗАЛ ВСЕГО, — и вдруг добавил: — И НИКОГДА НЕ СКАЖУ ВСЕГО». Тем не менее он сказал достаточно, чтобы усомниться в его искренности и сделать вывод о том, о чем он умолчал.

Выступая в Верховном Совете РСФСР 23 августа, М. Горбачев сказал, что 17 августа к нему на дачу прибыла команда, призванная разрушить узел связи. «И разрушили!» — воскликнул он, и этот возглас слышали все, кто следил за сессией по экрану телевизора. А лишь несколькими минутами раньше он же, обвиняя гэкачепистов в том, что они изображали его тяжелобольным человеком, неспособным разговаривать, с сарказмом говорил: «А я 18 августа разговаривал по телефону с Ельциным, Назарбаевым, с Янаевым».

Ну, хорошо, может быть, 18 августа у Горбачева еще сохранялась связь. Но 19, 20 и 21 августа он был лишен ее. Так ли это?

Выступая на вечернем заседании сессии Верховного Совета СССР 28 августа, заместитель премьер-министра В. Щербаков, рассказывая о своих сомнениях в законности введения чрезвычайного положения, вдруг в сердцах воскликнул: «Это счастливая случайность, что Михаил Сергеевич Горбачев позвонил мне за 20 минут до конференции» (имелась в виду пресс-конференция гэкачепистов, начавшаяся 19 августа в 17 часов). Следовательно, 19 августа связь у Горбачева с внешним миром была.

Была она, по-видимому, и 20 августа. Во всяком случае, в этот день в «Белом доме» на Краснопресненской набережной произошло событие, которое многих удивило, а охрану из числа российского

КГБ обескуражило: «Молодой корреспондент ленинградской «Смены» Гоша Урушадзе сумел связаться с Горбачевым и переговорить» («Мегаполис-экспресс» № 35, 1991 г., с. 19). Выходит, что М. Горбачев во время путча поддерживал связь с Б. Ельциным. Если это так, то это серьезный довод в пользу существования другого заговора, в котором гэкачеписты играли роль лишь пешек.

Тому, что связь между Горбачевым и Белым домом осуществлялась еще до официального включения правительственной связи, есть еще одно свидетельство: «Как официально заявил Руцкой, он разговаривал с Горбачевым по телефону за несколько часов до того, как в Форосе появились чекисты и включили связь» («Коммерсант» № 34, 1991 г.).

Следовательно, хотя формально правительственная связь была отключена, но реально связь у Горбачева с внешним миром была, и он мог ее поддерживать по своему усмотрению. А раз так, то кто-то помогал ему осуществлять эту связь. Кто-то тайный и могущественный помогал Горбачеву, возможно даже из среды самих заговорщиков. Кто же он?

ТАЙНЫЙ ПРОВОКАТОР

Вот как о введении чрезвычайного положения рассказал на сессии Верховного Совета СССР 28 августа В. И. Щербаков: «После состоявшегося заседания кабинета министров, где много было споров, мы спустились с Павловым в его кабинет, где он мне рассказал: «18 августа я провожаю сына. Сидим, пьем. Вдруг звонит Крючков и говорит, что готовится вооруженный переворот, надо вводить чрезвычайное положение. Горбачев, мол, тяжело болен, инсульт. А по оперативным данным, на улицах уже скапливаются боевики вокруг Кремля, в районе гостиницы «Украина»... Оперативным путем захвачены четыре списка высших должностных лиц, подлежащих уничтожению... Мы поверили. Только спросили, а как Лукьянов, без него ЧП вводить нельзя. Тот ответил, что Лукьянов на Валдае, а время не ждет. Ну и ввели ЧП».

Таким образом, из выступления В. Щербакова просматривается особая роль в провоцировании введения ЧП председателя КГБ СССР В. А. Крючкова.

Но как в число заговорщиков попал министр обороны СССР маршал Язов? Язов всегда выражал преданность Президенту. Он обязан Горбачеву карьерой. Горбачев в свое время снял все вопросы членов Верховного Совета при утверждении Язова на должность министра обороны. Язов не такой человек, чтобы бросаться в авантюру. Академик С. Шаталин, в бытность членом президентского совета, сидевший рядом с Крючковым и Язовым, по этому поводу высказался так: «Ну, Крючков — иуда, это давно было всем понятно, но как Дед-то в эту камарилью вляпался?» («Комс. правда», 27 авг. 1991 г.).

Определенное разъяснение в это внес нынешний министр обороны Евгений Шапошников. В своем интервью «Независимой газете» он рассказывает: «Утром 21-го звонок: в 9 утра прибыть к Язову на коллегию. Он долго и не совсем связно (это на него не похоже) вводил нас в обстановку, негативно отозвался о Павлове и Янаеве — люди, говорит, нехорошие, втянули меня, непонятно, куда они идут, а за мной стоите вы, за вами — солдаты, которые сейчас на танках, это же позор армии» («Независ. газ.», 12 сент. 1991 г.).

Получается, что Крючков втянул Павлова, насочиняв ему байки про боевиков. Павлов и Янаев втянули Язова и армию, объявив чрезвычайное положение. Следовательно, ключевая и исходная фигура заговора — председатель КГБ В. А. Крючков. Его слушались и, по-видимому, на него больше всех полагались заговорщики.

Но если Крючков ключевая фигура, то он должен был понимать, на что идет. Как профессионал, он прекрасно знал, как совершаются перевороты. По крайней мере, внутри КГБ у него должны были бы быть подготовлены люди и средства, чтобы быстро и эффективно осуществить необходимые для успеха переворота меры, и прежде всего связанные с надежной изоляцией Президента и интернированием наиболее опасных противников из окружения Ельцина. Ничего этого сделано не было.

На пресс-конференции Горбачев назвал дату и час начала переворота — 18 августа, 17 часов 40 минут. О введении чрезвычайного положения сообщили по радио в 6 утра 19 августа. Что делали заговорщики эти 12 часов? Ничего! Но, позвольте, если говорить о заговоре всерьез, то в первые же минуты путчистам следовало, видимо, позаботиться не об организации пресс-конференции, а об аресте своих противников.

Как сообщали газеты, Б. Ельцин, Р. Хасбулатов, И. Силаев провели ночь с 18 на 19 августа на даче в Архангельском. Уехали они оттуда в Москву спустя четыре с половиной часа после сообщения о введении ЧП в столице. Российские лидеры не торопились. К полудню на даче появились представители ГКЧП для их задержания. Видимо, Крючков посчитал, что арестовать их в Белом доме будет проще... с помощью группы «Альфа». А скорее всего он и не собирался их задерживать, а лишь изображал усердие.

Спецгруппе «Альфа» КГБ СССР задание на захват Белого дома было дано лишь 19 августа в 19 часов 30 минут, после того, как руководство РСФСР официально объявило членов ГКЧП преступниками, а сам Белый дом был окружен тысячами пикетчиков, что делало его штурм крайне опасным. Приказ последовал только тогда, когда он потерял смысл. Почему?..

Более чем странными представляются действия Крючкова по контролю за спецсвязью. По его указанию отключены якобы все виды связи у М. С. Горбачева. В то же время все виды связи, включая правительственную, исправно работают в Белом доме, облегчая действия противников ГКЧП. Совсем иная картина — у военных. Командующие округами не могут связаться с министром обороны. Так, командующий Приволжско-Уральским округом генерал-полковник А. М. Макашов в течение трех суток не мог связаться с Язовым. Почему были блокированы линии связи, от которых зависит безопасность страны? Неужели она оказалась менее важной, чем стремление изолировать военачальников, выступавших против линии Горбачева. Во время предстоящего суда Крючкову должны быть заданы эти вопросы.

Подобных вопросов — множество. Примитивное мышление, воспитанное изощренной «демократической» прессой, склонно объяснить все нерешительностью и тупостью бывшего председателя КГБ. Между тем «Крючков, — свидетельствует начальник внешней

разведки КГБ Л. Шебаршин, — ни в коем случае не может быть отнесен к разряду глупцов. Он умный, практичный, целеустремленный» («Россия» № 35, 1991 г.). Значит, мы вправе предположить, что умный Крючков сознательно симулировал бестолковость, чтобы провалить путч. Действовал ли он по указанию самого Горбачева?

Сейчас об этом судить окончательно рано. И тем не менее: на чем основывалась уверенность Крючкова, заявившего сразу после ареста, что суд его оправдает? В свете этой уверенности сопоставим тексты двух указов Президента СССР от 22 августа об освобождении от должности В. С. Павлова и В. А. Крючкова.

По В. С. Павлову этот Указ гласит: «В связи с возбуждением Прокуратурой СССР уголовного дела в отношении Павлова В. С. за участие в антиконституционном заговоре Павлов Валентин Сергеевич освобожден от обязанностей премьер-министра СССР».

Указ по Крючкову более лаконичен и не имеет грозной преамбулы: «Крючков Владимир Александрович освобожден от обязанностей председателя Комитета государственной безопасности». И все. Точка. Никакой мотивировки в этом Указе Горбачев не приводит.

О том, что происходило в КГБ в дни путча, написано много. Смысл свидетельств сводится к следующему: никто в КГБ, даже члены коллегии, не подозревали о готовящемся путче и не были привлечены к участию в нем. Три дня на Лубянке пили чай и питались официальной информацией и слухами о происходящем. Оружие сотрудников во время путча находилось в сейфах, и его запретили брать без специального разрешения, которое, впрочем, так и не последовало.

Но если в КГБ три дня сидели без оружия и бездействовали, то армию с ее танками, начиненными полными боекомплектами, ввели в центр девятимиллионного города. Зачем это сделали?

АРМИЮ ХОТЕЛИ ЗАМАРАТЬ КРОВЬЮ

Когда был получен приказ Язова ввести в Москву две дивизии, командование Московского военного округа поинтересовалось у министра: «Зачем, с кем воевать будем? Но объяснений, — свидетельствует начальник штаба округа генерал-лейтенант Л. Золотов, — не последовало... Мы взяли справочники Москвы и стали думать, куда разместить боевую технику» («Лит. газета», 11 сент. 1991 г.). Это напоминает комедию. Фанфан-тюльпан? Заговорщики не имели никаких предварительных планов использования бронетехники. Собственно, она была им и бесполезна для выполнения функциональных задач заговора. Очевидно, ввод танков и БМП, начиненных снарядами, преследовал иную цель. Но какую?

Уже в ходе известных кровавых событий в Вильнюсе и в ходе весеннего Съезда народных депутатов СССР, когда в город вводилась техника, якобы для обеспечения нормальной работы съезда, стало очевидным, что население резко отрицательно реагирует на такой ввод и ничего, кроме подогрева страстей, он не дает. Похоже, что именно для этого она и была введена в августовские дни.

Ввод техники осуществлялся медленно и демонстративно. Выход начали в 7 утра, и продолжалось движение ни много ни мало 12 часов. Танки покорно останавливались у светофоров, пропуская движение, и подчинялись указаниям гаишников. Средняя скорость — 5—6 километров в час. «Если бы я, когда командовал дивизией, — заявил заместитель командующего МВО генерал-лейтенант А. А. Головнев, — выходил с такой скоростью даже на учения, меня бы скинули с должности. Самый бестолковый командир взвода до подобной глупости не додумался бы — средь бела дня на танках, из Алабина и Наро-Фоминска — на Тверскую» («Известия», 9 сент. 1991 г.).

Когда москвичи 19 августа, закончив работу, вышли на улицы и увидели танки, возмущение их было неописуемо. «Ребята, в кого собираетесь стрелять?» — спрашивали они солдат. Те пожимали плечами и смущенно улыбались. «Демократы» начали кампанию по братанию. Пацаны стали залезать на броню, а следом — девочки.

Пронесся слух, что Ельцин в опасности и всем надо идти на защиту Белого дома. Там стала собираться толпа, формироваться отряды защитников и изготовляться бутылки с горючей смесью.

Вечером 19-го последовало распоряжение Язова о введении в Москве комендантского часа. Это распоряжение играло опять-таки провокационную роль, так как реально оно было невыполнимо; по мнению специалистов, для осуществления комендантского часа в Москве требовалось еще несколько дивизий и по меньшей мере двухнедельная подготовка.

Вскоре военные с ужасом обнаружили, что солдат, дежуривших возле мощных «Уралов» с боеприпасами, стоящих неподалеку от Белого дома, спаивают. Комедия в любой момент могла превратиться в трагедию. Случайный выстрел, брошенная бутылка с бензином и.. страшно подумать.

Военные приняли единственно правильное решение: вывести подразделения из центра Москвы и вернуть их в пункты постоянной дислокации. Но не тут-то было. Один батальон 21-го гвардейского полка оказался блокированным у Белого дома. Было договорено с милицией, взявшей на себя роль разводящего, что она пришлет машины и поможет выводу бронетехники. Но милицейские машины так и не появились...

Утром по Москве поползли слухи, что возле Белого дома устроена бойня, «людей наматывают на гусеницы». Видимо, кому-то очень хотелось большой крови. Увы, четыре жизни оборвались.

Когда БМП без милицейского сопровождения въехали в туннель под Калининским проспектом, им оставалась одна дорога — вперед; к Смоленской площади. О том, что впереди баррикады и БМП войдут в соприкосновение с толпой, солдаты не знали и уж никак не ожидали, что в них будут бросать бутылки с зажигательной смесью. Результат известен: трое задавлено, сгорел механик-водитель.

Таким образом, совершенно очевидно, что у военных, введенных в Москву, никаких конкретных планов и задач «на подавление» не было. Их просто подставили, использовали в качестве декораций путча-спектакля для разжигания страстей. Но вот у военных, защищавших Белый дом, как оказывается, план действий был.

ПЛАН «ИКС»

Генерал К. Кобец, возглавивший защиту Белого дома, отрапортовал: «У меня в сейфе утром 19-го уже лежал отработанный план

противодействия путчистам. Он назывался план «ИКС»... Мы заранее определили, какое предприятие что должно нам выделить: где взять железобетонные плиты, где металл и т. д.» («Московский комсомолец», 31 авг. 1991 г.).

Обратите внимание. В КГБ никто ничего не знает. В Министерстве обороны тоже. А тут 19-го утром готов ОТРАБОТАННЫЙ план действий. Кто же тогда подлинные заговорщики? Интересно, кто, где и когда отрабатывал этот план. Может быть, в Тбилиси и Вильнюсе?

Тот факт, что генерал Кобец имел утром 19-го отработанный план действий, в совокупности с тем фактом, что между Горбачевым и Белым домом в дни путча была телефонная связь, свидетельствует о том, что пресловутый ГКЧП был лишь ширмой, за которой осуществлялся подлинный заговор, направленный на коренное изменение общественного строя в СССР и его развал. Этот заговор, судя по всему, удался. Интересно, кем, где и когда был разработан весь план и как он назывался! Вопрос для знатоков.

Цель вовлечения в августовские события ясна. О ней откровенно заявил А. Н. Яковлев 22 августа на митинге у Белого дома: «Сегодня же сотни генералов должны уйти в отставку». Вот, собственно, чему служила декорация из бронетанковой техники на улицах Москвы. Нужно было опорочить и обезглавить армию, вымарав ее в крови народа.

ВПЕРЕДИ БУНТ

Итог печален.

Как путч восьмерки, так и контрпутч «демократов» — верхушечные перевороты, не способные улучшить жизнь народа, доведенного до нищеты и общенационального позора. **Политика разрушения страны, активно начатая Горбачевым, продолжается.** Августовские события напоминают тасовку старой колоды. Короли и шестерки все те же: Горбачев и Ельцин, Яковлев и Шеварднадзе, Попов и Собчак, Бунич и Богомолов, Коротич и Афанасьев... Лица из той же колоды, которая была распечатана еще Никитой Хрущевым и тасовалась Брежневым. Произошла очередная тасовка. Не появилось и новых идей. По-прежнему твердят о необходимости разрушать, разгонять, сбрасывать, а главное — продавать, предавать и продаваться.

«Сейчас сметены все завалы, стоящие на нашем пути», — уверенно заявил М. С. Горбачев 27 августа, выступая в Верховном Совете СССР. Что это за путь, уже все поняли: путь реставрации капитализма, превращения еще недавно великой страны в колонию. На этом пути народ ждут дальнейшее обнищание и унижение.

Но пробуждение народа неизбежно. Впереди возможен всенародный бунт. И, памятуя слова великого Пушкина, скажем: «Не приведи Бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный».

В. АНПИЛОВ,
В. ЯКУШЕВ,
И. ЭБЕРСВАЛЬДЕ

Газеты: «Молния» № 24, 1991 г.,
«Что делать?» № 11, 1991 г.

ЦРУ знало о путче

Эта записка была подана в секретариат внеочередного V Съезда народных депутатов СССР.

Спустя 10 дней после событий 19—21 августа 1991 года (так называемого путча) из тех данных, которые стали достоянием гласности, начинает проясняться, что это была провокация мирового масштаба, трагикомедия, в которой все главные действующие лица сыграли свои роли без экспромта. Эта провокация напоминает поджог рейхстага, захват Гляйвицкой радиостанции, только значительно масштабнее, с более далекими последствиями.

Путч 19—21 августа 1991 года в Советском Союзе направлен на ускорение распада СССР, возникновение междоусобных войн между регионами, под прикрытием которых будут пересмотрены итоги второй мировой войны, решения Тегеранской, Ялтинской, Потсдамской и Сан-Францисской конференций. Будут аннулированы договоры, заключенные Россией и в предыдущие столетия, предъявлены территориальные претензии. Не видеть этого — значит быть абсолютно слепым политиком. Видеть все это и не принимать мер по предотвращению распада унитарного государства — значит желать смерти своему народу.

Однако Верховный Совет СССР на протяжении недели занимался разбором абсолютно второстепенных вопросов, выяснял, кто, где и чем был занят эти три дня.

Международные нити этого путча вообще не трогались. Сообщение газеты «Известия» от 28.08.91 г. о том, что Центральное разведывательное управление США 17 августа 1991 года представило государственным деятелям США доклад о том, что путч готов, Верховный Совет СССР «не заметил». Однако должен был встать вопрос: поставил президент США Буш М. С. Горбачева об этом в известность или нет? Если нет, тогда это означает, что на М. С. Горбачева США не ориентируются. Тогда на кого ориентируются? И кого поставили в известность? Совершенно не ясна роль МИД СССР. Если министром назначен человек, занимавший пост всего лишь посла в Чехо-Словакии, то всем остальным высшим работникам МИДа выражено недоверие. Если учесть, что дипломаты — народ многоопытный, то они не могли допустить столь грубой ошибки. Однако их показания не заслушаны в Верховном Совете СССР. Есть очень много и других темных пятен в этом «театре абсурда», как назвали происшедшее «Известия».

Последний шанс узнать правду — провести слушания этого дела на закрытых заседаниях Съезда народных депутатов и временных комиссиях Съезда. Для многих участников этих событий как с одной, так и с другой стороны и в конечном счете для всего народа — это шанс остаться в живых.

На основании изложенного и в соответствии со статьей 13 регламента Съезда народных депутатов СССР вносим в повестку дня и порядок работы Съезда следующие предложения:

1. Начать работу Съезда народных депутатов СССР слушанием высших должностных лиц СССР (работавших по состоянию на 17 августа 1991 года в этих должностях — по 20 минут каждого)

об их информированности и действиях «до, в период и после» так называемого путча.

2. В соответствии со статьями 108, 119, 125, 165 Конституции СССР к слушаниям на закрытом заседании Съезда народных депутатов СССР с принесением клятвы на Конституции СССР «говорить правду и только правду» привлечь:

— Президента СССР,
— вице-президента СССР,
— Председателя Верховного Совета СССР,
— председателей палат Верховного Совета СССР,
— премьер-министра СССР,
— председателя Комитета конституционного надзора СССР,
— прокурора СССР,
— министра иностранных дел СССР,
— министра обороны СССР,
— председателя Комитета государственной безопасности СССР,
— руководителей всесоюзных общестаенно-политических и общественных организаций и партий, обвиненных в участии в путче.

3. В соответствии со статьей 40 регламента Съезда народных депутатов СССР образовать 10 временных комиссий Съезда народных депутатов СССР для слушания (после слушания высших должностных лиц СССР) заместителей премьер-министра СССР, членов Комитета конституционного надзора СССР, заместителей Генерального прокурора СССР, заместителей министра иностранных дел СССР, заместителей министра обороны СССР, заместителей министра внутренних дел СССР, заместителей председателя Комитета государственной безопасности СССР; в соответствии со статьями 34, 35 Закона СССР о статусе народного депутата СССР — народных депутатов СССР, которых задержали органы прокуратуры на территории СССР в границах 1989 года, и тех депутатов, которые изъявят желание дать устные или письменные показания по данным событиям.

4. Стенограммы слушаний на Съезде народных депутатов СССР и во временных комиссиях выдать народным депутатам СССР не позднее 16 часов 3 сентября 1991 года, чтобы каждый депутат имел возможность проанализировать и составить свое мнение к моменту принятия решений.

Провокация, целью которой ставилось свержение существующего общественного и государственного строя, ликвидация государства, пересмотр итогов второй мировой войны, закрепленных в международных договорах, нарушение статус-кво во всем мире, должна быть тщательно исследована и выявлены все силы, действовавшие как умышленно, так и в силу своей некомпетентности.

Народные депутаты СССР:
Т. Г. АВАЛИАНИ, ТО № 193.
Н. А. БАШЕВ, ТО № 189.
Н. К. ЕРМИЛОВ, ТО № 196.
А. Г. ЧЕРНЫХ, ТО № 191.

Вручена члену секретариата съезда тов. Решетникову А. В. 2 сентября 1991 г. в 8 час. 50 мин.

Газета «Кузбасс» № 191 от 24.09.1991 г.

Что ждет путчистов?

Корреспондент газеты «Аргументы и факты» П. Лукьяненко беседует на эту тему с бывшим старшим следователем по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР, народным депутатом СССР и Республики Армении Т. Гдляном.

— Для Горбачева было бы естественнее вообще остаться в стороне от следствия по ГКЧП: нарушены его конституционные права, следствие разберется и суд восстановит справедливость. Но Горбачев создает свою, президентскую, комиссию. Напрашивается вывод в прямой заинтересованности Президента СССР: его контроль за следствием позволяет ему держать все нити в руках, просеивать информацию и в нужный момент заставить замолчать неудобных свидетелей.

— А если это всего лишь ваши домыслы и Горбачев создал комиссию лишь с одной целью: не оказаться заложником выводов той же союзной прокуратуры, которая фактически присягнула на верность гэкачепистам в первый день переворота!

— Тогда объясните, зачем понадобилось подсаживать в камеру к одному из восьми самых высокопоставленных путчистов агента-уголовника с заданием: во что бы то ни стало уговорить этого путчиста повеситься, так как «расстрела все равно не избежать»?

Как профессионал, я понимаю кое-какой толк в этих делах. У мафиозных групп непреложное правило: лучший свидетель — это мертвый свидетель. Так вот, по делу о коррупции, которым я занимался, некоторые из наиболее информированных взяточников были доведены до самоубийства еще до ареста. Как это происходило?

К примеру, получаем мы санкцию на арест министра МВД Узбекистана Эргашева, выезжаем. А по прибытии на место следует команда из ЦК КПСС и прокуратуры: «Подождите с реализацией». Проходит неделя. За это время засекаем два звонка Эргашеву из ЦК: «Гдлян приехал с санкцией на арест, времени не осталось, надо принять мужественное решение. О семье позаботимся». Эргашев в ночь накануне ареста собирает своих близких, прощается, а в 7 утра у калитки своего дома пускает пулю в висок. Вот такая у них метода, кстати, великолепно сработавшая сейчас на Пуго (знавшем, пожалуй, слишком много), Ахромееве (никогда не поверю, чтобы боевой офицер, тем более маршал, повесился...) и «выбросившемся» из окна Кручине (этот знал тайну «черной партийной кассы», в том числе партийные счета в швейцарских банках).

Когда парламент страны дал согласие на привлечение к уголовной ответственности и арест Лукьянова и когда Анатолия Ивановиче в течение нескольких дней не брали под стражу (он продолжал находиться в своем кремлевском кабинете), мне сразу все стало ясно. Тогда же в парламенте я заявил, что Лукьянова хотят довести до «мужественного решения»: какова бы ни была у него выдержка, в такой ситуации у любого могут сдать нервы. Почему так поступили в отношении Лукьянова? Да он, если захочет, расскажет такое, что окажется пострашнее любого путча.

— Но Лукьянов, в отличие от Пуго, Кручины и Ахромеева, не внял «заботливому голосу», как, по-видимому, и другие гэкачеписты. Будет ли что-то предпринято против них дальше!

— В следственном изоляторе человек «икс» передаст тому или иному обвиняемому или всем вместе сигнал о том, чтобы они держались до конца, хранили молчание, обещая взамен решить их судьбу с наименьшими потерями. Люди в таком положении обычно легковерны, и гэкачеписты, возможно, будут отмалчиваться на суде, до конца надеясь на человека «икс». А Верховный суд вынесет... смертный приговор, который пару дней спустя приведут в исполнение.

Поэтому Анатолий Иванович при всем своем уме, хитрости и коварстве не понял, что происходило в тот день в парламенте СССР, когда ему было дано слово. Вместо того чтобы сказать все, он решил перехитрить сам себя и оставил последний патрон в кармане. Но человек «икс» может выкрасть этот патрон и пустить в Лукьянова.

— Вы считаете, что все обвиняемые будут расстреляны?

— Большая их часть.

— По-вашему, они не заслуживают этого?

— Понимаете, их расстреляют не за то, что они сделали, а за то, что слишком много знают. А это, согласитесь, разные вещи.

— И где же выход?

— На суде сказать все честно, как было. Поднимется шум, и это будет гарантией сохранения жизни многим из гэкачепистов.

«Аргументы и факты» № 39, 1991 г.

Очерк и публицистика

СТУКАЧИ В ЗАКОНЕ

Известно, что русофобам всегда были органичесии присущи политичесиая клевета, лживое доносительство. Или иак народ метно окрестил этот вид деятельности — стукачество. И чем сложнее, напряженнее силадывалась обстановка в обществе, тем большую активность проявляли эти стукачи. Тан было в первые десятилетия после Оитябрьского переворота, особенно во второй половине 30-х годов. И летели, летели головы...

Сложнейшая политическая обстановка сложилась в советском обществе и ныне лосле августовсиих событий. И иаи же лихорадочно засуетились наши русофобы, иаиую они развили стуиаческую деятельность в надежде, что «победители-демонраты» развернут суровые репрессии! И начали их и этому отировенно подталкивать в вожделении новых потоков человечесной нрови. Известный, нан его прозвал народ, «минер на поле плюрализма», а по совместительству — «поэтище» Евтушеиио сумел даже науськать мосиовсиую мэрию иа Союз писателей РСФСР, и сей «демонратичвсний» орган предпринял попытиу ликвидировать, уничтожить эту творческую многонациональную организацию российсних писателей, арестовать помещение союза вместе с его сотрудниками.

Сей «минер», «поэтище» и «демонратище», называющий правление Союза писателей РСФСР за его патриотичесиую позицию фашистским, сам-то кто? Он попробовал было приватизировать сданную ему в арвнду дачу Союза писателей СССР в поселке Переделиино, а иогда это не удалось, решил мвтодом гитлеровсиих штурмовиков захватить весь СП СССР. Явившись с группой захвата в правление СП СССР, сей «демократище» и н тому же еще и «депутатище» просто вышвырнул вон сотрудииов правлення и сам себя назначил Главным Начальниoм всех советских писателей (сокращенно — Главначписом). И теперь-то уже роскошная переделиинсная дача будет его личной собственностью! Ибо принять теперь решение об этом Главначпису Евтушенко — раз плюнуть.

Таи нынешние «демонраты» добиваются своих мернантильных целей. О накой-то совестливости, нравственности, самой элементарной порядочности у них нег и речи.

Впрочем, самым модным ныне у русофобов является даже не фашистсний ярлык, а обвинения яиобы в идеологичесном обеспечении августовского путча. Ибо этот прием, иаи полагают нынешние стуиачи, сейчас более действенный, ои-де может нынче дать быстрый результат. И настойчиво об этом стучат, стучат, стучат в своих органах печати.

Сиандально известный газетчин Александр БОВИН:

«Ведь это же факт, что такие издания, наи «Советснвя Россия», «День», «Молодая гвардия», всем своим содержанием идейно, психологичесни готовили переворот... ТАК ЧТО ЖЕ, МЫ ТАК И ПРОГЛОТИМ ВСЕ ЭТО?» («Известия», 24.8.91 г.).

Некий Эдмунд ИОДКОВСКИЙ:

«Литераторское участие в теоретичесиой подготовие путча несомненно... А. Проханов, Ю. Бондарев и прочие сочинили «Слово к народу»... Кунлев и Белов определенно заявили на пленуме Союза писателей СССР, что готовы и сегодня, задним числом, подписать «Слово»... РАЗЛИЧИТЬ БЫ ТУ НЕВИДИМУЮ ГРАНЬ, ГДЕ ЛИТЕРАТОР ПЕРЕСТАЕТ БЫТЬ ТАКОВЫМ И СТАНОВИТСЯ ПОСОБНИКОМ ТЯГЧАЙШЕГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРЕСТУПЛЕИИЯ!» («Российская газета», 4.9.91 г.).

Автор пресловутого сочиненьица «Дети Арбата» Анатолий РЫБАКОВ:

«На протяжении нескольких лет на страницах определенных газет

и журналов велась идеологическая подготовка к путчу. И я могу назвать эти издания: газеты «Советская Россия», «День», «Литературная Россия», журналы «Молодая гвардия» и «Наш современник»... И ОБ ЭТОМ СЕЙЧАС НЕОБХОДИМО ГОВОРИТЬ... ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОИЗОШЕДШЕЕ ОНИ ДОЛЖНЫ ПОНЕСТИ» («Россия», 6—10, 9.91 г.).

Не могла, конечно, остаться ныне в стороне и нажившая давно «авторитет» на стукачестве известная литературная надзирательница Наталья ИВАНОВА:

«...секретариат правления СП РСФСР во главе с Юрием Бондаревым, газета «День» во главе с Александром Прохановым, также журналы, как «Наш современник» (главный редактор Станислав Куняев), «Молодая гвардия» (Анатолий Иванов), газеты «Литературная Россия» и «Московский литератор», по сути дела, в течение последних лет идеологически готовили атмосферу, приближавшую путч, провоцировали его».

И все это литературная надзирательница напечатала под многозначительным заголовком «ОНИ НЕ ХОТЯТ УХОДИТЬ» («Московский комсомолец», 4.9 91 г.).

Ну и так далее — всех нынешних стукачей-русофобов не перечислишь.

В приведенных здесь высказываниях клеветников-стукачей мы выделили их ничем уже не прикрытые указания нынешним властям предержащим: действуйте же, чего, мол, медлите?!

Что ж, история с попыткой разгона и ареста правления Союза писателей РСФСР говорит о том, что кое-кто из властей действовать уже начал. Однако не следовало бы представителям сих властей и их стукачам забывать наше недавнее прошлое. А оно свидетельствует о том, что рано или поздно и стукачи, и палачи превращаются в жертвы. Такова диалектика стукачества.

Мы говорим об этом и печатаем ниже статью «Заговор против права» не за тем, чтобы призвать вышеназванных политических доносчиков к благоразумию. Нет, они уже, как говорится, «стукачи в законе». И от клеветнических доносительств их уже ничто и никто не остановит. Мы адресуем эту публикацию возможным будущим разного рода доносителям и их адресатам, чей разум еще не до конца отравлен ядом русофобии, и призываем хоть немножечко подумать о возможных последствиях для народа и для них самих такой «демократической» деятельности.

ОТДЕЛ ОЧЕРКА И ПУБЛИЦИСТИКИ

Л. Н. ЗАИКА,
генерал-лейтенант юстиции
В. А. БОБРЕНЕВ,
полковник юстиции,
кандидат юридических наук

ЗАГОВОР ПРОТИВ ПРАВА

(ПАЛАЧИ И ЖЕРТВЫ)

Пролетарская революция, как известно, имела перед собой вполне определенную цель — разрушить до основанья «весь мир насилья». Ломались все старые государственные структуры вместе с системой органов общей и военной юстиции, представлявшей, по выражению В. И. Ленина, тонкое и сложное орудие беспощадного подавления эксплуатируемых масс. Декретом о суде № 1 от 24 ноября 1917 года предписывалось «упразднить доныне существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно институт присяжной и частной адвокатуры» *. И если

* СУ РСФСР, 1917, № 4, с. 50.

взамен существовавшей судебной системы учреждалась новая, в виде местных народных судов и революционных трибуналов, то вопрос об организации надзора за исполнением законов оставался открытым.

Почти пять лет после революции трактовали по-своему понятие законности в Курске и Казани, в Архангельске и Чите. Нонсенс? Конечно. Хорошо, что в мирное время это быстро поняли, что в 1922 году для установления действительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям, была учреждена прокуратура. Одновременно введена должность помощника Прокурора республики — для руководства военными прокуратурами, создаваемыми в Красной Армии.

Непростым оказалось дело укрепления законности в войсках.

Первому руководителю военной прокуратуры Н. И. Татаринцеву пришлось, как говорится, на собственной шкуре прочувствовать сопротивление зарождающейся новой военной бюрократии. В начале 1923 года он представил в Реввоенсовет республики материалы о самоуправстве командира корпуса Червонного казачества В. М. Примакова, по личному распоряжению которого были расстреляны без суда и следствия четверо красноармейцев, подозревавшихся в насильственном изъятии нескольких кусков мяса у ехавших на базар крестьян.

Татаринцев поставил вопрос о привлечении Примакова к уголовной ответственности в соответствии с законом. За комкора вступились командующий войсками Украинского фронта М. В. Фрунзе и Председатель Реввоенсовета республики Л. Д. Троцкий. Благодаря их покровительству Примаков избежал суда военного трибунала. Что же касается Татаринцева, то его вскоре освободили от занимаемой должности и поручили другую работу.

Сложно складывались взаимоотношения между военными прокурорами и сотрудниками особых отделов, представлявших ведомство ОГПУ в Красной Армии. Чекисты, считавшиеся щитом и карающим мечом революции, были наделены до сих пор чрезвычайными, фактически неограниченными полномочиями при решении людских судеб. И прокурорский надзор за соблюдением законности при расследовании отнесенных к их подведомственности деяний многие сотрудники ОГПУ восприняли как посягательство на свою независимость и авторитет. Они считали ниже собственного достоинства объясняться с военным прокурором по поводу не всегда обоснованных задержаний, арестов, содержания под стражей подозреваемых сверх установленных сроков, отступлений от норм процессуального законодательства. А ведь это существенные ущемления законных прав личности. Вначале чекистские амбиции воспринимались как издержки формирования новых взаимоотношений. Но шло время, и подобное поведение грозило перерасти в обычную норму.

Возглавивший в 1924 году Главную военную прокуратуру (ГВП) Н. Н. Кузьмин выступил против допускавшихся перегибов, открытого пренебрежения работниками особых отделов процессуальными нормами довольно решительно. И что же? Его ждала судьба Татаринцева: Кузьмина освободили от занимаемой должности под благовидным предлогом более целесообразного использования и назначили членом реввоенсовета Туркестанского фронта.

В феврале 1926 года характер взаимоотношений между особыми отделами и военными прокурорами обсуждался на специальном политсовещании в Московском военном округе. В принятой большинством голосов резолюции отмечались слабые правовые знания представителей ОГПУ в Красной Армии, случаи нарушения ими законности, поставлен вопрос о недопустимости любых отступлений от правовых предписаний, чем бы они ни оправдывались. Главный инициатор политсовещания военный прокурор округа С. Н. Орловский предложил организовать цикл занятий для следователей ОГПУ по изучению уголовного права, процесса, выразил готовность принять личное участие в проведении этих мероприятий. Начальник особого отдела округе на предложения прокурора отреагировал однозначно: «Мои уполномоченные не нуждаются в инструктировании извне».

Странная складывалась ситуация: органы прокурорского надзора, сталкиваясь с нарушениями законности, вместо решительного применения предоставленных им полномочий для пресечения беззаконий выступают с какими-то робкими рекомендациями. В докладах наверх о подобных случаях просматривается явно извинительный тон за проявленную собственную смелость. Шло это, видимо, и от сознания всемогущества ведомства Ф. Э. Дзержинского, и от установившихся привычек гражданской войны, когда право и суд были синонимами расправы с классовыми врагами.

Вот и сменивший Кузьмина П. И. Павловский пишет в рапорте на имя Прокурора Верховного суда СССР от 24 февраля 1928 года:

«Деятельность ОГПУ регламентирована многими закрытыми для прокурорского надзора инструкциями и актами. Приходится применять дипломатию (законодательных актов нет), основываясь лишь на товарищеских взаимоотношениях, в противном случае, лишившись товарищеских взаимоотношений и не имея законных оснований для предъявления соответствующих требований в порядке надзора, — рискуешь потерять и этот надзор «семейного порядка». Нужно такой неопределенности во взаимоотношениях с органами ОГПУ положить конец. В силу важности вопроса и его принципиальности считаю необходимым поставить его во весь рост, вплоть до партийных органов» *.

Но, прежде чем продолжать идти по выбранному пути, не можем не сделать отступление, не сказать хотя бы несколько слов о подвижниках справедливости.

Сергей Николаевич Орловский — соратник наркома Ворошилова по гражданской войне. Они были вместе в 14-й армии, затем в Первой Конной, в Северо-Кавказском и Московском военных округах. Ворошилов поддерживал практически все инициативы военной прокуратуры, и во многом (если не сказать больше) благодаря его поддержке, порой и заступничеству, Орловскому первое время удавалось отвоевывать сданные предшественником позиции в работе по утверждению законности и правопорядка в войсках.

Новый Главный военный прокурор сразу потребовал, чтобы подчиненные прокурорские работники по всем без исключения уголовным делам, направляемым особыми отделами в военные трибуналы либо на внесудебное рассмотрение, давали письменные заключения об обоснованности и доказанности предъявленных

* Архив ГВП, 1928 г. Материалы Всесоюзного совещания военных прокуратур, с. 122.

обвинений. Копии таких заключений предписывалось представлять в Главную военную прокуратуру для осуществления контроля. Многие первоначально восприняли введенное новшество чуть ли не как проявление административно-бюрократического зуда у очередного начальника. Уже потом, после смерти Орловского, когда эти требования отменят, все поймут: то был наиболее реальный в тех условиях путь борьбы с беззаконием. На прокурора возложили обязанность требовать от следователя полученных законным путем доказательств вины в каждом конкретном случае. А из особых отделов потоком шли донесения о раскрытии контрреволюционной деятельности. И почти в каждом выдвигались требования ужесточить меры наказания, расширить права «органов», упростить процесс разоблачения.

Если исходить только из фактов, основания для постановки подобных вопросов вроде были. Массовое изгнание попавших под раскулачивание семей с насиженных мест, насильственная коллективизация и разразившийся затем страшный голод вызвали активный протест не только на селе. Негативные настроения рикошетом ударили по красноармейской массе, состоявшей в основе своей из крестьян. Участились разговоры об антинародном характере Советской власти, случаи прямого вредительства.

Анализируя архивные документы того времени, общую ситуацию в стране и правоохранительных органах, невольно приходишь к мысли о том, что при определенных условиях кровавая драма 1937—1939 годов могла бы сместиться в начало 30-х. Уже тогда следствие стремилось решить все, оставляя трибуналу либо внесудебному органу только роль статистов, не определявших главного — наличия самого преступления и виновности подсудимых, а лишь фиксирующих готовность обвиняемых подтвердить данные под принуждением признательные показания или отказаться от них. Последнее, впрочем, далеко не всегда имело решающее значение. За редчайшим исключением, вписываемые в обвинительное заключение соображения следователя о виде и мере наказания в отношении обвиняемых служили для судей своего рода обязательным ориентиром. Правда, репрессивная система в начале 30-х еще полностью не сформировалась, она была тогда сравнительно немногочисленной, не все «узлы» и «детали» ее механизма притерлись и работали без скрипа. Мешали, думается, и такие люди, как Орловский. Во всяком случае, нарком обороны не раз отмечал роль военной прокуратуры в том, что в 1931—1933 годах в частях Красной Армии наметился «решительный» перелом в борьбе с антиармейскими проявлениями, дезертирством, неповиновениями, нарушениями правил несения службы, число которых сократилось в несколько раз. Удельный вес осужденных к высшей мере социальной защиты к концу 1933 года достиг самого низкого показателя и составлял немногим более одного процента.

Однако в конце 1933-го — начале 1934 года резко обострился национальный вопрос в войсках Среднеазиатского военного округа. Прокатилась волна массовых арестов, обвинений в контрреволюционной деятельности. Орловский немедленно выехал туда.

Гарантия правовой стабильности, утверждал Орловский, в четком разделении законодательной, исполнительной и судебной власти. В реальной жизни грани их размывались, стирались силовым давлением. И многие тысячи человеческих судеб оказывались в полной зависимости от уровня правовой грамотности, порядоч-

ности, настроя, а порой и от обычного каприза следователя. Еще при жизни Ленина в его формулировке понятия контрреволюционного преступления как всякого деяния, направленного на свержение Советской власти, появилось дополнение — и подрыв. Без четкого законодательного определения внутреннего содержания трактовалось это понятие произвольно и широко (при желании в контрреволюционеры можно зачислить и самовольщика, и лодыря, и просто отстающего в боевой и политической подготовке красноармейца). В ходе прокурорской проверки Орловский установил немало случаев, когда уголовные дела и обвинения в государственных преступлениях создавались на основании агентурных данных, элементарных доносов, с санкции... партийного органа.

Вообще не удалось встретить свидетельств того, что «наверху» понимали трудности ситуации, проявляли готовность помочь прокурорам в обеспечении законности. А в помощи они действительно нуждались, ибо обстановка требовала принятия кардинальных мер.

1934 год с полным основанием можно назвать поворотным в смысле официального признания отхода от провозглашенных лозунгами Октября принципов социальной справедливости, защиты прав простого человека, повсеместного утверждения норм революционной законности — организационного и законодательного оформления репрессивного аппарата.

Сначала был воссоздан единый Наркомат внутренних дел, в который организационно вошло ОГПУ. Новое бюрократическое ведомство, которое возглавил Г. Г. Ягода, сразу получило, можно сказать, исключительные полномочия. Существенно расширена практика внесудебного рассмотрения уголовных дел по так называемым контрреволюционным преступлениям.

5 ноября 1934 года ЦИК и СНК СССР принято постановление «Об Особом Совещании при Народном комиссаре Внутренних дел СССР», наделившее этот орган правом применения внесудебных репрессий к любым гражданам, кого НКВД причислял к категории общественно опасных лиц. Заметим, речь идет не о государственных преступниках, не об осужденных, а о тех, кого работники учреждений НКВД, попросту говоря, по тем или иным причинам посчитали неблагонадежными. Ни признаков, ни критериев той самой «неблагонадежности» законодательство не установило, и решение этого вопроса всецело отдавалось на откуп ведомственным чиновникам.

Таким образом, НКВД вполне официально предоставлялась возможность сосредоточить в своих руках фактически неограниченную реальную власть над судьбами, жизнями людей. Цель, средства, исполнитель определены осознанно, с расчетом на долговременную перспективу. Для этого на базе НКВД и создавался широко разветвленный, быстро проникающий во все сферы государства и общества аппарат, наделенный практически неограниченными возможностями применения репрессий.

Но даже при таких условиях всякое расширение штата сотрудников требовало обоснований. За ними дело не стало — обнаруживались одна «контрреволюционная организация» за другой, разоблачались все новые и новые «враги народа». Объявлялись ими все, кто проявлял недовольство, не соглашался либо сомневался в правильности линии партии, конфликтовал с начальством.

Искусственное взвинчивание социальной напряженности порождало атмосферу всеобщей подозрительности, доносительство, страх и одновременно, в соответствии с логикой развития событий, как бы оправдывало активизацию применения НКВД карательных функций, строгость мер наказания и увеличение численности сотрудников ведомства. Уровень их готовности к работе в правоохранительных органах, судя по всему, мало кого интересовал.

В июне 1934 года постановлением высших органов государства введено Положение о государственных преступлениях. Вскоре вслед за этим последовал организационный приказ Прокурора СССР: на военную прокуратуру возлагалось осуществление надзора за расследованием и разрешением уголовных дел об измене Родине, диверсиях, шпионаже и прочих государственных преступлениях, находившихся в производстве особых отделов Красной Армии, в войсках НКВД, а также во всех областных, краевых, республиканских управлениях НКВД. Вроде бы благое дело — надзор передается в руки неподконтрольной Наркомату внутренних дел организации. Но какой же иезуитски выверенный расчет просматривается за внешне пристойным решением. Нагрузка на военные прокуратуры возрастала многократно, а штаты оставались прежними. В подчинении Главного военного прокурора насчитывалось примерно 130 прокурорских работников. Они находились далеко не в каждом областном городе и просто не в состоянии были проконтролировать законность при расследовании накатившегося вала дел. Значит, во-первых, органы НКВД получили вновь желанную свободу действий, которой они располагали до учреждения прокурорского надзора в стране. Во-вторых, теперь Главную военную прокуратуру всегда можно обвинить в слабом осуществлении надзорных функций, непринятии мер к своевременному выявлению и пресечению беззаконий на местах.

Нужно сказать, что военные прокуроры к середине 30-х годов накопили уже значительный опыт работы. С соблюдением правовых норм удалось воспрепятствовать проникновению в армейскую среду, предупреждать деятельность различных антисоветски настроенных групп и элементов. Судя по сравнительно низкому уровню преступности среди военнослужащих и реакции органов ОГПУ на вскрываемые прокурорами нарушения законности, между ними в тот период установились вполне здоровые, деловые отношения.

Но последовал еще один, решающий шаг к откровенному беззаконию — принятие 1 декабря 1934 года высшим органом государственной власти чрезвычайных законодательных норм, направленных на упрощение до примитивизма всей процедуры уголовного преследования лиц, заподозренных «органами» в контрреволюционной, террористической и прочей антисоветской деятельности. По существу, произведено свертывание всех процессуальных гарантий защиты прав обвинявшихся. Теперь оказавшийся под подозрением фактически был обречен. Достаточно заполучить показания одного-двух человек, оказавшихся в роли свидетелей «преступления», выбить признание собственной вины — и вчерашний честный труженик заносился в категорию врагов народа. Следствию отводилось десять дней. Правосудие и заседания особого совещания вершились без вызова свидетелей, без участия прокурора и защиты. А «тройки» отправляли на расстрел людей, даже не видя их в глаза. Не допускалось обжалование приговоров, решений особых совещаний, ходатайства о помиловании не рассмат-

ривались. Решения о применении высшей меры наказания подлежали немедленному приведению в исполнение.

Можно сказать: сам законодатель в лице высшего органа государственной власти СССР принял преступный по своему характеру законодательный акт, откровенно подстрекавший к произволу и обеспечивавший его безнаказанность. Одни были поставлены в положение палачей, другим отводилась участь бесправных жертв. Эти жертвы бессмысленного террора сделались не только беззащитными, лишенными малейшей возможности жаловаться на несправедливость, но и оказались даже без права на исповедь перед своей неминуемой погибелью. Открыто обнажилась доселе как-то завуалированная античеловечная суть внутренней политики правящего в стране клана.

В качестве непосредственного повода к введению в действие чрезвычайного законодательства послужило убийство члена Политбюро ЦК ВКП(б), первого секретаря Ленинградского обкома партии С. М. Кирова.

Злодейское убийство крупного политического деятеля — событие, конечно, исключительное. Но и оно не должно служить основанием для принятия драконовского закона, отбросившего всякие гарантии прав личности, упразднившего защищенность от произвола репрессивного аппарата и даже, если хотите, от возможной судебной ошибки. В результате введения чрезвычайных мер уголовного производства наша карательная практика вполне официально отступила назад в сравнении с далеким средневековьем.

Понимая это, Сергей Николаевич Орловский отреагировал на «новации» верхов директивой: ни в коем случае не ограничиваться формальными справками или докладами соответствующих уполномоченных, а лично знакомиться с материалами следственных действий, допросов, присутствовать и участвовать в важнейших из них, внося необходимые коррективы в ход расследования; надзор за делами о контрреволюционных преступлениях осуществлять с момента их возникновения. Думается, это тоже сыграло свою роль в том, что тогда, в 1934 году, особые совещания, «двойки» и «тройки» еще не выносили в отношении бойцов и командиров Красной Армии состряпанные на сфабрикованных материалах бездоказательные приговоры и внесудебные решения, отправлявшие в конце 30-х годов на смерть и в каторжные лагеря многие тысячи безвинных людей.

В то время вовсе не из недоверия к сотрудникам НКВД исходил Главный военный прокурор, хотя многие из них, особенно «территориалы», давали серьезные поводы для беспокойства. Его волновали участившиеся в печати, раздававшиеся все громче даже с трибун партийных съездов требования ужесточения методов классовой борьбы, активизации преследования врагов народа. Своими сомнениями делился и с товарищами, и с начальством. Но прокурор Союза А. Я. Вышинский сам относился к инициаторам крутых мер и расширения применения репрессий, а нарком К. Е. Ворошилов посоветовал не суетиться и не напрягаться. Вскоре настоятельно порекомендовали отправиться на лечение за границу. Там Сергей Николаевич через непродолжительное время скончался. И никаких документов, кроме фиксирующих события фактов: стресс, тяжелая болезнь, смерть...

Почти целый год военная прокуратура оставалась без руково-

дителя. Искали достойную замену Орловскому? Не похоже. Скорее всего воспитывали в будущем преемнике послушного исполнителя. Прокурору СССР Вышинскому явно приглянулся Розовский, который уже добрый десяток лет ходил в бессменных замах, приспособился ладить и с начальством, и с подчиненными. Ему предоставили возможность сначала проявить способности в качестве временно исполняющего обязанности главного, установили своего рода испытательный срок. Словом, назначать Главного военного прокурора явно не торопились.

Розовский оказался перед непростым выбором: остаться верным прежней линии своих предшественников и отстаивать интересы единой социалистической законности, независимой ни от местных, ни от ведомственных (читай НКВД) влияний, административных указок сверху, либо отрешиться от всего этого, стать исправным исполнителем воли тех людей, от которых зависело его спокойное пребывание на вершине прокурорской власти.

Розовский предупредил подчиненных: «Обстановка ожесточенной классовой борьбы в стране требует от всех органов пролетарской диктатуры максимальной большевистской бдительности, непримиримости к врагам, умения вовремя вскрыть самые замаскированные формы сопротивления классового врага и его агентуры. Этим умением прежде всего определяется качество каждого военно-прокурорского органа». Итак, если до этих пор деятельность прокурора оценивалась по тому, насколько последовательно и принципиально он отстаивал интересы законности, защищал права людей, то теперь главным критерием провозглашалось умение вскрывать сопротивление классового врага.

Отвергались любые инициативы подчиненных воспрепятствовать нараставшему разгулу произвола. Военный прокурор Киевского военного округа Е. Л. Перфильев внес предложение войти с ходатайством к наркому НКВД о предоставлении обвиняемым праве знакомиться с материелами дел перед направлением их в особые совещания, чтобы они знали хотя бы, что им вменяется в вину и какие против них есть доказательства. Никакой реакции со стороны главного не последовало.

Вскоре появился на свет подписанный Розовским и Ульрихом приказ всем военным прокурорам и председателям военных трибуналов «вести беспощадную борьбу со всякого рода предателями Родины, не допускать при вынесении приговоров недооценки степени социальной опасности преступлений».

Поле деятельности для услужливых исполнителей в то время открывалось широкое. Жестокая репрессивная методика раскулачивания, принудиловка коммунии, колхозов, насильственная ломка крестьянской психологии вызвали сопротивление и там, где это происходило, и далеко от мест событий. В сводках Главной военной прокуратуры тех лет зафиксированы агитация против социалистического соревнования, ударничества, недовольство бытовыми условиями, требования увеличить продпаек. Засыпаемая в солдатский котел крупа вдруг оказывалась перемешанной с битым стеклом, металлическими опилками. В стволе винтовки красноармейца-отличника обнаруживали песок, махорку... Случаи эти, конечно, не могли остаться без внимания и соответствующего воздействия. Какого вот только? Особые отделы порой без санкции прокурора и судебного решения арестовывали и прямых вредителей, и тех, в ком вредителей предполагали. К категории государственных пре-

ступлений относились не только противоправные действия, но и элементарное инакомыслие. Из-за неопределенности формулировок закон позволял расширительно трактовать понятия антисоветской агитации, пропаганды, распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. Словом, за решеткой можно было оказаться, рассказав (или даже прослушав, но не заявив о том) заурядный, с политическим подтекстом анекдот.

Такое положение тревожило многих. Уже не рассчитывая на поддержку из центра, военный прокурор Киевского военного округа Е. Л. Перфильев в марте 1936 года направил подчиненным свои собственные указания: «Нужно положить конец недостаточно серьезному отношению к вопросам ареста. До сих пор мы встречаемся со взглядами работников НКВД: «на всякий случай арестовывать — легче будет разбираться». Военные прокуроры не дают решительного отпора этим настроениям, недостаточно требовательно относятся к обоснованию представлений об аресте. Руководство следствием должно выражаться в обеспечении всестороннего и объективного расследования. Нужно вести решительную борьбу с тенденциями работников НКВД добиваться только личного признания обвиняемых и переоценивать значение его как доказательства вины привлеченных».

Копию документа прокурор округа переслал в Москву. Это похоже на подкоп под самого Вышинского — крестного отца теории, провозглашавшей личное признание обвиняемого «царицей» всех доказательств.

Тревожный сигнал приходит из Белорусского военного округа от Н. М. Малютина: «Мы не справляемся, что-то делается неправильно, массовые аресты так бесследно не проходят, считаю, что здесь имеются нарушения революционной законности. Мы, как военная прокуратура, реального ничего сделать не можем».

Докладная Малютина скорее напоминает призыв о неотложной помощи. Но вместо нее из Москвы раздается окрик: «НКВД разберется, нечего особенно влезать в это дело».

Между двух огней оказался Главный военный прокурор. Он видит, как подминается прокурорский надзор, насаждается беззаконие. Розовский сознает, что когда-то спросят и с него, почему не противодействовал произволу. Однако страх перед НКВД сильнее.

Явное раздражение вызвало у Розовского «своеволие» прокурора Уральского военного округа, без согласования с ним потребовавшего от следственных органов местного управления НКВД представления «политической характеристики» на обвиняемых при обращении за санкцией на арест. В циркулярном письме, разосланном в январе 1937 года всем военным прокурорам РККА, такая позиция строго осуждалась и расценивалась как необоснованная задержка ареста.

Примерно в то же время Военная коллегия Верховного суда СССР скорректировала практику назначения уголовных наказаний за преступления в сторону ужесточения их карательного воздействия. И тут же по поручению руководителя Главной военной прокуратуры внесен ряд протестов на мягкость назначенных военными трибуналами наказаний.

Житель города Тамбова Тараник в разговорах с соседями по вагону нелицеприятно отозвался о Сталине и по пьянке заявил,

что, пожалуй, при случае мог бы его даже убить. Попутно он же обвинил великого вождя во всех бедах, свалившихся на многострадальную деревню. Тараника взяли прямо в поезде, усмотрев в болтовне этого простого деревенского мужика террористические намерения. Военный трибунал Московского военного округа осудил разговорчивого пассажира на 7 лет. Главная военная прокуратура опротестовала приговор за мягкостью. Военная коллегия Верховного суда под личным председательством Ульриха согласилась с протестом, признав прежнее наказание «явно не соответствующим опасности преступных намерений (?!) Тараника», отменила приговор и направила дело на новое судебное рассмотрение для назначения более строгой меры. Одновременно Ульрих сделал официальное внушение председательствовавшему при вынесении первоначального приговора судье Ботвиннику, строго указав в частном определении на «допущенную политическую ошибку». В назидание другим информацию об этом случае по распоряжению Ульриха разослали во все военные трибуналы страны. Так что рассуждения о независимости военных судей, их внутреннем убеждении, самостоятельности в решении вопросов о виновности в совершении преступления и определении меры наказания остались где-то в области абстрактного теоретизирования.

Сменивший Ягоду Н. И. Ежов шанса подмять армейское руководство и за счет этого утвердить безраздельное главенство НКВД в государстве не упустил. На решительность его намерений указывает то, что новый нарком НКВД посчитал необходимым лично допросить заместителя командующего войсками Ленинградского военного округа В. М. Примакова, арестованного как приверженца троцкистской оппозиции. После этого допроса появились пока еще довольно неопределенные сведения о троцкистском центре в Красной Армии. Вскоре последовал арест комкора В. К. Путны. Благодаря усилиям следователей версия о наличии среди военных заговора, нацеленного не захват власти в стране, обрастала подтверждениями из нескольких источников. В случае нераскрытия заговора Ежова ожидала самая незавидная участь, и он это сознавал отчетливо. Видимо, подобные опасения сдерживали наркома внутренних дел. Требовалось иметь свидетелей заговора из числа ближайшего окружения высшего комсостава Красной Армии. Нужен был безоговорочный повод для сомнений в чистоте помыслов и дел крупных военных.

В поле зрения Ежова попал бывший начальник управления ПВО РККА комбриг М. С. Медведев, исключенный из партии, уволенный из армии «за притупление классовой бдительности». Работал он после отставки начальником строительства небольшой больницы на Западной железной дороге, там и был арестован. Ежов потребовал от подчиненных не стесняться, любыми способами добиться от Медведева показаний о существовании военного заговора в армии. Угрозы и насилие привели к искомому: в протоколах допросов появились фамилии уже сидевших в застенках НКВД В. М. Примакова, В. К. Путны, а также М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира, А. И. Корка... Тухачевский фигурировал как возможный кандидат в диктаторы государства.

Показания Медведева Ежов представил в ЦК, где получил долгожданное «добро» на разоблачение контрреволюционного заговора в армии. Иначе вряд ли могло быть: версия Ежова хорошо состыковывалась с тезисом вождя о новом этапе обострения классовой

борьбы, подкрепляла его представленными НКВД фактами враждебной социализму деятельности. И где? В святая святых государственной системы — в армии. Надо копать глубже, и списки подозреваемых, арестованных, осужденных растут, растут. Поступили доносы и на военных прокуроров Е. Л. Перфильева, Н. М. Кузнецова, В. И. Малкиса...

В застенках НКВД оказался помощник Розовского по надзору за законностью в деятельности этого ведомства Л. М. Субоцкий. Снятию его с должности предшествовало следующее обстоятельство.

Не был «спокоен за себя» Розовский, искал гарантии собственной безопасности в угодничестве, рабской готовности потрафить сильному. Вряд ли он сам верил в то, что со всех сторон окружен врагами народа, но тем не менее писал: «Известно, что в органы прокуратуры проникли враги народа, изменники Родины малкисы, сусловы, романовские и тому подобная контрреволюционная сволочь. Задача заключается в том, чтобы выкорчевать из военной прокуратуры и уничтожить это фашистское отребье без остатка».

Это строки из официального приказа. А за тем, что унизительно обозначено в нем нарицательными именами, — самые принципиальные, лучшие, мы это сегодня знаем твердо, военные прокуроры округов, люди, оставшиеся до конца верными интересам законности. Всем им вменялась в вину «подрывная работа в области судебно-прокурорской деятельности — прекращение дел по контрреволюционным преступлениям». Для обвинения военных прокуроров не требовалось даже трудиться над фабрикацией материалов или применять силу для выколачивания признаний в несуществующих грехах. Достаточно перечислить случаи их отказа в даче санкций на аресты, привести несколько прекращенных ими уголовных дел.

Сегодня мы называем это гражданским подвигом. Розовский тогда считал подрывной работой. На фоне разгула бесправия и беззаконий прямым вызовом смотрится награждение Розовского в августе 1937 года орденом Красной Звезды. Спустя полгода Вышинский представил его к другой награде — ордену Красного Знамени.

На начальство сыплется «звездопад», а подчиненные вынуждены заниматься чем угодно, только не главным своим делом — осуществлением надзора за точным исполнением законов государства. Рождаются процессы один нелепее другого. В одном из военных округов привлекли к уголовной ответственности командира полка за то, что, готовясь к учению, на своей рабочей карте обозначил объекты, подлежащие условному «уничтожению». Несколько месяцев продержали офицера в изоляции. Выбивали признательные показания. Освободился бывший командир, когда ежовских выбивал «взяли» самих за фальсификацию этого и других подобных дел. Хорошо, хоть расстрелять не успели...

А могли запросто. Из многих тысяч уцелели единицы, главным образом те, кто не ломался и не сдавался. Об этом думается все время, когда листаешь тонкие и пухлые дела бывших «врагов народа». Очень трудно читать письма из застенков, эти кровью написанные строки. Им-то хорошо было известно, что написанное вряд ли будет прочитано теми, кому адресовалось. И все-таки писали: Сталину, Ворошилову, Вышинскому...

Ничто: ни героизм, ни предательство — не проходит бесследно. Все возвращается на круги своя... Снят с должности, осужден Розовский. За непринятие мер к пресечению беззаконий, о которых получал информацию. За оставление без реагирования десятков тысяч жалоб на фальсификацию дел, применение неправомерных методов ведения следствия. Система с первых шагов своих умела ставить одно и то же в вину и хвалу — в зависимости от обстоятельств и своих собственных потребностей. Умела в нужный момент убрать неугодных и находить среди своих «козлов отпущения». Необходимость в смене действующих лиц уже возникла в 1938 году, когда массовый разгул репрессий угрожал стать неуправляемым. Многие, еще вчера вершившие произвол, сами оказались жертвами. Это было вполне закономерно.

Разве что в горячечном бреду могло представиться такое: обвиняемый поменялся местами со следователем. Один из сотрудников НКВД по Дальнему Востоку, Хорошилкин, рассказывал своему сослуживцу-следователю о том, как его допрашивал обвиняемый Капустянский, а Чернышев смеялся:

— Ну и сон. Может, с большого похмелья тебе это приснилось?

— Да нет, не пил я перед тем. Устал, видно, здорово.

Устал. На том порешили и забыли о пригрезившейся невероятной ситуации: представить себе следователя НКВД под арестом в то время мог только, пожалуй, сумасшедший. Но сон между тем оказался вещим.

Они действительно сильно уставали, сутками напролет выбивая из подследственных нужные показания. Заговор имел место.

После расстрела Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Фельдмана, Примакова, Путны, самоубийства Гамарника по количеству разоблаченных заговорщиков оценивалась боевитость партийных органов, политические и профессиональные качества руководящих работников, их организаторские способности. В особенности сотрудников НКВД, следователей, прокуроров и судей военных трибуналов. Разного рода вредителей, шпионов, диверсантов и террористов искали повсюду, видели в каждом. А их было предостаточно, ибо шла борьба с троцкизмом.

Поводом для ареста военного прокурора Ленинградского военного округа Н. М. Кузнецова послужило заявление помощника военного прокурора Забайкальского военного округа военного юриста 1 ранга Бескоровайного: «Будучи на отдыхе в г. Сочи в ноябре месяце 36 г., я встретил командира 33-й пулеметно-стрелковой бригады 7-го ММК полковника Залкинда... при разговоре он сообщил, что, будучи в гостях на квартире у комдива ММК Бакши, который проживает в одном доме с ВП ЛВО т. Кузнецовым по ул. Халтурина в г. Ленинграде, вышел в коридор погулять и увидел, что к дому подъехала машина, из которой вышел Тухачевский и направился на квартиру к ВП т. Кузнецову, где Тухачевского встретила жена Кузнецова. Не знаю отношений между Тухачевским и Кузнецовым, но, исходя из того, что Тухачевский оказался врагом народа, расстрелян по приговору ВК Верховного суда СССР, потому и считаю, что об изложенном необходимо довести до сведения ГВП РККА. 26 июня 37 года, г. Чита».

Новое поколение работников НКВД, сменившее чекистов троцкистской гвардии, не слишком обременяло себя правовыми знаниями, строгими нравственными принципами. И то и другое вполне заменяли указания свыше. И борьба с классовыми врагами велась на все более широком фронте, затягивая в свой пенящийся водо-

ворот многие сотни тысяч людей по малейшему подозрению, предположению, доносу. От карающего меча не был застрахован почти никто. Невозможно было предугадать, за что и на какую следующую жертву обрушится очередной его тяжелый роковой удар. Шла борьба за отстранение сторонников Троцкого от власти.

Начальник боепитания отряда Забалуев предан суду за то, что, причесываясь у зеркала, сказал: «Ну и шевелюра у меня — как у Зиновьева». Что здесь, казалось бы, контрреволюционного? В обвинительном заключении эта фраза получила такое истолкование: Забалуев среди начсостава восхвалял и популяризировал врага народа Зиновьева. И четыре месяца просидел в тюрьме...

Восемь лвт лишения свободы получил красноармеец Белкин за то, что на политзанятиях утверждал: построение социализма у нас в стране началось с 1936 года (а не с 1924). И никто не задумался над тем, что выходец из деревни Белкин не только политическим образованием не занимался — у него вообще с грамотой-то было не ахти как здорово.

Но это все хотя бы по свежим следам. А вот заявления в партийную организацию политуправления РККА от неких Агафонова и Вороничева. Они «после разговоров с тт. Крутиковым и Тевосяном обвиняют бывшего руководителя Главной военной прокуратуры Ланду в сочувствии троцкизму, исходя из того, что якобы во время голосования резолюции против «троцкизма» на собрании Центр. Управления РККА в 1927 г. (!) он из зала заседания не выходил, а также предъявляют ему обвинение в принадлежности к троцкистской оппозиции 1923—1924 гг.».

Домыслы, слухи не имели сроков давности и преследовали через 10—15 лет. М. М. Ланду в тот раз спасло (впрочем, ненадолго) то, что заявления Агафонова и Вороничева попали в руки честного, принципиального человека — секретаря парткомиссии ПУ РККА корпусного комиссара Сидоровв. Ему не представило особого труда выяснить, что редактора газеты Приволжского военного округа Агафонова Ланда видел всего два раза в редакции «Красной звезды», которой руководил во второй половине 30-х, а Вороничева вообще не знал.

В 1937 году вспомнил о событиях десятилетней давности и другой бдительный товарищ — Ремизов, «сигнализировавший»: «В свете сегодняшней обстановки и поскольку ряд лиц, голосовавших за эту резолюцию (так называемой толмачевско-белорусской оппозиции), оказались врагами народа, считаю своим долгом еще раз заявить о тех лицах, которые присутствовали на этом совещании (кого вспомнил)». В списке 16 фамилий, в том числе и Лвнды, бывшего тогда еще начальником политуправления военного округа. И приписка: дескать, если бы удалось посмотреть групповой фотоснимок, смог бы назвать больше фамилий.

Случаи, когда донос не получал хода, единичны. Чаще после «сигнала» человек оквзывался за решеткой. Зачеркивалось все, что было до того. Поразительно, но, если судить по документам, нравственная готовность к доносительству оказалась выше у, казалось бы, наименве склонной к этому интеллигенции. Чего здесь больше — карьеристских устремлений, мести, подлости или коварного интриганства? Очевидно, присутствует и то, и другое... Но одновраменно явно просматривается и попытка обезопасить самого себя от преследования за «недонесение». Не лишены оснований и побуждения упредить вероятного писаку-доносчика направлением

компромата на него самого и тем самым заслужить благосклонность органов за проявленную «бдительность». Словно выпущенный на свободу джинн, наушничество и доносительство демонстрировали свою дьявольскую силу. Капитан Буревич в 1936 году на политзанятиях сказал, что коммунизм в одной стране построить нельзя без решения международных противоречий. Говорил, классов у нас нет, а есть только классовые прослойки. Сообщили куда надо. Через год Буревича за те высказывания объявили троцкистом, исключили из партии и осудили на семь лет.

Доходило до абсурда. В одном из канцелярских дел мы обнаружили просто поразительную своей обнаженной доносительской сутью записку, адресованную начальнику 2-го отдела Главной военой прокуратуры диввоенюристу Я. Козаринскому: «Сию минуту я случайно узнал, что арестованные иностранцы Брайнины, проходившие по делу троцкистов-шпионов, являются родственниками бригвоенюриста Брайнина. Прокурор ГВП военный юрист I ранга (фамилия неразборчива). 27.04.37 г., 14 час. 35 мин.». И не менее характерная для того времени резолюция. «Уже минут 15 тому назад мне доложил т. Брайнин. 27.04. Козаринский».

Проявления «бдительности» можно было ожидать от кого угодно. В 1937 году К. Е. Ворошилов в разговоре с Е. А. Щаденко посетовал, что года три назад отмечался случай, когда после принятия лекарства, назначенного ему бригврачом Филипповичем, он почувствовал недомогание. Заместитель наркома немедленно проинформировал НКВД, попутно сообщил: «Филиппович был близок к врагам народа Гамарнику, Фельдману, Уборевичу, Тухачевскому, которых посещал на дому как лечащий врач». Присовокупив сюда дворянское происхождение и поездки в заграничные командировки, С. Г. Филипповича продержали полгода в Бутырской тюрьме, затем решением особого совещаиия НКВД признали участником антисоветского заговора и отправили на 8 лет в Сороклаг на Шуй-остров. Обращение за защитой к Ворошилову, Будеиному, Щаденко и другим высокопоставлеиным пациентам, успешно печившимся у Филипповича все предшествующие незаконному осуждению годы, оказалось напрасным.

В документах тех лет просматривается своеобразная закономерность: чем больше людей оговорил свидетельствующий и чем выше должностное положение оклеветанных, тем меньше шаисов у него сохранить собственную жизнь. Армейский комиссар II ранга Г. С. Окунев, арестованный по доносу, собственноручно внес в список мнимых заговорщиков десятки невиновных людей, среди которых фигурировали иарком Военно-Морского Флота В. М. Орлов, заместитель наркома оборонной промышленности Р. А. Муклевич, командующие флотами Г. П. Киреев и М. В. Викторов, начальник штаба флота О. С. Солонников и многие другие. Их всех арестовали, и свидетельства Окунева, занимавшего высокий пост комиссара флота, стали для оговоренных в буквальном смысле убийственными. На суде Окунев полностью признал свою виму в контрреволюционной деятельности и подтвердил показания против названных лиц. Несмотря на нижайшую просьбу подсудимого сохранить ему жизнь, председательствовавший Ульрих, не колеблясь, подписал Окуневу смертный приговор: мертвый свидетель обвинения от своих показаний уже никогда не откажется.

Маршалу В. К. Блюхеру в 1937 году пришлось в составе Спе-

циального судебного присутствия Верховного суда СССР вершить судьбы своих боевых товарищей, утверждать смертные приговоры Тухачевскому, Якиру, Примакову, Уборевичу, Путне, Корку, Эйдеману, Фельдману. А вскоре в числе заговорщиков фигурировали Я. И. Алкснис, И. П. Белов, П. Е. Дыбенко, Н. Д. Каширин, Е. И. Горячев — те, кто вместе с ним входил в состав упоминавшегося судебного присутствия. Они тоже обвинены в антисоветской деятельности, вредительстве и расстреляны.

В военной среде зрело недовольство. Все смелее раздавались протесты против необоснованных репрессий в армии. На одном из представительных заседаний Главного военного совета в присутствии членов Политбюро ЦК ВКП(б) о произволе ежовского ведомства заявил во всеуслышание Г. К. Савченко — комиссар артиллерийского управления РККА. Его поддержали Г. И. Кулик, Д. Г. Павлов, К. А. Мерецков, П. Аллилуев. По требованию Сталина они подготовили специальный доклад на его имя, в котором отмечалось и слабое исполнение надзорных функций Главной военной прокуратурой, возглавляемой Розовским.

Над Ежовым явно сгущались тучи. Нужен был компромат из военных — новый заговор. Кто во главе? Лучшей мишенью Ежову показался Блюхер, тем более что к тому времени Василий Константинович начал злоупотреблять спиртным, значит, долго не выдержит. 22 октября 1938 года Ежов, минуя прокуратуру, подписал ордер, распорядился об аресте Блюхера. В течение последующих двух недель из Василия Константиновича выбивали признание, допрашивали в присутствии двух обличителей — генералов Федько и Хаханьяна. Блюхер виновным себя не признавал и отвергал все домогательства следователей. И все-таки в деле подшиты его собственноручно написанные признания вины, которые обрываются 9 ноября. В тот день Блюхер умер. Причина смерти осталась загадкой. Но не для Сталина. Ежова немедленно отстранили с поста наркома, а спустя некоторое время арестовали. Ему, что называется, на собственной шкуре довелось сполна прочувствовать, насколько добротно усвоены подчиненными насаждавшиеся им же приемы следствия. Он наговорил на себя и на десятки других людей столько, что этого с лихвой хватило бы для десятка заговоров.

Такая же участь постигла и бывших заместителей наркома — М. П. Фриновского и С. Б. Жуковского. Последний в своем обращении к членам суда также жаловался на избиения, просил сохранить ему жизнь ради троих малолетних детей... Осужден и потом погиб в лагерях начальник Новосибирского областного управления НКВД Мальцев.

Шпионами они, конечно же, не были. Это самые настоящие уголовники, сорганизовавшиеся в преступное сообщество на самом высоком государственном уровне, или по современному — мафия. Невероятно, но факт — ведомство, предназначенное для борьбы с преступностью, возглавлялось... отъявленными преступниками.

В деле М. П. Фриновского имеется его заявление на имя Лаврентия Берии, где во всех подробностях расписана вся технология преступной деятельности в Наркомате внутренних дел. Вот некоторые выдержки из этого уникального документа:

«...Следственный аппарат во всех отделах НКВД был разделен на «следователей-колольщиков», «колольщиков» и «рядовых». Что собою представляли эти группы и кто они? «Следователи-колольщики» были подобраны в основном из скомпрометированных лиц. Они бесконтрольно применяли избиение арестованных, в кратчайший срок добивались «показаний» и умели грамотно, красочно составлять протоколы. Так как количество сознающихся арестованных изо дня в день возрастало и нужда в следователях, умеющих составлять протоколы, была большая, «следователи-колольщики» стали каждый при себе создавать группы просто «колольщиков». Люди эти посылались в Лефортово, вызывали арестованного и приступали к его избиению. Избиение продолжалось до момента, когда подследственный давал согласие на дачу показаний.

Дальнейший процесс заключался в следущем: следователь вел допрос и вместо протокола составлял заметки. После нескольких таких допросов следователем составлялся черновик протокола, который шел на корректировку начальнику соответствующего отдела, а от него еще неподписанным — на просмотр бывшему народному комиссару Ежову, и в редких случаях — ко мне. Ежов просматривал протокол, вносил изменения и дополнения. В большинстве случаев арестованные не соглашались с редакцией протокола и заявляли, что они на следствии этого не говорили, и отказывались от подписи. Тогда следователи напоминали арестованному о «колольщиках», и подследственный подписывал протокол. Корректировку и редактирование протоколов в большинстве случаев Ежов производил, не видя в глаза арестованных, а если и видел, то при мимолетных обходах камер или следственных кабинетов.

При таких методах следствия подсказывались фамилии. Очень часто показания давали следователи, а не подследственные. Знало ли об этом руководство наркомата, то есть я и Ежов? Знали. Как реагировали? Часто никак, а Ежов даже это поощрял.

Был арестован Марьясин — бывший председатель Госбанка, с которым Ежов до ареста был в близких отношениях. К следствию по его делу Ежов проявил исключительный интерес. Руководил следствием лично сам, неоднократно бывал на его допросах. Марьясин содержался в Лефортовской тюрьме. Избивали его зверски и постоянно. Если других арестованных избивали только до момента их признания, то Марьясина били даже после того, как кончилось следствие и никаких показаний не брали. Однажды, обходя кабинеты допросов вместе с Ежовым (причем Ежов был выпивши), мы зашли на допрос Марьясина, и Ежов долго говорил ему, что он еще не все сказал, и, в частности, сделал Марьясину намек на террор вообще и теракт против него, Ежова. Тут же он заявил Марьясину, что «будем бить, бить и бить».

У арестованного Яковлева на первом же допросе после ареста Ежов в пьяном виде добивался признаний о подготовке террористического акта против Ежова. Яковлев говорил, что это неправда, но был избит Ежовым и присутствующими, после чего нарком ушел, не добившись признаний. Спустя два дня появились показания о теракте, готовившемся Яковлевым против Ежова.

Как подготовлялись арестованные к очным ставкам и особенно проводившимся в присутствии членов правительства? Арестованных готовили специально, вначале следователь, после — начальник отдела. Подготовка заключалась в зачитке показаний, которые давал арестованный на лицо, с которым предстояла ставка, объ-

яснялось, как она будет проводиться, какие неожиданные вопросы могут быть поставлены арестованному и как он должен отвечать. По существу, происходили сговор и репетиция предстоящей очной ставки. После этого арестованного вызывал к себе Ежов или делал вид, что он случайно зашел в комнату следователя, где сидел арестованный. Нарком говорил с ним о предстоящей очной ставке, спрашивал, твердо ли он себя чувствует, подтвердит ли, и между прочим вставлял, что на очной ставке будет присутствовать член правительства. Обыкновенно Ежов перед такими очными ставками нервничал даже после того, как разговаривал с арестованным. Были случаи, когда арестованный при разговоре с Ежовым делал заявление, что его показания неверны, он оклеветан. В таких случаях Ежов уходил, а следователю или начальнику отдела давалось указание «восстановить» арестованного, так как очная ставка уже назначена. Как пример можно привести подготовку очных ставок Урицкого (начальника Разведупра) с Беловым (командующий Белорусским военным округом). Урицкий отказался от показаний на Белова при допросе его Ежовым. Не став с ним разговаривать, Ежов ушел, а спустя несколько минут Урицкий через Николаева (следователь. — **Прим. авт.**) извинялся перед Ежовым и говорил, что он «смалодушничал».

По массовым операциям в самом начале была спущена директива Ежова в полном соответствии с решением правительства. В первые месяцы она протекала нормально. Вскоре было установлено, что в ряде краев и областей были допущены убийства арестованных на допросах и в последующем дела на них оформлялись через «тройку», как на приговоренных к расстрелу.

Поступающие к нам массовые сигналы о так называемых «перегибах», по существу разоблачавшие нашу работу, по указанию Ежова оставлялись без всякого реагирования. В тех случаях, когда не было возможности вследствие вмешательства ЦК прикрыть, заглушить тот или иной разоблачительный сигнал, шли на прямые подлоги и фальсификацию» (Архив Главной военной прокуратуры, НП—30368—39, с. 97—101).

За грубые извращения следственной работы предстали перед трибуналом сотрудники особого отдела Славин и Рассохин, сфабриковавшие уголовное дело на военного прокурора Северного флота И. Гая. Преступной деятельностью названо репрессирование военного прокурора Харьковского военного округа Романовского, следователи Примаков и Рейхман осуждены. Такая же участь постигла Журида с Ушаковым (Ушимирским), выбивавших показания из Ланды.

Создается впечатление, что Сталин и его ближайшее окружение решились применить эффект встречного пала, когда на пути лавины огня (репрессии) встает не менее мощная встречная лавина. Но этот «пал» был ответной реакцией на многолетнюю деятельность распространителей кровавой эпидемии беззакония. И нынче дети и внуки явных и тайных палачей русского народа мстят Сталину, мертвому, не столько за его жестокости, сколько за связанное с его именем наказание преступников.

●

Литературная критика

Владимир ВАСИЛЬЕВ

НЕНАВИСТЬ

(Заговор против русского гения) *

Солженицын вывел Крюкова под именем Федора Дмитриевича Ковынева, о чем свидетельствует изложенная автором биография этого персонажа: уроженец ст. Усть-Медведицкой, Области Войска Донского, преподавал в гимназиях Орла и Тамбова (здесь Солженицын неточен: не Тамбова, а Нижнего Новгорода, однако художественная целесообразность требует от писателя связать Ковынева с Тамбовом), депутат Государственной думы первого созыва, пострадал за подписание так называемого Выборгского воззвания, писатель, автор книги «Казацкие мотивы», сотрудник «Русского богатства», выезжал на Кавказский фронт и т. д. Другое свидетельство: подлинные заметки из записных книжек Крюкова, выделенные Солженицыным в отдельную главу и почему-то помещенные им под заголовком «(Из записных книжек Федора Ковынева)» **. Принадлежность заметок Крюкову легко идентифицируется их сравнением с аналогичными вкраплениями в произведениях прозаика, использовавшего свои записи в качестве заготовок для очерков и рассказов. К примеру, заметку, начинающуюся со слов: «Приехал со службы казак, в офицеры выслужился. Горница полна гостей» и т. д., находим — с соответствующей сюжету «пригонкой» — в рассказе Крюкова «Офицерша» («Русское богатство», 1912, № 4). Но дело не в этом и даже не в том, насколько правомерно авторство подлинных записных книжек известного писателя навязывать как бы вымышленному персонажу. Суть в ином: перед нами действительно Крюков, по каким-то неясным соображениям выведенный Солженицыным под фамилией Ковынева.

Итак, Крюков, хотя, повторюсь, для Солженицына формально неважно: Крюков ли, Ковынев, суть не в конкретных именах, а в том, что «Тихий Дон» написан не Шолоховым, а кем-то другим. В данном случае — Крюковым, выступающим под псевдонимом.

В «Красном колесе» мы знакомимся с Ковыневым (Крюковым) в октябре 1916 года и находим его творческие дела в следующем

---

* Окончание. Начало в № 11.

** См.: Солженицын Александр. Октябрь шестнадцатого. Наш современник. 1990, № 2, с. 116—126.

состоянии: «И вот уже в последние годы что-то, кубыть, переливается из заготовок в формы: главные лица, и эпизоды, и целые главы — так ли? хорошо ли? Границы точной нет, все колышется, не застынет: роман не роман, а может Поэма в прозе, и с названьем, наверно, самым простым — «Тихий Дон», потому что черезо все растекаются — Дон да кормящие запахи любушки-земли. Да первая часть и готова, но Федя от робости не осмеливается предложить публике: ведь еще что из того выйдет? И сразу укажут дружно, что слишком много бесцельного быта, слишком много пейзажа, а как же со свободолюбием?» (с. 128).

Здесь напрашивается комментарий. Говоря о творческой судьбе Крюкова, Солженицын в «Октябре шестнадцатого» упрекает «Русское богатство» в насилии над духовной свободой донского самородка, уступавшего требованиям редакторов и критиков журнала писать о социальной справедливости, свободолюбии, реакционности казачества, антинародной сущности столыпинских реформ и т. п. (с. 127). В этих суждениях Солженицына нельзя не заметить стремления подправить Крюкова задним числом, в связи с проблемой авторства «Тихого Дона»: в «Русском богатстве»-де Крюков искаженный, а не истинный, ибо Крюков, по Солженицыну, был рожден для излияний о том, «как в зеленой балке между пашен лопаются почки на кустарнике», и «цветут овраги», и «тучи плывут по ту сторону Дона» (с. 127), а его портили навязываемыми ему социальными идеями. Однако содержание ранних вещей Крюкова не согласуется с наблюдениями Солженицына, о чем красноречиво говорят даже названия его произведений, опубликованных до «Русского богатства»: очерк «Казачьи станичные суды» (1892), «Шульгинская расправа. Этюд из истории Булавинского возмущения» (1894). Ни в одном из изданий до «Русского богатства» Крюков не заявил о себе столь самостоятельно, чтобы сразу же заставить уважать себя в литературе и считаться с собою; до публикации в этом журнале у него и песни-то настоящей о «цветущем овраге» не сложилось. «Русское богатство» в большой степени дообразовало Крюкова. И, конечно, многие из либеральных идей, усвоенных писателем в журнале, были им впоследствии с горечью переоценены и отброшены, но отсюда вовсе не следует, что Крюков родился таким, каким он стал в 1917—1919 годах. Грубым выпрямлением духовного мира человека не объяснить сокрытых и до конца не ясных причин, по которым люди, связанные дружбой, детством, одними и теми же преданиями, как, допустим, Крюков и Миронов, оказываются в определенные исторические моменты по разные стороны баррикад.

«Русское богатство» наконец образовало Крюкова и профессионально, в особенности это относится к В. Короленко и П. Якубовичу, редактору по отделу беллетристики, который много возился с прозаиком из Орла, приводя его сочинения в порядок по части сжатости, стройности и выразительности *. Не подвернись автору очерков «На тихом Дону» «Русское богатство», неизвестно еще, в какие бы руки попал Крюков,

* Крюков Ф. Памяти П. Ф. Якубовича // Русское богатство. 1911. № 4. с. 117—124.

увлекшийся было модернизмом из любви к прогрессу, и что без постоянной поддержки столичных писателей вышло бы из него, не однажды порывавшегося подальше забросить чернильницу и перо?

А теперь возвратимся к Ковыневу (Крюкову), написавшему в октябре 1916 года первую часть «Тихого Дона», и посмотрим, насколько он продвинулся в своей работе за четыре месяца, в «Марте семнадцатого». В новом узле мы застаем Ковынева (Крюкова) во дни февральской революции в Петрограде мечтающим о Доне, о весне, о том, как он будет ходить за плугом, обихаживать с лопатою сад, а времени остается мало, и надобно «до весны продвигать роман», «больше... успеть написать и отделать дорогих, душевных страниц» («Нева», 1990, № 1, с. 69). Много ли написано? На этот вопрос автор «Марта семнадцатого» прямого ответа не дает. Установить растущий объем рукописи можно лишь косвенно. По навязчивым образам и картинам, постоянно занимающим воображение Ковынева (Крюкова). Понятно отчасти, что эти образы вызываются приближающейся весной, прибавлением тепла и света; очевидно и другое — эти образы являются внутреннему взору как художественные обобщения, как мучительная духовная реальность; и чтобы от нее, такой реальности, освободиться, надо перенести ее на бумагу, выписаться. Из несобственно прямой речи Ковынева (Крюкова) можно узнать: «Сколь видено и пережито казаков, и сам же казак, — а один вот выдвинулся, видится все время, — черночубый, высокий, малодоброжелательный, — как он подъезжает к водопою и встречается с женой соседа. А казачка та—соединенная из нескольких станичных баб...» (с. 69; подчеркнуто мною. — В. В.).

Не могу заподозрить Солженицына в том, что он воспользовался чужой рукописью и, в спешке готовя ее к изданию, напутал в мелочах. Ведь что получается? В октябре 1916 года Ковыневым (Крюковым) была написана первая часть «Тихого Дона», состоящая из двадцати трех глав, а в марте 1917-го, как выясняется, он еще только на подступах к третьей главе первой части: сборы казаков в майские лагеря, Григорий выводит Петрова коня за калитку, и — знаменитая сцена: «Чуть тронув левой рукой хочку, вскочил на него и с места — машистой рысью», а «с горы, покачиваясь, сходила Аксинья...» Если Ковынев (Крюков) и далее будет продвигаться с романом такими темпами, то ему понадобится для его завершения девятнадцать лет, а в запасе автора — ровно три года...

Самое убедительное художественное (не научное) доказательство в пользу написания «Тихого Дона» Крюковым есть образное воссоздание его работы над романом, а также психологическое изображение душевных мук и терзаний автора, связанных с воплощением замысла произведения. Сколь ни предвзят Лев Толстой в своем отношении к Наполеону и как ни правдив А. Манфред в его научной биографии Наполеона, читатель знает Наполеона не по Манфреду, а по Толстому. Расчет Солженицына, создающего, по его мнению, вечные книги, точен: все минет — статьи, доказательные или ложные литературоведческие исследования, а вечное «Красное колесо» с его Ковыневым (Крюковым), воображающим сцену встречи Григория с Аксиньей, — останется. Было бы вообще идеальным, окончательным

решением проблемы авторства, если бы Ковынев (Крюков) поближе к своей смерти, этак к концу 1919 года, стал попросту перечитывать «Тихий Дон» в «Красном колесе», тогда бы появился еще один узел (из четырех книг), отменяющий все остальные узлы...

На пресс-конференции в Стокгольме Солженицын обещал показать «уровень мастерства Крюкова», «подлинного» автора «Тихого Дона». Кажется, в «Марте семнадцатого» нам представляется счастливый случай реализации обещанного. Больше того: дабы «подлинный» автор не превосходил по художественности создателя «Красного колеса», Солженицын ухудшает текст Крюкова, лишая его главного — первородства мыслей, чувств, настроений и переживаний непосредственного очевидца февральских событий в Петрограде. Любознательный читатель может самостоятельно исследовать характер правки Крюкова Солженицыным, сравнив отдельные главы из «Марта семнадцатого» («Нева», 1990, № 2, с. 40—42; № 3, с. 69—71) с очерком «Обвал» (указ. соч., с. 488—511), а также — в будущем, когда «Красное колесо» появится у нас целиком, — заняться изучением процентного соотношения текстов подлинных авторов в повествовании с текстом собственно Солженицына. Предварительно же (имея в виду варварское обращение Солженицына с очерком Крюкова) не могу не согласиться с самим Солженицыным, писавшим Медведевой-Томашевской 24 декабря 1972 года: «Всякий плагиатор — убийца, но такого убийцы поискать: чтоб над трупом еще изгалялся, вырезал ремни, перешивал в другие места, выкалывал, вырезал внутренности и выквдывал, вставляя другие, сучьи».

Текст Крюкова в редакции Солженицына — никакими силами не опровержимый и доподлинный аргумент в затянувшемся споре об авторе и соавторе «Тихого Дона». Надежная отмычка к пониманию Солженицына в его отношении к первому в мире писателю XX века — Шолохову. Редактируя Крюкова, Солженицын наглядно демонстрирует технику идеологической фальсификации первоисточника. Хирургическая операция, проделываемая Солженицыным на покойном Крюкове, направлена в самое генную организацию этого прозаика: автор «Красного колеса», в полном соответствии с собственными предвзятыми представлениями о «подлинном» создателе «Тихого Дона», реставрирует, восстанавливает «настоящий» образ Крюкова, отслаивая его от ретуши и искажений, произведенных над ним якобы узурпаторами из «Русских записок». Солженицыну, конечно, виднее, но в случае с Крюковым берегущий его от неправды и лжеистины Божий Промысел отвернулся от него — сохранился наборный текст очерка «Обвал», написанный и подписанный рукою Крюкова на листках из школьной тетради, залапанных испачканными свинцом пальцами наборщиков (архив ИМЛИ, фонд Крюкова, ед. хр. 7, лл. 1—53). В этот текст не внесено ни одной поправки редакцией «Русских записок». Однако на страницах журнала поправки появились (незначительные вроде, в трех местах). И касаются они общероссийских, а не донских чувств Крюкова. Имея в виду войну и неуемное митингование, безделье и беспорядки на февральских улицах Петрограда, Крюков писал: «Зачем так забыта родина, заброшена мысль о ней» (л. 52). Эта

фраза оказалась вычеркнутой на журнальной полосе. Думаю, цензура Керенского еще не вступила в должность, а старым цензорам подобные фразы наверняка не могли понравиться. Смотрите на этот счет жестокие купюры, отмеченные точками, в очерках Крюкова «Около войны»: «Русские записки», 1914, № 2 (декабрь), с. 257, 258, 260; 1915, № 2, с. 207, 209; № 3, с. 219—226. Около печатного листа набегает; и все — о бедственном состоянии нашего войска, тыловой бестолочи и преступной деятельности военных и гражданских властей, все — опять о ней же, о несчастной России...

Методология отслоения «подлинного» от «мнимого» была изобретена в начале 70-х годов и, как тогда казалось ее сторонникам, успешно выдержала испытание практикой (при «анализе» «Тихого Дона» — книжка Д *, 1974). В дальнейшем ее изобретатели, начав с противопоставления «Дон — Россия», «Крюков — Шолохов», дошли в ее совершенствовании до крохоборства и мелкотравчатости и каждую описку, «неточно» употребленное слово или искажение географического названия поставили Шолохову в упрек: не мог-де подлинный автор того-то и того-то не знать, здесь описаться, там допустить искаженное словцо. Да я вот читаю воспоминания командующего повстанческими войсками на Верхнем Дону Павла Кудинова, уроженца ст. Вешенской (кому лучше знать географию мятежа!), и в каждом абзаце нахожу: вместо хутора Дубровского Дубовский, вместо станицы Каргинской Каргиновскую и т. п. И это всего лишь на двух с половиной печатных листах, а если на девяноста? У того же Солженицына крюковский сюжет в первой книге «Марта семнадцатого» занимает каких-нибудь шесть журнальных страниц. И что же? Редакция «Русского богатства» (ул. Баскова, 9) помещается им то в переулок Басков, то на улицу Баскова; казаков он называет дончаками (порода лошадей), а не донцами; в 1917 году Крюков уже не служит, вопреки утверждению Солженицына, библиотекарем в Горном институте, и эта должность не обеспечивала его материально (она давала ему 35 руб. в месяц); Крюков, каким он изображен в романе, далек от Крюкова в действительной жизни. Но мне как-то и в голову не приходит сказать: «Март семнадцатого» написан не Солженицыным, а кем-то другим; и я вполне допускаю, что в некоторых случаях автор оставил описки по недогляду, в других — чего-то не знал, в третьих — пошел на искажение первоисточника сознательно. Судить же о стиле, раскладывая цельный текст на принадлежащее разным авторам, — занятие бесплодное. И несравненный Гоголь бывает иногда поэтом «общих мест» и выспренних банальностей.

Или Лев Толстой, путающийся в словах до полной потери смысла: «Она все над ним делала только для себя и говорила ему, что она делает для себя то, что она точно делала для себя, как такую невероятную вещь, что он должен был понимать это обратно» («Смерть Ивана Ильича»). Прочитав подобное, Медведев вполне мог бы заключить: Л. Толстой переписывал с чужой рукописи, но наткнулся в ней на не завершенное ее автором предложение и, безграмотный, через пень-колоду вымучил его до конца. Текстологические «находки» именно такого характера и становятся расхожими в «трудах» антишолоховедов.

V

Заявив, что «Тихий Дон» написан в **чужом ключе** по отношению к собственному автору» и что подлинным автором романа является Крюков, Солженицын в «Октябре шестнадцатого» и «Марте семнадцатого» настаивает на расхожей и никем не доказанной версии о работе Крюкова над произведением в конце 1916-го или начале 1917 года. Конкретная дата ко многому обязывала. И когда Солженицын воспользовался в «Марте семнадцатого» очерком «Обвал», он — как писатель чуткий и не лишенный понимания творческой психологии художника изнутри — почувствовал: Крюков, запечатленный в «Обвале», резко отличается от «образа автора» в первой книге «Тихого Дона». И хотя подгонка «Тихого Дона» к Крюкову началась давно, в середине 70-х, «вычисленный» *тогда* «подлинный» автор не идентифицировался с автором «Обвала» *теперь*. Солженицын, быть может, ожидал, что гипотетический создатель «Тихого Дона» отразится в «Обвале», как в зеркале; получилось же непредвиденное: он не только не узнал в очерке самого себя, но и встретился с собственным отражением как с заклятым врагом. И теперь возникла необходимость в подгонке действительного автора «Обвала» к ранее «вычисленному» «подлинному» автору «Тихого Дона».

Злая шутка, которую сыграла с антишолоховцами история, объясняется просто: в пору, когда в диссидентских кругах (вторая половина 60-х) вынашивались «ученые трактаты» о плагиате Шолохова, большие ценители крюковского дарования знали о Крюкове понаслышке и приблизительно: главное — уличить, дискредитировать, уничтожить, а разбираться будем потом. Приспело время разбираться, и оказалось: подлинный Крюков не умещается в отведенное ему стойло теоретически найденного «подлинного» автора «Тихого Дона», «имперское сознание» великовато для отдельно взятого национализма. Что же делать? Обтесывать, обструтивать, выбирать пазы и, шлифуя стыки, подгонять таким образом искаженного Крюкова к столь же обтесанному и обструганному, ненатуральному автору «казачьей» эпопеи. Вначале Солженицын «разоблачил» Шолохова, теперь «разоблачает» Крюкова, но, как ни странно, в титанической борьбе с не могущими ему возразить противниками он разоблачает прежде всего себя, откровенно обнажая собственную методологию в обращении с историческими источниками.

Солженицын сознательно фальсифицирует не только политические взгляды Крюкова, но и его духовное состояние в февральские дни 1917 года. Оно, это состояние, не давало внутренней свободы, не позволяло забыться в творчестве и не склоняло к воображению идиллических картин с Аксиньей и Григорием на крутом берегу Дона. Поэтому Солженицын опустил или заменил своими характерные самопризнания Крюкова: «не на чем отдохнуть душой»; «закроешь глаза — реальный мир уходит, но приходит другой, виденный за степями, живой и трепещущий, встают лица солдат, фигуры прохожих, и над самым ухом чередой проходят все недавние звуки, стук, грохот...» (с. 507).

Причиной, по какой Солженицын заставил Крюкова сочинить первую книгу «Тихого Дона» в 1917 году, послужило бездоказательное утверждение Б. Двинянинова (повторенное Медведевым): «Есть данные, что он в это время (1917—1918 гг. — **В. В.**) работал над романом из жизни донского казачества» *. Больше го доверия заслуживает сообщение М. Мезенцева, ссылающегося на письмо Крюкову близкого друга писателя Д. Витютнева: «Помните, Вы говорили, что собираетесь написать большую вещь на тему: казаки и война...» **. Письмо, местонахождение которого Мезенцев не указывает, датировано 1 февраля 1917 года.

Между желанием написать большую вещь и его осуществлением проходят месяцы, а иногда и годы. И спустя два с лишним месяца после витютневского письма Крюков все еще собирался «засесть» за работу. В апреле 1917 года он писал А. Горнфельду из Новочеркасска: «Соскучился по литературе. Материалом переполнен до чрезвычайности, попробую засесть».

Дальнейшая очерково-публицистическая работа Крюкова, поспешающего за текущим днем, затем грянувшая вскоре Октябрьская революция, публикации писателя 1917—1919 годов и его активная общественная деятельность не позволяют утверждать, что ему все же удалось сохранить эпическое спокойствие и приняться за написание романа. Из письма Горнфельду неясно, о романе ли идет речь, а может, речь идет об избавлении от «беременности» материалом в виде очерков и статей, чему горячо и отдается Крюков в рассматриваемое нами время.

Ныне покойный В. Проскурин, земляк Крюкова и один из лучших знатоков и исследователей его творчества, допущенный, по словам Мезенцева, к так называемой петроградской части архива писателя (бумаги, оставленные Крюковым на квартире Н. П. Асеева перед его, как оказалось, последним отъездом из Петрограда на родину в 1917 году), довольно категорично заявлял: «За 1917—1919 годы он (Крюков. — **В. В.**) не создал ничего значительного» ***. Думаю, петроградская часть крюковского архива известна и Солженицыну, который был знаком с его хранительницей — М. А. Асеевой, племянницей земляка Крюкова — Н. П. Асеева, и приезжал к ней по этому вопросу специально. З. Б. Томашевская предполагает даже, что Мария Акимовна могла отдать архив Солженицыну. Во всяком случае, глава «Из записных книжек Федора Ковынева» в «Октябре шестнадцатого» прямо свидетельствует о наличии у Солженицына крюковских бумаг или копий с них. Будь в этом архиве нечто хотя бы отдаленно намекающее на «Тихий Дон», Солженицын давно бы оповестил мир о такой находке...

Не мог Крюков «засесть» за большой роман, подобный «Тихому Дону». Реализация такой задачи не соответствовала духовному и психологическому укладу Крюкова 1917—1919 годов. Больше того: на создание эпоса у Крюкова попросту не оставалось ни времени, ни физических сил и возможностей. В последнем легко убедиться даже из беглой и краткой летописи жизни и деятельности Крюкова в 1917—1919 годы.

В конце мая 1917-го открывается сессия Войскового Круга во главе с атаманом А. Калединым — Крюков принимает участие в ее работе. Октябрьскую революцию он встречает в родной

* А. С. Серафимович (1863—1963): Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. С. Серафимовича. Волгоград, Нижне-Волжск. кн. изд-во, 1963, с. 149.
** Газ. «Коммунистический путь» (г. Серафимович). 1988, 13 сент.
*** Волга, 1988, № 2, с. 148.

Глазуновской. События этого времени, конца 1917-го — начала 1918-го, находят оперативный отклик в большом очерке писателя «В углу», напечатанном в пяти номерах — солидными «подвалами» — газеты «Свобода России».

С конца января 1918-го Крюков занят подготовкой восстания против большевиков на северном Дону в «Союзе вольных хуторов и станиц», организованном для борьбы с окружным Советом рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. В конце апреля «союз» вытесняет красноармейцев из Усть-Медведицкой и начинает готовиться к штурму «гнезда большевистской совдепии» — слободы Михайловки. В составе освободительного отряда полковника Т. Старикова Крюков во второй половине июля берет Михайловку.

В августе 1918-го, на пятой большой сессии донского белоказачьего парламента, Крюков избирается секретарем Круга, а по возвращении в родные края из Новочеркасска — директором Усть-Медведицкой мужской гимназии. В ноябре Усть-Медведицкая широко отмечает писательский юбилей Крюкова (25 лет). Праздник был далеко не литературным — смысл его наиболее ярко выразили составители сборника «Родимый край», приуроченного к юбилею писателя: «В эти скорбные дни развала и бессилия России Федор Дмитриевич Крюков является одним из тех, пока немногих, кто всею своею жизнью и деятельностью служит делу собирания и объединения нашей разбитой и опозоренной родины. Он один из тех светлых пророков, которые заставляют верить замученное сердце, что наша матерь, Россия, скоро восстанет из тлена, по слову Господа, и исполнится великого духа».

1919 год складывается для Крюкова столь же напряженно. В феврале открывается сессия большого Войскового Круга, продолжавшаяся четыре месяца (до 1 июля). Крюков в составе президиума, как секретарь Круга, руководит ее работой, в его обязанности входит также управление канцелярией, занимающейся текущим, необходимым для депутатов, делопроизводством *. С 1 апреля он — редактор газеты «Донские ведомости» и позднее — составитель трехтомного «Свода законов Всевеликого Войска Донского».

В десятых числах июня Крюков наконец-то вырывается на родину и до конца октября находится в Усть-Медведицкой сводной бригаде на позициях антибольшевистского казачества. Факт, подтверждаемый содержанием его очерка «Усть-Медведицкий боевой участок» **, а также тем обстоятельством, что с 13 июня по 22 ноября номера «Донских ведомостей» подписывал временно исполняющий обязанности редактора профессор Н. Асеев.

Интерес Крюкова к Усть-Медведицкому боевому участку совершенно не связан с литературой и накоплением материала для романа. Дело в том, что на этом фронте, протянувшемся по горам, буеракам, пескам и талам на двадцать верст, держали оборону и погибали до времени его, директора гимназии Крюкова, воспитанники, самоотверженные и героические мальчики, — «ученики, настоящие гимназисты, реалисты, семинаристы, малолетние из медведицких станиц от 15 до 18-летнего возраста *. Педагог, он переживал в этот период нечто более потрясающее душу, чем сочинение слов на бумаге, ибо «родина теряла последние лепестки, самые ароматные, нежные и прекрасные» **.

Подытоживая разговор о Крюкове, необходимо сказать, что периоды творческого кризиса, испытываемые прозаиком еще в 1912—1914 годах ***, лишь на время сменились относительной активностью писателя с началом первой мировой войны, на события которой он отозвался очерками и публицистикой. В годы войны Крюков совсем оставляет художественную прозу. В его публикациях, появлявшихся в основном в «Русских записках» и «Русских ведомостях», не обнаруживается также стремления и усилия их автора, направляемых на «собирание» и обобщение жизненного материала. Непосредственное, по горячим следам происходящего, восприятие и описание действительности идет в ущерб ее художественному исследованию. Публицист начинает подавлять в нем художника, а гражданин — объективного наблюдателя. Та неоскорбляемая часть души, какая ведает художником в человеке, оставляет Крюкова, вынужденного отодвигать на потом осуществление своих художественных задумок, до которых теперь — а *это теперь* вскоре растянется для прозаика до самой его смерти — не доходят руки.

В 1917—1919 годы письмо прозаика заметно политизируется и теряет в художественной объективности и глубине. Уйдя от литературы в политику и целиком отдавшись интересам «белого дела», Крюков в последние годы жизни не написал ничего художественного и не подтвердил, да и не пытался подтвердить той высоты, какая была им завоевана в 1904—1915 годах. И кажется, чем чаще прозаик говорил о своем желании «засесть» за большую вещь, тем труднее ему было это сделать. Обстоятельство, которое нельзя объяснить иначе, как психологическим укладом личности Крюкова.

В духовной конституции Крюкова было нечто такое, что не позволяло ему «во дни безвременья, в годину смутную развала и падения духа» **** заниматься литературой как искусством. Мысль о пушках и музах, сколько бы ни пытались ее оспорить, для серьезного писателя — не пустой звук, хотя понятно: для кого война — слезы, а для кого — радость. К исходу жизни Крюков вообще, думается, потерял веру в силу слова, чему в немалой степени способствовала суровая переоценка им своего прежнего писательского опыта, ибо Крюков 1917—1919 годов находился в сложных отношениях с Крюковым 1905—1907-х и отчасти последующих лет — с тем либеральным Крюковым, который несколько бравировал своим безбожием, зло высмеивал патриотов и издевался над лозунгом «За Веру, Царя и Отечество».

Переступив порог Первой Думы с наивной уверенностью, что исстрадавшийся народ не так уж трудно осчастливить, что «надо лишь сказать — и само собою станет всем ясно, и само собой легко будет сделано... И все то, что и видел перед собою, скуд-

* См.: Положение о Войсковом Круге // Донская летопись, 1924, № 3, с. 313.

** Донские ведомости, 1919, 1 (14) окт. и 20 окт. (2 ноября).

* Донские ведомости, 1919, 1 (14) окт., с. 2.

** Там же, 20 окт. (2 ноября).

*** См.: Переписка между Ф. Д. Крюковым и А. С. Серафимовичем // Волга, 1988, № 2, с. 153, 156, 160, 162, 165.

**** Крюков Ф. Край родной // Север Дона, 1918, № 28.

ное и оголенное, не будет уже таким маленьким, серым, все расцветет, зашумит обилием жизни» *, Крюков через тринадцать лет назовет расчет на такую прекраснодушную словесность «сотрясением воздуха». И тот факт, что Крюков в конце жизни предпочел «лукавому» художественному слову язык дела, говорит о многом, равно как и то обстоятельство, что в грозные для судьбы Отечества минуты он осудил парламентские дебаты и вернулся на боевые позиции к своим усть-медведицким гимназистам.

В ноябре 1918 года лучшие «перья» журнала «Донская волна», с которыми Крюков был в близких отношениях, дружно упрекали писателя в отходе от литературы. В. Севский, отмечая, что гражданин в Крюкове задавил художника, извинял соратника по борьбе: «...литература могла бы предъявить Крюкову гражданский иск за «ненаписанные книги», но защищать интересы Крюкова пришла бы русская гражданственность».

Роман Кумов, не однажды писавший о Крюкове, нигде ни словом, даже на юбилейных крюковских торжествах, не вспоминал о романе, над которым якобы работал его друг и земляк. Да что Кумов, сын Крюкова — Петр Федорович, с которым отец не расставался до Новокорсунской, сам литератор, оставивший воспоминания о покойном родителе, как будто ничего не знал и никогда не слышал ни о каком романе. Земляки, сотоварищи, близкие Крюкову люди, оказавшиеся впоследствии за рубежом и не чуждые литературных интересов, — И. Крюков, П. Скачков, В. Мельников, Д. Воротынский (Д. Витютнев), А. Перелазов и другие — словно сговорились.

В белоэмигрантских казачьих изданиях, где печатали воспоминания о Крюкове многие из названных и не названных мною лиц, где появлялись время от времени известные произведения самого Крюкова, где, наконец, оторванный от родины казак находил главы из шолоховского «Тихого Дона» и неизменно высокие отзывы о нем с 1929 года, — в этих изданиях, исполненных подозрительности, а чаще ненависти к новой, советской России и ее большевистским писателям, не брошено даже тени на «Тихий Дон» и его автора. Причем высоко оценивается не только роман, но и донские рассказы, третируемые сегодня как школярские, «комсомолистые» и т. п.

Кем оцениваются? Если иметь в виду предельную крайность — журналом «Вольное казачество» (Прага — Париж, 1927—1939) под редакцией Игнатия Билого, бывшего члена Кубанского правительства, махрового русофоба и ярого казакомана. В этом издании как раз и присутствует весь тот нехитрый набор идей и эмоций, какими истинный казак, по Солженицыну, и должен отличаться от российского человека: большевики и комсомольцы — исчадие ада, Россия — империя зла, русский мужик — раб с холуйской душой, казак, продавшийся Советам, — последняя сволочь.

Сожалея, однако, о том, что «даже такой интересный писатель, как Шолохов, пишущий только о казаках, точно неизвестен, кто он — казак или нет» **, журнал и не думал выяснение этого вопроса связывать с талантом автора романа: Лев Толстой тоже

---

* Крюков Ф. Первые выборы // Русские записки, 1916, № 4, с. 164.

** Вольное казачество, 1929, № 47, с. 12.

не был казаком, но отсюда ведь не следует, что он, «иногородний», не мог понять казака, его душу, его язык и уклад...

«Вольные казаки», очень чуткие ко всякому проявлению подлинного «казацкого» духа и болезненно нетерпимые к посягательству на свои суверенные в этом смысле права, не уловили также грубых пропагандистских вставок в шолоховском «Тихом Доне», делающих роман противоречивым и бессмысленным, а его автора — раздваивающимся и уничтожающим самого себя.

Не странно ли?

* * *

Отношение Шолохова к Солженицыну и — шире — диссидентству 60-х годов — тема, заслуживающая отдельного разговора. Отчасти она прозвучала в статье, вскользь затронув небольшой круг лиц, в котором «варились», «парились» и «жарились» теоретические обоснования бородатого слуха о плагиате Шолохова. Судя по все усиливающимся нападкам на Шолохова со стороны отдельных «правозащитников», автору «Тихого Дона», как и в злосчастное порубежье 20—30-х годов (когда Шолохов слыл антисоветчиком по меркам неистовых ревнителей чистоты марксизма, дедов и отцов современных радикальных перестройщиков), до сих пор не могут простить последовавших за присуждением ему Нобелевской премии выступления на XXIII съезде КПСС (с осуждением Синявского и Даниэля), речи на IV Всесоюзном съезде советских писателей (о «ревнителях свободы печати»), отзыва о произведениях Солженицына... Все это копилось годами, искало выхода, прорвалось в середине 70-х на Западе, а в пору перестройки по-обезьяньи повторяется у нас...

Неприязнь к Шолохову, не оправдавшему надежд «духовного лидера независимой интеллигенции», была перенесена на его «Тихий Дон». Подмена, внешне выглядевшая вполне логичной, особенно с точки зрения некой высшей социальной справедливости, компенсирующей страдания нескольких мучеников, совершалась и совершается все же по законам жестокой политической борьбы: столь ярый, по «принципиальной» характеристике диссидентов, защитник советского ГУЛАГа, как Шолохов, не может быть создателем шедевра, равно как и любой другой русский писатель советского времени. Крюков — да, но необязательно он, а много важнее и лучше, чтобы автором «Тихого Дона» оказался забытый или вовсе никому не известный, уничтоженный во время гражданской войны донской гений, творчество которого умещается в рамки 1910-х годов и освобождает тем самым вакантное место для нового — стоящего в гордом одиночестве — «гения» эпохи социалистического тоталитаризма, ленинизма, сталинизма, хрущевизма, брежневизма и кромешного мрака.

●

Александр ТЕРЛЕЦКИЙ

«НЕ ПРАВЕДЕН, НО ПРАВ»

(Достоевский и философская критика конца XIX — начала XX в.)

Чем сложнее и глубже природа гения, тем сильнее и упорнее интерес к его творчеству. Неистребимое стремление «найти какой-нибудь общий толк во всеобщей бестолочи» (Достоевский), обрести путь, который приведет человека к спасению и убережет от гибели, укрепить веру в истинность пути избранного — вот что в первую очередь заставляло обращаться к Достоевскому серьезного читателя, критика и исследователя.

Для представителей русского религиозно-философского ренессанса, по словам С. Н. Булгакова, стал «интересен уже весь Достоевский, а не как обкорнала его и отпрепарировала публицистическая критика, искавшая в нем лишь социального обличения». Именно философской критикой Достоевский впервые был оценен по достоинству и достаточно глубоко понят. Характерно, что многие крупнейшие русские философы как бы считали своим долгом написать книгу о Достоевском.

По мнению Н. А. Бердяева, Достоевский оказал исключительное влияние на развитие всей русской философской мысли. «Он, быть может, малому научился у философии, но многому может ее научить, и мы давно уже философствуем о последнем под знаком Достоевского... В. Розанов, Мережковский, «Новый путь», неохристиане, Булгаков, неоидеалисты, Л. Шестов, А. Белый, В. Иванов — все связаны с Достоевским, все зачаты в его духе, все решают поставленные им темы».

Одну из главных своих задач русские философы, обращавшиеся к творчеству Достоевского, видели в критическом переосмыслении его основных идей в контексте важнейших проблем своего времени. Они стремились через временное решать, как и он, вечные вопросы. Несомненно и то, что наиболее значительным их работам был присущ научно-исследовательский характер. Поэтому принимаемое для совокупности этих работ обозначение «философская критика» в какой-то мере условно.

«Проблема Достоевского» была «действительно трудна, сложна и мучительна». И слишком вольное обращение с творческим наследием писателя, как справедливо заметил С. Н. Булгаков, более, чем многое другое, характеризовало собственную индивидуальность критика, определяло его «калибр». Приведенный ниже ряд цитат из работ двух авторов говорит сам за себя.

Достоевский «постоянно имел в запасе показные идеалы, которые он тем истеричнее выкрикивал, чем глубже они расходились с сущностью его заветных желаний и, если хотите, с желаниями всего его существа»;

«Он был обречен на участь перебежчика, изменника, предателя»;

«Они (либералы. — А. Т.) в бога не веруют, убить их надо — вот внутренний импульс Достоевского...»

Достоевский «заклинал русских идти войною на турок, хотя, конечно, одна самая скромная война требует больше крови, чем десяток революций».

Достоевский «многое видит, но пути не имеет, а потому пьяно шатается без определенного пути, для вида, стыдливости ради прикрываясь старыми догматами».

«То, что напутал он, окончательно вапутали его талантливые последователи (Мережковский, Розанов). Над некоторыми их положениями сам черт голову сломит, но не придет ни к какому результату».

«Достоевский привел в болото, надо искать новых путей».

По своему ниспровергающему пафосу эти высказывания близки к тем работам советских литературоведов, стараниями которых Достоевский в нашей стране издавался далеко не полностью. Благо, тогда, при «проклятом царизме», запретить его было нельзя. А. Белый, перу которого принадлежат последние три цитаты, через некоторое время сменил свой ернически-иронический тон в отношении к Достоевскому на умеренную милость. Л. И. Шестова (автора остальных высказываний) его коллега Вяч. И. Иванов заслуженно причислил к категории «дилетантов психологического сыска», «побуждаемых русским правдолюбием выступать в роли стряпчих по делам дьявола и кажущихся лично заинтересованными, чтобы представить провозвестника наших лучших надежд обманщиком и лжепророком».

Камнем преткновения при осмыслении мировоззрения Достоевского для многих исследователей являлся его монархизм.

Н. А. Бердяев недоумевал, как мог автор «Великого Инквизитора» соблазниться византийской государственностью. «Достоевский, — отмечал Л. Шестов прискорбный факт в творческой биографии писателя, — при всей независимости своей натуры, все же оказался в роли певца русского правительства».

Самые кощунственные обвинения, предъявленные Достоевскому и одновременно направленные против русского самодержавия, принадлежат, пожалуй, Д. С. Мережковскому, автору памфлета «Пророк русской революции». Знаменитый «ученик великого учителя» пришел в этой работе, в частности, и к таким выводам: «В кровавом бреду Достоевского о всемирной русской монархии «русский Христос» поклонился дьяволу»; «самодержавие от антихриста... и нигде в мире царство Зверя не было таким свирепым, безбожным и кощунственным, как именно здесь, в русском самодержавии»; «от жидовства к хлыстовству — таков путь Достоевского от православия к самодержавию».

Ослепленный ненавистью к монархии, Мережковский выразил упования «на величайшие бедствия», которые повлекут за собой «гибель России, как самостоятельного политического тела».

Оставляя за читателем право оценивать инвективы Мережковского по собственному усмотрению, посмотрим, каким было отношение самого Достоевского к царской власти и к такого рода «благим пожеланиям» в адрес России.

Для писателя, по крайней мере в ближайшем обозримом будущем, судьбы России и самодержавия были неразделимы. «Царь для народа, — писал он в последнем выпуске «Дневника Писателя», — не внешняя сила, не сила какого-нибудь победителя.., а всенародная, всеединящая сила, которую сам народ восхотел... Для народа царь есть воплощение его самого, всей его идеи, надежд и верований...» А единственной силой, «зиждущей, сохраняющей и ведущей» Россию, является «органическая, живая связь народа с царем своим». Такое отношение к царю, по Достоевскому, есть отличительная черта русского народа, и поэтому «история наша не может быть похожею на историю других европейских народов, тем более ее рабской копией» (здесь и далее разрядка моя. — А. Т.).

Достоевский в силу глубоко развитого чувства патриотизма не мог терпеть огульного поношения, а тем более отрицания России. Однажды в разговоре с ним И. С. Тургенев заявил, что «главная мысль» его романа «Дым» состоит в фразе: «Если б провалилась Россия, то не было бы никакого ни убытка, ни волнения в человечестве», и к этому «основному убеждению о России» прибавил, что «я сам считаю себя за немца, а не за русского, и горжусь этим». Достоевский, сделав своему собеседнику несколько ядовитых замечаний, откланялся и «дал себе слово более к Тургеневу ни ногой никогда», а спустя несколько лет в романе «Бесы» навечно запечатлел писателя в карикатурном образе литератора Кармазинова.

До логического конца свое отношение к подобным «убеждениям о России» Достоевский довел в типе — по удачному определению Мережковского — «грядущего всемирного лакея Смердякова», которого критик не преминул назвать «бесчувственной космополитической мразью». Напомню читателю, что Смердяков отличался брезгливо-нигилистическим отношением к православной вере, а самым заветным было у него желание, «кабы нас... покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с». Излишне говорить, насколько широко подобные настроения овладели умами современных смердяковых.

Вопрос об отношении к самодержавию в период первой революции был самым «больным вопросом» в среде русской интеллигенции. Показателен здесь пример С. Н. Булгакова.

Когда в 1906 году Д. С. Мережковский в своем известном памфлете почти риторически спросил: «На чью же сторону стал бы Достоевский, на сторону революции или реакции? Неужели и теперь не почувствовал бы дыхания уст Божиих в этой буре свободы?» — у Булгакова в «Очерке о Ф. М. Достоевском» уже был готов ответ: «Да, для нас это не гипотеза, а нечто совершенно достоверное, что Достоевский оказался бы в числе духовных вождей русского народа в борьбе его за освобождение от бюрократического вампира...» Далее, уже в унисон с Мережковским, следовало: «...царство бюрократии... под псевдонимом самодержавия» — «это уже настоящая область господства Сатаны, отца лжи и вражды...».

Интересно, что в начале революционной смуты Булгаков довольно скептически отнесся к провидческому слову «О страшном суде» епископа Антония Храповицкого, в котором между прочим говорилось об «упорных и жестоких» врагах церкви, «которые начнут с того, что отнимут у народа возможность изучать в школах Закон Божий, а кончат тем, что будут разрушать святые храмы и извергать мощи святых угодников...».

В 1909 году у Булгакова, судя по позднейшим его воспоминаниям, наступило прозрение, силу для которого дало ему православие: «Я стал, по подлому выражению улицы, царист. Я постиг, что царская власть в зерне своем есть высшая природа власти, по не во имя свое, а во имя Божие... Я почувствовал, что и Царь несет свою власть, как крест Христов, и что повиновение ему тоже может быть крестом Христовым и во имя Его. В душе моей, как яркая звезда, загорелась идея священной царской власти, и при свете этой идеи по-новому загорелись и засверкали, как самоцветы, черты русской истории». Что же касается Достоевского, то он вряд ли «почувствовал бы дыхание уст Божиих» в той «буре свободы».

Думаю, что в эпоху двух следующих революций в России Достоевский скорее всего стал бы на сторону того национального движения, главная идея которого была впоследствии философски обоснована И. А. Ильиным в книге «О сопротивлении злу силою» (1925). Сущность этой идеи в следующем. Христос призывал человека любить личных врагов, но не врагов Бога. Прощая личные обиды, «никто не вправе прощать чужие обиды или предоставлять злодеям обижать слабых, развращать детей, осквернять храмы и губить родину». Каждый христианин обязан помнить «тот великий исторический момент, когда божественная любовь в обличье гнева и бича изгнала из храма кощунственно-пошлую толпу». Принимающий бремя меча человек, защищающий поругаемое добро, «не праведен, но прав».

Родственность идеи «сопротивления злу силою» духу Достоевского подтверждает его позиция во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов. В основе призывов «идти войною на турок» и «Константинополь должен быть наш» лежала по большому счету одна забота — защитить братьев-славян от зверств турецкого ига. «Обнажим, если надо, меч во имя угнетенных и несчастных, хотя даже и в ущерб текущей собственной выгоде».

Другое доказательство — определенность отношения Достоевского к преступлению как сознательно творимому злу: «Кто очень уж жалеет злодея (вора, убийцу) и проч., тот весьма часто не способен жалеть жертву его». «Никогда народ, называя преступника «несчастным», не переставал его считать за преступника».

Таким образом, широко распространенное мнение о Достоевском как о проповеднике смирения перед злом не имеет прочных обоснований.

В свое время лидер народнической критики Н. К. Михайловский, «следуя трафарету нашей передовой печати все и вся объяснять условиями социальной жизни», сетовал на то, что у Достоевского нет определенного общественного идеала.

В. С. Соловьев (который, кстати говоря, защитил Достоевского от обвинения Михайловского в «жестокости таланта», назвав при этом последнего проповедником «Каиновой» морали) смот-

рея на проблему идеала по-другому. Он видел первейшую заслугу Достоевского именно в сознательном отвержении грубого, поверхностного идеала, который не связан с внутренним преображением человека и его божественным происхождением.

Достоевский, говорит Соловьев, чувствовал и понимал, что всякая самодеятельная человеческая правда перед высшей Божьей правдой — ложь и навязывать ее другим преступно. Для подкрепления идеи о бессмысленности всякого радикального переустройства общества Соловьев рисует такую картину: среди толпы слепых, глухих, увечных и бесноватых людей вдруг раздается вопрос «что делать?». Единственный разумный ответ на него: не может быть другого дела для больного общества, кроме нравственного исцеления, а пока оно выдает себя за здоровое — ему не исцелиться.

Не имея в своем распоряжении внешнего общественного идеала, Достоевский, по Соловьеву, обладал совершенно ясным представлением о трех важнейших истинах: он понимал, что, во-первых, даже лучшие люди не имеют права насиловать общество ради своего превосходства; во-вторых, общественная правда коренится во всенародном чувстве, а не выдумывается отдельными умами; наконец, эта правда должна быть связана с религиозной верой, с идеалом Христа.

Благодаря твердому знанию этих истин Достоевский, считает Соловьев, правильно предугадывал и указывал, куда приведет «господствовавшее тогда направление общественной мысли».

В 1880 году, с тревогой наблюдая за тем, как позитивистские идеи прогресса все больше и больше распространяются в русском обществе, К. Н. Леонтьев в статье «О всемирной любви» пророчески предостерегал: «наши лучшие умы», не желая «смириться» перед единственным национальным сокровищем — церковным православием, предпочитают ему «учения антинационального эвдемонизма», а это в конечном итоге приведет к тому, что «испытавши все возможное, даже и горечь социалистического устройства, передовое человечество должно будет неизбежно впасть в глубочайшее разочарование».

Сущность альтернативных путей общего развития России, человечества русским религиозным философам, вслед за Достоевским, представлялась в виде антитезы. «Два единственные пути, данные человеку: путь признания и путь непризнания Бога» — этот «основной выбор человеческого существования» открывается Вяч. И. Иванову в произведениях Достоевского.

С. Н. Булгаков находит в «Бесах» «безупречную постановку вопроса» двух путей, созвучную его собственному мироощущению: «Или вера, или жечь... уйти от этой альтернативы, при известной степени религиозной зрячести нельзя: или Бог или Хаос, уничтожение и самоуничтожение». В статье «Героизм и подвижничество» (сборник «Вехи») он объясняет различие между атеистической и христианской верой. Целью мирового и исторического развития для первой является «счастье последних поколений, торжествующих на костях и крови своих предков, однако, в свою очередь тоже подлежащих неумолимому року смерти»; для второй — «вера во всеобщее воскресение, новую землю и новое небо, когда «будет Бог все во всем».

П. А. Флоренский в своем фундаментальном труде «Столп и утверждение истины» отмечает, что Л. Толстой и Достоевский

«художественно» доказали: «Отрицание Бога всегда вело и ведет к безумию, ибо Бог и есть-то Корень ума». Возможны только «два пути: один — жизни и один — смерти».

У Достоевского проблема двух путей была неразрывно связана с вопросом «о камнях, обращенных в хлебы». Идея, выраженная в первом дьяволовом искушении, не раз подвергалась глубокой критике со стороны писателя. В подготовительных материалах к «Подростку» читаем: «Общество основывается на началах нравственных; на мясе, на экономической идее, на претворении камней в хлебы — ничего не основывается, и деятель надувает пока одних дураков. Нравственные идеи народа даются религией или формируются народной религией».

Там же эта мысль развивается: «Телеги, подвозящие хлеб человечеству. Это — великая идея, но второстепенная и только в данный момент великая. Ведь я знаю, что если я обращу камни в хлебы и накормлю человечество, человек тотчас же спросит: «Ну вот, я наелся; теперь что же делать?» ...При всем этом комфорте и бархате для чего, собственно, жить, какая цель? Человечество возжаждет великой идеи».

В письме к В. А. Алексееву от 7 июня 1876 года Достоевский изложил свое окончательное понимание этой сложнейшей проблемы, нашедшее впоследствии художественное выражение в «Легенде о Великом Инквизиторе».

«Камни и хлебы», — разъясняет Достоевский, — значат теперешний социальный вопрос, с р е д а. Это не пророчество, это всегда было. ...Нынешний с о ц и а л и з м в Европе, да и у нас, везде устраняет Христа и хлопочет прежде всего о х л е б е, призывает науку и утверждает, что причиною всех бедствий человеческих одно — п и щ е т а, борьба за существование, «среда заела». ...Дьяволова идея могла подходить только к человеку-скоту, Христос же знал, что хлебом одним не оживишь человека. Если при том не будет жизни духовной, идеала Красоты, то затоскует человек, умрет, с ума сойдет, убьет себя или пустится в языческие фантазии. А так как Христос в Себе и в Слове своем нес идеал Красоты, то и решил: лучше вселить в души идеал Красоты; имея его в душе, все станут один другому братьями и тогда, конечно, работая друг на друга, будут и богаты. Тогда как дай им хлеба, и они от скуки станут, пожалуй, врагами друг другу.

Но если дать и Красоту и Хлеб вместе? Тогда будет отнят у человека т р у д, л и ч н о с т ь, с а м о п о ж е р т в о в а н и е с в о и м д о б р о м р а д и б л и ж н е г о — одним словом, отнята вся жизнь, идеал жизни. И потому лучше возвестить один свет духовный».

С. Л. Франк в статье «Достоевский и кризис гуманизма» заметил, что Достоевский, не зная ни марксизма, ни Ницше, в своем творчестве предугадал оба эти течения. Первое из них сам Франк охарактеризовал так: «У Маркса дело идет не просто об оправдании земной, плотской природы человека; сущность экономического материализма и учения о классовой борьбе заключается в том, что именно силы зла — корысть, злоба, зависть — суть единственные подлинные двигатели человеческого прогресса». В марксизме, говорит Франк, традиционный гуманизм превращается в гуманизм с а т а н и н с к и й.

Сатана же, по определению Н. О. Лосского, это «существо,

дошедшее до предела зла, ненавидящее Бога и Царство Божие, а также все, что ведет к нему. Оно борется против Бога и всех, кто вступает на путь Божий».

Н. А. Бердяев среди демонических поветрий эпохи выделил два типа богоборчества — по движущим ими мотивам и целям.

Примером первого типа служит богоборчество Ивана Карамазова, которое — «не есть метафизическое отвращение к Богу и окончательное избрание зла, ибо в идее Ивана «есть великая боль и ужас недоумения, есть бунт правды земной против правды небесной», и цель его — обретение истины и высшей справедливости.

Второй тип богоборчества наиболее полно представлен в атеизме К. Маркса, который уже «не есть мука и тоска, а злобная радость, что Бога нет, что от Бога, наконец, отделались...». Подсознательной основой такого богоборчества, по наблюдению Лосского, является зависть к Богу. Возникает же она потому, что человек этого типа «любит себя больше, чем Предвечное Добро», испытывает «отвращение к мысли, что есть существо бесконечно более высокое», чем он. Следовательно, заключает Лосский, «пребывание кого-нибудь в небесах или в аду зависит не от произвола Божия, а от внутреннего состояния самого существа».

Достоевский, утверждает Бердяев, прекрасно понимал, что атеистический социализм идет на смену христианству, а не капитализму, с которым стоит на одной и той же почве: «он плоть от плоти и кровь от крови капитализма». Писатель, будучи убежден, что нельзя одновременно служить Богу и мамоне, более враждебно относился к «буржуазному» духу, чем социалисты, которые «целиком в плену у этого духа». «Марксистский социализм», резюмирует Бердяев, «возник на юдаистической почве» и «во всем построен так, что является антиподом христианства». Цель атеистического социализма — по Достоевскому — «вырвать с корнем христианство» и разрушить основы национальной государственности России.

Н. А. Бердяев вскрывает сущность революции как пути к социализму в сопоставлении с психологией отцеубийства в «Братьях Карамазовых». Психология отцеубийства «имеет очень глубокий, сокровенный, символический смысл... Путь безбожного своеволия должен вести к отцеубийству, к отрицанию отечества. ...Атеистическая революция неизбежно совершает отцеубийство, ...порывает связь сына с отцом. ...Смердяковское начало... должно побеждать в революции. Поднимется лакей Смердяков и на деле заявит, что «все дозволено». В час смертельной опасности для нашей родины он скажет: «Я всю Россию ненавижу!»

Следуя за ходом мысли Бердяева, задаешься вопросом: какая же судьба уготована тому, кто был осужден за отцеубийство?

Дмитрий Карамазов за несколько часов до ареста по дороге в Мокрое исступленно молится: «Господи, прими меня во всем моем беззаконии, но не суди меня. Пропусти мимо без суда твоего, ...не суди, потому что я сам осудил себя... Мерзок сам, а люблю тебя: во ад пошлешь, и там любить буду и оттуда буду кричать, что люблю тебя во веки веков... Но дай и мне долюбить ...здесь, теперь долюбить, всего пять часов до горящего луча твоего... Люблю и не могу не любить. Сам видишь меня всего».

В этой молитве, из ада взывающей к Богу, содержится не только залог будущего спасения Дмитрия (на что указал еще Мережковский). Она является неким символом, в котором заключается вера Достоевского в спасение всего русского народа.

Идею о спасительности православия для русского народа Достоевский не уставал повторять на страницах своего «Дневника Писателя». В предсмертном выпуске она была выражена в известной формулировке: «Но в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь в конце концов в с е с в е т н ы м е д и н е н и е м в о и м я Х р и с т о в о. Вот наш русский социализм! ...Кто не понимает в народе нашем его православия и окончательных целей его, тот никогда не поймет и самого народа нашего. Мало того: тот не может и любить народа русского.., а будет любить его лишь таким, каким бы желал его видеть и каким себе напредставит его. А так как народ никогда таким не сделается, каким бы его хотели видеть наши умники, а останется самим собою, то и предвидится в будущем неминуемое и опасное столкновение».

Как известно, «осанна» Достоевского Христу прошла «через большое горнило сомнений». Мысль о неискупленности страдании, быть может, больше всего терзала его сердце. С редкой эмоциональной силой воплотилась она в «бунте» Ивана Карамазова: «...я знаю лишь то, что страдание есть, что виновных нет, что все одно из другого выходит прямо и просто, что все течет и уравновешивается... Я хочу увидеть своими глазами, как лань ляжет подле льва и как зарезанный встанет и обнимется с убившим его. Я хочу быть тут, когда все вдруг узнают, для чего все так было. На этом желании зиждутся все религии на земле, а я верую. ...Уже когда мать обнимется с мучителем, растерзавшим псами сына ее, и все трое возгласят со слезами: «Прав ты, господи», то уже, конечно, настанет венец познания и все объяснится». Страдания «должны быть искуплены, иначе не может быть и гармонии. Но чем ты искупишь их? ...Неужто тем, что они будут отомщены? Но зачем мне их отмщение, зачем мне ад для мучителей, что тут ад может поправить, когда те уже замучены? И какая же гармония, если ад: я п р о с т и т ь х о ч у н о б н я т ь х о ч у, я н е х о ч у, ч т о б ы с т р а д а л и б о л ь ш е».

Да, наверное, это написать мог только «жестокий талант» и «певец страдания», в проповеди которого Достоевского обвиняло не одно поколение критиков-«гуманистов».

В «Идиоте» Достоевский описывает, какое тяжелое впечатление производит на Мышкина и Ипполита копия с картины Ганса Гольбейна «Мертвый Христос». На ней художник изобразил Христа таким, что трудно поверить в его воскресение. Поэтому эта картина, от созерцания которой «вера может пропасть», рождает мысль, что миром правит «темная, наглая и бессмысленно-вечная сила, которой все подчинено».

Христос, говорит Кириллов в «Бесах», «был высший на всей земле, составлял то, для чего ей стоило жить». И «если законы природы... даже чудо свое не пожалели, ...то, стало быть, вся планета есть ложь и стоит на лжи и глупой насмешке. Стало быть, самые законы планеты ложь и диаволов водевиль».

Но вера зависит не от внешних обстоятельств, а от внутреннего состояния человека. В душе Алеши Карамазова Достоевский подслушал, как совершается «чудо воскресения», которое нам «кажется невероятным, как самая невероятная из сказок». Но дело в том, убеждает нас Д. С. Мережковский, что «тайна рождения, воплощения — не больше и не меньше, чем тайна воскресения; то, что мы родились, столь невероятно, как и то, что мы воскреснем: вторая вероятность отличается от первой лишь тем, что вследствие новизны своей она менее для нас привычна».

С верой в воскресение Христово неразрывно связано у Вяч. И. Иванова будущее возрождение душ русского народа, описанное им в главе «Христос в преисподней и Ариман на месте свято» (статья «Лик и личины России»). Под символическим именем Аримана Иванов подразумевает одного из «демонов» — духа возмущения, растления и хаоса, который вместе с Люцифером — духом гордыни и «человекобожеского» обособления и с женским ликом «содомской красоты», противопоставляемой у Достоевского «красоте Мадонны», составляет силу сатаны.

Русский народ, по Иванову, в своем историческом бытии был поставлен «лицом к лицу перед черным призраком Аримана». Поэтому он «острее переживал единственность Спасителя и неступленнее ликовал о Воскресении в третий день». Этим Иванов отнюдь не утверждает, что русская душа — «христианнейшая» из всех народных душ. Ибо «соревнование племен в любви ко Христу не должно, извращаясь, уподобляться спору учеников о первенстве в Царстве». К тому же «памятно всем и то, что величайшая преданность не предохраняет от соблазнов отречения в годину испытаний тяжких, отречения всеобщего». Но, полагает Иванов, русской душой уже столько отдано сил на опыт Христовой веры, что ей больше ничего не остается, как вновь родиться из этой веры. Святая Русь — идеал будущего — воплотится через христианскую соборность, которой «ничего не надо, чтобы победить мир, кроме единого Имени и единого Образа».

Сейчас в эту перспективу мало кто поверит. На дне такой глубокой пропасти мы оказались, что многие из нас ничего даже представить себе в будущем утешительнее не могут, кроме «рая земного», да и то — улита едет, когда-то будет.

Пониманию губительности атеизма для русского народа дольше всех будет противиться интеллигенция, утратившая с народом всякую связь. Это предположение подтверждает книга Виктора Ерофеева «В лабиринте проклятых вопросов» (1990). Ее автор (признавая важнейший тезис Достоевского «если бога нет — все позволено» ошибочным) «открывает» «независимость нравственной нормы от религиозного гаранта». По-видимому, прав был Вл. Соловьев, когда говорил, «что русская интеллигенция мыслит странным силлогизмом: человек произошел от обезьяны, следовательно, мы должны любить друг друга». Цитирование «Вех» не мешает Ерофееву оставаться наследником той интеллигенции, которая в свое время, «разрушая народную религию», разлагала «народную душу», сдвигала «ее с ее незыблемых... вековых оснований». Возвращаться на эти «вековые основания» сейчас очень трудно. Но другого пути нет.

г. Симферополь

Ирина ИЗМАЙЛОВА

ПАНОПТИКУМ АЛЕКСАНДРА НЕВЗОРОВА

Может быть, и я свой жребий выну,
Горькая детоубийца — Русь,
И на дне твоих подвалов сгину
Иль в кровавой луже поскользнусь,
Но твоей Голгофы не покину,
От твоих могил не отрекусь.

Максимилиан Волошин

От автора

К читателю-другу:
Дорогой мой единомышленник!

Я взялась за эту работу не для того, чтобы блеснуть столь выгодным материалом, но потому, что верю: и в самое темное, в самое смутное время искусство живет своей жизнью, и не прекращается его развитие, раз есть еще надежда на будущее.

Я верю, что моя работа — только начало изучения нового сильного и интересного жанра телевизионного искусства, создаваемого нашим современником, через сердце которого прошли боль, тревога и надежда нашего, ныне такого несчастного Отечества. Я верю, что об этом жанре, об этом явлении в искусстве напишут еще многие и напишут лучше меня. Быть первым и трудно, и слишком заманчиво...

К читателю-недругу:
Уважаемый недоброжелатель!

Если избранная мною тема тебе неприятна, лучше не читать: когда хвалят то, что очень не любишь, на душе становится скаерно. Леонид Андреев сказал: «Я не червонец, чтобы всем нравиться». А о червонцах я писать не умею... То, о чем я пишу, уже стало явлением в искусстве, даже если еще лет пятьдесят никто не будет этого признавать...

Из отзывов телезрителей:

«Нет, нет, это невозможно смотреть! Это... ножом по сердцу... Кого он обвиняет и в чем? Никто не виноват, а он обвиняет! Ужасно!»

(Дама-учительница лет пятидесяти, либералка)

«Конечно, все это правда! Как она есть... Только вот не дойдет ведь до них, до сволочей! Не дойдет ведь! Но все равно молодец!»

(Мужчина-рабочий, лет под сорок, трезвый)

«Как тяжело смотреть! И как правильно... Как Достоевского читаешь».

(Пенсионерка 80 лет, в прошлом преподаватель, дворника)

«Сатанизм! Мерзость! Этим ничего не исправишь, только хуже может быть! Это еще больше озлобляет! Ненавистью ненависть не победить! Чего он добивается?!»

(Дама лет под пятьдесят, очень благополучная, при этом активная демократка; отзыв дан конкретно о паноптикуме «Власть»)

«Грубятина эти его «Телки»! Нет, не то... Это на искусство не похоже. Разве об этом та́к надо говорить?»

(Молодой человек под 30 лет, высшее образование, слово «телка» употребляет постоянно и с удовольствием)

«Спасибо! Мне пришлось когда-то жить в притоне... я знаю, что это такое! Он показал то, что есть, что нужно было показать, и так, как это нужно было показать... Для меня — это бальзам живой... Спасибо!»

(Женщина немного за 30, мать двоих детей, замужняя, врач)

ВСТУПЛЕНИЕ

Век XIX. Европа, пережившая катастрофу Великой французской революции, измученная большими и малыми войнами, породившая тьму великих, серьезных и смешных политиков. Европа, искавшая и не нашедшая пути обновления, утратила Веру, Надежду и Любовь, разочаровалась в добре, потеряла Бога.

Высокие идеалы Разума, что так пестовал и лелеял век XVIII, для XIX века оказались неприемлемы и не нужны, да и сам Разум в лучшем его смысле стал слишком велик для мелких нужд буржуа, которым в бурной суете вполне хватало просто здравого смысла...

«Сон разума порождает чудовищ». Разучившись верить в Бога, люди принялись отчаянно верить в чертей. Еще сильнее, чем в глухом средневековье, расцветают оккультизм и алхимия, входят в моду восточные вероучения с их культом самосовершенствования и утверждением человекобога, а обыватель, тоже измельчавший в дробильне революций и войн, становится суеверен, как никогда, и к извечной его трусости добавляется мнительность...

И в этом мире растущей тревоги, среди предчувствия прихода Антихриста — Гойя пишет свои «Капричос»...

Гротеск, гипербола, сарказм, — какими еще терминами обозначить эту гениальную и страшную фантасмагорию образов?

«Капричос» напугали, смутили и восхитили современников, не были поняты, но были приняты, как всегда принимается гениальное — то, о чем невозможно не думать, нельзя и не принять. Но мало найдется людей, готовых повесить любую из репродукций «Капричос» у себя на стене...

Век XX. Мир, едва переживший катастрофу 1917 года, до конца опустошенный ужасом двух мировых войн, утративший уже не Бога, а Человека, ибо жизнь человеческая перестает чего-либо стоить, — мир разуверяется в будущем, лихорадочно пытается вновь обрести идеалы, понимая, но поздно, что без них нельзя, однако вместо идеалов творит идолов.

Заменяя гуманизм ложной идеей недостижимого равенства, человечество уничтожает последние устои: эталоны, эстетику и мораль во имя раскрепощения личности, во имя свободы, но что есть личность и что есть свобода, общество уже не может объяснить: определение этих понятий нуждается как раз в эталонах.

Мистицизм, мракобесие, боготворчество, демонология всех сортов, восточные культы и школы, астрология, кабалистика, а вместе — ведьмина кухня, которой раньше занимались высшие и средние сословия, становится теперь помешательством всех, растлевает и совращает плебс и в его неловких руках становится опасной, как никогда.

В культуре, политике, искусстве царствуют уже не божки, а куклы-марионетки, самодовольные и бездушные, но жадные и неуемные. И чем неустойчивее общество, чем нестабильнее его существование, тем больше в жизни людей проявляется бесовство, тем меньше ощущается Разум.

В стране, некогда великой, от Бога доброй и талантливой, в разоренной и обездоленной России последние десятилетия царят все виды бесовства — от поклонения мумии до обожествления нищеты, от слепой веры в кощунственные, бесчеловечные истины до огульного отрицания всех и всяческих истин, попрания элементарных законов бытия, надругательства над немощными, над младенцами, над мертвыми...

И в этой измученной, уже стоящей на краю пропасти России (а может быть, не случайно именно в ней?) неожиданно рождается аналогия гойевских «Капричос».

Среди мрака, ужаса и тоски, среди лжи и бездушия, среди отчаяния слабых и равнодушия сильных журналист Александр Невзоров создает свои паноптикумы.

I. БОЛЬ ВРЕМЕНИ — ВРЕМЯ БОЛИ

«Легче всего делать выводы и клеймить или восхищаться. Труднее видеть, постигать и знать... Молча и мрачно, надрывая души, загадывать, пытаясь понять, что же впереди у нашего Отечества...»

(Паноптикум «Господин Красовский», осень 1990 г.)

Паноптикум — от греческого «pan» — все и «optikos» — видеть. Иносказательно — собрание необычайных, любопытных экспонатов, редкостей, наглядных пособий. И так уже оно получается, что цикл коротких телепрограмм, создаваемый в конце XX века ленинградским репортером-публицистом Александром Невзоровым, действительно все более становится наглядным пособием для желающего, невзирая на ужас и тоску, пристально всмотреться в наше страшное время, изучить его приметы, угадать нашу дальнейшую судьбу. А потребность в этом есть, если есть еще надежда, что мы не самые последние на земле, что Господь еще подарит нам, грешным и виновным, несколько столетий, чтобы мы успели одуматься, осмотреться, осознать, как много зла натворили.

Весь мир живет надеждой на эту отсрочку, и, как уже бывало в дни татарского нашествия, когда решалась судьба христианства, Россия готова стать тем последним камнем, который перетянет чашу весов либо — ввысь, либо — в бездну.

Паноптикум Невзорова как явление телевизионного действа существует всего год. Профессионально о нем практически еще никто ничего не сказал и не написал, ибо нашему бедному мыслями искусствоведению для того, чтобы сформулировать отношение к явлению, обязательно нужен аналог, а в данном случае аналогов нет...

Прежде всего, когда смотришь передачу «Паноптикум», любую из ее глав, совершенно не задаешься мыслью о ее жанре. А между тем этот вопрос следовало бы задать, ибо подобного жанра в кино, на телевидении пока еще не было.

Некто Ю. Богомолов, очевидно, кино- или телекритик, в порыве ярости громя журналиста Невзорова за его убеждения («Экран», 1991, № 6), невольно делает шаг к одному очень важному открытию, но до самого открытия не доходит, увлеченный политической полемикой. Он пишет: «Невзоров из документального кино переходит в художественное». Стоп! Выходит, уважаемый Ю. Богомолов воспринимает крошечные сюжеты «600 секунд» как документальное кино (ведь он их имеет в виду, говоря о документалистике), а десятиминутные «Паноптикумы», по его мнению, это уже — кино художественное! Что же, он почти прав! Во всяком случае, никому еще не удавалось заставить зрителя за десять минут экранного времени так глубоко, развернуто и полно увидеть событие, явление, почувствовать проблему и конфликт.

Но только это — не художественное кино. И не документальное. Это в отличие от «Секунд» уже не репортаж, не телеспектакль. это... паноптикум. Иного определения жанра невзоровских телегротесков пока нет. И если в будущем это явление будет изучено, а самый жанр получит развитие, то, видимо, так говорить и будут: «Снято в жанре паноптикума». Уже без кавычек.

Выражение «телегротеск» я употребляю не случайно. Основное в этих произведениях — сила воздействия на зрителя с помощью усиления, гиперболизации образа.

В одной из статей о Невзорове читаем: «Один его фильм по ударной силе равен обычным ста» (Щербаненко Н. «Советская культура», 1991, 9 февраля). Да, по ударной силе, лучше не скажешь. И заметьте — фильм! Данным словом мы опять-таки обозначаем, как правило, емкое, большое произведение... И вот тут невольно посещает мысль: а ведь когда смотришь «Паноптикум», то реально, для сознания, проходит не десять минут, а куда больше. Гротеск, заключенный в маленьком, десять-пятнадцать секунд являемом на экране образе, действует сильнее, чем в обычном фильме целая серия режиссерски продуманных сцен.

Живая девушка, в могиле засыпаемая землей; сумасшедшая старуха в грязном халате, поющая веселую песню среди инвалидных колясок, посередь жуткого коридора дома хроников; шарбаба, сокрушающая беспомощно и растерянно сгрудившихся людей; старик, пьющий огненную чашу вражды и злобы; вылетающие из рукоятей лезвия ножей с кровавой надписью «Театр»; медленно летящая чайка со стрелой в брюхе под звуки песни «Я хочу быть с тобой...». Страшные, мгновенные и безжалостно-точные обобщения, среди которых некоторые — документально отснятые кадры, а другие — режиссерски отработанные трюки, символы, воплощения. Неважно, что есть что, ибо все правда. Правда жизни, наплавленная на правду театра, убеждающая не приводимыми цифрами и фактами, как сюжеты «Секунд», а достоверностью ощущения времени и тем, что отражено в них главное — наша боль, наша суть, наше больное время.

Гражданское чувство автора, его безумная жалость к своему глубоко несчастному Отечеству вовсе не переходит в умиление, он воспринимает Россию такой, какая она есть, и если ностальгия звучит порою в его словах, то она разумна, в ней нет истерики: «Верните все назад!» Нет, Александр Невзоров знает, что в истории не бывает движения вспять. Но и прыгнуть через пропасть невозможно, а чтобы не рухнуть в нее, надо уметь оглядываться...

Как явление кинематографическое, «Паноптикумы» необычны еще тем, что у них автор сценария, литературного текста, постановщик — зачастую в одном лице. Это не театр одного актера, а театр одного автора, а такого в официальном киноискусстве еще не было, и это создает ощущение необычайной цельности, единства замысла и воплощения. Когда я прочитала тексты «Паноптикумов» подряд — один за другим, у меня возникло вдруг потрясающее чувство: тексты производят совершенно такое же впечатление, как и самый телесюжет! Слова рождают образ!

«Торговлю молодым девичьим мясом — с общего согласия происходящее совращение дурочек — мы обставляем как ритуалы и радуемся...» Слово «мясо» вместо «тело» подчеркивает рыночную суть безобразного торга, о котором повествуется в «Телках» (ох, как крыли их наши эстеты!), а неправильный на первый взгляд оборот «с общего согласия происходящее» вместо классического «происходящее с общего согласия» выделяет суть — нашу вину в поощрении проституции.

Меняется иногда у Невзорова и смысл слова, либо оно употребляется в забытом, старом значении, если именно это его значение подчеркивает наиболее удачно мысль автора.

«Все смешалось, смутилось — и великое смущение России отозвалось и на судьбах русских, оказавшихся в «цивилизованном мире» (паноптикум «Господин Красовский»). Смущение, смутилось — от слова «смута», и это исконное значение корня обнажает не просто состояние общества в данный исторический момент, но суть явления, уже происходившего некогда в этой стране и ныне вернувшегося, как неизбежно возвра-

щается все, что не было до конца осмыслено, что история не сумела объяснить, дабы предупредить новые поколения о возможном рецидиве болезни...

«...Сокрушение богов мнимых без знания Бога подлинного, разложение власти и страшная боль за прошлое, настоящее и будущее родной нашей России — приметы эти, увы, указывают на начало уже известного со времен семнадцатого века особого государственного состояния, исторически именуемого — «Смутное время»...»

Эти слова из невзоровского паноптикума, посвященного предсказателю Глобе, характеризуют отношение автора к эпохе, которую иллюстрируют его передачи. И в этих словах, точных, грустных и простых, одновременно и кредо Невзорова, и смысл появления его страшных и беспощадных «Капричос»-паноптикумов: о чем бы ни думал автор, какой сюжет ни занимал бы его в данный момент, через все его мысли и чувства проходит главное — Отечество.

«Смутное время» — историческая болезнь, вторично поразившая Россию, время нашей общей боли. Этим названием объединяется почти весь цикл паноптикумов, а мыслью этой они пронизаны все.

II. ЛИК ПРАВДЫ

Прежде чем приступить к описанию и анализу телепередач под названием «Паноптикум», смею поставить один вопрос, который, судя по изучению телезрительской почты НТК «600», волнует многих: зачем они появились? Ведь если это действительно новое явление в кино- и телеискусстве, то оно должно быть чем-то реально обусловлено.

Ответ — горький и простой. Сейчас правда, как она есть, сделалась так страшна, что в реальности обрела облик гротеска, и ее уже нельзя просто фиксировать документально — отталкивает, и нельзя изображать ее с помощью одних художественных образов — в нее не поверят, нельзя говорить о ней бесстрастно — это будет безнравственно... Значит, необходимо рождение сплава, обобщения — некоего документально-художественно-мистического портрета правды, вроде того, из старой восточной сказки...

Однажды некий мудрец задался целью найти в этом мире правду. И не только найти, а еще обязательно рассказать о ней всем людям, чтоб сделать их счастливыми... Обошел весь свет, но хоть и говорили ему много раз, что где-то она есть, а показать ее мудрецу или хотя бы указать, где она таится, никто не мог. И вот он уже почти отчаялся, но упорно продолжал искать, и однажды ему наконец поведал один древний-древний старик, что в затерянном среди гор монастыре, за семью подземельями спрятана эта самая правда...

Мудрец-правдоискатель добрался до того монастыря, уговорил монахов, чтоб его допустили в те самые подземелья, но когда прошел их и вошел в последнее, то увидел... Он увидел посреди большого подземного зала, освещенного ярким светом, высокий стол, на столе — блюдо, а на блюде — голову... Голова была плешива и беззуба, пучеглаза, криворота, с грязной кожей и мерзкими торчащими ушами. Она ухмылялась и строила рожи потрясенному мудрецу.

«Как?! — закричал он. — Это и есть правда?!» — «Да, — ответил настоятель монастыря, — и если ты, обойдя весь свет, не понял, что такова она и есть, то какой же ты мудрец?» — «Но что же я тогда скажу людям? Я же обещал им о ней рассказать!.. Как они примут такую правду?!»

И противная голова раскрыла свой беззубый рот и гнусаво пробleяла: «А ты соври!»

Такая вот сказка... Бог свидетель, я ее не придумала — мне такого не придумать.

А теперь у меня вопрос: что сделали бы люди с тем мудрецом, если бы он рассказал им о такой правде? Не поверили бы, верно... А если бы у него была... ну, скажем, видеокамера? Что бы они с ним сделали? А? Страшно?

Но тогда другой вопрос: если правда так отвратительна, то надо ли рассказывать о ней и тем более снимать на видео? Ну ее, в самом деле, к лешему!

Но вот у меня и вопрос третий: есть ли что-то за этой правдой, что-то превыше ее? Для атеистов — нет. Но, кроме правды, есть еще Бог, а значит, есть еще Истина — высокая, прекрасная и светлая. Но очень трудно, почти невозможно постичь ее на земле... Чтобы постичь, нужно много страдать, и не просто страдать, теперь ведь все страдают, — но нужно сознавать, что именно вызывает твое и чужое страдание, нужно понять, что есть зло. А для этого страшное лицо правды — нужно увидеть...

Вот затем и родился жанр паноптикума.

Сюжетно паноптикумы Невзорова делятся, если вообще уместно их как-то делить, на три основные группы:

1. Отражение явлений «Смутного времени». И здесь — еще одно полярное деление — страшные явления и светлые.
2. Хроника «Смутного времени», его герои.
3. Паноптикумы-портреты.

Так как мы рассматриваем явление в процессе его развития и паноптикумы продолжают создаваться, то и циклизацию их нельзя считать законченной — могут появиться иные линии развития жанра.

Поэтому анализ, равно как и деление, будет довольно условным и, наверное, более эмоциональным, нежели рациональным.

А впрочем, нужен ли рационализм, ежели говоришь об искусстве, тем паче об искусстве рождающемся?

III. И НЕ СУДИМ БУДЕШЬ... ИЛИ СУДИМ?

«...Бывают моменты, когда меж представлением и жизнью границы вдруг сгинут — и человек, со всей его бедой, волей, добром и злом, судьбой, — как меж двух зеркал, меж театром и жизнью реальной. И творится волшебное — как свеча, отраженная в двух зеркалах, становится бесконечной вереницей исчезающих в небытии огней без конца и начала — так же и человек вновь становится загадкой».

(Паноптикум «Театр». Осень 1990 года).

Первая группа — отражение явлений «Смутного времени» — самая объемная и самая емкая в плане поставленных вопросов. Но главный вопрос — как везде, как всегда — Россия, россияне, мы и наша судьба.

Если верить известной формулировке «Общественное бытие определяет общественное сознание», то нищету нашего сознания следует объяснить и отчасти извинить за счет чудовищной (и духовно, и физически) нищеты нашего существования. За семьдесят с лишним лет у великой страны и великого народа отняли все, что только можно отнять — не только Бога (что уж там Бога!), даже право хотя бы иногда уважать себя. Нас обрекли на нищету.

И очень символично, что первый паноптикум, самый первый, так и называется — «Нищие».

В сущности, он представляет собой как бы переходный этап от обычных сюжетов «Секунд» к паноптиковскому стилю — в нем пока что на первом месте фигура журналиста и его микрофон. Сцены убогого бытия петербургских нищих подаются с традиционной для «Секунд» стремительностью. Здесь еще нет символики, пиротехнических эффектов, нет обобщений — все сводится к констатации факта — нищета нищих условна, в Петербурге, как и везде в мире, нищие — особый клан, своего рода мафия: «Они подчинены единой силе и единому закону...» И тем не менее они жалки, и их жаль.

Но как ни иррационально существование нищих, они тем не менее вписываются в привычную суету нашей жизни, мы замечаем их, мы их сторонимся, но знаем и признаем, что они существуют.

Грань совершенно иного, абсолютно ирреального мира, о котором никто не знает, который возник и существует среди нашего бытия как бы в шестом измерении, являет следующий за «Нищими» паноптикум — «Свалка».

Люди, не удержавшиеся в жизни «на плаву», не нашедшие опору в жестоком мире, не прижившиеся нигде среди людей... и канувшие заживо в бездну. Люди, живущие среди отбросов, сами ставшие как отбросы, ибо не нужны больше никому, кроме свалки, в чудовищном организме которой они нашли свое место. Рабочие? Рабы? Трудно сказать, кто они... Им не покинуть свалку не потому, что их кто-то или что-то удерживает — просто они знают с в о е место, и самое ужасное — признают его с в о и м! Что сломило этих людей? Что лишило их опоры, выбросило из жизни нормальной в это противоестественное существование? Только ли неизлечимая болезнь общества, или они сами больны, отмечены некой отличностью от прочих людей? И может быть, как раз их чрезмерная чувствительность, неприспособленность к отравленной человечьей среде обитания — та самая лакмусовая бумажка, которая предупреждает — еще немного, и мы тоже начнем задыхаться, невыносимо мучиться, не сможем существовать в нормальном (вернее, прежде нормальном) мире...

«Свалка» поставлена уже совсем иначе, нежели «Нищие». Здесь уже не только документальные кадры, вернее, уже не столько они, хотя их лаконизм и точность по-прежнему сродни молниеносным секундовским зарисовкам. Но в этом паноптикуме условность, особая мистическая театральность занимают основное место. Пастельные краски, которыми автор рисует страшную картину, подчеркивают абсурдность, гротескность происходящего, равно, как и мелодия песни «Я хочу быть с тобой», постоянно звучащая за кадром. И контрасты, непрерывная цепь контрастов... Ослепительно высокое небо, но в нем — еще летящая, но уже убитая стрелой чайка (символ живучести и обреченности мира свалки), животворно зеленая, сочная трава, широкое пространство зелени и кажущегося покоя, а среди него — тряпочные норы свалочных жителей. Дикость пещерного бытия этих потерянных людей, но при этом — умные, насмешливые глаза «героя» (десятиминутного собеседника репортера) — Александра Олейника, сломанного, но еще не до конца всосанного свалкой человека.

Есть герой и в паноптикуме «Величие и падение Веталя», но там образ обанкротившегося дельца-миллионера появляется всего лишь как символ, как образец нарождавшегося советского предпринимателя, сумевшего «ввертеться» в систему наших жестоких законов, но не выдержавшего натиска «сверху».

«Частное предпринимательство не может быть честным и непреступным... Мы всем укладом жизни, всей логикой советского бытия обрекаем каждого стать врагом этого общества. И нашими законами, и нашей вдолбленной за 72 года моралью», — заявляет журналист, объясняя неизбежность столкновения государства и предпринимателя и, стало быть, его поражения.

«Величие и падение» сделано в своеобразной, очень динамичной манере, диалог репортера и Веталя чередуется со сценами на улице, у пивного ларька, то есть мгновенными зарисовками жизни, и это создает не контраст, а все вместе — определенный фон для проводимой автором мысли. Лично Невзорову Веталь неприятен, журналист и не скрывает этого, но вынужден ему сочувствовать, потому что «...как бы несимпатичны они ни были — увы, им, а не пятилетним планам вытаскивать страну из той трясины, куда нас привели и где бросили увязать коммунисты...».

«Величие и падение Веталя» появилось на экране летом 1990 года, когда в прессе впервые началась настоящая массированная травля журналиста Невзорова, еще пока не за политические убеждения, а просто за неприемлемое для традиционных рамок авторское и человеческое кредо, за ту самую правду, которую он осмелился показать, как она есть...

Но каждый невзоровский паноптикум бросал вызов. И он всегда был конкретно адресован. «Величие и падение» обвиняет законы, загнавшие в тупик предпринимателя. Паноптикум «ЛТП» (лечебно-трудовой профилакторий) обвиняет беззаконие, поставившее людей в положение скотов, потому только, что они, сломленные этим самым обществом и режимом, не сумели выстоять и спились...

Они не в больнице, они в тюрьме, за решеткой, за милицейскими постами. Там все, как в тюрьме, есть даже карцер. А между тем «...среди них нет ни одного преступника... Ни единого... Здесь нет человека, которому определена была бы мера наказания... они просто помещены на лечение... С бериевской удалью позачеркнуты к дьяволу миллионы судеб...».

«ЛТП» по своему построению лаконичен, репортажен, но это совсем не репортаж. Это по сути — мрачная, очень натуралистическая, но драматургически обработанная притча о нелепости закона, узаконившего беззаконие. Кульминация этого паноптикума — страшный диалог репортера с узниками ЛТП, когда, стоя лицом к лицу с монолитной, озлобленной толпой, простирая вперед руку с микрофоном, Невзоров кричит: «Мужики! У кого был адвокат? Я прошу, поднимите руки — у кого был адвокат? Я спрашиваю: у кого был адвокат?!» И голоса из толпы (где ни одной руки не поднято) отвечают: «Да не было, не было ни у кого...»

Осуждены без суда, не только без защитника, но и без обвинителя, то есть без обвинения, осуждены не судом, а... участковым милиционером, лечащим врачом. Бог знает кем!.. И это попрание закона по отношению к слабым, к слабейшим, к невыдержавшим натиска несправедливости для журналиста — грозный знак. Невзоров не был бы Невзоровым, если бы остановился на констатации факта, даже самого вопиющего; факт, как явление, не может быть не связан с прошлым и будущим. И в унижении узников ЛТП концентрируется унижение всех, доведенных до отчаяния, утративших или утрачивающих веру, всех нас, еще умеющих думать и от страшных мыслей теряющих рассудок.

И среди сдержанной репортажной речи автора вдруг прорывается фраза, мгновенно создающая новый мистически-гротескный образ: ЛТП, в которое медленно превращается чуть ли не вся страна.. (не «в который» — он, профилакторий, — а в «которое», ибо эта аббревиатура обрела в народе значение имени собственного...). Но при этом все-таки «медленно превращается», потому что еще есть сопротивление, потому что разум еще не померк, потому что народ еще не весь болен, потому что даже ЛТП восстало, требуя для себя закона...

И все же этот паноптикум был бы лишен логического заключения, если бы внезапно (как часто в этом жанре бывает внезапно!) не явился на экране канонический «невзоровский» образ церкви, священника и зажженных свечей и не зазвучала вдруг после горьких реплик узников, после жестких слов осуждения мучительная, знакомая всем, кто прочитал когда-то Достоевского, речь Мармеладова:

«А пожалеет нас тот, кто всех пожалел и кто всех и вся понимал... он единый, он и судия... И всех рассудит и простит — и добрых, и злых, и премудрых, и смирных».

Эту мысль Достоевского еще припомнит Невзоров в совершенно другом паноптикуме и уже не процитирует, а скажет совершенно иначе, не повторяя, это будут уже другие слова, подхватывающие идею. Но об этом — дальше.

«ЛТП», по сути, одна из самых грустных и безнадежных картин, потому что речь идет в ней о гибели еще крепких и недавно здоровых людей, мужчин, а держится земля именно на мужских плечах. Здоровье и нравственная стойкость мужчин — залог существования и развития нации, жизни страны. Но неумолимая безнадежность продолжает калечить их, «...и гибнет ежедневно под колесом своей победоносной истории изнасилованная и полумертвая Русь...».

«Гибнет под колесом победоносной истории...» Пожалуй, ни один публицист не давал более страшного и точного определения того, что с нами происходит.. Боязно сказать «произошло». Одна фраза, только одна, но смысл ее сокрушает «многопудье» семидесятитрехлетней болтовни, лозунгов, рапортов, маршей, заверений, заклинаний, либеральных, лицемерных рассуждений. «Колесо победоносной истории»!

В нынешнее время (пожалуй, самое лицемерное из всех этапов развития нашего «социализма», ибо оно — время лицемерия под флагом гласности), в наше дикое время извращения смысла слов и смысла понятий какой же гражданской честностью надо обладать, чтобы дать такое определение истории Отечества, которое продолжаешь не только любить, но и уважать безмерно!

Огромное преимущество Невзорова перед многими другими журналистами (сказала бы: «Пусть не обижаются», но они все равно обидятся, ибо убеждены, что это не так) — глубокое, в наше время редкое знание истории. Это не только десятки томов прочитанных дореволюционных книг, это и бесспорный дар аналитически осмысливать прочитанное, то есть знать историю в ее логической взаимосвязи с нынешним временем, видеть движение спирали — пути ее развития. И видя Отечество поруганным, души смятенными, общество фактически разрушенным, он не вопиет, как многие на страницах газет: «Что же произошло с нами?!» Он знает, ч т о с нами произошло.

В нескольких десятках метров от здания бывшего Смольного института — от нашего легендарного Смольного, перед которым, будто символ несокрушимости лжи, простирает руку «кумир на бронзовом броневике», — спрятан, искусно и позорно, психоневрологический интернат хроников. Как и в ЛТП, сюда отправили людей не на лечение, а в заключение. Только уже пожизненное. И любому из нас, как бы унижены и замордованы системой мы ни были, не представить всей меры унижения этих людей, потому что никому не дано заглянуть за те надежные стены...

Александру Невзорову однажды удалось и то, и другое — он вошел в здание интерната, он заглянул в глаза и в души его узников... «Интернат» — так и называется паноптикум, до конца раскрывающий еще одну из редких черт репортера-публициста — умение испытывать подлинное сострадание к тем, кто у нас вызывает часто не жалость, а брезгливость...

Один из заключенных интерната, очевидно, сохранивший не только остатки разума, но и остатки уважения к себе, позвонил в милицию и сообщил, что заминировал здание психушки. Требования были простые — улучшить обслуживание и... передать больным вместо запущенного и загаженного здания, которое они занимают, — Смольный институт.

Это требование имело место, оно протокольно зафиксировано, не то можно было бы отнестись к нему как к режиссерской находке. Милиция долгие часы искала в здании взрывчатку (ее, конечно, не было!), а журналист Невзоров снимал интернат, его страшных и жалких обитателей, которым полагается две простыни на год, хотя многие из них прикованы к постели, у которых отнимают принесенные родственниками транзисторы, деньги, которых бьют, зная, что пожаловаться они никому не

смогут... Как полностью изношенный хлам, общество свалило их сюда в кучу и просто о них забыло — не до них...

Сила этого паноптикума — в лицах, страшных, потерявших осмысленность лицах. Журналист их показывает крупным планом. И опустошенные глаза дебилов смотрят в глаза здоровых даже не с упреком — они уже не умеют упрекать, — просто с вопросом: «Ну и как вы там? И лучше ли вам там, чем нам здесь? И если лучше, то почему вы о нас совсем-совсем забыли?» — будто вопрошают нас эти люди, «по страшной силе своего несчастья... самого светлого милосердия, самой великой заботы достойные...».

Не нужны больные... Не нужны слабые... Не нужны нищие... Ну хорошо, а здоровые, полноценные, работающие нужны ли?

В обществе, доведшем свое бытие до абсурда, может оказаться ненужным и целый поселок...

Один из самых невероятных, самых символизированных паноптикумов Невзорова — крошечная комедия-гротеск «Сертолово».

Забыли поселок. Просто забыли! Не внесли ни в городской, ни в областной бюджеты, ничего, стало быть, не выделили на развитие, на социальное обеспечение, на то, на се... Несколько тысяч людей оказались ничьи, и никто не стал о них думать, будто смахнули Сертолово с карты, оставив со смехотворным годовым доходом — 10 копеек на душу населения!

Спят на полу в детском садике сертоловские ребятишки — кроваток нету... а на них, на матрасики их падают нещедрой рукой кидаемые гривенники — один, два, три... пять... А дальше начинается полная комедия абсурда — появляется «сертоловский национальный флаг» с серпом и фигой (!), горит настоящий пограничный столб, марширует демонстрация в честь нового суверенного государства.

Бог с вами, Невзоров! Кажется, не любитель вы идеи суверенитетов, кажется, не охочи шутить на такую тему, ибо нынче не шуткой пахнет она, ведь когда паноптикум «Сертолово» создавался, угроза гражданской войны из-за таких штучек уже витала в воздухе...

Но абсурд так абсурд! И шутит журналист дальше, смеясь над тем, над чем обычно не смеется, потому что в происходящей с поселком Сертолово истории логики нет и быть не может... И за кадром звучит издевательское: «...организован и действует призыв в местную, сертоловскую армию, насчитывающую, по слухам, около пяти тысяч конницы (к о н н и ц ы!), и ждут со дня на день, что она ворвется и наведет порядок в государстве под серпом и фигой на белом стяге... организован комитет поселковой безопасности... Ждут конницу. Очень ждут».

Смеется журналист. Смеется, потому что и этих людей ему жаль. Жаль, ибо «их забыли в бешеном стремлении дней, политик, смен партий и систем, как забывает ребенок на даче, уезжая и спеша, старую и обтрепанную куклу...». Можно, пожалуй, и не согласиться с таким сравнением — кукла-то старая, а люди-то живые, живущие, у них полно желаний, они могут работать, растить детей, но вот стали никому не нужны...

И вдруг с какой-то почти наивностью и обидой вопрошает автор зрителя, подводя итог всей дикости, явленной в комедийке абсурда: «Кому они вообще в этой стране нужны... люди?..»

В этой стране люди повинны уже в том, что в ней родились... Ну а если человек и впрямь преступил закон?

К этой теме, теме «зэков», Невзоров обращается часто. И в «Секундах», и в «Паноптикуме». Не потому, конечно, что в стране с уродливым законом и дикими человеческими отношениями много преступников — в конце концов, на благополучном Западе их почему-то не меньше... Но там они, получив от закона воздаяние за содеянное, вне закона не оказываются — он карает, он и берет под защиту, хотя и суровую, и жесткую. Тюрьма — уже позор, уже наказание, даже если она довольно комфортабельна.

Тюрьма посреди тюрьмы, то есть тюрьма в СССР — последняя стадия планомерного уничтожения человеческой души, «оскотинивания» (одно из характерных невзоровских выражений) потерявшего чувство реальности народа. Мир тюрьмы концентрирует всю злобу и тоску, что копится в человеке на воле, если не кощунственно называть это наше бытие волей, всю ярость зверя, попавшего в капкан, весь цинизм боли и поражения. Из тюрьмы выходят в девяносто девяти случаях из ста хуже, чем приходят в нее, и она, как правило, безошибочно и безжалостно ставит на человека свое клеймо.

И вдруг... Вдруг на экране, как вспышки, перерезывающие темное окно и лезвия ножей, — надписи, будто кровью выведенные, — «Театр», «Театр», «Театр»... Театр в тюрьме?

Создали заключенные. Придумали они же. Нет, не безвинные жертвы случайности, не заложники чьего-то произвола... Самые настоящие преступники, с матерыми статьями, опытные, беспощадные, поправшие закон не однажды. И именно им, дошедшим в этой жизни, в этой судьбе почти до конца, до беспредела, открылось вдруг поразительное — чтобы найти выход, не дойти до тупика, надо пропустить через свою жизнь театр, надо увидеть себя на сцене, надо понять, ч т о сыграло в пьесе, в т в о е й пьесе роковую роль... Нужно иметь мужество увидеть полуугасший огонь своей свечи, своей души меж двух зеркал — «бесконечной вереницей исчезающих в небытии огней без конца и начала...», когда «человек — вновь становится загадкой». Ведь только до тех пор и вершится наша судьба, только до тех пор и можно исправить ошибку, замолить грех, пока душа еще таит в себе тайну, пока она, как от Бога, — глубока и непостижима.

Паноптикум «Театр» — один из самых насыщенных эмоционально паноптикумов, хотя он чрезвычайно беден действием: на двадцати квадратных метрах сцены зэковского театра — краткие диалоги журналиста и заключенного-режиссера и закадровый монолог Невзорова, наполненный болью и жалостью. Да, их тоже жаль, их, виноватых, потому что, как бы ни согрешил человек, нельзя карать его унижением, нельзя доводить его униженность до беспредела и таким образом отрезать ему путь к раскаянию. И просто пожалеть оступившегося, согрешившего — долг христианина. И право сильного.

Монолог Невзорова в «Театре» непрерывен и сух. Его обычно эмоциональный язык меняется, становится почти отрывист, определения предельно точны, фразы коротки. Тема диктует эту сдержанность. И только несколько фраз обнаруживают прежнюю манеру, несколько фраз, определяющих суть темы, осмысленность сострадания, ибо «никому не ведомо, у чьей колыбели

судьба и рок еще при рождении повесили незримо зэковскую робу и шапочку... И невдомек никому, где и через что лежит путь покаяния...».

«Театр» статичен до самого конца, до последней сцены, но эта последняя сцена как бы противопоставлена остальным — меж двух рядов колючей проволоки идет юноша в арестантской робе и шапочке, с листками текста в руках. Он идет быстро, кажется, ряды проволоки летят навстречу ему, и с каждым шагом он приближается к выходу из этих замкнутых стен, хотя на самом деле они неразрывны... Он читает, заучивает текст, будто читает послесловие к своему приговору. По воле автора паноптикума или по неслучайному совпадению заключенный читает монолог Клавдия из «Гамлета». И обрывает его не на той фразе, на которой оборвал в пьесе Шекспир, — нет, текст остается недочитанным, но меж двух стен колючей проволоки мучительно и обреченно звучит вопрос: «Раскаяться?!» И ответ, в котором — надежда: «Раскаянье всесильно!» И это единственное, в чем надежда, и другого выхода нет...

Можно было бы упрекнуть журналиста в умилении зэковскими порывами к самоуважению, можно было бы заподозрить его в чрезмерной симпатии к людям, поставившим себя вне закона, и приписать ему тягу к «босяцкой романтике», которая в русской литературе, хорошо ли, худо ли это, имеет свои традиции. А что? Общество порочно, ну и долой его, и слава гордым натурам, отказавшимся от его уз!

Нет, не то... Если плох закон, не беззаконие спасет. Разрушить и построить что-либо на пустом месте нельзя, это мы теперь хорошо знаем. И поправшие закон не восторг вызывают, тем более что этой «романтикой» мы все сыты по горло — от нее веет милицейскими протоколами, коридорами моргов, униженными слезами потерпевших и вздыхающим равнодушием знакомых.

Паноптикум «Кровь» все ставит на свои места и как бы закрывает зэковскую тему, хотя это не означает, что она не может быть вновь поднята. Режиссуры в этой работе практически нет, по сути это — чистый репортаж, а паноптикумовское только осмысление, только авторская задача — за несколько минут раскрыть очень страшную и жестокую тему.

Двое подонков из числа заключенных зоны врываются ночью в комнаты для свиданий, берут заложников, измываются над ними, требуют выдать автомат, деньги и машину... Группа омоновцев освобождает заложников, в перестрелке ранит обоих бандитов, получают раны и парни из группы захвата... Вот и все.

Репортаж стремителен, обрывочен, сцены чередуются но всегда во временно́й последовательности, зато соблюдается последовательность смысловая. Музыки нет — только слышатся автоматные очереди и пронзительные крики истязуемой женщины. Крупные планы очень страшны — кровь, много крови... И в конце — нечаянный и необходимый момент: кровь раненного бандитами омоновца каплями падает на руку репортера, держащую микрофон, и он не стирает этих капель...

Дикость и жестокость встретили отпор, тоже жестокий, тоже «негуманный», ибо группа захвата не ждала приказов, не соблюдала правил, она шла убивать тех, кто убивает, а иначе гибель невинных была бы на их совести! И теряется смысл па-

ших «гуманных», недействующих законов. И звучит закадровый текст: «Кровь за кровь, и не было иного выхода...» Да, не было! Когда мы поймем, что иного выхода не бывает, и научимся сообразно этому поступать, мы приблизим то время, когда можно будет с чистой совестью, а не показухи ради отменить закон о смертной казни.

Созвучна зэковской теме в «Секундах» и в «Паноптикуме» тема бомжей, людей, добровольно (или в силу обстоятельств) живущих где придется, без условностей и без удобств нашей обычной жизни, людей, чуждых обывательской морали, но и человеческой нравственности (за редкими исключениями).

Отчасти к этой теме можно отнести и упомянутую ранее «Свалку», но там все-таки речь идет о слишком уникальной категории людей, о тех, кого просто нет — мы их не видим вблизи себя. Бомжей очень даже видим, боимся, брезгуем, а по-настоящему вскрыть пласт социальной проблемы, как всегда, стесняемся...

О суровом, опасном и обездоленном племени бомжей острый и откровенный паноптикум — «Дом». Он фантасмагоричен и мрачен, хотя исполнен в очень сдержанной манере. Название точнейшим образом передает его суть. Главный герой его — дом, чудовищный, мрачный и одинокий дом-бомжатник в Свечном переулке — один из символов лицемерия нашей безрукой и безголовой власти: она отдает его под приют для бездомных, присваивая ему расчетный счет в банке («Жертвуйте полуголодные для голодных, полубездомные коммунальщики для вовсе бездомных...»), более того, этот дом нарекают «Домом милосердия» и разрешают в нем жить всем, кто как хочет... Вот и живут в нем бомжи, как правило, юнцы и малолетки, кто как хочет! Грязь и вонь, половые акты в любое время и при ком угодно, воровская «малина», бессилие милиции (и нежелание «возиться»!), и вот она — «свобода ото всего на свете», которой и жаждут потерявшие почву под ногами, утратившие всякие желания обитатели Дома. А кто не утратил, тому в нем — как в аду, есть ведь и такие, а куда им деваться? Дом всасывает свои жертвы, «приобщает», как и тюрьма... а «власть наша ничего уже больше для людей своих сделать не может, кроме как узаконить притон и грязь...».

После визита «Секунд», после ночных съемок Дома, а затем после демонстрации данного паноптикума население бомжатника всполошилось, а жители его, эти непутейные и не отягощенные моралью ребята, возненавидели журналиста, во-первых, как «классового врага» (а что бомжи экстраполитизированы, что они завсегдатаи всех митингов, это Невзоров подчеркнул), а во-вторых, они увидели в нем возможного разрушителя своего «свободного мира», испугались — ну, как разгонят их «обитель»?!

Зря боятся — не разгонят! Некому и не для чего. Это идеалисту Невзорову хочется, чтобы у них было нормальное существование, с радостями, а не с оргиями и с коллективной душевностью пьянок. Это ему надобно, чтобы не гибли они под «колесом победоносной истории», чтобы просветлели, прозрели. Но он, продолжая свой поединок с «победоносной историей», все же очень хорошо понимает, что невозможно упорядочить жизнь бомжей, если нет возможности упорядочить жизнь обычных

граждан, если сильные мира сего стремятся, кажется, не жизнь обездоленных довести до нормального уровня, а свергнуть нормальный уровень до грани полной обездоленности.

И в конце — резюме, опять же безжалостное, грустное резюме, произнесенное журналистом, как всегда, ровно, без эмоций, ибо и так бьет по нервам: «Жутковато. Оттого, что банально и просто и очень по-житейски, ибо понемногу начинаешь сознавать, что свободно и просто живущий огромный притон, в котором стеснились особи мужского и женского пола со всего Союза... — прообраз общества в крайней степени развития тех идеалов и основ, что сейчас зародились в нем...»

Эти самые новые идеалы и основы, якобы точно скопированные, а на самом деле бездарно, вслепую и неверной рукой срисованные с западной «цивилизации», все дальше и дальше толкают народ (и самое страшное — молодежь, детей) в вязкое болото опустошения и растления...

Об этом — «Телки», одна из самых резких — и в плане подачи, и в плане художественных приемов — паноптикумов. Уже отсняв материал, уже смонтировав его и записав звук, Невзоров в студии, просматривая готовую работу, вдруг усомнился: «Круто... Не слишком ли? Можно ли так?..» Но «Телки» пошли в эфир, автор решился их «выпустить», и они вызвали бурю. Визжали в истерике эстеты и хапуги, корчились от ярости «неозападники», хватались за голову полувоспитанные папаши и мамаши (а просил ведь журналист, чтобы эту программу детям смотреть не давали — да ведь дети своих строго воспитывающих родителей не слушаются...). Многие и многие были потрясены, и смущены, и разгневаны. Но именно ко гневу, к естественной реакции естественных людей и взывает эта работа Невзорова.

Конкурсы красоты — балаганные поделки, пародирующие другой балаган, но более «высокого» уровня, более крутого шика, — имеются и на Западе. Но у нас парады проституток с красивым названием — лишь подготовка к торгу свеженькими телами наших девочек под вывеской либерализации общества. Скоро эти торги будут поставлены на поток.

Развратный старикашка-сластолюбец, основатель Института красоты, массажист-совратитель, всерьез (да, всерьез, и это страшнее всего!) уверен, что, приобщая девочек к разврату, он творит благо и приучает общество к цивилизации. Да, вот так мыслят цивилизацию интернациональные торговцы нашим «дешевым товаром»!

На одной молодежной пресс-конференции вполне культурная советская журналистка спросила меня: «А как вы считаете, не аморально ли было со стороны Невзорова показывать конкурсные фотографии проституток (да, она так и сказала «проституток»!), которые фотографировались на конкурс, а не для показа по телевидению, и не рассчитывали, что их в таком виде узрят столько людей??» Помню, мне стоило большого самообладания не рассмеяться. Я ответила: «Клянусь вам, как женщина женщине, если бы меня в таком виде снял мужчина-фотограф перед мужчинами — членами жюри, мне было бы уже абсолютно безразлично, сколько еще мужчин увидят меня обнаженной...»

Да, узаконив разврат, мы придумываем для него и своеобразную этику. Мы прицениваемся к нему, как к западной тряпице времен прошлогодней моды в кооперативном ларечке. Что делать — разврат с чужого плеча! Поношено, но модно!

Самая сильная и самая страшная сцена «Телок» — один из самых значимых невзоровских гротесков — сцена похорон живой девушки. Глубокая, очень черная могила, на дне ее — беспомощная фигура в белом платье, а сверху падают крупные тяжелые комья земли. Девушка слабым движением рук пытается их смахнуть, на лице — страдание, но неумолимая сила придавливает ее ко дну могилы, и земля падает и падает...

«Телки», несмотря на всю их резкость, жесткость, беспощадность творческих приемов, — один из самых трагических паноптикумов. В них нарушено обычное равновесие — непреложность нравственного начала, твердость авторской позиции как бы отодвигаются, уступают натиску цинизма и общественной слепоты. И вместо привычной надежды «среди мрака и ужаса» в заключительном монологе автора прорывается обреченность, звучит отчаяние.

«Расчет простой и гениальный, ибо в этом мире действительно побеждает только зло... Так, может быть, уже хватит терпеть и делать вид, что все нормально, что процесс превращения женщины в телку — есть примета цивилизации... Это, по сути, позор и грязь. Торговлю молодым девичьим *мясом* — с общего согласия происходящее совращение дурочек — мы обставляем как ритуалы и радуемся...»

На Западе подобные торги тоже существуют, но им отведено соответствующее место, их ограничивает и контролирует Закон. В нашем больном обществе с мертворожденным законом — ограничение и контроль исключены. «Что можно здоровым — нельзя больным!» — заключает Невзоров. Да, от этого можно отчаяться — ведь разрушается генофонд, погибает, вернее, осознанно убивается будущее нации, будущее страны.

При любом отношении к творчеству Невзорова, к программам «Паноптикум», даже при полном неприятии самого журналиста и всего, что он делает, нельзя остаться равнодушным к двум его работам, они потрясают и переворачивают душу любого, самого равнодушного, самого злого и самого сентиментального... Это — «Ветераны» и «Любовь к отеческим гробам».

Роскошный пансионат для ветеранов войны в Германии. Редко в своих паноптикумах показывает Невзоров такие красивые кадры, намеренно красивые, непривычно задерживая взгляд зрителя на густо-зеленой листве редкостных растений, на цветах, изумрудном оперении попугая — любимца одного из бывших гитлеровских солдат... Огромный сад при пансионате, удобные комнаты и холлы, ванная, оборудованная так, чтобы инвалид в ней чувствовал себя как здоровый — вольготно и уютно.

Еще лет десять назад какой-нибудь из наших журналистов, проникнув в эту обитель, сказал бы ядовито и клеймяще: «Вот так нынешнее руководство Западной Германии демонстрирует свою «любовь» к миру! Недобитые фашистские стервятники жируют в старости за государственный счет, и государство делает вид, что так и должно быть!»

Конечно, так и должно быть, а как же иначе? Эти люди пошли воевать не по собственной прихоти, а выполняя присягу. Пошли туда, куда их направляли, ну а кто иаков был на вой-

ие — это уж от личности человека, а не от сути войны зависит, хотя война была бесстыжая, подлейшая, и только позора заслуживает правительство, которое ее развязало; но воевавшие, искалеченные на ней солдаты и офицеры заслуживают в старости, чтобы государство, кто бы им нынче ни управлял, обеспечило их в немощи всем необходимым.

Александр Невзоров как бы вскользь замечает, что мэр города Гамбурга отрицает наличие каких-либо льгот в Германии именно для ветеранов войны — они пользуются льготами наравне со всеми стариками, а особый пансионат для них выстроен потому, что естественно людям, вместе воевавшим, ныне одиноким, вместе и доживать свой век...

Вот и все. Не государство в долгу у бывших солдат, а младшее поколение в долгу у старшего, и нормальное правительство в нормальном государстве берет выплату этого долга на себя.

У нас — другое дело. Наши солдаты в чудовищных условиях, в дикое и темное время, поставленные в неравные с врагом условия ведения войны, тем не менее ее выиграли, спасли Родину от иноземного ига. Они, израненные, измученные, вернулись с полей войны на свои пепелища, зачастую к разоренным своим гнездам и еще сумели худо-бедно все отстроить, возродить, поднять... И как живут они теперь? И что эта страна дала им в уплату долга?

Плачет старик-ветеран в своем убогом коммунальном углу, забившись в угол продавленного дивана, между довоенным радиоприемником и треснувшим зеркалом. «Вы же мужик, сильный, огромный, — с ужасом произносит, глядя в глаза ему, журналист. — Почему вы плачете?» И получает страшный ответ: «А что мне остается делать? Либо в петлю лезть, либо в посольство какое-нибудь идти...»

И другой ветеран, ковыляющий на култышках к неудобному лестничному спуску, запущенный и грязный... И третий, с орденскими планками на застиранном, куценьком пиджачишке.

А разве мы их раньше не видели? Разве нет у каждого из нас родственника или соседа, что тоже воевал и тоже доживает век свой в нищете и унижении, изредка притираясь к монолиту гастрономовской очереди, робко приподымая потертую книжицу, чтоб дали триста граммов колбасы без двухчасового выстаивания в аду чужой муки и злобы? А ему в лицо: «Опять ветеран?! Ветеранов развелось, сил нет! Все — ветераны!» Господи, прости им! А старик уползает, оплеванный, пряча свою «привилегию» — книжицу ветерана или инвалида Великой Отечественной войны. Выигранной войны!

«Они уже не дождутся — они, великие солдаты великой России, победители в Великой войне, получившие в награду унижения, полуголод, отчаяние и слезы».

И дальше журналист говорит, уже не сдерживаясь, уже переступая грань публицистической этики, но в такие мгновения он имеет на это право: «У нас бездарная, жалкая и жестокая власть, у нас все не так, но вам, побежденным победителям, будут благодарны еще десятки поколений. Дай вам Бот сил в вашем поражении».

В этом паноптикуме очень выразительна и страшна музыка — кадры, снятые в Гамбурге, идут под бравурный немецкий марш, марш победы, а жуткие картины бытия победителей сопровождает заунывная и тоскливая песня «Ой, туманы мои, растуманы...». И нет исхода этой тоске, потому что смотришь и сознаешь — да, у нас «все не так»! Власть же только притворяется, будто желает измениться, суть ее та же, и наплевать ей на тех, кому уже не осталось времени ждать «светлого будущего»...

«Любовь к отеческим гробам» показывает последнюю стадию разложения общественного сознания — здесь речь уже не об унижении старых и одиноких, но об унижении мертвых, а это у всех народов считалось тягчайшим грехом. Экскаватор, с ревом роющий могилу на глазах у родных умершего, очередь в гробовой конторе, штамп гастронома на похоронном свидетельстве ушедшего в мир иной одиноким... По этому свидетельству кто-то, у кого окажется та гербовая бумажка, сможет в гастрономе получить восемь бутылок водки якобы на поминки покойного...

«Похоронка... Живых она обрекает на мучения в очередях за справками, гробами, машинами — поборы и унижения... Мертвых... им одним, вероятно, ведомо, на что...»

«Им одним ведомо...» Это не пустая фраза. Невзоров верит, что жизнь после смерти продолжается, и человеку не наплевать, как его похоронят. Но дело не только в них, не только в их посмертных муках, в которые мы, изуродованные атеизмом, не верим. Но, являя в реве экскаватора, в матерне кладбищенских служителей, в хамстве гробовых контор свое презрение к священному таинству смерти, мы разрушаем последние основы нравственности, которые свыше тысячелетия воспитывались и были когда-то так прочны в наших предках, даже еще в наших бабушках и дедушках...

«И невдомек, видно, тому, кто ныне олицетворяет власть, что здесь, на Ковалевском, мы закапываем и следующее поколение, что не могут быть нормальными люди, чьи чувства воспитываются в жуткой этой очереди, в очереди за последним пристанищем, в очереди на вырывание могилы...»

В этой фразе особенно страшно звучит слово «вырывание». Снова журналист сознательно изменяет отточенной литературности своего языка ради усиления образа — не «рытье», не «копка», а «вырывание» — «вырыть», «вырвать»... Вырвать из сердца и души трепет и святость, оставить злость и тоску, а на смену им неизбежно придет цинизм и пустота... И могут ли люди, таким образом воспитанные, чтить кладбища, последние пристанища мертвых, кладбища, которые на Руси прежде так почитались и оберегались?..

«В городе не осталось ни одного, ни на одном кладбище не разоренного, не вскрытого, не ограбленного и не испохабленного склепа... Ни одного...» — уже не горько, а почти спокойно отмечает Невзоров.

«Не суди, и да не судим будешь!»

Как часто, по исподволь, является эта мысль в паноптикумах Невзорова, является, несмотря ни на какие обличения, ибо обличитель и обвинитель тем не менее никого не *судит*. Но у кого-то может родиться вопрос: а разве обвинять, обличать и судить — не одно и то же? Вряд ли это так. Показать творящееся беззаконие, определить взаимосвязь данного беззакония с его последствиями — не значит осудить, определить конкретную меру вины, квалифицировать ее в соответствии с законом.

«Не суди!» Всего сильнее ощущаешь это скрытое авторское кредо, когда смотришь паноптикум «Алеша».

Герой сюжета — архитектор-гомосексуалист — в тридцать с небольшим обречен на смерть от СПИДа. И самое жуткое, что в умирании своем он вовсе не склонен винить себя — он винит общество, в котором люди с подобными сексуальными отклонениями лишены, как он говорит, возможности нормального культурного общения и обречены на случайные связи. Да, сейчас много говорят о «невнимании к сексуальным меньшинствам», и, видно, готовы их узаконить... то есть дать свободное развиваться еще одной открытой язве разлагающегося организма.

Алеша сам повинен в своей неизбежной гибели, но Невзоров не винит его — ужасная кара, постигшая этого человека, как бы ограждает его от суда нравственности. Мы слушаем голос за кадром: «...и каждый из жильцов этих жутких боксов — обреченный, униженный, гадкий — не нами может быть судим, не нами, которым повезло — в отличие от них...»

«Не суди!» Но не может быть так, чтобы не с кого было спросить за тот позор и ту боль, что несет сейчас огромный народ великой страны... И кто будет судим? Власть? «Бездарная, жалкая и жестокая»?

Один из самых скандальных паноптикумов Александра Невзорова, созданный в сентябре девяностого года, так и называется — «Власть». И по-настоящему разрыв журналиста с нашими необольшевиками произошел именно после «Власти», а вовсе не после прибалтийского цикла. Правда, верхушка новой власти поначалу этому не придала значения, более того, может быть, одобрила удар, нанесенный «в фундамент», который и сама собиралась разрушить. Тогда еще обиженный народ, как всегда, обвиняющий поначалу не верхнюю, а «среднюю» власть, охотно подхватил обвинение, и камни в журналиста полетели только из рядов оголтелого разночинного смутьянства. Это был момент, когда легко было Невзорову укрепиться в «кумирах», не теряя прозвища «борца за справедливость».

Паноптикум «Власть» начинается с традиционной гротескной сцены, которая по изобретательности режиссерского приема и выразительности образа стоит в ряду лучших невзоровских находок. Огромные лохматые крысы, жадные и алчные, грызут и пожирают фигуру Медного всадника, он оседает и падает, и крысы продолжают его пожирать... Трижды повторяется сцена падения «кумира на бронзовом коне». Медный всадник — символ Санкт-Петербурга. И гибель прекраснейшего города, его обреченность под алчной и жадной новой властью становится очевидной.

Кувыркающийся в приемной Мариинского дворца клоун, скачущие по столу депутатские значочки, бумажки, летающие по коридорам дворца в ненужности и беспорядке, — сцены нелепости и развала, а затем — несколько лиц крупным планом, несколько интервью с представителями нового депутатского корпуса, и все становится на свои места. И смешны эти «избранники народа» даже не косноязычием своим и нелепой заносчивостью, а тем, что в отличие от прежних, совершенно незаметных депутатов, приходивших сюда голосовать «за», эти до поры до времени думают, что и вправду что-то могут, что они — «власть». А думать так им очень соблазнительно, потому что

они — большей частью несостоявшиеся, ненужные дети застоя, получившие «голоса народа» на митингах Народного фронта в ДК пищевиков. И сюда, в Мариинский дворец, они пришли той же «тусовкой», думая, что будут управлять страной и городом. А между тем, оказавшись здесь, эти бойкие продвиженцы сразу усвоили, как привлекательны предоставленные им привилегии, сразу вошли во вкус, устраиваясь в своих креслах и наследуя систему прежних хозяев дворца.

«За годы правления большевиков, жестокого и бездарного, выработалась непобедимая и разрушительная система разворовывания и подтачивания, умышленного доведения до такой нищеты и разрухи, что к этому году и дню град Петров являет зрелище, мягко говоря, жалкое...»

Но даже те, кого это состояние города действительно больно бьет, кто хотел бы что-то для него сделать, ничего сделать не могут, ибо сонмище болтунов «забалтывает» и заглушает их голоса на заседаниях Ленсовета, а главное — система т а к о й власти мертва, она ничего не может, у нее нет связи с жизнью. «Безмолвствует власть. И разлагаются сердца. И бессилен сильный».

Но если этот сюжет — не что иное, как сатирический памфлет, и злость демократов по поводу «Власти» показала лишь их бессилие, то «продолжение темы», последовавшее спустя полгода, нанесло точный и сокрушительный удар уже по всей государственной структуре, по системе смены лидеров и по нынешней якобы гласности.

Показанный накануне пресловутого референдума за сохранение Союза паноптикум «Измена» произвел эффект разорвавшейся бомбы.

Два лидера «верхушки» — в одной колоде карт, ибо их смена без смены порочной структуры ничего народу не дает, а сменить структуру не в силах ни тот, ни другой, ибо они — ее порождение, и за каждым тянется порочный след их «пути наверх».

Конверсия, которую хотят навязать стране, не улучшив материального состояния народа, а только дисквалифицировав классных специалистов оборонного комплекса, не перестраивая, а, по сути, останавливая огромные заводы, разоружая обнищавшую державу перед услужливыми соседями, — все это ложь. Впрочем, ложь закономерная.

Предан и обманут народ, предана и осмеяна держава.

Власть, построенная на лжи и подлости, исчерпала себя и, предчувствуя свое крушение, спешно начала разыгрывать перед покорным (пока что!) зрителем очередной спектакль, провоцировать очередную схватку лидеров, снова будоражить идеей «лучших времен» при «лучшем правителе», а между делом — продавать страну оптом и в розницу, лишь бы не слететь с трона, лишь бы удержать в руках руль тонущего корабля...

Измена. Изменники у власти... *

И уже почти приговором звучат слова журналиста: «И надо понять, что не может быть ни веры, ни надежды, и не может быть доверия к тем, кто якобы управляет державой... Нам, кроме чести своей и своей правды, да любви своей к этой страшной стране, — не оставили уже ничего».

---

* Статья написана до событий 19 августа 1991 г.

После «Измены» особенно ярились «поборники демократии», как всегда отчаянно повторяя любимый свой припев: «Продался... За сколько продался... На кого работает?!» Надо уж слишком мало понимать и вовсе ничего не чувствовать, чтобы не сообразить, что таких слов не говорят, продавшись. Продавшись, находят слова красивее и выразительнее. Так говорят только свои слова, так говорят то, что выстрадано и понято лично.

«Измена» выстроена на гротесковых образах — от юношей с лицами, залепленными листками газет, в пижамах умалишенных, занятых бешеной дележкой земли вокруг пограничного столба, до девицы в национальном платье, что сперва со слезами на глазах исполняет ритуал торжественного танца под звуки похоронного марша, а затем, задрав платье, под ту же, но вдруг обратившуюся в канкан музыку пляшет кадриль.

Скелет, в ветхом военном мундире, падающий и рассыпающийся, обратные кадры возложения плененных немецких знамен у Кремлевской стены, когда они возвращаются в руки солдатам, а те — пятятся от стены прочь. И эти кадры перемежаются с картинами пустых цехов, остановившихся станков...

Не злоба или неприятие демократии и конверсии движет журналистом, когда он снимает и комментирует это. Не антипатией к нынешним политикам руководствуется он. В одном из давних своих интервью Невзоров сказал, что примет любую власть, которая поднимет и возродит Россию, даже если, к примеру, это смогут сделать ненавистные ему большевики. И так он думает поныне, и готов принять такую спасительную власть, даже если ему лично она причинила бы зло. Впрочем, вздор! Власть, жестокая к лучшим, не способна к активному созиданию. И надеяться на нее наивно.

IV. СВЕЧИ ГОРЯТ

Бездна падения и высокое небо надежды. Так противопоставлены, поставлены друг против друга два высвеченных паноптикумом явления: разрушение надежды и — вопреки всему — сохранение ее, сохранение пусть немногими, пусть отдельными людьми той веры, из которой в будущем могут снова подняться ростки новой жизни.

Всего три светлых рисунка, три наполненных надеждой паноптикума во всей серии явлений Смутного времени, но они действительно светлы, и главная их героиня, любимая героиня автора — опять же она, Россия..

Два удивительных по силе Правды и глубине грусти паноптикума — «Монашество» и «Староверы», близкие по теме, близкие по сути — попытка заставить нас, так безрассудно идущих с завязанными глазами по тернистому пути, увидеть и хоть немного понять то, что нам непонятно, то, от чего мы доселе отстранялись, — забытые, будто за ненадобностью, строгость и чистоту. Отказаться от суеты. Кто из нас нынче способен на это? Мы привыкли видеть монахов черными, одинокими, несчастными фигурами убежавших от невзгод людей, а они, оказывается, «свободные и прекрасные» люди, только «неведомые нам», инакие, иные (отсюда и слово «инок»).

«По сути, не иметь ничего... и тут, естественно, у всякого возникает вопрос о том, во имя чего... зачем? Ведь из жизни ушли не мальчишки, не знающие ей цены, а люди, познавшие пленительность ее ошибок, славу, власть, страсти...» И оказывается, что ушли мудрейшие, понявшие тщету суеты, ушли, чтобы стать свободными, ибо несвобода наша именно от того, что мы имеем.

«Монашество» выстроено на очень спокойных, очень русских картинах — сценах молитвы, небольших пейзажных планах, на коротких и тоже очень спокойных диалогах журналиста и монахов, от просто братьев-иноков до митрополита Иоанна.

А традиционного монолога-заключения в конце этой притчи нет, его заменяет нежданно прекрасное тютчевское стихотворение:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа.
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа.

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя...

«Староверы» — лирическая и прекрасная крошечная повесть об умирающем племени русских, не отошедших от старой веры, и среди ныне царящего хаоса хранящих наивные традиции, в корне которых, может быть, таится эликсир Возрождения, если и возможно оно. Опять-таки не призыв подражать им, по убеждение, мольба — да поймите же, поймите, не отталкивайте, не убивайте! Всмотритесь!

Но нет, не видим, не смотрим: «...дадим умереть, не задумавшись, что эти фанатичные, мрачные, сложные, замкнутые русские люди, более всего на свете дорожащие своей верой и своей чистотой жизни, абсолютно непонятны нам, чуждые — суть корень Руси, последнее нам с вами напоминание, живое и подлинное — о ее историчности, древности, темноте и ее ослепительном человеческом свете...»

В «Староверах» много символики, и, наверное, самый символически точный образ — прекрасное юное лицо девушки, обрамленное платком, ее рука, поднесенная к пламени свечи, опаляемая им... Девушка не отводит руки, и ее лицо спокойно. Теплится надежда, звучат в душе слова: «Не отчаивайся даже среди мрака и ужаса...» И из мерзости запустения поднимаются, с трудом, но упорно возрождаясь, русские святыни.

Возрождается Валаамская обитель, вновь зазвучали молитвы в Соловецком монастыре, вернулась к жизни Оптина пустынь. А было предсказано некогда, что именно с возрождения монастырей начнется возрождение поруганной земли русской.

И однажды человеку, живущему единственной мыслью, единственной надеждой на ее возрождение, Бог послал свой дар — этот человек отыскал еще одно легендарное монашеское имя, достойное стоять рядом с именами блаженной памяти Серафима Саровского, Иоанна Кронштадтского, отца Дамаскина... Над бес-

конечной вязью весеннего леса, где-то между тосненским и новгородским краем, летел вертолет. Обычный, охотничий вертолетик — егеря считали в прозрачном апрельском лесу лосей и производили отстрел неимоверно расплодившихся волков. Летела с ними и бригада «600 секунд». Лес тянулся внизу бесконечно, еще в снегу, тающем и сером, в промоинах талой воды. И вдруг из-за деревьев выплыла стройная белая колокольня. Затем показался контур церкви необычайной красоты... Так нашел среди лесов и болот журналист Невзоров Реконьскую пустынь.

Невзоров с бригадой летал туда снова, съемочная группа спускалась на полуразрушенные стены церкви Живоносящей Троицы, возведенной во второй половине прошедшего века посреди пустыни талантливым зодчим Щюруповым. От деревянных построек ничего не осталось — что-то разрушено, что-то увезено под Новгород, в музей деревянного зодчества.

В архивах и старых книгах удалось найти имя настоятеля Реконьской пустыни, при котором начался новый ее расцвет, — старца Амфилохия. С ним связывают в этих краях и предание о ста иноках, имена которых были известны в пустыни, но оказались забыты, и если кто узнает их и в полдень в разоренной церкви зажжет за помин их душ сто свечей, и назовет все сто имен, не запнувшись ни разу, то этому человеку дано будет возродить пустынь, и откроется тайна, способная помочь восстановить наше опустошенное Отечество.

Может, это наивно, но не только ради красивых кадров журналист и его друзья зажгли в разрушенной церкви Живоносящей Троицы, на месте ее алтаря, эти самые сто свечей... Хотя никто из них не знал имен ста иноков. Может, еще узнают...

Горели свечи, трепетали их огоньки-цветы над серой пылью разрушения, смотрели с облупленных стен немногие уцелевшие здесь лики святых, и грустно, и торжественно звучал рассказ о пустыни, об Амфилохии и его предсмертном пророчестве. Сбудется ли?..

V. МГНОВЕНИЕ ИСТИНЫ

Вспомним сказку о поисках правды. Вспомним, какой она оказалась... Все, сказанное мною выше, показывает, что такова она и есть. Равно как и то, что на грешной земле Истина недостижима...

Но бывает в жизни, когда человек, в силу потрясения или озарения, вдруг открывает для себя Истину, какое-то мгновение стоит с ней лицом к лицу.

Кровавые распри, неизбежные для Смутного времени, развал и безверие захлестнули страну. Рухнули ложно внушенные идеалы, а новые, придуманные и утвержденные, оказались едва ли не лживее и губительнее прежних. Уже мало найдется сейчас людей, которые не понимали бы, что мы висим над бездной, но лишь единицы решаются подумать и понять, что за спасение придется платить кровью и злочастием... И что новые идолы ничуть не лучше старых.

Вот так родились невзоровские хроники — «Мятежники», цикл «Наши», «Район боевых действий», «Ликвидация».

В хрониках вновь, на этот раз конкретно, на небольших и емких примерах, обвиняется «бездарная, жалкая и жестокая власть», и отдается должное тем (и в этом смысл трагического

прозрения журналиста), кто вопреки всему на свете ее защищает. Потому что даже за ней, за этой жалкой и жестокой властью, — судьбы миллионов, и без нее — без никакой власти — крах и хаос, кровь, смерть, пропасть...

«Мятежники» — первая хроника этого цикла — это почти «чистый» репортаж из Молдавии, где возник настоящий мятеж, перешедший в боевое противостояние. Мятеж против новых молдавско-националистических законов, против притеснения «инородцев». Его подняло «русскоязычное» население... Это оскорбительное слово «русскоязычное» пишу с трудом — оно унизительно.

Новое молдавское правительство объявило мятежниками людей, решивших защищать свои права: право на свой язык, на свой образ жизни. Как некогда правительство Турции почло мятежником молдавского господаря Кантемира, попросившего покровительства и защиты России для христианского народа Молдовы. Но не это обидно, а то, что из-за одних лишь политических (вовсе не национальных, как правильно подчеркивает Невзоров) амбиций новых властей зачеркнуты триста с лишним лет единого и полнокровного жития русских с молдаванами. Центр и демократы красноречиво отмалчивались по поводу приднестровского конфликта и постарались не заметить несколько тысяч человеческих жертв... Пожалуй, лишь «секундовский» репортаж, поданный в остросюжетной форме паноптикума, заставил центральную власть обратить внимание на те события. И если после этого обстановка там худо-бедно стабилизировалась, то во многом тут заслуга Невзорова и «его команды».

В те дни демократам невзоровская подача материала пришлась если и не по вкусу, то и не поперек горла: не на Молдавии было в тот момент сосредоточено их беспокойство, не на ней строили они свои декларации о свободе и равенстве, «Мятежники» сошли Невзорову относительно легко.

Но совсем иное произошло после двух других, соединенных вместе и вместе показанных репортажей из цикла «Наши» — «Башня» и «Болеслав». Заранее и тщательно, видимо, отработанная по тбилисскому сценарию акция в Вильнюсе была хорошо продумана с обеих сторон — и Москвой, и сепаратистским руководством республики. Теперь это совершенно ясно и остается лишь с отвращением констатировать: человеческие жизни были принесены в жертву опять-таки не национальным, а политическим притязаниям и амбициям.

Думаю, отправляясь в Литву, Александр Невзоров не знал, какой репортаж ему придется сделать. Он понимал, что творится неправое дело, что вновь подменяются понятия долга, чести и справедливости, но не мог себе представить, в какой иезуитский капкан добровольно дает себя заманить... Для центробежных сил, изнутри разрывающих страну на части, Литва оказалась знаменем, под которым эти силы провозгласили лозунг «Долой империю!», пользуясь опять-таки полной необразованностью населения и абсолютным неумением самостоятельно думать. Нашему населению сумели внушить, что Союз — искусственное, на крови и штыках державшееся формирование. Весь ужас и весь парадокс в том, что это... правда! Но еще парадоксальнее и ужаснее то, что Союз-то как раз не империя, ибо в нем нет метрополии, то есть центрального, повелевающего другими страна-

ми-колониями государства, где сосредоточена вся власть, финансы, военная мощь. Гигантская и уродливая система, созданная большевиками, прежде всего поглотила отнюдь не республики, а именно Россию, лишив ее территории (иначе как понимать дробление на дико разграниченные автономные области?), языка, представления о национальной самобытности. Определение «советский» не заменило определения «грузинский», «латышский», «украинский», но полностью заменило в официозе определение «русский». Россию уничтожили, растворив в понятии Союза!

Империя, та Россия, которая была когда-то, строилась не на штыках и пактах, а на длительном, добровольном либо исторически необходимом и неизбежном срастании различных народностей и народов и образовании органичной политструктуры, которая имела центр отнюдь не национальный, а исключительно мозговой. И центр этот не случайно и не по прихоти Петра Великого переместился в XVIII веке из Москвы в Петербург, а передвинулся ближе к тому крылу державы, где культура, торговля, образование, то есть мысль, развивались быстрее и гармоничнее.

Советская власть поставила в равно унизительное и нелепое положение все народы, а более всех — русский. И ныне, когда система шатается, республики, а за ними и автономии, провоцируемые своими расчетливыми руководителями, стремятся к отрыву от России, а точнее — к отделению от советской власти, от системы, их искалечившей, не сознавая, что уйти от этой системы возможно только вместе: вросшие друг в друга клетки единого организма невозможно разорвать бескровно.

Невзоров не только не побоялся заявить, что нет вины на солдатах, исполнивших приказ, но и в открывшемся ему противостоянии занял «свою» сторону, сказав: «Я русский, и я с русскими, еще и потому, что их здесь меньшинство, и угрожают и́м!»

Что проку винить профессиональных режиссеров, в январе этого года подписавших коллективное осуждение журналиста Невзорова и назвавших инсценировкой его вильнюсский репортаж? Я не виню их, ибо они лгали и знали, что с их стороны была ложь. Они отрабатывали свой жирный харч, это их д е л о. И остальных граждан, уверовавших, что «Наши» инсценированы, а не запечатлены на месте действительных, жестоких и грозных событий, я могу как-то понять. Съемки блистательны, монтаж великолепен. «Наши» отсняты как профессионально поставленный художественный фильм.

Но ведь иначе и не могло быть — именно в те двадцать пять часов в Вильнюсе, за гранью справедливости, среди безумия поставленной на дыбы жизни и перед лицом смерти журналист Невзоров сделал свой выбор, открыл главное в своем творчестве — обязательное противопоставление правды (даже самой неугодной) любой, пусть и самой красивой, лжи. В те часы он, уже познавший славу во всей ее полноте, понял, что ради правды славу можно презреть. Он, только что побывавший между жизнью и смертью, ощутивший возле сердца свинцовый огонь, до конца осознал, что стремление к Истине дороже жизни. Он, знающий цену журналистской этике, понимающий, как она важна для имиджа и для карьеры, не только не погнушался взять в руки автомат, потому что стреляли в «наших», — он б ы л с р е д и н и х, хотя многие, даже и убежденные его поклонники, содрогнулись — автомат!!!

Но мгновение истины наступило, и уже ничто не могло остановить человека, ступившего на этот окаянный путь... С этого момента началось публичное общественное распятие журналиста Невзорова «прогрессивными силами». Газеты, исходя печатной слюной, хрипя от безостановочного бранного крика, из сей день обвиняют его в «измене идеалам демократии...». Милые, уважаемые сограждане! Предать можно только то, что ты исповедовал. Но никогда Александр Невзоров не был демократом по убеждениям! Никогда не был и никогда этого не скрывал. Он выступал против старого аппарата, против ненавистной (сейчас, как и прежде) самоедской системы вместе с демократами лишь как с временными союзниками, наверняка понимая, что они его предадут. Но всегда — за сохранение единого государства.

Надо сказать, наиболее прозорливые и трезвые демократы никогда не считали Невзорова «своим». Они-то знали, что сторонник сильной России, бесконечно влюбленный в русскую историю, которую они всегда не любили, не может быть с ними. Они сознательно ставили на Невзорова, как на «темную лошадку». Но — просчитались. И теперь скорее всего кусают локти. Его яркий талант оказался неподкупным и сильнее их всех, вместе взятых.

Оба литовских репортажа динамичны, скупы на слова, в них действие сменяется показом неожиданных крупных планов, а закадровый текст читается на пределе внутреннего напряжения: озвучивая «Наших», журналист снова переживал те двадцать пять часов и вольно-невольно на десять минут з а с т а в л я л зрителей, даже и онемевших от неприятия и негодования, пережить с ними и с «нашими» ужас тех часов, когда они, оставшиеся верными присяге, приняли на себя не только смертельную опасность, но злобу и презрение обманутых людей, которые обвинили их в том, в чем можно и нужно было обвинить только правительства (равно то и другое!).

Один из самых жутких, может быть, один из самых мистических образов паноптикумов создан именно здесь — это худой и невозмутимый старик, сидящий на фоне деревянной стены, за деревянным столом и пьющий из треснувшей деревянной чаши горящую злобу войны... Его ватник, шапка-ушанка, лежащий перед ним на столе автомат — как будто намек на «лесных братьев», как будто новый вызов сепаратистам в Литве и космополитам здесь... Но не на прошлое, а только на неизбежное и схожее с прошлым кровавое будущее намекает Невзоров.

Последующие серии хроник, посвященные эстонской русской радиостанции «Надежда», рижскому ОМОНу, депутату Алкснису — продолжение и развитие темы, ибо развивались и события в Прибалтике, и их уже нельзя было не освещать, даже если бы Невзорову и не хотелось этого: после первых выпусков «Наших» в редакцию звонили и звонили живущие в Эстонии, Литве, Латвии русские, «русскоязычные», — благодарили, благословляли, просили помощи и поддержки. Так и знакомство с рижским ОМОНом началось со звонка и слез неизвестной женщины-рижанки: «Помогите нашим омоновцам! Их всех здесь убьют! Их преследуют, травят, в них стреляют! А Россия от нас отреклась!..»

Сотни писем от русских из Прибалтики существуют, иные из адресов и телефонов проверены — это не подлог, да и никакой КГБ не изготовит столько подлогов. Это — та самая «другая правда», которую так не хочется большинству знать... С газетной-то правдой легче, а чья она — какая разница, лишь бы за нею стояло побольше экземпляров тиража и побольше дутых авторитетов...

Последний паноптикум прибалтийского цикла «Ликвидация» посвящен устранению незаконных таможен на границах Прибалтийских республик, и назвать его паноптикумом можно только условно — спешно сорвавшись на место событий, бригада Невзорова просто снимала репортаж о происходящем. Этот в сущности хроникальный сюжет вызвал бурю негодования прежде всего своей натуралистичностью — пришлось ведь показать, что омоновцы, устраняя таможни, не с любовью и нежностью выносили таможенников на руках из бытовок, а просто и грубо разоружили парней с нашивками и домики их поджигали... Сильнее ударить самого себя журналист уже не мог — он сознательно привел в действие знаменитый «эффект бумеранга».

Совершенно иначе сделан паноптикум «Район боевых действий» («РБД»), где в полной мере применены все отработанные паноптикумовские приемы, но вместе с тем найдены и новые, неожиданные образы, и опять-таки блестяще работает «чистый» репортаж.

Граница Армении и Азербайджана. Трагические места, где развязана и ведется война, столь же несправедливая, сколь и нелепая, где действительно нет виноватых...

Дико и жутко, что в азербайджанской школе снимают со стенда, посвященного Бакинским комиссарам, фотографии восьми комиссаров-армян. Не менее дико, что армянские боевики стреляют по крестьянским селениям из градобойных орудий, и гибнут от снарядов люди, менее всего желавшие этой распри и не принимающие в ней никакого участия! Равно как и в армянских погромах в Баку зимой 1990/91 года погибали люди, которые свято верили, что в этом городе, оплоте кавказского интернационализма, им ничто не угрожает. Обычное паноптикумовское резюме звучит горько и больно: «Надо наконец понять: или мы один народ, или мы уничтожим друг друга в бесконечной войне!» И в конце — почти апокалиптической картиной многократно усиливается значение этих слов — на экране возникает чудовищный символ: тонущая в океане крови ростральная колонна... Да, если кровопролитие не остановить, оно поглотит всю страну, и Петербург утонет в крови, как тонут в ней армянские и азербайджанские деревни...

И надо было сделать выбор... «Ведь что-то подобное уже было... и все, сохранившие понятие чести и присяги и готовые умереть в любую минуту, все больше и больше напоминают Белую гвардию, тоже объединившую когда-то людей, среди бесновавния, мгновенной перемены идолов и цвета знамен не забывших чести и присяги... Все это у нас было... Когда-то. Судьбу их мы знаем...»

Грустно звучит голос журналиста, а на экране — стволы пулеметов, мешки с песком и пятнистая форма ОМОНа, столь ненавистная сейчас многим, как когда-то ненавистны были многим золоченые погончики юнкеров...

Нет, верные присяге не виноваты. Их противники, одурманенные пропагандой и всеобщей истерией, виноваты лишь наполовину — больному обществу можно внушить надежду на выздоровление и вместо лекарства дать яду, и оно выпьет. Но те, кто должен был не допустить, не довести до этого страну, виноват стократ. И уже как пощечину, резко и жестко, бросает журналист одно краткое определение: «Правительство трусов и подонков...» Резко? А как же иначе величать тех, от кого зависело решение больных вопросов и кто решил их во зло миллионам? Мягче ли их назовут (и называют) матери убитых солдат?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

...Туманно будущее. Черно и грозно настоящее. И жестока жизнь. Особенно к тем, кто обречен в силу Господнего жребия решить за себя и за других и отвечать за свои решения...

Но ведь «и это пройдет». История расставит все и всех на свои места, и написанного ею никто не исправит.

И нам, жившим, боровшимся и страдавшим в Смутное время, Господь воздаст по заслугам нашим. И за подвиг, и за боль, и за верность, и за предательство. Каждому по его мере и по его делам. И больше спросит с тех, кому много дал, но и с тех, кому дал мало, спросит тоже, ибо и в большом и в малом есть смысл, и все мы — люди...

«Паноптикум» как жанр телеискусства теперь уже существует, хотя ему далеко до завершения своего развития. По ходу рассказа, надеюсь, удалось высветить его главные отличительные черты, которые, собственно, и делают его жанром самостоятельным: синтез приемов документального и художественного кино, причем без чередования, а именно с полным слиянием того и другого, предельная сжатость художественного действа, предельно (можно сказать, беспредельно!) насыщенная мыслями и эмоциональными красками. Все это порождает и самую удивительную отличительную особенность — паноптикум Невзорова в восприятии кажется гораздо длиннее, объемнее, воспринимается полнометражным фильмом. Отличает его и глубинная, не моралистическая, а чисто нравственная обостренность проблем, оторванность от жестких общественных критериев, несвязанность со зрительскими симпатиями или антипатиями. Анализируя творчество Невзорова (еще до «Паноптикума», еще только материалы «Секунд»), постоянно наталкиваешься на ту беспощадную объективность, правду, как она есть, которая не может не вызывать у зрителей негатива, не может не изменять время от времени в ту и в другую сторону число почитателей репортера-публициста.

Невзоров до конца правдив, потому что бесстрашен (ибо говорящему правду и только правду приходится быть бесстрашным), и сказанное им, сколько бы неприятия оно ни вызывало, войдет в историю телеискусства. Такого понятия — «телеискусство» — до сих пор не существовало, однако рождение жанра «Паноптикума» явилось толчком для утверждения в искусстве этого понятия.

г. Санкт-Петербург

Наш журнал уже дважды публиковал материалы по поводу повести А. Жигулина «Черные камни» (см. статью В. Коробкова «Жернова лжи» в № 12 за 1989 г. и публикацию «Компетентное мнение», № 4 за 1991 г.). Однако в редакцию продолжают поступать отзывы читателей, неравнодушных к поднятой в этих материалах теме, а также письма непосредственных участников истории, искаженно представленных в повести А. Жигулина. Предлагаем вниманию читателей два таких письма.

Я — ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ГЕРОЙ

Я — один из положительных героев повести Анатолия Жигулина «Черные камни». Моя фамилия добрый десяток раз кочует по страницам этой книги. Мне бы радоваться надо и гордиться. Но правда, которой я верен, не дает мне права на радость и гордость. Повесть «Черные камни» искаженно, фальсифицированно показывает события тех далеких дней. Ее написал человек, который, берясь за перо, пренебрег всем — своей репутацией талантливого поэта, пренебрег истиной, пренебрег своими товарищами, их репутацией, своим другом Г. Лутковым ради одной лишь корысти — огромных гонораров за многотысячные тиражи.

После многих лет жестокой цензуры люди искренне стали приветствовать публикации по самым животрепещущим, злободневным темам современности и недавнего прошлого, читать их с жаром, верить им, сопереживать. Но после того, как в сочидном журнале «Знамя» появилась «документальная» повесть А. Жигулина «Черные камни», мое отношение ко всему, появляющемуся в печати под сенсационными заголовками, стало весьма критическим и осторожным. Если такая ложь, фальсификация, извращение фактов бесстыдно публикуются (не боясь разоблачения живых свидетелей), то что может скрываться за другими публикациями, где и свидетелей уже нет, и документы исчезли? Какой простор для авантюристов от пера, конъюнктурщиков и проходимцев, желающих поживиться «на горячих темах» гласности.

На моих глазах началась дружба и литературная близость Жигулина с Лутковым. Лутков помогал Жигулину чем мог, а тот клялся ему в верной дружбе. До какой же деградации может скатиться человек, если Жигулин, берясь за перо и начиная писать «документальную» повесть, сознательно продал, предал (по чьей-то подсказке?) в интересах дешевой сенсации, «остроты сюжета» своего друга Луткова (по повести — Чижова), представив его «предателем», да так, что его все сразу узнали.

А. Жигулин совершил предательство по отношению ко всем членам организации, искренним, честным ребятам, которые были патриотами и от всего сердца хотели помочь своей Родине и народу. Он их всех представил как банду полупьяных, обвешанных оружием экстремистов и заговорщиков. Все светлое, чистое, что у нас было, А. Жигулин облил грязью.

Мне больно писать эти строки. У нас была удивительная молодость, было пылкое юношеское желание помочь Родине, были замечательные ребята и девчата, которых не сломили лагеря, и во имя этого надо сказать Правду, какой бы ценой ни пришлось заплатить за нее.

Л. С. СЫЧЕВ,
бывший член руководства КПМ,
ветеран труда,
г. Воронеж

КТО ЖЕ ЗАНИМАЕТСЯ ПОДЛОГАМИ?

(ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО А. В. ЖИГУЛИНУ)

Я обращаюсь к Вам, «последний поэт сталинской Колымы», как Вы себя называете в печати, с ответным открытым письмом. В повести «Черные камни» Вы превратили трагическую судьбу бывших друзей в детективную историю своих камерных и запроволочных «подвигов», приукрашенных медовым месяцем, проведенным с немецкой девушкой, подарившей Вам дочь, которой тут же дали фамилию Жигулина-Раевская... Как это чудо могло произойти? Ведь Вы второй части фамилии никогда не удостаивались! Вы ее употребили, чтобы быть «подекабристее». И КПМ была не такой, какой Вы ее нарисовали. Под Вашим пером члены этой организации напоминают боевиков современных южных республик.

А чего стоит сцена в Вашей повести, когда... приняв ощутимую дозу сорокаградусной и закусив солеными огурчиками и капустой, привезенными из голодающего села, Вы под углом в 45° расстреливаете портрет ненавистного генералиссимуса? Не было пальбы, товарищ террорист, в квартиро Киселева. Не было! Даже опричники из тогдашнего МГБ были вынуждены подшить к делу акт судебной экспертизы, опровергающий расстрел «солнцеликого» портрета.

И из лагеря Вы не бежали, Жигулин. Вы бежали, сломя голову, из КПМ за девять с половиной месяцев до ареста. Вот как Вы об этом поведали следователю на первом же допросе 17 сентября 1949 года. Этот фрагмент протокола цитирую по очерку В. Кондакова и А. Пятунина, опубликованному в сборнике публицистики «1937-й и другие годы», изданному в Центрально-Черноземном издательстве в 1990 году.

Здесь очень хорошо видно, каким «истязаниям», каким карцерным «мукам» подвергся участник «антисталинского» сопротивления:

«Вопрос: С какого года Вы состоите в членах ВЛКСМ?
Ответ: В рядах ВЛКСМ я состою с 1945 года.
Вопрос: В каких организациях Вы еще состоите?

Ответ: Я чувствую, о чем идет речь. Но хочу я скрывать от следствия то обстоятельство, которое у меня было в секрете. Я в прошлом состоял в одной из подпольных молодежных организаций.

Вопрос: Как называлась эта организация?

Ответ: Эта организации называлась «Коммунистическая партия молодежи».

Вопрос: Какую работу ведет организация КПМ в данное время?

Ответ: В конце января 1949 года я вышел из организации КПМ с другими своими товарищами. Мы убедились в том, что наша затея в создании партии под названием КПМ является вредной».

В повести «Черные камни» Вы сообщали своим изумленным читателям, что Чижов (то есть я) должен был выполнить договоренность между руководителями КПМ перед арестом: назвать на возможных допросах 12—13 примелькавшихся человек. И спасти остальных. Но Чижов клятвы якобы не сдержал. Опубликованные документы в газете «Советская Россия», в журнале «Молодая гвардия», в сборнике публицистики «1937-й и другие годы» четко говорят: Геннадий Лутков на допросах назвал 12 человек. А вот Вы, Анатолий Владимирович, 24. Но почему-то Вы провозглашаете себя... героем, а меня... предателем. Забавная арифметика, не правда ли?

Вы поставили под сомнение и ответ Воронежского Управления КГБ на официальный запрос писателей, задав в «Литературной газете» от 15.05.91 г. вопрос зам. начальника Управления КГБ А. Никифорову: «Вы пишете, что изучали, смотрели следственное дело. Плохо смотрели. Иначе по протоколам очных ставок сразу бы увидели, как на нас давил Лутков, как выдавал своих товарищей. Только из группы Николая Стародубцева он выдал более десяти человек». Не было у меня с Вами очных ставок, Жигулин. А Николай Стародубцев был и остался моим другом. Перед смертью, последовавшей 8 марта 1991 года, он передал мне записку. Под его диктовку — рука уже плохо слушалась — ее написала родная сестра Евдокия Стародубцева, тоже член КПМ, а подпись сделал сам Николай. Вот что сказано в ней: «Геннадию Луткову. Я и ребята упрекали А. Жигулина за то, что он навел на тебя напраслину в повести «Черные камни».

Геннадий ЛУТКОВ,
г. Воронеж

Российский календарь

МЕСЯЦ ДЕКАБРЬ

1

1754: правительством разрешено вывозить за границу все товары, исключая «заповедные». Распоряжение оставалось в силе меньше месяца, 11 декабря действие этого указа было приостановлено.

2

1065: преподобного Варлаама, игумена Печерского. Первый игумен по назначению преподобного Антония, сын киевского воеводы Яна Вышатича. Два раза ездил в Грецию и Иерусалим, чтобы ознакомиться с монастырскими уставами и ради церковных дел.

1711: родился Михаил Васильевич Ломоносов.

1825: официальная кончина императора Александра I в Таганроге.

1863: иконы Божией Матери, именуемой «В скорбех и печалех Утешение».

3

1864: приняты Судебные уставы. Письменный суд заменен устным, гласным. Каждый желающий мог приходить в суд и слушать, как ведется дело. Суд стал равным для всех. Дела о наиболее важных преступлениях поручались суду присяжных, то есть 12 выборным по жребию из местных обывателей из всех сословий. Для важных дел существовали окружные суды. Высшей, третьей инстанцией был Сенат. Для дел менее важных учрежден мировой суд.

4

Введение во храм Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии до Рождества Христова за 12 лет. Родители Марии в благодарность Богу, услышавшему их молитвы и даровавшему им дочь, решили посвятить ее Всевышнему. В трехлетнем возрасте ее отвели для воспитания в Иерусалимский храм, где она отныне упражнялась в молитве и труде. Суть праздника еще и в том, что в детях надобно воспитывать любовь к Богу с самого раннего возраста.

5

1318: благоверного князя Михаила Тверского.

1821: в маленьком еврейском местечке Винницкого уезда Подольской губернии родился Николай Алексеевич Некрасов.

6

1263: св. благоверного князя Александра Невского, в схиме Алексия, победителя иноплеменных и хранителя Святой Руси.

1842: по настоянию министра государственных имуществ графа Киселева состоялся Высочайший указ об учреждении сельских приходских училищ в казенных селениях (а в 1847 году положено было начало женским училищам. В 1855 году в ведомстве государственных имуществ числилось 2434 училища с 170 194 учащимися).

7
Св. великомученицы Екатерины (305—313).
1238: св. мученика Меркурия Смоленского.
1918: декрет Совнаркома РСФСР о признании независимости Эстляндии.

8
Праздник Михайловского артиллерийского училища.
1741: восхождение на престол императрицы Елизаветы Петровны, второй дочери Петра I и Екатерины I, родившейся 2 декабря 1709 года в селе Коломенском в тот самый день, когда отец торжественно вступал в Кремль после Полтавской победы.
1813: родился Геннадий Иванович Невельской, знаменитый русский адмирал.

9
Великомученика Воина Георгия Победоносца, хранителя первопрестольного града московского и покровителя русских патриотов, верных Богу, Царю и России.
1731: преставление св. Иннокентия, первого епископа Иркутского с 1727 года. Знаменитый проповедник, основатель училища китайского и монгольского языков в Вознесенском монастыре Иркутска.

10
Иконы Божией Матери, именуемой «Знамение».

11
1920: первый список расстрелянных в «Известиях временного севастопольского ревкома»: 1634 человека, из них 278 женщин. В одном Севастополе расстреляно за неделю до 8000 человек.

13
62: св. славного и всехвального апостола Андрея Первозванного. Гора в Киеве, на которой, по преданию, остановился на отдых апостол Андрей и крест водрузил в предзнаменование имеющей воссиять там веры Христовой, именуется Вздыхальница. На том месте поставлена церковь Воздвижения честного креста.
1920: официально вводится институт заложников. Таковыми объявлены все заключенные в тюрьмах представители различных политических групп.

16
1406: преподобного Саввы Звенигородского, основателя Рождество-Богородицкого (Саввино-Сторожевского) монастыря в Звенигородском уезде Московской губернии, любимого монастыря царя Алексея Михайловича. Разорен монастырь в 1812 году. Восстановлен.

17
1535: кончина великого князя московского и всея Руси Василия Ивановича III.

18
1583: кончина во Львове Ивана Федорова, русского первопечатника. Похоронен во львовском Онуфриевском монастыре.
1918: декреты Совнаркома о признании независимости Латвии и Литвы, подписаны Лениным и В. Бонч-Бруевичем.

21
1879: родился И. В. Сталин.

29
1702: указ об издании в Москве первой русской газеты (первый номер «Ведомостей» вышел 2 января 1703 года в количестве 100 экземпляров, состоял из 4 страничек по 27 строк в каждой и был отпечатан славянскими буквами).

31
1708: указом повелено было для всенародной пользы учинить 8 губерний и к ним расписать города. Губернии были намечены следующие: Московская (38 городов), Архангельская (20), Ингерманландская (29), Киевская (56), Смоленская (17), Казанская (71), Азовская (25) и Сибирская (30). Впоследствии Петр увеличил число губерний на 2, образовав Рижскую, Астраханскую и Нижегородскую, а Смоленскую приписав Рижской.
1825: вступление на престол Николая I (после междуцарствия с 27 ноября).
1917: постановление Совнаркома о признании независимости Финляндской Республики. Подписано Лениным и наркомами: Петровским, Штейнбергом, Карелиным, Троцким, Сталиным, Шлихтером.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ СВЯТИТЕЛЯМ И ПРОПОВЕДНИКАМ, МУЧЕНИКАМ И СОЗИДАТЕЛЯМ ДЕРЖАВЫ РОССИЙСКОЙ!
ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ И ВЕЧНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ ВЕЧНОЙ РОССИИ!
ДА ПОСРАМЯТСЯ ВРАГИ ЕЕ И НЫНЕ, И В ГРЯДУЩЕМ!

Составил Игорь ДЬЯКОВ

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» ЗА 1991 ГОД

● ПРОЗА

● ПОЭЗИЯ

● ТРИБУНА ПУБЛИЦИСТА

● ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

● ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

● НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

● ИРОНИЧЕСКИМ ПЕРОМ

ИНТЕРВЬЮ

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ИСКУССТВО

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЕЙ

Слово об Отечестве

Реплика на реплику

Два письма на одну тему

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

В связи с переходом на хозрасчет редакция не имеет возможности вести переписку с корреспондентами журнала в прежнем объеме и информирует своих читателей о том, что наиболее интересные письма будут публиковаться столь же широко, как и ныне, но без предварительного уведомления адресата.

Дискуссионная трибуна открыта для всех без исключения! «МГ» постарается учесть в своей работе самый широкий спектр ваших мнений и предложений! От вашего участия зависит популярность и актуальность «Молодой гвардии»!

Редакция не обязательно разделяет точку зрения авторов. Авторы несут ответственность за точность представляемой информации.

Материалы объемом до 2 печатных листов, а также фотографии, рисунки не рецензируются и не возвращаются. Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

На первой странице обложки:
Коллаж художников Г. Орлова и И. Андреевой «СССР».

На второй странице обложки:
Портрет Николая Михайловича Карамзина работы художника С. Трофимова.
К 225-летию со дня рождения писателя.

На четвертой странице обложки:
Этюд художника В. Хапугина «Холодная зима».
Очерк о художнике «Пейзажи монументалиста» напечатан в «Товарище».

Художественный редактор Ю. Киселев

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 14.10.91. Подп. в печ. 20.11.91.
Формат 84×108 1/32. Бумага кн.-журнальная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 20,8.
Тираж 410 000 экз. Заказ 2205. Цена 3 руб. (по подписке 1 руб. 25 коп.)

Типография акционерного общества
«Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть поставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Союзпечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовке издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Союзпечати».

Уважаемые товарищи! Абонементный бланк, оборотную сторону которого вы видите перед собой, облегчит вам подписку на наш журнал. **Подписка производится во всех почтовых отделениях и учреждениях «Союзпечати» без ограничения**, но не забудьте ее оформить до первого числа предподписного месяца. В розничную продажу журнал практически не поступает. Подписная цена в 1992 году на «Молодую гвардию» на год — 24 руб., на полугодие — 12 руб., на три месяца — 6 руб., на один месяц — 2 руб.

Подписываясь на журнал «Молодая гвардия», вы поддерживаете возрождение Отечества!

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на ~~газету~~ журнал | 70544 |
(индекс издания)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
(наименование издания)

Количество комплектов:

на 19 ____ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда
(почтовый индекс) (адрес)

Кому
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ | место | ли-тер

на ~~газету~~ журнал | 70544 |
(индекс издания)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
(наименование издания)

Стои-мость	подписки	____ руб. ____ коп.	Количество комплек-тов:
	пере-адресовки	____ руб. ____ коп.	

на 19 ____ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда
(почтовый индекс) (адрес)

Кому
(фамилия, инициалы)

